

**РОССИЯ
ПОЛЬША
ГЕРМАНИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
ЕВРОПЕЙСКОГО ЕДИНСТВА
В ИДЕОЛОГИИ, ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ**

Издательство «Индрик»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ РОССИИ И ПОЛЬШИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ГЕРМАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ РОССИИ И ПОЛЬШИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ГЕРМАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**РОССИЯ
ПОЛЬША
ГЕРМАНИЯ:**
**история и современность
европейского единства
в идеологии, политике и культуре**

МОСКВА «ИНДРИК» 2009

УДК 94 (4)
ББК 63.3 (0)
Р 76

Программа фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям»

Издание осуществляется при финансовом содействии
Германского исторического института в Москве

Редколлегия:

*член-корреспондент РАН Б.Н. Флоря (отв. редактор),
Бернд Бонвеч, Ю.Е. Ивонин, Л.П. Марней, Б.В. Носов*

Составитель:

д.и.н. Б.В. Носов

Рецензенты:

*доцент, к.и.н. В.И. Кузнецов
к.и.н. В.В. Волобуев*

**Россия, Польша, Германия:
история и современность европейского единства
в идеологии, политике и культуре. – М.: Индрик,
2009. – 368 с.**

Коллективный труд ученых-историков Германии, Литвы, Польши, России посвящен анализу обширного круга вопросов исторического взаимодействия народов России, Польши, Германии в Новое и Новейшее время в широком общеевропейском политическом и культурном контексте. В статьях публикуются материалы одноименной международной научной конференции, состоявшейся в Пскове в сентябре 2007 г. В центре внимания авторов – проблемы формирования и взаимодействия исторических регионов в Центральной и Восточной Европе, осознания народами России, Польши, Германии культурной и национальной идентичности и принадлежности к европейскому политическому сообществу народов и общему культурному пространству.

ISBN 978-5-91674-058-5

© Коллектив авторов, Текст, 2009
© Издательство «Индрик», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Хайнц Духхард (Майнц)</i> Дискуссия о Европе в Германии, Польше и России на исходе XIX в.	14
<i>Б.Н. Флоря (Москва)</i> Россия и европейская система международных отношений (конец XV – вторая половина XVII в.)	23
<i>Б.Н. Харлашов (Псков)</i> О формировании южного рубежа Псковской земли (по источникам XVI–XVII вв.)	32
<i>Альмут Бюес (Варшава–Берлин)</i> Описание областей между Польшей и Московией в Записках Мартина Груневега	39
<i>Войцех Кригзайзен (Варшава)</i> Межконфессиональные отношения в Польско-Литовском государстве в раннее Новое время. Православие и другие христианские вероисповедания в начале эпохи конфессионализации	59
<i>В.А. Аракчеев, А.А. Селин (Псков)</i> Русско-польские отношения на северо-западной границе России на исходе Смуты и перемирие 1617 г.	70
<i>К.А. Кочегаров (Москва)</i> Князя Огинские и сношения православных Великого княжества Литовского с Россией в 80-е гг. XVII в.	82
<i>Уршула Аугустыняк (Варшава)</i> Польско-русские отношения в политической публицистике Речи Посполитой XVI–XVII вв. К вопросу о генезисе стереотипа	120
<i>Л.И. Ивонина (Смоленск)</i> Пруссия и Россия в европейских войнах первой четверти XVIII в.	139
<i>Зофья Зелиньска (Варшава)</i> Позиция Петербурга в отношении планов реформ государственного устройства Речи Посполитой в 1738–1744 гг. ..	148
<i>Ю.Е. Ивонин (Смоленск)</i> «Второе ниспровержение альянсов» и разделы Польши ...	160

<i>О.С. Каштанова (Москва)</i>	
Выход Речи Посполитой из сферы российского влияния и альтернатива польско-прусского сближения в первые месяцы работы Четырехлетнего сейма (октябрь 1788 – январь 1789 г.)	174
<i>Войцех Кригзайзен (Варшава)</i>	
Рассуждения Екатерины II об истории Древней Руси. К вопросу о замысле второго раздела Речи Посполитой ...	195
<i>Рамуне Шмигельските-Стукене (Вильнюс)</i>	
Публикация документов, относящихся к разделам Речи Посполитой, в сборниках международных документов XVIII–XX вв.	211
<i>Б.В. Носов (Москва)</i>	
«Упадок Речи Посполитой» и разделы Польши в общественной и исторической мысли европейских стран XVIII – начала XIX вв.	231
<i>Хайнц Шиллинг (Берлин)</i>	
Визуализация власти в системе государств раннего Нового времени (на примере Швеции).....	252
<i>Дайва Нарбутене (Вильнюс)</i>	
Обмен культурными ценностями в Европе в XV–XVIII вв.: книговедческий аспект.....	264
<i>К.Б. Жучков (Псков)</i>	
Внешнеполитическое самоопределение Пруссии в декабре 1812 – январе 1813 гг.	276
<i>Л.П. Марней (Москва)</i>	
Проекты экономического объединения Европы в первой трети XIX в.	288
<i>С.М. Фалькович (Москва)</i>	
Польский вопрос во взаимоотношениях России, Австрии и Пруссии накануне и в период восстания 1830–1831 гг. в Королевстве Польском.	299
<i>А.М. Орехов (Москва)</i>	
Из истории экономических отношений СССР и ПНР («угольная проблема» 1946–1957 гг.)	336
<i>Н.А. Лобанов (Москва)</i>	
Эволюция внешней политики ФРГ (1949–1968 гг.)	349
Сведения об авторах	362

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале XXI в. взаимоотношения Германии, Польши и России сохраняют принципиальное значение для развития международных отношений в Европе для всестороннего экономического, политического и культурного сотрудничества на континенте, для осознания народами наших стран современных форм европейской идентичности. Поэтому эти отношения привлекают пристальное внимание европейской общественности. За последние десятилетия существенно изменился облик Европы, отразив стремление народов идти по пути поиска коллективных, совместных форм экономического развития, социального и культурного прогресса. Однако строительство общеевропейского дома связано не только с достижениями. Создание единой Европы, развитие отношений как внутри Европейского союза, так и стран объединенной Европы с соседями породили также немало сложных проблем. Обусловившие их причины вызваны не только современным процессом глобализации. Многие из них уходят корнями в историческое прошлое. История взаимоотношений Германии, Польши и России становится подчас предметом острых политических и публицистических дискуссий, которые нередко осложняют как отношения между этими странами, так и их отношения с соседями. Следует подчеркнуть, что прошлое, исторический опыт наших народов оказывает глубокое воздействие на характер политических и культурных процессов сегодняшнего дня. Причем многогранные отношения между нашими странами оказывают существенное влияние на политический климат и культурный облик Европы в целом.

Неразрывная связь истории и современности была в центре внимания участников международной научной конференции «Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре» (Псков, 17–19 сентября 2007 г.). Ее организаторами выступили Российская академия наук, Комиссия историков России и Польши, Институт славяноведения РАН, Германский исторический институт (Москва), Псковский

государственный педагогический университет, Смоленский государственный университет, АНО «Псковский археологический центр», Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Председатель оргкомитета конференции – один из выдающихся историков России, получивший признание за рубежом – член-корреспондент РАН, профессор Борис Николаевич Флоря (Институт славяноведения РАН). Конференция проводилась с участием и при организационной и финансовой поддержке Германского исторического института (Москва) и Фонда им. Фридриха Эберта.

Символично, что названная конференция, посвященная России, Польше и Германии, вслед за конференциями в Москве (1994) и в Смоленске (2001), где проводились предыдущие конференции в рамках этой научной программы, состоялась ныне в Пскове. История Пскова – одного из древнейших русских городов – весьма тесно связана с историей наших соседей. Будучи форпостом на северо-западе России, Псков и Псковская земля внесли не только значительный вклад в защиту отечества. Не меньшая роль была отведена Пскову в развитии экономических и культурных связей России с соседними странами, в том числе с Германией, странами Прибалтики, с Литвой и Польшей. Эта историческая традиция продолжается псковичами и сегодня. Псков по праву считается одним из крупных научных центров России, в котором успешно развиваются многие передовые научные направления и школы.

На конференции выступили с докладами и приняли участие в дискуссии ученые из Германии, Литвы, Польши, России, представители Германского исторического института в Москве и Фонда им. Фридриха Эберта в России. Среди российских участников были ученые из Москвы и Смоленска. Наиболее широко были представлены ученые из различных научных учреждений Пскова, наряду с которыми в конференции участвовали представители администрации и общественности города. На открытии к участникам и гостям конференции с приветствиями обратились: мэр города Пскова М.Я. Хоронен, ректор Псковского государственного педагогического университета профессор В.Н. Лещиков, проректор ПГПУ по научной работе А.В. Истомина. С приветствиями выступили также профессора Б.Н. Флоря, С. Былина, Х. Духхардт, представитель Германского исторического института А.В. Доронин и представитель Фонда им. Фридриха Эберта Мария Унрау. В приветствии мэра Пскова, в частности, говорилось: «По нашему убеждению конференция внесет существенный вклад в развитие научных исследований по истории России, Польши, Германии, по проблемам европейского единства и

роли наших стран в развитии современной Европы. Она послужит сотрудничеству академической науки и высшей школы, диалогу общности, взаимопониманию между народами Европы».

На конференции был заслушан доклад видного общественного деятеля Пскова, в прошлом возглавлявшего администрацию города, – *И.Е. Калинина (Псков)* о связях Пскова с городами-побратимами. Еще в 1970-е гг. автор стоял у истоков движения породненных городов, и сейчас он отдает ему все силы и энергию. Город Псков установил отношения с 17 городами-побратимами в Европе, в том числе 2 города – в Германии и один – в Польше. В докладе были всесторонне освещены их многообразные связи, на первом месте среди которых культура и торговля. Подчеркивая значение народной дипломатии, автор констатировал: «Политики устанавливают границы, а народы стремятся к сотрудничеству».

В дальнейшем в центре внимания участников была проблема формирования и взаимодействия исторических регионов в Центральной и Восточной Европе, роль в этом процессе России, Польши и Германии, а также Литвы и Прибалтики. В докладах были рассмотрены вопросы экономического и культурного взаимодействия регионов и их пограничных областей, формирования здесь этнической, территориальной и национальной идентичности. Говоря в связи с этим о средневековой Польше, *С. Былина (Варшава)* отметил два направления ее культурного развития, с одной стороны, ориентированного на запад, а с другой – на восток. Особо докладчик остановился на роли Чехии во взаимодействии Востока и Запада в Центральной Европе. В докладе и в развернувшейся дискуссии широко обсуждался вопрос о типологических и культурологических параллелях в культурной структуре регионов, о континуитете их культурного развития и формах их культурного взаимодействия в Новое и новейшее время. Проблема цивилизационной роли этнического и культурного пограничья Германии, Польши и России в XVI–XVII вв. была рассмотрена в докладе *А. Буэс (Германия)* на примере сочинения Мартина Груневега, в описании путешествия которого нашли отражение культурные и политические реалии Польши, России и других областей Восточной Европы, включая и причерноморские владения Оттоманской империи. Примечательно, что и в этом докладе исследуемые вопросы не были ограничены узкими региональными рамками, а прозвучали в широком европейском контексте.

Значение исследований регионального пограничья нашло отражение в докладах псковских ученых *Е.В. Салминой, Б.Н. Харлашова, Н.В. Большаковой* с соавторами. В них получили разностороннее освещение связи Псковской земли с соседями: с германскими областями

в Прибалтике, с Литвой, со странами Западной Европы со времени Средневековья и до XIX в. включительно. Эти связи были прослежены в докладах на уровне как отдельных, так и систематических культурных контактов и связей, на уровне торговых взаимоотношений, на уровне типологии территориальных и административных структур, а также на уровне непосредственного этнокультурного взаимодействия. Сложность исследовательских задач обусловила обращение авторов, наряду с традиционными письменными источниками, к иным видам исторических источников: от широкого применения данных археологии до изучения этнологического материала.

Особо следует отметить доклад *Б.Н. Флори (Москва)*, посвященный России в системе европейских международных отношений XVI–XVII вв. Как отметил докладчик, одним из критериев принадлежности России к Европе является участие России в европейской политике. В докладе главное внимание было уделено эпохе вступления России на европейскую политическую арену и роли в этом Польши и Германии.

Проблемам международной политики было посвящено заседание секции «Политические противоречия и императивы европейской общности». В центре дискуссии на нем оказались вопросы о месте России, Польши и Германии в политической жизни Европы XVII–XIX вв., когда войны и конфликты были практически единственной формой политического взаимодействия государств. Однако в докладах и в дискуссии главным стал тезис о единстве европейского политического пространства, которое определялось отнюдь не только общностью территории и обусловленным географическим положением вынужденным соседством, но общностью политической, военной и дипломатической культуры европейских стран и народов. Одной из форм такой общности стала, например, эпоха Просвещения. Во-вторых, было рассмотрено зарождение и развитие идеи поддержания европейского равновесия и европейского мира. Наконец, существенное значение принадлежало тезису о единстве и многообразии политических форм европейских государств и общих фундаментальных чертах процесса их политической модернизации.

Заседание секции «Взаимодействие культур – фундамент европейской идентичности» было посвящено роли России, Польши, Германии в процессах культурного обмена в Европе. Интереснейший материал в этом отношении был представлен в докладах *З.А. Тимошенковой, Л.А. Костючук (Псков)*. В центре их внимания находились культурные связи русской провинции, рассмотренные на примере Псковской земли и Северо-Запада России. Такая постановка вопроса имеет особое значение, поскольку традиционно

международные связи в области культуры изучаются на примере наиболее передовых столичных центров. Аналогичные процессы в провинции имеют свои существенные особенности. Авторы докладов проанализировали культурные связи с зарубежными странами на уровне человеческих контактов, изучая переселение иностранцев в северо-западные области России во второй половине XVII в. Было исследовано также взаимодействие русского и немецкого языков, что, в частности, нашло отражение в русско-немецких разговорниках, зафиксировавших элементы псковской народной речи. Международные культурные связи в Центральной и Восточной Европе на примерах архитектуры и изобразительного искусства были рассмотрены в докладе *Т.В. Круловой (Псков)*. Книговедческий аспект европейского культурного обмена был исследован в докладе *Д. Нарбутене (Вильнюс)*. Развитие всесторонних культурных связей народов Европы приобрело в первой трети XIX в. новое качество. Как показала *Л.П. Марней (Москва)*, в это время осознание европейской идентичности связывается в общественной мысли уже не только с областью политики и культуры, а находит выражение в проектах экономического объединения Европы.

Центральное место в работе конференции принадлежало также проблеме, связанным с осознанием народами России, Польши, Германии культурной и национальной идентичности, с одной стороны, и идентичности как формы принадлежности к европейскому сообществу – с другой. Особое значение в развернувшейся дискуссии имели доклады *Х. Духхардта (Майнц)* «Дискуссия о Европе в Германии, Польше и России на исходе XIX в.», *А.В. Доронина (Москва)* «Россия, Польша, Германия в поисках национальной идентичности» и *У. Аугустыняк (Варшава)* «Польско-русские отношения в политической публицистике Речи Посполитой XVI–XVII вв. К вопросу о генезисе стереотипа». *У. Аугустыняк* поставила три фундаментальные проблемы: во-первых, о роли стереотипа в восприятии народами соседних государств друг друга для формирования представления о европейской общности, во-вторых, об исторически обусловленной диалектике сотрудничества и противостояния во взаимоотношениях Польши и России и, в-третьих, о формах осознания в обществе указанной антиномии. В докладе *А.В. Доронина* были проанализированы критерии (в их историческом развитии) формирования наций. Автор выдвинул тезис о решающей роли в этом исторического сознания и самосознания народа. С точки зрения общности исторического прошлого он рассматривал становление наций в России, Польше и Германии и осознание формирования и эволюции национальной идентичности в европейской общественной мысли. По его мнению,

выдвинутый тезис позволяет преодолеть противоречие между критериями этнической общности и государственной принадлежности. *Х. Духхардт* говорил о проблемах теоретического осмысления европейского единства на рубеже XIX и XX вв., когда строительство единой Европы становится постепенно политическим императивом на исходе Нового времени. Он отметил, что Россия, Польша и Германия представляли собой как бы три типа отношения к европейской общности. Российская империя была обращена в себя и в этом смысле была отделена от Европы. Польша на пути европеизации стремилась к национальному возрождению. Германия развивала идеи европейской общности как форму обоснования своего лидерства среди европейских государств.

Общность европейских народов и их самосознание тесно связаны с проблемами конфессиональной идентичности, с тремя важнейшими направлениями современного христианства. Эти вопросы также нашли отражение в докладах *В. Кригзайзена (Варшава)*, *В.Б. Лебедева (Псков)*. Авторы уделили главное внимание проблеме исторического развития принципов веротерпимости и свободы совести как одного из фундаментальных элементов европейской общности. Другим таким элементом европейской идентичности является примат права во взаимоотношениях личности, общества и государства. О его воплощении в германском конституционном законодательстве XIX в. говорилось в докладе *Т.Г. Хришкевич (Псков)*. Проблема соотношения категорий исторической справедливости и международного права как элементов европейского политического сознания и практики международных отношений была поставлена в докладе *Р. Шмигельските-Стукене (Вильнюс)* в связи с историей публикации документов о разделах Речи Посполитой с конца XVIII в. до наших дней.

Завершил работу конференции «Круглый стол» на тему: «Псковская земля – общественно-политические и социокультурные проблемы становления гражданского общества», состоявшийся 19 сентября в Изборске. В ходе дискуссии были рассмотрены вопросы социального развития передовых и депрессивных регионов в России, Польше и Германии, проблемы культурного облика их населения, вопросы сохранения памятников истории и культуры. Особое внимание было уделено развитию в отстающих регионах системы общественных, негосударственных организаций.

В завершение конференции, обращаясь к ее участникам, заместитель мэра Пскова Н.И. Михайлов отметил: «Конференция была с исключительным интересом встречена научными кругами и общественностью Пскова. Ее научные итоги подведут ученые, которые,

как мне известно, ее уже высоко оценили. Я хотел бы отметить только, что конференция, несомненно, послужит укреплению взаимопонимания между народами наших стран, обогатит многосторонние культурные связи. Она имеет исключительное значение и для Пскова, для всей Псковской земли, ибо позволяет увидеть живую связь времен – величественное прошлое нашего города в единстве с его сегодняшними успехами и проблемами, с буднями и праздниками».

Сделанные на конференции доклады и выступления в дискуссии получили продолжение в ряде статей, также включенных в настоящий сборник. В частности, поставленные *В. Кригзайзеном* вопросы о взаимоотношениях трех основных направлений христианства (православия, католицизма и протестантизма) в Речи Посполитой были развиты в статье *К.А. Кочегарова (Москва)* о роли литовских магнатов в осуществлении связей православного населения Великого княжества Литовского с Россией в XVII в. Ключевые проблемы политических взаимоотношений Речи Посполитой и Российской империи в XVIII в. через призму их осмысления в общественном сознании и трактовки в историографии Германии, Польши и России получили также освещение в статьях *Зофьи Зелиньской (Варшава)*, *О.С. Каиштановой (Москва)*, *В. Кригзайзена*. Проблема общеевропейского культурного пространства, времени и условий его формирования, в частности, в связи с вопросом о путях движения и обмена культурными ценностями и памятниками культуры, который был поставлен на конференции в докладе *Д. Нарбутене (Вильнюс)*, была исследована также в статье *Хайнца Шиллинга (Берлин)*. Важные вопросы исторических взаимосвязей Германии, Польши и России новейшего времени, эпохи противостояния Востока и Запада после Второй мировой войны, в преддверии политики разрядки международной напряженности были исследованы в статьях *А.М. Орехова* и *Н.А. Лобанова (Москва)*.

В целом предлагаемый вниманию читателей коллективный труд ученых-историков Германии, Литвы, Польши, России посвящен анализу обширного круга вопросов исторического взаимодействия народов России, Польши, Германии в Новое и новейшее время в широком общеевропейском политическом и культурном контексте. Рассмотренные авторами многогранные проблемы, думается, будут способствовать осмыслению исторической общеевропейской перспективы регионов, стран и народов нашего континента.

Б.В. Носов

*Хайнц Духхардт
(Майнц)*

ДИСКУССИЯ О ЕВРОПЕ В ГЕРМАНИИ, ПОЛЬШЕ И РОССИИ НА ИСХОДЕ XIX В.

После многих более или менее плодотворных «попыток» прошедших десятилетий современная историческая наука нашла новую тенденцию развития исследований, одним из ключевых элементов понятийного аппарата которых является приставка «транс-», обозначающая выход за определенные ранее границы исследования явлений и процессов, или же расширительный перенос их содержания на некие смежные сферы и области, или же расширение значения применяемых определений и понятий. Образованные с помощью упомянутого префикса понятия не обязательно обозначают нечто совершенно новое, так как иные сферы исследований здесь прежде обозначались значительно проще: как «история отношений», «сравнительная история стран» или «международные отношения». «Транскультура», «трансиндивидуальность», «транснациональность» и другие возможные аналогичные понятия связаны между собой только в одном: их нельзя представить себе без компаративистского рассмотрения и такого методического подхода, который бы исключал обращение лишь к одному-единственному частному случаю. И надо сказать, что современное исследование Европы как комплексного и многостороннего феномена опирается на отмеченные методические принципы, по меньшей мере, косвенно.

Осознание необратимости процесса политической европеизации как формирования некоего транснационального целого способствует все больше и больше тому, чтобы заниматься генезисом, интенсивностью и нюансами дискуссии о Европе в истории. Со времени становления в 1950-е гг. данного направления исторического познания умножаются попытки разработки общих положений и принципов описания и осмысления европейской истории с точки зрения европейского целого. Повсюду в странах Европейского союза распространяются многочисленные издания на тему «европеизации» и «европейской общности». «Европа» находится «в центре внимания» – и не только непосредственная история европейской интеграции со времени основания в 1957 г. Европейского экономического

сообщества – но и многочисленные более ранние попытки и усилия устранить опасность войны, сохранить господствующее положение европейских великих держав перед лицом их новых соперников на международной арене в XIX и в начале XX в., сделать постоянным доминирование европейской культуры во всем мире.

В Институте европейской истории в Майнце уже давно была поставлена задача исследования европейских основ в смысле изучения принципов Европы как исторической общности. В последние годы в Институте завершены два больших исследовательских проекта, результатом которых в каждом отдельном случае стали трехтомные публикации. О них и пойдет речь далее. Один проект посвящен дискуссии о Европе в центре континента, то есть в регионе Центральной Европы – понятию в широком смысле, то есть включая Польшу и Венгрию ¹. Второй труд посвящен отражению тематики Европы в европейской историографии периода до начала политических процессов европеизации ². В обоих случаях три государства-эксперта, находящиеся в центре внимания авторов предлагаемой вниманию читателей публикации и вынесенных в ее заглавие – Россия, Польша и Германия, – должны сравниться друг с другом в компаративистском плане. Временем исследования избран период последних десятилетий завершавшегося XIX в. и до Первой мировой войны.

В связи с событиями в Германии (со времени ее объединения и провозглашения Германской империи во главе с Гогенцоллернами) до некоторой степени поражает то, что в эти десятилетия (эру Бисмарка и Вильгельма II), которые обычно связывают с наивысшим подъемом германского национализма, мотив Европы в политической мысли и в исторической науке Германии занимал твердые позиции или, точнее, сохранял прочное место. Научным работам в транснациональных категориях – европейская история или же всемирная история – неизменно принадлежало видное место в немецкой историографии и исторической науке начиная с эпохи Просвещения. Укажем на труды таких авторов как Людвиг Тимотеус Шпиттлер и его «Проект истории европейских государств» ³, Арнольд Херман Людвиг Херен и его «Справочник истории европейской системы государств и их колоний» ⁴ или Фридрих фон Раумер и его восьмитомная «История Европы с конца XV в.» ⁵, не говоря уж об общеевропейском кругозоре Леопольда фон Ранке, хотя он не опубликовал ни одного труда, в заглавии которого были бы понятия «Европа», «европейское», и т. п. ⁶. Однако нельзя со всей уверенностью сказать, что после основания германского национального государства и при доминирующем влиянии Хайнриха фон Трейчке на немецкую историческую науку произошел некий бурный расцвет литературы «европейской» про-

блематики, хотя в то же время вполне можно было бы утверждать и обратное. Мы не вправе не воздать должное такому крупному научному предприятию, как опубликованная в рамках «Справочника средневековой и новой истории» многотомная серия истории европейской системы государств ⁷, автором которой был убежденный противник Бисмарка, не скрывавший своего скептицизма в отношении Пруссии – Константин Франтц ⁸. Его кредо – отказ от малого германского национального государства в пользу центральноевропейской федерации. Будучи в определенной мере маргиналом в германском научном сообществе, Франтц никогда не занимал кафедры профессора истории ни в одном из немецких университетов. Однако в 1840–1850-е гг. он выступил с такими книгами, как «Польша, Пруссия и Германия. К реорганизации Германии и Изучение европейского равновесия». Хотя эти труды отличала в первую очередь политическая актуальность, обусловленная конкретной исторической ситуацией, вместе с тем им был свойственен подлинный научный исторический подход. В 1880-е годы в своих научных трудах Франтц даже вышел за пределы Европы, особенно в своем трехтомном сочинении «Мировая политика с особым учетом Германии» ⁹. Конечно, приведенные примеры выдающихся трудов, авторы которых с энтузиазмом выступали в защиту единой Европы, нельзя рассматривать как выражение некоего европейского единства действий. Однако это были книги, в которых отразилось стремление исторически обосновать концепцию Центральной Европы и содержалось недвусмысленное утверждение о разделении Европы и России. Последний тезис имеет для нас немаловажное значение. Суть его состояла в том, что, с точки зрения упомянутых авторов, империя русских царей это особый мир. Их держава, подобно Соединенным Штатам Америки, слишком инородна, чтобы ее можно было тесно связывать и на долгое время соотносить с Западной Европой.

Аналогичный, хотя и прямо противоположный по направленности тезис присутствует и в русской историографии: Россия и Европа – это два мира, которые ничто не связывает друг с другом. Проиллюстрировать это можно на примере Н.Я. Данилевского ¹⁰, естествоиспытателя и специалиста по виноградной филлоксере, а также, если угодно, самоучки и дилетанта в области исторической науки и историографии. Его основной труд, о котором пойдет речь, – «Россия и Европа» – впервые опубликован в 1871 г., а вскоре, в период нарастания национализма в России, выдержал еще три издания. Свидетельством неубывающей популярности этой книги в России стал выход в свет уже в наши дни ее шестого издания. Вряд ли можно превзойти резкость, с которой Данилевский отрицает и оспаривает какую-либо принад-

лежность России к Европе, причем отправной точкой его историко-философской концепции была теория о совершенно специфических типах культуры. Это позволяло ему утверждать, будто бы тогда, во второй половине XIX в., еще доминирующие германо-романские типы культуры движутся к упадку и в обозримом будущем должны будут уступить место новому, развивающемуся типу культуры славянства.

Данилевский, будучи в профессиональном отношении человеком, абсолютно чуждым кругу ученых-гуманитариев, оказался в эпицентре дискуссий в русской исторической науке и в общественной мысли на исходе XIX в. Для большинства наиболее влиятельных течений в русской общественной мысли и в исторической науке того времени Европа не являлась предметом рефлексии. Пожалуй, Европа служила фоном, подтверждавшим историческое своеобразие России и ее непринадлежность к миру Запада.

Возможно, больше смысла имела бы аргументация европейского решения национальных проблем в польской историографии конца XIX в., которая могла бы таким путем исторически легитимировать претензии поляков на расширение автономии или даже на восстановление независимости. Однако – насколько нам известно¹¹ – польская историческая наука не пошла все же этим путем. Как представляется, Оскар Халецкий был первым польским историком, который серьезно задумался об опыте и действиях Европы¹² – и это произошло лишь в 1930-е гг., то есть значительно позже обретения Польшей самостоятельности и восстановления польского государства после Первой мировой войны.

В Польше в конце XIX и в начале XX в. тема Европы была особенно популярна в области политической публицистики (в отличие от исторической науки). Правда, среди польских публицистов сформировалось весьма специфическое, не сравнимое ни с какими иными воззрениями представление о Европе. Непреложным для него было одно: надежда на обретение суверенитета Польши при помощи объединения Европы. Приведем лишь два примера. Некий анонимный автор, скрывавшийся под псевдонимом «Поляк», в опубликованном в Париже в 1871 г. сочинении обратился к русским интеллектуалам с призывом покончить с русско-польской враждой и совместно стремиться к созданию общеславянской империи, построенной по федеративному принципу¹³. Противоположный подход, также имевший в виду Россию, был представлен, в частности, философом Франтишеком Духиньским, который, будучи в эмиграции (также в Париже), призывал к общеевропейскому крестовому походу против России, в обоснование ссылаясь на культурные различия между русскими и европейцами. Итогом такого похода, по мнению

Духиньского, стало бы возникновение европейской федерации, в составе которой Польша вновь обрела бы свободу и, кроме того, будучи в составе упомянутой федерации, защиту от России¹⁴.

Наряду с этими двумя вариантами польской политической мысли – вместе с русским соседом создать славянскую конфедерацию или же поднять Европу против русского соседа – имелся и третий вариант, который, следует признать, оказался самым распространенным и плодотворным в смысле последователей. Например, он содержится в сочинении, опубликованном Каэтаном Выслоухом под псевдонимом в 1907 г.¹⁵, призывавшим к образованию литовско-польско-украинской федерации, то есть к восточно-центральноевропейскому союзу, который равным образом стал бы оборонительным по отношению ко всем соседним великим державам и смог бы, опираясь на собственный военный потенциал, гарантировать вооруженную защиту своей независимости и территориальной целостности. Из этого абстрактного представления о некоем региональном союзе, направленном против России и Германии, возникла в период между мировыми войнами одна из наиболее плодотворных для польской публицистики концепций так называемого «междуморья». Ее сторонники провозглашали намерение объединить общее пространство от Балтики до Черного моря в мощный политический блок, который стал бы своего рода «Третьей Европой» между великими державами и тем самым нейтрализовал их. Эта идея была привлекательна и с точки зрения политики поддержания мира и безопасности, в большинстве случаев она предполагала перспективу с течением времени способствовать всеобъемлющему мирному урегулированию в Европе.

В то время как в рассматриваемый период о русской публицистике, посвященной вопросам Европы и европеизма, до сих пор мало что можно было сказать из-за небольшого числа имевшихся работ, а из вовлеченных в сферу научных исследований укажем только на обширный труд социолога Якова Новикова, опубликованный на немецком языке в 1901 г. под названием «Федерация Европы»¹⁶, который кажется почти единственным, немецкая литература поражает своим обилием, несмотря на преобладавшую подчеркнута националистическую основную тенденцию века. Часто в «европейские» размышления вплетаются получившие распространение в то время идеи о запрете и предотвращении войн или по крайней мере о гуманизации способов и правил их ведения, соображения о придании межгосударственным отношениям новой правовой основы посредством кодификации международного права. В качестве примера сошлемся на весьма объемистое, в 500 страниц, сочинение юриста Ойгена Шлифа «Мир в Европе» 1892 г.¹⁷, которое позволяет составить представление

о характерной публицистической брошюре того времени. Ее автор, подчеркнуто основываясь на международном праве, утверждал, что в то время история достигла своего поворотного пункта, и задавался вопросом: возможно ли когда-либо в будущем устранить вечную готовность европейских народов к войне? Этого, по его мнению, можно было бы достигнуть созданием системы государств нового типа, из которой, однако, следовало бы исключить Турцию, бесспорно стоящую на другой ступени культуры. Что же касается России, рассуждал Шлиф, то здесь дело состояло в другом, потому что у нее по крайней мере имеются воля и способность сравняться с другими европейскими государствами. Лучше всего, считал он, «пацификация» европейской семьи государств могла бы осуществиться, если бы одно государство показало пример и публично заявило о сохранении мира; по состоянию вещей наилучшим было бы, если бы инициатива исходила от Германии. Все европейские государства, особенно Испания и Италия, имели бы повод присоединиться к такому заявлению и принять участие в создании новой, основанной на общей воле к сохранению мира системе государств. Все же, продолжал Шлиф, пока еще некоторые страны настроены в этом отношении скептически, так как иные из них, по-видимому, опасаются внутренних потрясений от такого публичного заявления. Такое заявление каждого государства и соответствующая просьба к тем, которые еще стояли в стороне, разумеется, должно быть минимально связано с практикой: с гарантией территориального статуса кво каждого члена и передачей всех международных споров европейскому суду, состоящему из всех не причастных к данному спору государств. Чтобы добиться соответствующих заявлений европейских держав, необходима настойчивая активизация общественного мнения: с помощью общественных организаций, выступающих в защиту мира, делегатов которых затем посылали бы на общеевропейские конгрессы сторонников мира.

Возможно, что по сравнению с другими современными памфлетами образ объединенной и избавленной от войн Европы представлен в сочинении Шлифа отнюдь не столь точно и существенно отличается от облика будущих «Соединенных Штатов Европы», но в нем особым образом отражена тесная связь между стремлением к миру, с одной стороны, и организацией государств – с другой. Связь эта, в случае ее реализации, в условиях гонки вооружений и балканских войн начала XX в. сделала бы Европу полосой безопасности в духе идей, высказанных на Гаагской конференции. Одновременно в труде Ойгена Шлифа прозвучали призыв к активизации общегерманской дискуссии о способах действий в защиту мира и открытая критика националистической политики собственного правительства, кото-

рая с неизбежностью вела к новой войне, а также показана альтернатива этой пагубной политике.

Лейтмотивом немецкой публицистики на тему объединения Европы была, безусловно, мысль, что создание европейской федерации послужит предотвращению войны. В то время еще не набрал силу другой мотив, ставший в дальнейшем столь важным: это объединение Европы для утверждения ее места по отношению к идущим вперед другим великим державам и регионам – США, азиатским государствам – в частности и с целью сохранения достигнутых европейскими странами ведущих позиций в области культуры, дабы добиться культурного первенства Европы в мире.

* * *

Сопоставление выдвинутых на исходе XIX и в начале XX в. в исторической науке и в общественной мысли Германии, Польши и России концепций Европы и европеизации как некоего целого, объединяющего европейские народы, позволяет сделать обобщение троякого свойства. Во-первых, в России «Европа» не являлась темой, рассматриваемой с точки зрения в смысле будущей европейской федерации. Судя по книге Я. Новикова, русские интеллектуалы, вероятно, настолько были поглощены внутренними проблемами. Для них тематика политической организации континента тогда еще не была предметом насущных раздумий, а свою принадлежность к Европе они ощущали лишь условно.

Во-вторых, Польша как составная часть Российской империи в ту эпоху, о которой идет речь, в своей историографии еще не могла в необходимой мере абстрагироваться от национальных требований и интересов и осознать посредством общего научно обоснованного европейского видения те перспективы, которые открывались перед ней вследствие осознания принадлежности Польши к другому миру, чем царская империя. Правда, как было признано, польские публицисты, не исключая и эмигрантов, поняли смысл собственного участия в европейском «концерте держав», чтобы содействовать своему еще не освободившемуся государству в обретении суверенитета. Если при этом они выражали неприязнь как к немцам, так и к русским, то это, по крайней мере, демонстрировало их надежду использовать Европу в своих интересах. К тому же им представлялось, что оказаться в выигрыше вследствие конфликта великих держав будет легче, чем достигнуть общеевропейского решения.

В-третьих, в немецкой историографии транснациональный европейский подход был традиционен со времени эпохи Просвещения,

и эта традиция продолжалась и в рассматриваемый период. Однако в немецком понимании «Европы» и европеизма главное состоит в том, что общественная мысль Германии на исходе XIX и в начале XX в., вопреки националистической эйфории – или даже благодаря ей – обращалась к европейской тематике и к идее союза европейских государств. Эта идея должна была послужить катализатором преодоления обострившегося до крайности и не сулившего ничего хорошего соперничества государств, а также воплотила всеобщее стремление к упорядочению и укреплению межгосударственных связей. Об активности политического мышления даже в то время, даже в условиях авторитарного правления, свидетельствует то, что в Германии брались за перо самые разные люди: священнослужители и пацифисты, юристы и историки, журналисты и лица неопределенного общественного положения. Все они стремились найти выход из порочного круга взаимной вражды и соперничества государств – гонки вооружений – войны – экономического и культурного упадка.

Отмеченные различия не означают никакой унаследованной культурной разобщенности или противоположности. В конечном счете, их следует рассматривать как проявление трех типов общества со свойственным им политическим мышлением. Во-первых, Россия, которая самодостаточна на своих просторах, все больше устремляет взоры на Восток, чтобы уравновесить процессы консолидации и экспансии, скорее, там, чем в напряженной зоне восточной части Центральной Европы. К тому же у нее свои внутренние и в высшей степени сложные проблемы со всеми федералистскими моделями организации, в сущности оставшиеся ею не осознанными и ей непонятными. Во-вторых, Польша, в которой в принципе идеи федерализма имеют давнюю традицию и которая все больше чувствует свою принадлежность к Западу, а не к Востоку, что видно из лозунга Польши как «оплота западной цивилизации» на Востоке¹⁸. Однако со времен разделов Речи Посполитой в XVIII в. она больше стремилась к восстановлению национального суверенитета и единства страны, чем к общеевропейской оптации. Наконец, Германия, где федеративная идея сама по себе наиболее тесно связана с представлением о правильно организованном государстве, как регион, который всегда наиболее сильно затрагивали европейские войны, выступает за объединение европейских государств, видя в нем силу, способную сохранить мир. Эта идея о причинной взаимосвязи мира, свободного от войн, и Европы и обусловила то, что после окончания Второй мировой войны именно Германия стала инициатором процесса европеизации.

Перевод с немецкого Натальи Богаевой

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Option Europa. Deutsche, polnische und ungarische Europapläne des 19. und 20. Jahrhunderte / Hrsg. von Włodzimierz Borodziej, Heinz Duchhardt, Małgorzata Morwicz, Ignác Romsics. 3 Bde. Göttingen, 2005.
- 2 Europa–Historiker. Ein biographisches Handbuch. / Hrsg. von Heinz Durchhardt, Małgorzata Morawicz, Wolfgang Schmale, Winfried Schulze. 3 Bde. Göttingen, 2006–2007.
- 3 Spittler L.T. Entwurf der Geschichte der Europäischen Staaten. Berlin, 1793.
- 4 Heeren A.H. Handbuch der Geschichte des Europäischen Staatensystems und seiner Colonien. Göttingen, 1809.
- 5 Raumer F. von. Geschichte Europas seit dem Ende des fünfzehnten Jahrhunderts. 8 Bände. Leipzig, 1832. Ср. эссе Малгожаты Моравец во 2 томе «Историков Европы» (Europa–Historiker).
- 6 Ср. эссе Эрнста Шулина в 1 томе «Историков Европы» (Europa–Historiker).
- 7 Опубликовано тома за 1492–1559 г. Эдуарда Фютера (1919 г.), Вальтера Плацхофа за 1559–1660 г. (1928 г.) и Макса Иммиха за 1660–1789 г. (1905 г.).
- 8 Ср. эссе Юргена Эльверта в I томе «Историков Европы».
- 9 Frantz C. Die Weltpolitik unter besonderer Bezugnahme auf Deutschland. 3 Bde. Chemnitz, 1882–1883.
- 10 Ср. эссе Ханса Хеккера во 2 томе «Историков Европы» (Europa–Historiker).
- 11 См., в частности, статью Ежи Центковского в кн.: Nationale Geschichtskulturen – Bilanz, Ausstrahlungen, Europabezogenheit / Hrsg. von Heinz Durchhardt. Stuttgart, 2006. S. 241–262.
- 12 Ср. эссе Малгожаты Моравец во 2 томе «Историков Европы» (Europa–Historiker).
- 13 Ср. Option Europa. Bd. 2. № 63. S. 130–131.
- 14 Ibid. № 70. S. 142–143; полное переиздание: Ibid. Bd. 3. № 8.
- 15 Ibid. Bd. 2. № 96. S. 184–185.
- 16 Ibid. № 88. S. 174–175.
- 17 Ibid. № 77. S. 151 etc.
- 18 См., в частности: Morawicz M. Antemurale christianitatis. Polen als Vormauer des christlichen Europa // Jahrbuch für Europäische Geschichte. 2001. № 2. S. 249–260.

Б.Н. Флоря
(Москва)

РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (КОНЕЦ XV — ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII в.)

Ареал европейских связей России, определившийся в конце XV в., почти не менялся на протяжении последующего столетия. Кроме своих непосредственных соседей на западных границах – Великого княжества Литовского (а затем Польско-Литовского государства), Ливонии и Швеции русское правительство поддерживало постоянные контакты с такими европейскими державами, как Дания и владения австрийских Габсбургов: Дания могла повлиять на политику Швеции, а Габсбурги на политику Польско-Литовского государства. С середины XVI в. к этому добавились отношения с Англией, а к концу столетия и с Голландией, но эти связи имели для обеих сторон прежде всего хозяйственное, а не политическое значение. Попытки Ивана IV добиться заключения политического соглашения с Англией оказались, как известно, безрезультатными и в дальнейшем не возобновлялись. С такими крупнейшими европейскими державами, как Испания или Франция, имели место лишь отдельные, более или менее случайные контакты. Все это позволяет характеризовать русскую внешнюю политику этого времени как политику, направленную на решение проблем восточноевропейского региона и не выходящую за его пределы¹.

Положение не изменилось и тогда, когда в последние десятилетия XVI в. в Европе стало намечаться противостояние двух политических лагерей – Габсбургов и их союзников и противников Габсбургов. Возможно, такое отсутствие у русских политиков какой-либо реакции на эти важные изменения было связано с тем, что внешнеполитическая ориентация западных соседей России, Польско-Литовского государства и Швеции, в то время еще не вполне определилась.

Правящие круги главных европейских держав не предусматривали участия Русского государства в решении каких-либо европейских проблем за одним существенным исключением. Уже с начала XVI в. и Габсбурги, и папство серьезно считались с возможностью участия Русского государства в борьбе европейских держав против экспансии Османской империи и старались склонить русское пра-

вительство к участию в антиосманских коалициях². Присоединение России к антиосманскому союзу, конечно, способствовало бы укреплению позиций России на подступах к Черному морю и на Северном Кавказе, и такая перспектива русских политиков привлекала. Уже во второй половине XVI в. можно наблюдать первые попытки русского правительства искать соглашения с противниками Османской империи в Европе. Так, в 1576 г. русские послы, прибывшие на рейхстаг в Регенсбурге, привезли с собой приглашения для послов папы, императора Максимилиана II и Филиппа II испанского, которых ожидали в Москве для заключения договора о союзе против османов³. В 90-е гг. XVI в. во время «Долгой войны» ряда европейских держав против Османской империи главе этой коалиции императору Рудольфу была оказана финансовая помощь из Москвы⁴. Однако на пути к участию России в антиосманской коалиции существовало серьезное препятствие – постоянное противостояние с Польско-Литовским государством не давало возможности предпринять серьезные шаги на других направлениях. К планам участия России в антиосманских союзах обращались в те недолгие моменты, когда возникала надежда на прекращение противостояния, и от них отказывались, когда в очередной раз эти надежды не оправдывались⁵. Намечавшаяся общность интересов России и европейских государств – противников османов в таких условиях не могла реализоваться.

События времен Смуты, ознаменовавшиеся попытками Польско-Литовского государства в условиях разразившегося в России глубокого внутреннего кризиса подчинить эту страну своей власти и влиянию, стали важным рубежом в истории отношений России и европейских государств. К этому времени стало очевидным сближение Речи Посполитой с прогабсбургским политическим лагерем, поддержка ее политическими кругами планов реставрации и утверждения католицизма на территории Европы. Для современников-протестантов была очевидна связь между планами подчинения России и проектами реставрации католицизма в Скандинавии. Поэтому неслучайно представители таких держав, как Англия и Голландия, сразу по окончании Смуты выступили посредниками при заключении мирного договора между Россией и Швецией, также вмешавшейся в русские внутренние дела, чтобы русское правительство могло сосредоточить свои силы на борьбе с Речью Посполитой. Одновременно голландские послы рекомендовали русским политикам заключить со Швецией союз, направленный против Польско-Литовского государства.

Происшедшие перемены были в полной мере осознаны в Москве к 1616–1617 гг., когда определилась политика русского правительства

по отношению к европейским государствам на длительный период времени. Русское правительство прекратило дипломатические контакты с австрийскими Габсбургами и одновременно обратилось к таким протестантским государствам, как Дания, Голландия и Англия, с просьбой о помощи против польского короля Сигизмунда III. Впервые в истории русской внешней политики это обращение обосновывалось ссылками на общую заинтересованность в провале проектов утверждения католицизма как единственного христианского вероисповедания на территории Европы⁶.

Когда с началом Тридцатилетней войны дело дошло до масштабного вооруженного столкновения Габсбургов и их противников, растянувшегося на много лет, Русское государство заняло позицию благоприятную для антигабсбургского лагеря. Как известно, такая политическая ориентация нашла свое выражение в том, что таким противникам Габсбургов, как Дания, а затем Швеция, систематически давались разрешения закупать в России большие партии хлеба по низким ценам российский внутреннего рынка, что представляло собой своеобразную форму финансовой помощи. Так впервые в истории русской внешней политики русское правительство приняло участие в большом общеевропейском конфликте. И на этом этапе сотрудничества обосновывалась необходимостью совместной борьбы против экспансии католицизма.

Вместе с тем следует отметить особый характер этого участия. В России хорошо была известна роль Голландии как организатора коалиций противников Габсбургов, хорошо было известно и о французских субсидиях, позволивших шведскому королю Густаву Адольфу развернуть масштабные военные действия на территории Германии. Однако в Москве не было предпринято каких-либо серьезных попыток вступить в переговоры и заключить соглашения с этими главными противниками Габсбургов.

Все это показывает, что если положение в Европе, характер происходивших там конфликтов перестали быть безразличными для русского правительства, как это было во второй половине XVI в., то все же происходившее там оценивалось, прежде всего, через призму региональных проблем. Русских политиков преимущественно интересовало, в какой мере происходящее на театрах военных действий Тридцатилетней войны могло бы способствовать успеху русской власти в ее противостоянии с Польско-Литовским государством. Немалая материальная поддержка, которая оказывалась Густаву Адольфу, была связана не только с тем, что он был противником Габсбургов – союзников Речи Посполитой, но и с тем, что в нем в первую очередь видели союзника в будущей войне с Польско-

Литовским государством. Как представляется, это понимали и правящие круги европейских стран. Кардинал Ришелье не стремился к контактам с Россией, так как вовсе не был заинтересован в отвлечении сил Швеции на территорию Восточной Европы. Когда с началом Смоленской войны против Речи Посполитой (1632–1634 гг.) выяснилась неосновательность расчетов русских политиков на союз со Швецией, русское правительство на долгий срок устранилось от участия в европейской политике, проявив полное безразличие к тому, как закончится Тридцатилетняя война ⁷.

Значительных перемен в этом плане не принесло и начало новой русско-польской войны в 1654 г. Правда, в тот самый год возобновились дипломатические контакты с австрийскими Габсбургами и было положено начало постоянным контактам с Бранденбургом, но оба эти государства были непосредственными соседями Речи Посполитой – той самой страны, с которой и велась война.

Начиная войну с польско-литовской шляхетской республикой, Русское государство стремилось локализовать конфликт, не допустить вмешательства в него других европейских государств ⁸. Интересы ведущих европейских держав не затрагивались возможными итогами этой войны, их внимание к тому, что происходило в восточноевропейском регионе, усилилось лишь после вмешательства в конфликт Швеции, традиционного союзника Франции в ее борьбе с Габсбургами за европейскую гегемонию. Именно тем или иным отношением к Швеции определялись попытки великих европейских держав во второй половине 50-х гг. XVII в. повлиять на русскую внешнюю политику. Так, австрийские дипломаты выступали в качестве посредников на русско-польских переговорах в 1656 г., чтобы облегчить положение Польско-Литовского государства в войне со Швецией ⁹, а англичане и французы пытались выступать как посредники на русско-шведских переговорах, чтобы облегчить положение Швеции в войне с Польско-Литовским государством ¹⁰. Попытки посредничества в русско-польском споре, предпринимавшиеся после выхода Швеции из войны, были тесно связаны с борьбой ведущих европейских держав за влияние в Речи Посполитой. В Москве, как представляется, это понимали и поэтому не пытались использовать такие переговоры для установления более тесных отношений с какой-либо из ведущих европейских держав, тем более что симпатии посредников были явно не на русской стороне ¹¹.

Новый этап в истории отношений России с европейскими государствами начался, когда примерно с середины 60-х гг. XVII в. на первый план в русской внешней политике выдвинулся вопрос об отношениях с Османской империей. Ряд факторов способство-

вал тому, что проблема отношений с османами с течением времени стала занимать все более видное место в планах и размышлениях русских политиков. С освоением пространств «Дикого поля» и присоединением Украины планы укрепления позиций России в северном Причерноморье стали приобретать все более реальные очертания¹². Имело значение и заметное укрепление к середине XVII в. связей России с православными народами Балкан, что позволяло выдвигать планы укрепления позиций России и в этом регионе, входившем в зону османской власти и османского влияния. Решающим стимулом, побудившим русское правительство к поискам немедленного решения проблемы, стало вторжение османов на территорию Восточной Европы – сначала скрытно, в форме поддержки своего вассала – Крымского ханства, а затем и открыто, когда на территории Подолии в 1672 г. появилось османское войско во главе с самим султаном. В условиях, когда Польско-Литовское государство стало объектом прямой агрессии османов, не могло быть речи о противодействии с его стороны антиосманским планам русских политиков. Тем самым отпало одно из главных препятствий на пути к сотрудничеству Русского государства с европейскими державами в борьбе с экспансией Османской империи. Вместе с тем необходимо было принимать срочные меры для предотвращения возникшей серьезной опасности.

Первой реакцией русских политиков стала попытка искать поддержки у государств христианской Европы. В 1672 г. во все главные европейские державы были направлены посольства с призывом прекратить междоусобные войны и объединить свои усилия в борьбе против османов¹³. Посольства эти не достигли успеха, но помогли русскому правительству оценить взаимоотношения европейских держав в связи с решением стоявшей перед ним проблемы.

Разумеется, в Москве и ранее знали о соперничестве Габсбургов (и присоединившихся к ним во второй половине XVII в. морских держав – сначала Голландии, а затем и Англии) и Франции в борьбе за европейскую гегемонию. Но, по-видимому, только теперь здесь начали осознавать, что эта борьба и стремление Франции поддерживать хорошие отношения с Османской империей, как возможным союзником против Габсбургов, создают серьезные препятствия на пути к осуществлению намеченных в Москве планов борьбы с османами. Сформировавшаяся к середине 1670-х гг. в русской внешней политике тенденция сближения с Габсбургами означала одновременно и переход Российского государства на позиции, враждебные Франции.

Уже в середине 1670-х гг. русские и австрийские политики вели переговоры о необходимости совместно противодействовать про-

французской политике польского короля Яна Собеского, стремившегося положить конец войне Польско-Литовского государства с Османской империей¹⁴. Важно, что начавшееся сотрудничество не ограничивалось сферой отношений европейских государств с Османской империей. Когда в конце 1670-х гг. на Балтике разразился крупный военно-политический конфликт, Россия поддерживала не союзников Франции – Швецию и Яна Собеского, а союзника Австрии – Бранденбург¹⁵. С этого времени можно говорить об определенном участии России в главном европейском конфликте и установлении достаточно широкого сотрудничества с одним из его главных участников. Тем самым Россия начала занимать определенное место в общеевропейской системе международных отношений, сблизившись с главной державой анти-французского политического лагеря.

Для последней трети XVII в. можно отметить разные проявления этого сотрудничества. Так, после смерти Яна Собеского во время «бескоролья» 1697 г. Россия и Австрия совместно воспрепятствовали попытке возвести на польский трон французского принца Конти¹⁶. Главным проявлением такого сотрудничества стало вступление России в 1687 г. в войну с Османской империей. В этой войне Москва выступила совместно со Священной лигой – союзом европейских государств во главе с Австрией, а затем русские представители вместе с державами – членами лиги вели переговоры о мире на завершившем войну Карловацком конгрессе¹⁷. Это было первое непосредственное и серьезное участие России в больших событиях общеевропейского значения. О все большей включенности Русского государства в европейскую политическую жизнь говорит появление в последней трети XVII в. в Москве постоянных представителей целого ряда европейских государств (хотя пока и далеко не всех) и появление первых русских постоянных представителей при некоторых европейских дворах.

Вместе с тем процесс поисков Россией своего места в системе европейских международных отношений был еще далек от своего завершения. Характерно, что фактическое сотрудничество между Россией и Священной лигой так и не было оформлено каким-либо письменным соглашением и мир с Османской империей Россия заключила отдельно от других европейских государств. Складывается впечатление, что в то время стороны еще не были уверены в долговременности и прочности своего сотрудничества.

Если говорить о близкой перспективе, то такие опасения имели основания. Начавшиеся почти одновременно Война за испанское наследство (1701–1714) и Северная война (1700–1721) способствовали созданию и в восточноевропейском регионе и в Европе в целом новой международной ситуации, когда русско-австрийское сотрудни-

чество прекратилось и поиски Россией своего места в системе европейских международных отношений пошли по другому пути.

Однако тот итог, к которому привели поиски Россией своего места в Европе на протяжении XVII в., не был случайным. Здесь проявились определенные закономерности, которые возобновили свое действие, когда был решен вопрос о выходе России к Балтийскому морю. По мере того, как продолжалось освоение обширных земель на Юге, вопрос о получении выхода к Черному морю стал приобретать в русской внешней политике все большее значение, и все большее значение приобретал вопрос о союзниках в будущем конфликте с распоряжавшейся на берегах Черного моря Османской империей. Ясно обозначившийся к концу XVII в. военно-политический упадок Польско-Литовского государства исключал возможность активного противодействия с его стороны русским планам и в то же время не позволял России рассчитывать на это государство как на полноценного союзника в будущей войне с османами. Из больших европейских держав таким союзником могла быть только Австрия, в то время как ее соперница Франция продолжала поддерживать дружественные отношения с Османской империей.

Для Австрии, наталкивавшейся на сильное противодействие Франции в попытках укрепить свои позиции на западе Европы, а позднее приобретшей в лице Пруссии опасного соперника на территории Германии, именно экспансия на Балканы в зону османского присутствия обещала наибольшие приобретения, что привело бы в перспективе и к росту значения Австрии в Европе. Перед ней также вставали важные проблемы при поисках союзников в борьбе со все еще могущественной евроазиатской державой – Оттоманской Портой, которая хотя в известной мере и уступила в конце XVII в. свои позиции лишь в борьбе с целой коалицией государств, но по-прежнему оставалась в глазах европейских держав грозным и опасным противником. В поисках союзников для борьбы с турками Австрия в XVIII в. уже не могла, как ранее, рассчитывать на сотрудничество с Испанией, вошедшей в орбиту французской политики, пришли в упадок и ее союзники по Священной лиге – Польско-Литовское государство и Венеция. Тем самым и для Австрии союз с Россией был одним из важных условий для проведения активной наступательной политики на Балканах. Все это совсем не исключало соперничества Вены и Петербурга в борьбе за влияние на народы Балкан, но это соперничество выступило на первый план в отношениях двух держав лишь в XIX в.

Определенная общность интересов на этом важном направлении внешней политики открывала для России и Австрии возмож-

ность согласованных решений и по другим вопросам. Это сближение Петербурга и Вены в свою очередь закономерно вызывало враждебную реакцию Франции. Таким образом, можно сделать вывод, что тенденции, проявившиеся при первых попытках русских политиков определить для своего государства место в системе европейских международных отношений, продолжали находить свое выражение как в политике России по отношению к европейским государствам, так и в политике главных европейских держав по отношению к России на протяжении очень длительного времени, практически до конца 1870-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 О формировании внешнеполитических связей России (в том числе и с европейскими государствами) см.: *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв. М., 1980. О неудачных попытках союза с Англией см.: *Лурье Я.С.* Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI века // *Международные связи России до XVII века*. М., 1961.
- 2 *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 196 и сл.
- 3 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1852. Т. 1. Стб. 564–565, 592–593.
- 4 О посылке субсидии на сумму около 45 тыс. руб. см.: *Памятники...* Т. 2. Стб. 213–214, 236–237.
- 5 См.: *Флоря Б.Н.* Проект анти-турецкой коалиции в русской внешней политике 70-х гг. XVI в. // *Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы до сер. XIX в.* Кишинев, 1981; *Флоря Б.Н.* Анти-турецкая коалиция и бескорольеве 1587 г. в Речи Посполитой // *Юго-Восточная Европа в средние века*. Кишинев, 1972.
- 6 См. об этом подробнее: *Вайнштейн О.Л.* Россия и Тридцатилетняя война. М., 1947. Гл. 1; *Флоря Б.Н.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986. Гл. 1–2.
- 7 *Вайнштейн О.Л.* Россия... Гл. 2–3. Другая точка зрения: *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. Критику взглядов Поршнева см.: *Флоря Б.Н.* Русско-османские отношения и дипломатическая предыстория Смоленской войны // *Советское славяноведение*. 1990. № 1.
- 8 *Заборовский Л.В.* Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М., 1981. Гл. 4–5.
- 9 *Pribram A.* Österreichische Vermittlungspolitik in polonisch-russischen Kriege (1654–1660) // *Archiv für österreichische Geschichte*. 75. 1889.
- 10 *Архангельский С.И.* Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой // *Исторические записки*. М., 1939. Вып. 5; *Gronebaum F.*

Frankreich in Ost- und Nordeuropa. Die französisch-russisch Beziehungen von 1648–1689. Wiesbaden, 1968. S. 20–26.

- 11 Большой материал о попытках посредничества и мотивах, определявших усилия посредников, см. в кн.: *Wójcik Z.* Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959.
- 12 О сложении к концу XVII века черноморской программы русской внешней политики см.: *Артамонов В.А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII веке. М., 2001. Ч. 2. С. 305–306.
- 13 *Максимов П.Н.* Идея антиосманского союза в практике русской дипломатии в начале 70-х гг. XVII в. (1672–1673) // Славянский сборник. Саратов, 1990. Вып. 4.
- 14 См. записи переговоров П.И. Потемкина в Вене в 1674 г.: Памятники... СПб., 1856. Т. 4. Стб. 1122–1123, 1149–1150, 1234–1235.
- 15 *Форстен Г.В.* К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. № 8.
- 16 *Королюк В.Д.* Избрание Августа II на польский престол и русская дипломатия // Ученые записки института славяноведения. М., 1951. Т. 3.
- 17 Подробнее об этом см.: *Артамонов В.А.* Страны...

О ФОРМИРОВАНИИ ЮЖНОГО РУБЕЖА ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

(ПО ИСТОЧНИКАМ XVI–XVII ВВ.)

Псковская земля в исторических границах XIV–XVII вв. занимала территорию от р. Нарвы на севере до верховьев р. Великой на юге, включая почти весь ее бассейн (без Себежского уезда; по источникам, доступным в России, это около 21 900 кв. км). По данным 1585–1587 гг. в 14 уездах * земли было 149 губ, 2 четверти, 2 утретка и 1 волостка **. Губы самого обширного по территории Псковского уезда дополнительно были распределены между семью засадами ***. Юго-западную часть земли занимали 3 уезда: Вышгородка, Красного и Опочки. Их расположение имеет особое значение для ответа на вопрос, где же проходил псковско-ливонско-литовский рубеж, а затем граница Пскова с Речью Посполитой.

Источниками для исследования административно-территориального деления южных уездов Псковской земли стали писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. Наиболее ранними из дошедших до нашего времени являются писцовые книги 1585–1587 гг. В их есть прямые ссылки на «старое» письмо 1550-х гг. Источники предшествующего периода, если они и сохранились, остаются пока нам неизвестными ¹. Из имеющихся источников опубликована писцовая (платежная) книга №355 ² из собрания писцовых книг Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Более подробные сведения о Псковской земле содержатся в писцовых книгах № 827 и 830 ³, однако в них имеется описание только 8 уездов, среди которых нет уездов, граничащих с Литвой.

Из источников XVII в. для исследования данного вопроса привлекались писцовая книга 1626–28 гг. Выборского, Дубковского и

* Уезд – административно-территориальная единица Псковской земли с центром в городе.

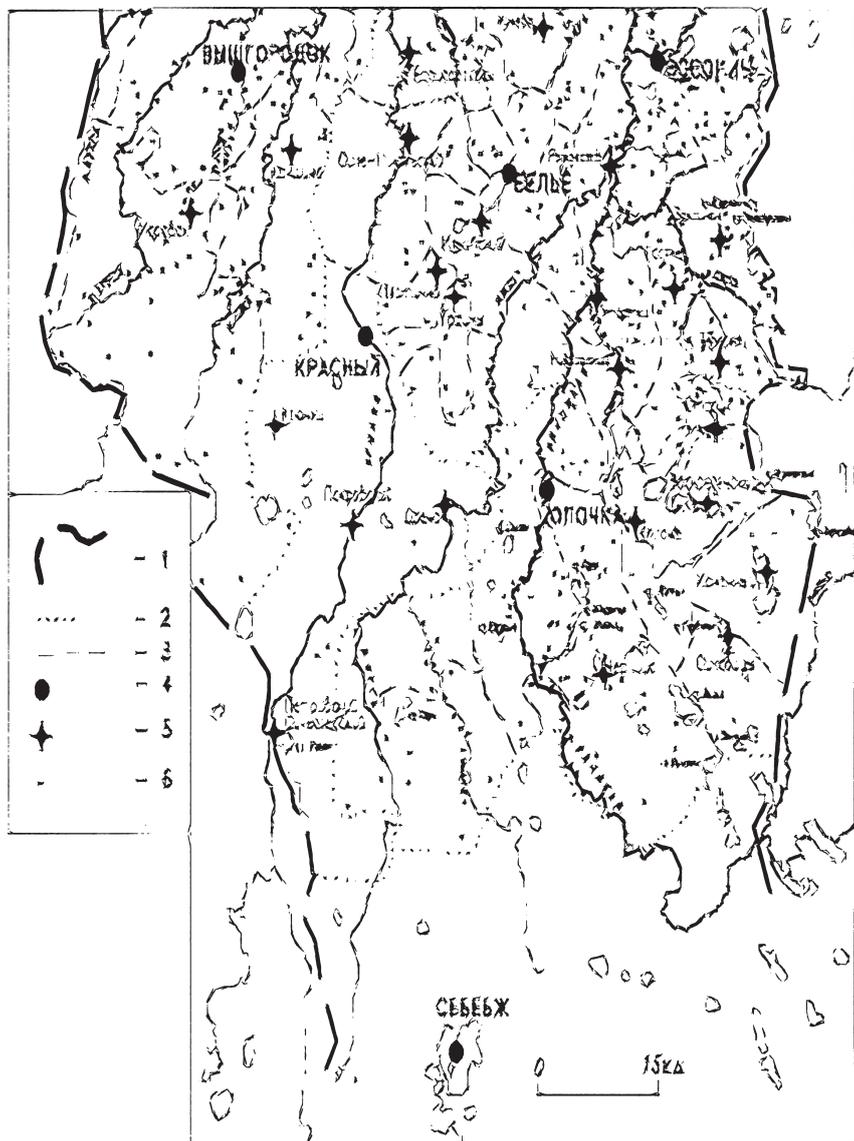
** Губа; волость; четверть; утреток; волостка – сельские административно-территориальные единицы, как правило, соответствовавшие приходу. Административным и культовым центром сельской территориальной единицы был погост.

*** Засада – административно-территориальная единица Псковского уезда, состоящая из губ.

Вышгородского уездов ⁴, переписная книга Псковской земли 1646 г. ⁵ и переписная книга 1678 г. ⁶. Материалы писцового описания послужили основными источниками для составления карт-схем южных уездов Псковской земли. Для локализации топонимов, упоминающихся в писцовых и переписных книгах, использовались как планы Генерального межевания XVIII в., так и топографические карты XIX – начала XX вв., а кроме того, современные топографические карты и планы землепользования. Опыт работы по составлению карт-схем псковских уездов показал, что скудные топографические сведения платежной книги № 355 в большинстве случаев не позволяют определиться с границами губ, а соответственно, и уездов. Книги № 827 и 830, содержащие, по сравнению с книгой № 355, иногда в десятки раз большее число топонимов, как правило, дают хорошие результаты. Также неплохие результаты были получены и при использовании для этой цели переписных книг XVII в.

Таким образом, база источников для изучения территориального деления южных уездов Псковской земли такова, что для Вышгородского и Опочецкого уездов имеются в основном сведения XVII в. Для Себежского и Красногородского уездов – только сведения книги № 355, малопригодные для реконструкции территориального деления и границ. Указанные источники XVII в. не содержат информации по последним двум уездам, поскольку те в 1618 г. отошли по Деулинскому перемирию к Речи Посполитой. В результате историко-географического исследования удалось составить довольно полный перечень населенных мест Псковской земли XVI–XVII вв. и определить границы всех губ, за исключением входивших в Себежский и Красногородский уезды (см. карту-схему). Имеющиеся в настоящее время в нашем распоряжении данные позволяют говорить о существовании в Псковской земле в XVI–XVII вв. не менее 13 тыс. поселений. В настоящее время удалось определить расположение лишь 15% из них ⁷, что соответствует доле локализованных поселений и в южных уездах. В процессе исследования применялась методика, мало чем отличающаяся от методов, на которых основывались классические труды К.А. Неволлина ⁸ и А.М. Андрияшева ⁹, за исключением использования возможностей компьютерной обработки материалов. При сборе материала по источникам XVI–XVII вв. в настоящее время сформирована база данных по топонимике Псковской земли, содержащая 21 900 записей. Стандартное программное обеспечение на основе FOXPRO позволило ускорить поиск данных и осуществить их идентификацию при возможных разночтениях, а также систематизацию сведений по выделенным регионам (уездам, засадам, губам и пр.).

Одной из исследовательских задач, решавшихся в масштабе всей Псковской земли, было изучение на основе полученной историко-

Южные уезды Псковской земли в XVI–XVII вв.: 1 – граница земли, 2 – граница уезда, 3 – граница губы, 4 – центр уезда, 5 – погост, 6 – прочие населенные пункты, расположение которых удалось установить.

географической информации происхождения и развития ее территориального деления, что было непосредственно связано с процессом расселения и формированием границ. Размещение населения в различные периоды прослеживается по археологическим материалам.

Расселение в середине и во второй половине I тысячелетия н.э. маркируют поселения и могильники культуры длинных курганов и сопок¹⁰. В ряде случаев районы концентрации памятников этого периода в пределах Псковской земли послужили основой для формирования будущих административных районов. Это подтверждается тем, что в северной части Псковской земли «гнезда» памятников второй половины I тысячелетия н.э. вписываются в границы многих губ¹¹, а в южных уездах находятся вблизи наиболее ранних пригородов.

Размещение археологических памятников XI – первой половины XIV в. показывает, что в этот период происходит дальнейшее развитие регионов, освоенных в предшествующее время, и заселяются новые территории. Это прослеживается по материалам курганных могильников с труположениями, и по ранним жальникам^{12*}. Судя по концентрации археологических памятников, в этот период в северных и центральных уездах Псковской земли уже сформировались большинство центров губ. Однако выделяются районы, превосходящие по размерам губские территории XVI в. (на севере земли это устье р. Великой и юго-восточное побережье Псковского озера, округа Изборска и др. малые районы; на юге – окрестности Велья, Воронича, Коложе-Опочки, Врева, Котельно).

В дальнейшем эти довольно крупные районы расселения также оказались поделенными на губы. Таким образом, в настоящее время представляется возможным выделить по меньшей мере 3 этапа становления территориальной структуры Псковской земли. Во-первых, формирование районов расселения во 2-й половине I тысячелетия н.э. Во-вторых, развитие в XI – первой половине XIV вв. на основе районов расселения 2-й половины I тыс. н.э. центров губ и освоение в результате колонизационных процессов новых территорий (по аналогии с Новгородской землей)¹³. Районы расселения, объединяющие целиком или частично несколько губ XVI в., вероятно, можно связать с летописными волостями. В-третьих, дробление в дальнейшем плотно заселенных районов на более мелкие (образование губ, зафиксированных в писцовых книгах) и распределение губ между уездами и засадами.

Обоснованность выделения этих этапов формирования территориального деления Псковской земли подтверждается материала-

* Жальник – термин, обозначающий псковско-новгородские могильники.

ми историко-археологического изучения погостов-мест – административных центров псковских губ. К XIV в. в Псковской земле уже 1/3 поселений функционировала на местах погостов¹⁴. Почти все погосты, в культурном слое которых обнаружены археологические материалы 2-й половины I тысячелетия н.э. – XIV в., находятся в северной и центральной части Псковской земли (в засадах Псковского уезда, в Изборском уезде) и на восточном побережье Псковского и Чудского озер (Гдовский и Кобыльский уезды). Таким образом, наиболее ранние погосты возникли именно на той территории, где находятся древнейшие города Псковской земли Изборск и Псков.

В южной части Псковской земли функции погостов на начальном этапе в XIV в. выполняли города-крепости Остров, Дубков, Котельно, Врев, Воронич, Велье, Коложе и, возможно, Черница. Большая их часть сосредоточивалась вдоль юго-восточной границы Псковской территории. К XVI в. некоторые из них, утратив оборонительные сооружения, превратились в сельские погосты, мало чем отличавшиеся от прочих аналогичных поселений. В XV в. функции погостов – центров губ на юге Псковской земли выполняли такие новые города, как Вышгородок, Опочка и Красный. В XV–XVI вв. погосты возникают в основном в южных уездах Псковской земли, что следует связывать с завершением формирования административно-территориального деления уездов. В археологическом отношении в этой группе поселений заметно преобладают небольшие по размерам селища, которые могут рассматриваться как следы поселений, выполняющих исключительно культовые функции. Культурный слой этих селищ, в основном, формировался на месте расположения дворов священника и причта.

Отличительной особенностью южного региона является большое число губ, относящихся непосредственно к городам, например к Опочке. Названия таких губ производны от названий приходских церквей. Эти губы расположены в непосредственной близости от города и составляют его ближайшую округу. Их происхождение представляется в целом более поздним по сравнению с губами, имевшими погосты на своей территории. Они, скорее всего, появились на завершающем этапе становления территориального деления Псковской земли.

Опочка была построена, после того как в 1406 г. литовцы штурмом взяли Коложе: «псковичи поставиша град Коложе на новом месте на Опочке»¹⁵. После основания Опочки Коложе приобрело, так же как и Котельно в Выборском уезде, статус погоста в составе Опочецкого уезда. Изучение топографии поселений Покровской губы (Коложе) показывает, что часть территории округи предше-

ственника Опочки Коложе оказалась приписанной к губам, относящимся к посаду нового города. Населенные пункты, бывшие ранее в Коложской волости, оказываются в составе Ильинской, Никольской на Кутке и Старицкой губ (последняя известна лишь по материалам XVII в.). Система расположения относящихся к Опочке губ аналогична таким городам, как Воронич, Велье и Выбор. Все 4 губы, образующие «окологородье», локализируются у города, составляя довольно обширную, но целостную территорию. Примечательно, что предшественник Опочки – Коложе оказывается непосредственно в центре района, объединяющего округу Опочки и, возможно, располагавшуюся к востоку от нее гипотетическую волость. Именно этот довольно большой район включает наибольшую концентрацию археологических памятников периода, предшествующего образованию Псковской земли, и является ядром Опочецкого уезда после разгрома Коложе. Периферию уезда Опочки составляют 5 губ, так же как в соседнем Велейском уезде. Все они располагались радиально по отношению к центру уезда.

Таким образом, на материалах уездов в южной части Псковской земли может быть прослежен процесс формирования центра административного округа, известного по источникам XVI в. как уезд. В этом процессе непосредственное участие приняли жители псковских волостей, которые отчасти и вошли в состав населения малых городов. Наиболее яркий, но, к сожалению, единственный летописный пример инициативы со стороны сельских общин о строительстве уездного города связан с Вышгородком. В 1476 г. «слобожане ис Кокшинской волости» били челом князю Ярославу и посадникам псковским, и всему Пскову, «чтобы их жаловали и ослобонили им на Городци оу речке оу Лоде поставити город...»¹⁶.

С учетом археологических данных о формировании губ топография поселений, записанных в губах Вышгородского, Красногородского и Опочецкого уездов, маркирует собственно юго-восточный «псковский рубеж», сформировавшийся на основе территорий сельских общин, «тянувших» к Пскову и его «пригородам», т. е. имевших наиболее тесные связи с центрами Псковской земли.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Масленникова Н.Н. Псковская земля // Аграрная история Северо-Запада России XVI в. (Север. Псков). Ленинград, 1978. С. 87.
- 2 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. № 355. Сборник Московского архива Министерства юстиции. М., 1913. Т. 5.

- 3 РГАДА. Ф. 1209, № 827, 830.
- 4 Там же. № 17227.
- 5 Там же. № 8497.
- 6 Там же. № 8501.
- 7 *Харлашов Б.Н.* Некоторые итоги изучения административно-территориального деления Псковской земли XVI–XVII вв. // *Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара.* Псков, 2000. С. 108.
- 8 *Неволин К.А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI в. СПб., 1853.
- 9 *Андряшев А.М.* Шелонская пятина по писцовым книгам. Карты погостов. СПб., 1913; *Он же.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1914.
- 10 См.: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 46–66.
- 11 *Харлашов Б.Н.* Псковские губы (к вопросу о происхождении) // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР.* 205. М., 1991)
- 12 *Хвоцинская Н.В.* Западные районы Новгородской земли в начале 2 тысячелетия н.э. (по материалам погребальных памятников). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л. 1978; *Плоткин К.М.* Округа Пскова накануне и в период становления города // *Становление европейского средневекового города.* М., 1989.
- 13 *Платонова Н.И.* Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода // *Археологическое изучение Новгородской земли.* Л., 1984.
- 14 *Харлашов Б.Н.* Этапы формирования административно-территориального деления Псковской земли // *Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания).* Т. 1. М., 2003. С. 164–173.
- 15 *Псковские летописи /* Под ред. А.Н.Насонова. Вып. 2. М.–Л., 1955. С. 36.
- 16 *Артемьев А.Р.* Города Псковской земли XIII–XV вв. Владивосток, 1998. С. 69.

Альмут Бусе
(Варшава–Берлин)

ОПИСАНИЕ ОБЛАСТЕЙ МЕЖДУ ПОЛЬШЕЙ И МОСКОВИЕЙ В ЗАПИСКАХ МАРТИНА ГРУНЕВЕГА

Имеющиеся в письменных источниках средневековья и раннего Нового времени (вплоть до XVI в.) географические сведения о регионах и населении Восточной Европы не отличаются ни полной, ни достаточной достоверностью. «Повесть временных лет» описывает территорию восточных славян следующим образом: «Также и ти Словене, прешьдъше, седоша по Дънепру, и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане седоша въ лесехъ [...]; а друзии седоша по Десне и по Семи и по Суле, и нарекошася Северъ»¹. Дополнить и конкретизировать эту картину позволяют только археологические данные.

До Нового времени у жителей Центральной Европы знания о пространствах большей части Восточной Европы оставались весьма смутными: «Теперь Сарматия, насколько известно, является пустынной и обширной, но невозделанной и находящейся в глуши областью с достаточным суровым климатом. На востоке она соседствует с Москвой (Московским государством – А.Б.) а с юга ограничена рекой Танаис»². Определенно, именно на этом рубеже замыкается пространство, описанное Х. Шедельсом в хронике всемирной истории. Энеа Сильвио Пикколомини в своей «Космографии» причисляет Польшу, Богемию, Венгрию, балканские страны и Византию к Европе.

В то время как территории, прилегающие к побережью Балтийского и Черного морей, были со временем исследованы и получили географическое описание, пространство между Польшей–Литвой и Московией в значительной степени осталось неизвестным, хотя его и пересекали многие путешественники. В «Записках о Московии» габсбургского дипломата Сигизмунда Герберштейна середины XVI в. говорится: «Sevuera magnus principatus est, cuius castrum Novuogrodek, haud ita diu Sevuerensium principum, priusquam hi ab Basilio principatu exuerentur, sedes erat. Eo ex Moscoviua dextrorsum in Meridiem, per Colugam, Vuorotin, Serensko & Branski, centum quinquaginta miliaribus Germanicis pervenitur: cuius latitudo ad Borysthenem usque protenditur. Vastos desertosque passim campos habet: circa Branski autem sylvam

ingentem. Castra oppidaque in eo sunt complura: inter quae Starodub, Potivulo, Czernigovu, celebriora sunt. Ager quatenus colitur, fertilis est. Sylvae hermellis, aspreolis & martibus, melleque plurimum abundant. Gens propter assidua cum Tartaris praelia, valde bellicosa»^{3*}.

В начале XVI в. князья Бельский, Новгород-Северский и Черниговский подчинились великому князю Московскому, таким образом, завершилось так называемое «собрание русской земли». В 1547 г. Иван IV короновался («венчался на царство») и принял титул «царя и великого князя всея Руси», что выражало притязание на верховную власть в отношении всех земель, принадлежавших в прошлом Киевской Руси.

В середине XVI в. у Польши не существовало непосредственной границы с царством московитов, что Мартин Кромер в 1554 г., говоря о землях к востоку от Вислы, выразил так: «Дальше идет княжеская Пруссия и граничащая с нею Литва, которая простирается приблизительно до пункта летнего восхода солнца, а оттуда снова тянутся уже восточные скифские или татарские степи и поворачивающиеся в направлении юго-восточного рубежа государства белогородских турок»⁴.

Поворотным пунктом в расширении знаний и в изменении представлений народов Центральной Европы о восточных регионах континента стал 1569 год, Люблинская уния превратила объединенное Польша-Литовское государство в одну из крупнейших держав, раскинувшуюся «от моря и до моря», занимавшую большую часть Центрально-Восточной Европы. Образование Речи Посполитой «двух народов» привело к возникновению новых территориальных объединений с временно и регионально «дифференцированным отношением близости» к государственному центру⁵.

«Пространств не существует, пространства создаются» или «В пространстве мы читаем время» — таковы заглавия трудов Ханса-Дитриха Шульца и Карла Шлёгеля⁶. В них нашла отражение диалектика пространственно-временных соотношений применительно

* «Севера – великое княжество, крепость, которого Новогрудок не так давно был столицей северских князей, до тех пор пока они не были лишены княжества Василием. От Москвы туда считается сто пятьдесят миль в южном направлении, (но) правее через Калугу, Воротыньск, Серенск и Брянск; в ширину княжество простирается до Борисфена. Здесь в разных местах лежат обширные пустынные равнины. А около Брянска – огромный лес. Крепостей и городов в нем очень много; среди них наиболее знамениты Стародуб, Путивль и Чернигов. Почва, где она возделывается, плодородна. Леса изобилуют огромным количеством горностаев, белок и куниц, а также меда. Народ, постоянно сражающийся с татарами, весьма воинственен» (Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 140).

к становлению и исторической эволюции регионов Центральной и Восточной Европы. Итак, области, расположенные «между» обеими сложившимися в XVI в. державами (Московским царством и Речью Посполитой), были заселены задолго до этого и существовали независимо от своих великодержавных соседей. Только со временем они превратились в их периферию и стали восприниматься как таковые. Возникает вопрос: должны ли вообще существовать центры? Центр/периферия – понятийная пара, заимствованная из историко-экономических исследований Иммануэля Валлерштейна⁷. Оба понятия имеют смысл лишь в двойном употреблении и, по мнению Йенё Банго⁸, являются комплиментарными категориями пространства. В восприятии центра периферия – это исключительно обозначение положения для области, находящейся в отдалении от центральных районов, причем в основном решающее значение имеет мера в преодолении дистанции между ними⁹. В одном отношении некая область может быть на периферии, а в другом нет. Прямо говоря, она может в иной системе координат стать средоточием двух центров. Таким образом, все понятия в пределах пары центр/периферия представляют собой относительные категории¹⁰. Датский исследователь Клавс Рандберг видел в общей картине центра и периферии «виртуальный академический ментальный архетип», однако все же считал возможным рационально «объяснить» новые отношения и создать новые образы¹¹.

В IX в. германские языки знали только понятие «марка», служившее для обозначения окраин страны, пограничных областей. Только в дальнейшем, с освоением и колонизацией лесных просторов на востоке Германии, когда с начала XIII в. немецкое население вступило во взаимодействие со славянским, немецкий язык заимствовал славянский термин «граница», для более точного обозначения территориального размежевания¹². Исторически прохождение границ изменяется. Большая часть искусственных границ, установленных в результате взаимодействия людей, означает разделение «своих» и «чужих». Выход за пределы проведенной границы может открыть новые горизонты, но также и вызвать чувство небезопасности. Часто границы иначе воспринимаются индивидуумами, чем большими людскими сообществами. Для первых это атрибут повседневности, для страны в целом – форма существования. При этом следует подчеркнуть, что пограничные зоны не только обособляют, но в то же время делают возможным интенсивное взаимодействие, формируя его правовые нормы (устанавливая границы).

Выражение «регион» – традиционно географическое понятие. Однако исторически регион, так же как «область», имеет отношение к *regere* / *gebieten* (править / управлять). В регионах могут образовыв-

ваться территориально, исторически, экономически, культурно и социально обособленные локальные территориальные единицы. При этом в большинстве случаев применительно к региону речь идет об области средней величины, которая, прежде всего, проявила себя как носитель и символ некой идентичности, обладающей определенной идеологической интерпретацией. Исследования последних лет выявили и обобщили значительный материал, демонстрирующий трансформацию ценностных ориентаций, этических и моральных норм и моделей поведения жителей¹³.

Большей частью представление о регионах формируется на основе картографии, которая создает визуальное изображение провинции. Такие образы запечатлены на географических картах XVI в. Политическая ситуация и связанные с ней взаимоотношения областей и территорий создателей этих карт чаще всего не интересовала, а потому на них и не отображалась. Нередко актуализация отраженных на картах реалий сильно запаздывала, нередки были случаи копирования устаревших карт вместе с их ошибками.

На многих географических картах XVI и XVII вв. изображены окраинные регионы, расположенные между Польшей и Московией. На картах Европейского континента наносилось изображение его восточных краев. Подобным же образом составлялись карты Северной Европы и Ливонии (например, Mercator 1595 г.). На картах Польши основное внимание уделялось центру страны, которым в то время еще считалась Малая Польша. Только после Люблинской унии 1569 г. картографы обратили внимание на «кресы» * (например, Мацей Струбыч)¹⁴. На картах России того времени также были изображены западные окраины – интересующие нас области между Московским царством и Польско-Литовским государством (например, карта Августина Хиршфогеля)¹⁵.

Географически пространство между Львовом и Москвой не ограничивалось никакими природными барьерами, такими как море или горы. Гидрография этой территории демонстрирует огромное значение рек, водораздел между ними обозначает границу двух систем: одна в направлении Балтийского, вторая в направлении Черного морей. Основной связующей и транспортной артерией на севере является текущая с востока на запад и впадающая в Балтийское море Западная Двина, на юге – это устремляющийся с севера в южном направлении (отсюда античное название Борисфен (Boristhenes)), берущий начало на Среднерусской возвышенности Днепр, длина которо-

* «Кресы» – в польской терминологии – окраины Польско-Литовского государства с прилегающими к ним областями соседних стран (*прим. перев.*).

го составляет 2285 км. У Херсона Днепр впадает в Черное море. Его притоки Припять (западнее, 775 км) и Десна (восточнее, 1130 км) и их притоки Сейм (717 км) и Сновь (233 км) дополняют систему водных путей региона.

Хронология основания европейских городов восточнее Эльбы явно демонстрирует, что процесс этот прошел ряд этапов. К востоку от верховьев Вислы время основания городов приходится, как правило, лишь на XVI и XVII вв. На территории Галицко-Волинской Руси это были, прежде всего, маленькие городки – центры магнатских владений. Немало таких укрепленных городков возникло вокруг замков крупных землевладельцев во второй половине XVI в., что объяснялось, в частности, необходимостью обороны от набегов татарских орд. Однако в сравнении с Западной и Центральной Европой уровень урбанизации этих районов оставался весьма невысоким. Так, еще в середине XVII в. число городов здесь составляло лишь 3,9 на 1000 кв.км.¹⁶

Обустраивая занятые территории и проводя в них границы, люди и созданные ими институты определяли, как они будут строить свои отношения друг с другом, при этом сознательно создается всеобщее пространство на договорной основе. Из необозримого множества возможных действий и моделей поведения такое структурированное пространство позволяло тем или иным группам населения определить направление поиска оптимальных путей для усиления собственных позиций и обретения свободы действий. Установление границ и создание территориальных сообществ в совокупности представляло собой один из способов структурирования общества и использования преимуществ социальной стратификации.

Региональное управление рассматриваемого периода в России и Польше полностью находилось в руках аристократии. Хотя Речь Посполитая была в то время одним из самых крупных государств Европы, она – за исключением аристократического самоуправления – не была объединена общим территориальным управлением, исходящим из центра, чем она кардинально отличалась от других европейских стран. В противоположность сформированному в них слою «профессионального чиновничества» Антони Мончак обозначил польскую систему местного управления как дилетантскую¹⁷. Несмотря на существенные внутренние различия польская шляхта с середины XIV в. занимала в политике положение господствующего сословия¹⁸. В XIV в. она уже рассматривалась королями как партнер, с которым заключались союзы. Вопреки этническим и религиозным различиям польско-литовской знати¹⁹ в XVI в. для нее было характерно возникновение общего политического сознания, представ-

ления о себе как о «политической нации (naród polityczny)»²⁰, обладавшей общей для всех дворян свободой, «золотой вольностью» (Станислав Ожеховский²¹). Сознание сословной общности «шляхетского братства» брало верх над частными интересами; например, на второй план отступали этнические различия между природным поляком или же воспитанными в польском духе выходцами из Западной Руси и даже самобытным иудеем. Идентификация в форме этнических различий проявилась позже в идеологии сарматизма²². С возникновением ксенофобии проявились признаки явного разграничения, что среди прочего нашло выражение в одежде и что со временем должно было привести к мифологизации этнической и социальной разобщенности.

Сарматизм часто выступал под лозунгом «оплота христианства». Тот факт, что христианство утвердилось на востоке и отчасти именно оттуда и получило распространение на территории Речи Посполитой, для «сарматских» идеологов вряд ли имел значение. В областях восточнее Великой и Малой Польши, а также Венгрии католическая церковь почти не имела собственной инфраструктуры, за исключением ордена доминиканцев с их провинцией лесных братьев²³ – и по этой причине считала население этих территорий «заблудшими овцами». Стремление утвердить здесь господство католического дворянства и клира воплотилось в идеологии и пропаганде в форме утверждения собственного превосходства как носителей истинного христианства.

Очевидно, что встреча западных и восточных идеологических течений, которая обнаруживалась в различных, в том числе и в политических областях, должна была постоянно приводить к столкновениям. Если говорить о военных конфликтах, то яркими примерами были битва на Чудском озере в 1242 г., ливонские войны в XVI в. и восстание на Украине в XVII в. во главе с Богданом Хмельницким. Восточная граница представляла собой, таким образом, не только конфессиональный, но и, прежде всего, социальный рубеж.

В XVI в. в странах Западной и Центральной Европы мало что было известно об областях, лежащих по пути из Польши в Москву. Так что записки 22-летнего торговца Мартина Груневега (1562 – после 1615), совершившего это путешествие в 1584–1585 гг. и описавшего эти земли, содержали поистине бесценные сведения²⁴.

Мартин Груневег родился в Гданьске в немецкой лютеранской купеческой семье. Здесь же он получил хорошее образование в Школе Св. девы Марии (Marienschule), где овладел и польским языком²⁵. В 1579–1582 гг. он работал в Варшаве у поставщика королевского двора Георга Керстена. Когда Груневегу исполнилось 20 лет, он переехал во

Львов, где в течение 6 лет был компаньоном тамошних армянских купцов²⁶, с которыми и совершил длительное путешествие в Москву, а также несколько раз побывал в Константинополе. Увлекательный рассказ об этих странствиях представляет наибольший интерес в его записках объемом около 2 тыс. страниц²⁷. Их основой, обусловившей жанровое своеобразие сочинения Груневега, послужили путевые дневниковые записи, напоминавшие календарную приходно-расходную книгу направлявшегося в Константинополь и Москву коммерсанта. В записках один за другим зафиксированы не связанные между собой факты, как известные ранее, так и совершенно новые. В дальнейшем они были систематизированы автором и включены в единую территориально-временную систему координат. Даже если позднее Груневег и редактировал отдельные фрагменты своих записок, они не утратили явно ощутимой достоверности непосредственного повседневного участия автора в описываемых событиях и подлинности запечатленных им впечатлений и переживаний.

Любопытство считается первоначальным феноменом психологии личности, которому в то же время сопутствует страх перед чужим. Эта боязнь чужого и непознанного, согласно Жану Делуме, является одним из самых больших первобытных страхов человечества. В особенности он проявлялся при столкновении с чужими религиями, в отношении к которым уже было сформировано общее предубеждение, что и в XVI в. могло вывести людей из душевного равновесия²⁸. В аналогичной ситуации оказывался и путешественник эпохи раннего Нового времени, это же относилось и к коммерсантам на международных торговых путях, поскольку в то время путешествия и торговая деятельность были тесно связаны друг с другом.

Если на западе Европы уже с XV в., вследствие разделения труда, собственно торговля и транспортировка товаров были уже отдельными видами деятельности, то для востока Европы и более отдаленных стран типичными фигурами оставались купцы-путешественники, которые чаще всего объединяли эти виды деятельности²⁹. Для них переходы и места стоянок были столь же важны как информация о людях, дорогах и опасностях. Купцы знали, где проходят границы земель и государств, они обладали сведениями о живущих по пути их следования народах. Многочисленные таможенные кордоны останавливали караваны, товары должны были декларироваться, документы предъявляться. Разумеется, границы порождали махинации, контрабанду и мздоимство³⁰.

Смышленный выходец из Гданьска, еще на родине освоившийся в полиэтничной среде, Груневег во Львове еще более обогатил свой опыт взаимоотношений с говорившими на разных языках людьми

различных национальностей и вероисповеданий³¹. Его живой интерес к окружающему миру в значительной степени позволил ему без предубеждения воспринимать новые, незнакомые ситуации, не подвергая их оценке или детальной классификации. Это дает основание полагать, что его записки отражают непосредственные впечатления от увиденного. В целом политика или история не интересовали Груневега, важными для него – и потому достойными записи – оказались человеческие и культурные контакты. Хотя путешествия Мартина Груневега приходились на период расцвета *ars apodemica*^{32*}, он, однако, не читал широко распространенного в Европе описания поездки в Московское царство посольства Герберштейна и поэтому не мог воспользоваться им в качестве путеводителя в то время, когда отправился в Константинополь и затем в Москву, выйдя тем самым за пределы горизонта собственных представлений *de orbis terrarum*^{**}. К тому же, как свидетельствовал еще в середине XVI в. Сигизмунд Герберштейн: «*Neque etiam cuivis mercatori, praeter Lithuanos, Polonos, aut illorum imperio subiectos, Moscoviam venire liberum est*»^{33***}.

Москва была и столицей, и экономическим центром Московского царства. Крупная торговля и вся торговля с заграницей была сконцентрирована здесь в руках иностранных купцов с солидным капиталом. Внутри страны господствовало мелкое производство и соответствовавшие ему формы торговых связей в рамках локальных рынков. Внутренние таможи и пошлины препятствовали развитию экономических связей и товарного обмена. Большая часть внешней торговли велась через Балтийское море и с 1584 г. северным путем через Архангельск, однако в первую очередь все еще большую роль играли торговля с землями Польско-Литовского государства и транзит товаров через его территорию. Экспорт из Московского царства состоял из сырья и полуфабрикатов, в импорте доминировало сукно, но ввозились также предметы роскоши и восточные товары.

Издавна наиболее ценной статьёй русского экспорта были меха, которые в Центральной Европе и в Османской империи были признаком принадлежности к высшему сословию и поэтому пользовались большим спросом. Значительная часть поступлений в казну московских государей составляла пушнина, собираемая в качестве натуральной подати с населения русского Севера и недавно поко-

* Искусство путешествия – лат. (*прим. перев.*)

** О круге земель – лат. (*прим. перев.*)

*** «Не всякому купцу, кроме литовцев, поляков или подданных их державы открыт свободный доступ в Москву».

ренной Сибири. Литовские и польские торговцы часто закупали все поставки товаров из Сибири. В начале 1585 г. такая партия мехов прибыла из Сибири в Москву³⁴. Весной того же года Груневет во время своего пребывания в Москве запаса мехами, которые он с большой выгодой продал в Эдирне во время следующей поездки в Константинополь, в ноябре 1585 г.³⁵

После официального объявления войны Московскому государству в 1579 г. польско-литовские войска во главе с королем Стефаном Баторием одержали ряд значительных побед, взяли Полоцк и Великие Луки. В 1581 г. польский король осадил Псков, однако город выдержал вражескую осаду. И Речь Посполитая, и Московское царство были ослаблены многолетней войной и оказались не в силах продолжать ее. Ливонская война завершилась подписанием в Яме Запольском³⁶ 15 января 1582 г. перемирия на 40 лет. В 1583 г. было заключено и перемирие со Швецией. Внешняя политика царя Ивана IV Грозного на западной границе потерпела поражение, а Московское государство не только утратило завоевания в Прибалтике, но и понесло серьезные территориальные потери собственных владений.

Прекращение военных действий создало условия для восстановления традиционного торгового пути между Польско-Литовским государством и Москвой. После смерти Ивана IV (18 марта 1584 г.) его преемник Федор I сразу же отправил посольство в Речь Посполитую для подтверждения заключенного отцом мира, «чтобы как гости, так и купцы с обеих сторон могли свободно передвигаться и торговать как прежде»³⁷. Возглавлявший посольство А.Я. Измайлов утверждал, что в России можно свободно вести торговлю и в Смоленске, Пскове и Новгороде уже много литовцев³⁸. В общественном мнении шляхетской республики преобладало скептическое отношение к Ивану Грозному³⁹; и теперь литовские дворяне не поверили заявлениям о мирных намерениях его сына. Однако, узнав о вступлении в силу выторгованного Львом Сапегой прекращения военных действий, армянские купцы решили использовать благоприятный момент и собрать караван в Москву. 2 октября 1584 г. он покинул Львов и тронулся в путь⁴⁰.

Таким образом, торговое путешествие армянских купцов из Львова и Киева в Москву произошло в период временно приостановленных военных действий, но неясных перспектив урегулирования отношений между Речью Посполитой и Московским царством. И именно поэтому в пограничных областях Речи Посполитой и Московского царства, через которые следовал купеческий караван, имели место различные конфликтные ситуации⁴¹. На южной окраине Российского государства совершали набеги крымские татары,

угоняли население и продавали захваченных пленников на невольничьих рынках Причерноморья. В середине XVI в. путь из Москвы на юг проходил через Калугу, Воротынский, Серенский и Брянск. Этот путь был уже полностью освоен в 80-х гг. XVI в. и, несмотря на его опасность, использовался иностранными купцами.

О специфических трудностях и недоразумениях, с которыми сталкивались прибывавшие в Москву иностранцы, свидетельствуют нередкие жалобы посланников на не соответствующее их званию обхождение; на это жаловался и Лев Сапега в 1584 г. Согласно русскому источнику, он жил на других условиях, нежели это предусматривалось установленным обычаем статусом посланника, по которому сам дипломат, члены посольства и прибывшие с ним до двухсот торговцев обеспечивались бы продовольствием за счет хозяев⁴². Как правило, бывало около ста торговцев, которые сопровождали посольства и находились под их защитой⁴³. Обычно во время пребывания посольства в Москве они, как и члены посольства, жили в Посольском дворе и тем самым приобретали право беспошлинной торговли. После отъезда послов они размещались в Гостином дворе, имея на этот раз право свободного передвижения, но должны были платить половину пошлины⁴⁴. Польские торговцы постоянно жаловались, что в Москве им оставались должны деньги за их товары. Это в 1586 г. даже побудило правительство царя Федора, не желавшего из-за этого политических осложнений, погасить часть такой задолженности за счет казны⁴⁵.

Покинув Львов и направляясь с армянским торговым караваном в Москву, Груневег описывал увиденное на восточных окраинах Польско-Литовского государства. Двигаясь на восток, купцы следовали сначала возделанными кое-где равнинами, которые затем переходили в пустоши: при этом от Львова до Чуднова речь шла об «огромной, необозримой области» и далее оттуда до Москвы – о «лесной глуши». Здесь караван опять сбился с пути, «мы настолько углубились в обширные поля, – писал Груневег, – что не знали, где начало, где конец, а также потеряли дорогу, в поисках которой провели больше четырех часов. Под конец даже испугались за свою жизнь. (Так как там были огромные дикие территории, на которых люди часто умирали без покаяния.)

Если сначала города еще были «хорошими», а замки «богатыми» и «каменной кладки», то скоро это изменилось. Теперь в поселениях Груневег и его спутники находили «чаще всего скверные постройки» или же они были «необитаемы», замки были «обмазаны известью», «рушились», видели они «замок, который состоял лишь из одной стены, наверху которой была изгородь из заостренных досок». Чем

дальше на восток, тем меньше в населенных пунктах было каменных построек, а укрепления таких городков становились все более жалкими. В то время как на Львовщине города обладали магдебургским правом и были обнесены каменными стенами, на восточных окраинах Речи Посполитой они имели в качестве укреплений лишь насыпи из песка, рвы и деревянный тын. В то же время оборонительные сооружения городов могли выглядеть совершенно по-разному. Шоховец был «весь обнесен частоколом с несколькими башнями. Перед этим частоколом на некотором расстоянии вокруг города были положены «скрепленные между собой бревна, которые защищали от набегавших». Константинов, в свою очередь, был защищен «со всех сторон валом, обложенным камнями, не скрепленными известью, и обнесенным по фронту бруствером из заостренных бревен». Острополь, напротив, был «окружен частоколом, перед которым проходил ров, а перед ровом в два ряда были положены сколоченные бревна»⁴⁶.

Рис. 1. Ограждения

Как ранее Герберштейна в Москве⁴⁷, так и по дороге в российскую столицу Груневега удивили нечистоты на улицах городов: «Как Венеция в море, так они лежат в блевотине, так что вдоль переулков имеется мост на сваях и от него опять в каждый дом ведет особый мост».

Увиденные дома местных жителей, согласно оценке гданьского коммерсанта, вначале являли собой переходную форму: «хотя они построены на польский манер, несмотря на это они стоят повалахски – далеко друг от друга» и расположены иначе: «Дома стоят свободно, далеко один от другого, чаще всего из них валит черный дым, и редко там можно увидеть кафельную печь». По мере продвижения каравана на восток купцы наблюдали, как изменились характер городской застройки, форма и конструкция домов: «У них маленькие дома, стоящие в беспорядке и далеко друг от друга, и на азиатский манер покрыты землей, однако они крепко сложены из круглых бревен». Не только форма домов, их положение по отношению друг к другу, но и все их прочие особенности, например, способ отопления, отражали привычки и обычаи населения, точно так

же, конечно, как и православные церкви, называвшиеся Груневегом «русская кирха или церковь», «русская церквушка».

Все эти наблюдения относились к восточным областям Речи Посполитой. Можно было узнать интересные сведения о живущих там людях. «Хотя вся страна в Подолии населена русскими людьми, даже в Константинове был русский землевладелец (речь идет о православном населении Юго-Западной Руси. – А.Б.), все же в замках сидели польские дворяне, которые ожидали [от купцов] уплаты пошлин, кроме того, шинкари ждали своих гостей»⁴⁸. Купцы должны были иметь дело с этими мало образованными провинциальными шляхтичами – «бедными тупицами-дворянами», как писал Груневег. Однако внешне путешественники выражали почтение по отношению к здешним помещикам. «В дом или во дворец, – замечал автор, – следовало входить с большими церемониями, которые выражали уважение ко всему государству». Далее следовало описание целого ритуала общения с хозяином дома и его окружением.

Естественно, купцы вели свою игру с этими полуобразованными дворянами, желавшими приобрести к миру знати. Часто они притворялись, что приехали прямо из Армении и не понимают ни слова по-польски, а потому нуждаются в переводе. Или же они расплачивались гданьскими пфеннигами, выдавая их за ценные армянские монеты. Многие из вещей, которые должны были взиматься в виде пошлины, затем украдкой возвращались назад, поскольку сбор таких пошлин был незаконным.

Между Остро и Черниговом кончались владения Речи Посполитой и начиналась территория московитов. Теперь лишь немногие населенные пункты были «отделены или окружены кустарником либо лесом», замки были построены из дерева. Некоторые поселения были необитаемы, церкви разрушены. Груневег заметил маленькую зимнюю церковь, «так как в этой стране невыносимый холод, их маленькие церкви отапливают так, как у нас бани. В Москве других печей нет» (л. 1180).

Разрушения последней войны еще не были устранены, и татарские орды постоянно совершали набеги. «Как только подморозит, – писал Груневег, – татары, а также казаки приходили в деревни и повсюду, [где было чем поживиться]. Так как и те, и другие обитали совсем близко, особенно татары, граница которых была совсем рядом и которые жили по соседству с московитами. Поэтому зимой весь народ из деревень бежал в город. И для того во многих поселениях зимой и летом выставляли стражу на высоких деревьях, которые мы встречали довольно редко»⁴⁹. Такие города, как Серенск, Товарково или Боровск, были почти необитаемы из-за опустошений и вторжений.

Татар боялись и купцы, «в связи с этим, – отмечал автор Записок, – мы также минуем проселочные дороги и сворачиваем на извилистые тропинки с большим трудом днем и ночью»⁵⁰. Доставляло трудности преодоление рек, так как сначала надо было наводить переправы⁵¹, которые после перехода сразу же сжигались, чтобы никто не смог следовать за караваном. Опасность пути заключалась не только в татарах и других разбойниках (например, конокрадах), а и в самой дороге, так как однажды сани провалились под лед, судно, налетев на дерево, раскололось и затонуло; поход был опасен для жизни, люди страдали от комаров.

По пути в зависимости от условий способ продвижения и транспортировки товаров менялся. Путешествовали на судах, на подводах и на санях и часто должны были перегружать товары. Возницы нанимались лишь на часть пути и затем отпускались (в отличие от поездов в Константинополь)⁵². На Московской территории расстояния измерялись верстами: «... 24 версты от Новогрудка, почти 5 миль, затем 5 верст составляют одну немецкую милю. Поэтому верста, которой москвиты измеряют свою страну, может равняться итальянской миле, от которых так же пять соответствует одной немецкой» (л. 1185)⁵³.

Местность, которую проезжали, была покрыта необъятными лесами. Брянский лес простирался более чем на 23 мили, через него вела узкая, но защищенная дорога. Хотя теперь купцы были спокойны в отношении татар, зато в опасной близости оказались медведи, которые подошли к месту ночной стоянки каравана, несмотря на то, что там зажгли многочисленные костры. Лесные богатства здесь не оберегали, «так как в обширной лесной глуши дерева было в избытке, то его не щадили»⁵⁴. Эту расточительность по отношению к природе отмечали на просторах Московского царства и другие путешественники.

Население Московии относилось к купцам дружелюбно, выказывая готовность оказать услуги. Например, в Брянске «нас приняли чрезвычайно любезно, в ответ на нашу просьбу снабдив едой и питьем. По пути от края деревни до постоянного двора разложили 20 костров, у которых ликовал народ, играя на домрах, скрипках, лирах и дудках. При выходе из постоянного двора так играли на свирели, что лучше не смогли бы и в Гданьске. Мне думается, что ни в какой стране, кроме этой, лиры не столь популярны [...]. Я не знаю, как назвать домры по-немецки, таких нет, только половинная лютня»⁵⁵, – описывал музыкальные инструменты москвитов Груневег.

В православных монастырях монахи тоже проявляли заботу об армянских купцах, которые в благодарность великодушно сделали

щедрые пожертвования. Совместно провели рождественский сочельник, который у православных был уже Epirhanias, и старались подражать жестам единственного грека в караване ⁵⁶. В жилищах Груневег обратил внимание на красные углы с иконами и подчеркнул, что при входе в дом сначала следовало «приветствовать» их, каковое правило усвоили и путешественники. «Когда я входил в комнату и сразу же здоровался с народом, мне указывали на образа, затем присутствовавшим подумалось, что я не заметил икон. В другом случае хозяева полагали, будто я презираю бедность их икон, и, устыдившись, достали из сундука и развесили другие образа, иные же сочли, что я турок или татарин» ⁵⁷.

Рис. 2. Дом в Москве с планом

Ограниченность кругозора жителей Московского государства местным, локальным мирком, их оторванность от внешнего мира проявлялась в разговорах москвитов с купцами, которые всегда наговаривали им с три короба. «Но вместе с тем, шутки ради, они выдали меня за еврея, так как все знают, что в Москве нет никого злее, чем евреи, и что еврей сам или еврейское дитя не будут впущены в страну. Когда они часто сбегались посмотреть на меня (как на еврея – А.Б.), они удивлялись, что я такой же человек, они спрашивали, как я попал в страну, так как это было запрещено» (л. 1191). Купцы рассказывали москвитам всякие небылицы, будто «все евреи, после того как те распяли Христа, получили свиные головы, которые, однако, их патриарх своим благословением вновь смог превратить в прежние». Уверяли их также, «что город Краков так велик, как вся Московия, и там происходят всевозможные чудеса». Груневег записал, что купцы «Стефан и Кристоф были мастера в таком вранье, и, чтобы их послушать, народ стекался толпами, как на проповедь», что слушатели «только ахали и глаза их словно пьянели от изумления. Мы же со своей стороны стояли вдалеке и хохотали чуть ли не до смерти» ⁵⁸.

Груневег не знал упомянутого описания поездки в Москву Герберштейна, которое послужило образцом путевых заметок о Московии⁵⁹. Гданьский коммерсант, например, упрекал Георга Брауна, который изобразил Москву, опираясь не на собственные впечатления, а потому неправдиво⁶⁰. При этом он упустил из вида, что Браун позаимствовал план своего сочинения из «Записок о Московии» Герберштейна. Тогдашние дипломаты в первую очередь интересовались придворным и посольским церемониалом и краеведческими вопросами. В этом стиле составлены и донесения английских дипломатов, таких, как Уиллес Флетчер (побывал в Московии в 1588–1589 гг.), который, конечно, был знаком с «Записками» Герберштейна⁶¹. Интерес иезуита Антонио Поссевино, который ездил в Москву в 1581–1582 гг., был сконцентрирован на религиозно-политических вопросах⁶². В 1580-х гг. совершил путешествие в Москву и английский капитан Ричард Ченселер, оставивший нам записки о своих впечатлениях. Он также не знал труда Герберштейна. Его интерес сосредоточился больше на Северном море и растительности и ландшафте страны и меньше на политических вопросах. Его суждение о Москве было лаконично: «В ней много зданий и больших зданий, но с точки зрения красоты и очарования, это совершенно несравнимо с тем, что есть у нас»⁶³. Джером Горсей находился в Москве как постоянный представитель крупной торговой компании и с сентября 1585 г. до июля 1586 г. ездил в Лондон в качестве посла нового царя Федора⁶⁴. Каждый из здесь поименованных описал свое пребывание в Московском царстве через призму своей деятельности, Мартин Груневег дополнил эту картину Московии как 22-летний автор, совершивший путешествие с армянскими купцами из Львова. При этом, по его собственным словам, целью его Записок совершенно не было «рассказать о стране или городах, а только представить нечто запомнившееся из моих странствий, так как обо всех странах с их городами уже давно имеются публикации в хрониках»⁶⁵.

Перевод с немецкого Натальи Богаевой

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст, Примечания. Slavistic printings and reprintings 98. Mouton, 1969. [Репринт Петроградъ, 1916]. С. 6. [Так славяне пришли на Днепр и поселились там и назвались поляне, другие же древляне, так как они жили в лесах; [...] Иные же поселились на Десне, Сейме и Суле, они именовались северянами.]

- 2 *Schedel H.* Chronik vom Anfang der Welt bis 1493. Nürnberg, 1493. Blatt CCLXIII.
- 3 *Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain, Neyperg & Guettenhag.* Basileae: per Ioannem Oporinum [1556]. S. 67–68.
- 4 *Kromer M.* Polska czyli o położeniu, ludności, obyczajach, urządach i sprawach publicznych królestwa polskiego księgi dwie. Przekład Śtefana Kazikowskiego. Olsztyn, 1984. S. 21.
- 5 *Fröschl T.* «Confoederationes, Uniones, Ligae, Bünde». Versuch einer Begriffserklärung für Staatenverbindungen der frühen Neuzeit in Europa und Nordamerika // *Föderationsmodelle und Unionsstrukturen. Über Staatenverbindungen in der frühen Neuzeit vom 15. zum 18. Jahrhundert.* Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit 21. München, 1994. S. 21–44, здесь S. 23.
- 6 *Schultz H.-D.* Räume sind nicht, Räume werden gemacht. Zur Genese 'Mitteleuropas' in der deutschen Geographie // *Europa Regional 5* (1997). S. 2–14; *Schögel K.* Im Raume lesen wir die Zeit. Über Zivilisationsgeschichte und Geopolitik. München; Wien, 2003.
- 7 *Wallerstein I.* The modern world-system. Bd. II Mercantilism and the consolidation of the European world-economy, 1600–1750. New York, 1980. P. 207.
- 8 «Центр и периферия имеют смысл только тогда, если их можно дифференцировать, то есть когда они не исчезают несмотря на центробежность периферии и центростремительность центра» (*Bango J.* Auf dem Weg zur postglobalen Gesellschaft. Verlorenes Zentrum, abgebaute Peripherie, «erfundene» Region. Soziologische Schriften 67. Berlin, 1998. S. 224).
- 9 *Eskelinen H., Snickars I.* Competitive European Peripheries? An Introduction // *Competitive European Peripheries, Advances in spatial science.* Berlin; Heidelberg; New York, 1995. P. 1–14, здесь P. 1.
- 10 Вообще-то периферийных регионов больше, чем пограничных областей (Border, region, ethnicity in Central Europe, results of an international comparative research. Ed. G. Éger, J. Langer. Klagenfurt, 1996. P. 27).
- 11 *Randsborg K.* Barbarians, classical antiquity and the rise of Western Europe // *Past and Present 137* (1992). P. 8–24, здесь p. 8.
- 12 О концепции границы см. введение в: *Menschen und Grenzen in der frühen Neuzeit.* Hg. W. Schmale, R. Stauber. Innovationen 2. Berlin, 1998. S. 9–22.
- 13 *Stadelbauer J.* Räumliche Transformationsprozesse und Aufgaben geographischer Transformationsforschung // *Europa Regional 8.* 3–4. (2000). S. 60–71; *Schwanitz S.* Transformationsforschung. Area Studies versus Politikwissenschaft? Plädoyer für einen akteurstheoretischen Ansatz. Arbeitspapiere des Osteuropa-Instituts der Freien Universität Berlin. Arbeitsbereich Politik und Gesellschaft 3. Berlin, 1997; о Сибири см.: *Göler D.* Rückzug aus der nördlichen Peripherie Rußlands? Jüngere räumliche Entwicklungen im Hohen Norden Ostsibiriens und des Fernen Ostens – ein Beitrag zur peripheren Transformationsforschung. Forum des Leibniz-Instituts für Länderkunde 3. Leipzig, 2005.

- 14 *Karrow R.W.* Mapmakers of the sixteenth century and their maps. Bio-Bibliographies of the cartographers of Abraham Ortelius, 1570. Chicago III, 1993. 35/1.4. P. 281.
- 15 Ср.: *Белы А.* Хроніка Белай Русі. Нарые гісторыі адной географічнай назвы. Мінск, 2000.
- 16 *Historia Polski w liczbach. Tabellen 16–19. S. 33–36; Bogucka M., Samsonowicz H.* Dzieje miast i mieszczaństwa w Polsce przedrozbiorowej. Wrocław, 1986. S. 332–333. О западных городах см.: *Braudel F.* Sozialgeschichte des 15.–18. Jahrhunderts. Der Alltag. München, 1985. S. 523–575.
- 17 *Mączak A.* Pierwsza Rzeczpospolita: paradoks historii? // *Tematy polsko-litewskie. Historia-Literatura-Edukacja. Biblioteka Borussii 13.* Olsztyn, 1999. S. 17–26, здесь s. 20.
- 18 *Samsonowicz H.* Die Stände in Polen // *Die Anfänge der ständischen Vertretungen in Preußen und seinen Nachbarländern. Schriften des Historischen Kollegs 16.* München, 1992. S. 159–167, здесь S. 164–167.
- 19 Здесь не хватает точных статистических данных о XVI и XVII вв. Такие оценки населения, как 40% поляков, 20% русинов, примерно 15% литовцев, свыше 10% немцев, 5% евреев, приводятся в: *Dybkowska A., Żaryn J. i M.* Polskie dzieje od czasów najdawniejszych do współczesności. Warszawa, 1995. S. 105.
- 20 *Zientara B.* Frühzeit der europäischen Nationen. Deutsches Historisches Institut in Warschau. Klio 1. Osnabrück, 1997. S. 20; *Bardach J.* Od narodu politycznego do narodu etnicznego w Europie Środkowo-Wschodniej // *Kultura i Społeczeństwo 37 (1993).* S. 3–16.
- 21 *Maciszewski J.* Szlachta polska i jej państwo. Warszawa, 1986. S. 132.
- 22 *Cynarski S.* Sarmatyzm – ideologia i styl życia // *Polska XVII wieku. Państwo – społeczeństwo – kultura.* Warszawa, 1969. S. 220–243.
- 23 *Loenertz R.J.* La société des frères pèlerins. Étude sur l'orient dominicain. Dissertationes Historicae VII. Romae, 1937.
- 24 Ср. *Хорошкевич А.Л.* Мартин Груневег о границе и таможенных установлениях в России 1585 г. // *Регионы и границы Украины в исторической перспективе.* М., 2005. С. 296–302.
- 25 *Walczak R.* Pamiętniki Marcina Grunewega // *Studia Źródłoznawcze 5 (1960).* S. 57–77. Ср.: *Bues A.* Sprachenerlernung in den Grenzgebieten der Rzeczpospolita. Deutsch-polnische Gesprächsbücher aus dem 16. und 17. Jahrhundert // *Rußland, Polen und Österreich in der Frühen Neuzeit. Wiener Archiv für die Geschichte des Slawentums und Osteuropas 16.* Wien; Köln; Weimar, 2003. S. 87–106.
- 26 Об армянах в Польше см.: *Stopka K.* Ormianie w Polsce dawnej i dzisiejszej. Kraków, 2000. Особенно с. 44–58. О польско-турецких отношениях на уровне политики см.: *Kołodziejczyk D.* Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th-18th Century). An Annotated Edition of Ahdnames and Other Documents. Leiden; Boston; Köln, 2000.
- 27 В настоящее время документ находится в библиотеке Гданьска Польской академии наук, сигнатура манускрипта 1300 [далее цитируется по Груневегу]. Манускрипт опубликован под названием: *Die Aufzeichnungen*

- des Dominikaners Martin Gruneweg (1562 – ca. 1618) über seine Familie in Danzig, seine Handelsreisen in Osteuropa und sein Klosterleben in Polen. 4 Bde. Deutsches Historisches Institut Warschau. Quellen und Studien 19, 1–4. Wiesbaden, 2008.
- 28 Ср.: Schulze W. Die Entstehung des nationalen Vorurteils. Zur Kultur der Wahrnehmung fremder Nationen in der europäischen Frühen Neuzeit // Menschen und Grenzen in der frühen Neuzeit. Innovationen 2. Berlin, 1998. S. 23–49.
- 29 Жизнь в путешествиях была небезопасной, там подстерегало достаточно много «мордovorотов» и «отморозков», особенно часто в лесах, поэтому путешествовали группами (Volckmar N. Vierzig Dialogi 1612. Wydał E. Kizik. Gdańsk, 2005. S. 191–192. О составлении каравана л. 914–916).
- 30 О франко-испанской границе см.: Sahlins P. Boundaries. The Making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley; Oxford, 1991.
- 31 О нациях во Львове см.: Канраль М. Національні громади Львова XVI–XVII ст. Соціально-правові взаємини. Львів, 2003.
- 32 Stagl J. Eine Geschichte der Neugier. Die Kunst des Reisens 1550–1800. Wien, 2002. S. 109.
- 33 Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain. Neuperge & Guettenhag. Basileae: per Ioannem Oporinum [1556]. S. 56; Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 126.
- 34 Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою Комиссиею. 12 томов. СПб., 1846–1872. Т. 1. № 131. С. 198.
- 35 «5 ноября к нам прибыли турецкие купцы и торговали так, что наши повозки совсем опустели. Мне посчастливилось так продать свою пушнину, что я вернул господину его деньги и оставил себе больше 200 талеров». (Gruneweg, Fol. 1255).
- 36 Древняя российская библиотека. Изд. Н.И. Новиков. Т. 12. М., 1789. С. 194–225. По соглашению от июля 1582 г. Россия уступила Вележ Речи Посполитой, в то время как она отказалась от наступления на Новгород.
- 37 Российский Государственный архив древних актов, Москва [в дальнейшем РГАДА]. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 15. Л. 131–131 об. Предварительную работу в РГАДА взяла на себя Анна Леонидовна Хорошкевич, за что мы благодарим ее.
- 38 О торговых контактах вильнюсских купцов см.: Кяупа З., Кяупене Ю. Европейские контакты купцов Вильнюса в XV–XVI вв. // Цивилизация Северной Европы. Средневековый город и культурное взаимодействие. М., 1992. С. 96–107.
- 39 См.: Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegelbild der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Rußlandes, Geist und Werk der Zeiten. Arbeiten aus dem Historischen Seminar der Universität Zürich 33. Bern; Frankfurt/M., 1972.
- 40 Перемирие от 14 июля 1584 г. Gruneweg. Fol. 1147.
- 41 Gruneweg. Fol. 1150.

- 42 РГАДА. Ф. 79. Кн. 16. Л. 5 об.–6.
- 43 Многие из этих купцов происходили из Вильнюса, такие, как Марцин Мамович (Gruneweg. Fol. 1233).
- 44 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 61. Л. 31 об., 200 об.
- 45 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Л. 196 об. и 420.
- 46 Gruneweg. Fol. 1149, 1150–1151, 1154–1155.
- 47 «Civitas haec tam lata ac spaciola, admodum lutosa est, quamobrem in vicis ac plateis, aliisque celebrioribus locis, pontes passim extracti sunt». *Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain. Neyperg & Guettenhag. Basileae: per Ioannem Oporinum [1556]. S. 62.*
- 48 Gruneweg. Fol. 1151. Дорога в Молдавию вела от Плухова через области, населенные русскими: «На красивой круглой горе стояла русская церквушка, как по пути вплоть до Валахии, были лишь русские, в этих местах обнаружили только мало поляков».
- 49 Gruneweg. Fol. 1177. Ср. Fol. 1179.
- 50 Gruneweg. Fol. 1178–1179.
- 51 «Мы прибыли к реке, которая была глубокой и по ширине как улица Пивна (Joepen gasse), что обещало нам тяжелую работу, так как мы должны были плотничать. Значит, мы повалили шесть высоких деревьев, которые, после того как они были очищены от веток, мы связали вместе как плот, после этого спустили их на воду и сделали мост. На него сверху положили хворост (кустарник). По этому мосту мы переправились, а после этого подожгли его...» (Gruneweg. Fol. 1178).
- 52 Например, Gruneweg. Fol. 1180, 1184.
- 53 1 верста = 1,067 км.
- 54 Gruneweg. Fol. 1186.
- 55 Gruneweg. Fol. 1194. Здесь речь идет о балалайке.
- 56 «Так как среди нас только Иваниз был греком, единственный из их секты, все мы смотрели на него, и как он двигался, все мы довольствовались тем, что подражали ему, потому что вообще не разбирались в их церемониях» (Gruneweg. Fol. 1192).
- 57 «В комнатах людей на самых почетных местах вешают дорогие образа, оправленные золотом и драгоценными камнями, очень почитаемые. Как только входят к ним, прежде чем сказать слово, отдают дань уважения Богу и его святым на образах, отвечивают земные поклоны каждому образу и осеняют себя крестом, только после этого приветствуют жильца» (Gruneweg. Fol. 1190).
- 58 «Краков, пожалуй, так велик, как страна москвитов, в котором церковь св. Станислава такая большая, как город Москва, вся покрыта чистым золотом, так как она стоит на горе Синай, к этой церкви нельзя прибыть иначе, как только надо 8 дней ехать в гору на Красном море в серебряных комеги [лодки – А.Б.]. Там есть такой большой колокол, что его начинают раскачивать в масленицу и все дни привязывают новые веревки, звонит он на Пасху и его звон приходит на Троицу до Вильнюся» (Gruneweg. Fol. 1192).

- 59 *Leitsch W.* Herberstein's Impact on the Reports about Muscovy in the 16th and 17th Century. Some Observations on the Technique of Borrowing // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte* 24 (1978). S. 163–177.
- 60 Gruneweg. Fol. 1199. Об описании Груневегом Москвы см.: *Хорошкевич А.Л.* Мартин Груневег о Москве 1585 г. // *Россия и Германия*. М., 2001. С. 19–41.
- 61 *Kingdom R. and B.* Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers. Madison; London, 1968. P. 87–246.
- 62 Antonii Possevini liber de rebus Moscoviticis. 1587.
- 63 *Kingdom R. and B.* Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers. Madison; London, 1968. P. 3–41, здесь p. 23.
- 64 *Ibid.* P. 249–369.
- 65 Gruneweg. Fol. 1197.

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

**ПРАВОСЛАВИЕ И ДРУГИЕ ХРИСТИАНСКИЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ
В НАЧАЛЕ ЭПОХИ КОНФЕССИОНАЛИЗАЦИИ**

Независимо от того, признаем ли мы пригодность «парадигмы конфессионализации» для исследования отношений между вероисповеданиями в Польско-Литовском государстве в XVI и XVII вв., следует признать, что соответствующая терминология, активно вводимая в научный оборот немецкими исследователями процессов конфессионализации ¹ в Западной и Центральной Европе, начинает все более отчетливо звучать в трудах, посвященных проблемам истории религии и религиозности в Восточной Европе в Новое время. Любопытно, что в предпринимаемых в последние годы попытках интерпретации истории православия в шляхетской Речи Посполитой с использованием элементов «парадигмы конфессионализации», обоснованной еще в 1970-е гг. Вольфгангом Рейнхардом и Хайнцем Шиллингом, все еще проявляется тенденция антиисторической интерпретации исторических источников второй половины XVI в., при анализе которых исследователи рассматривают их, исходя из перспективы ситуации, возникшей позже, после 1595–1596 гг., и в ее контексте.

Известно, что в 80-х гг. XVI в. положение третьей, после католиков и протестантов, крупной христианской общности в Речи Посполитой – православия – резко контрастировало с набиравшим силу и демонстрировавшим первые впечатляющие успехи процессом католического, посттридентского обновления, традиционно именуемого контрреформацией, которая ныне часто определяется как католическая реформа ². Однако иногда без достаточных оснований высказывается мнение, что уже в 60-х гг. XVI в. православная шляхта усматривала в положении православной церкви того времени угрозу свободе вероисповедания. Ведь идеи о необходимости реформ и перемен не всегда являются результатом ощущения угрозы, особенно когда правовое положение православного населения в Польско-Литовском государстве во второй половине XVI в. не выглядело так уж плохо ³. Так было и в том случае, когда, например, православные послы на сейм 1565/66 г. от Волынского воеводства Великого

княжества Литовского действительно просили короля и литовского великого князя Сигизмунда Августа дать согласие на выбор шляхтой православных епископов в Великом княжестве, поскольку, по их мнению, обязанности епископов исполняли люди малообразованные и непригодные для этого. Однако эта просьба свидетельствовала лишь о том, что обратившиеся к монарху осознавали слабость церкви, и вовсе не указывала на то, что они чувствовали какую-то угрозу своим сословным правам и привилегиям по сравнению со шляхтой других вероисповеданий⁴. Кроме того, мы не можем быть уверены, действительно ли ходатаев беспокоил неудовлетворительный уровень образованности православных епископов, или же ими двигало намерение так или иначе прибрать к рукам земельные владения епископских кафедр⁵.

Можно также усомниться в том, что соблюдение королем при раздаче должностей «принципа индигената», предусмотренное актами Люблинской унии 1569 г., свидетельствовало об опасениях православной шляхты за свободу вероисповедания. В них королевская власть *expressis verbis* обязалась «*dostojeństw i dygnitarstw i urzędów ziemie naszej wołyńskiej, duchownych i świeckich, wielkich i małych, tak rzymskiego jako i greckiego zakonu będących, nie umniejszać ani zatłumić, i owszem w cale zachować.*»^{6*}. В отличие от Кароля Мазура, который интерпретирует этот фрагмент через призму религиозных отношений и полемики, которая велась уже после 1596 г.⁷, мы не видим здесь какого-либо свидетельства угрозы свободе вероисповедания. Волынская шляхта хотела обеспечить себе всего-навсего исключительный доступ к значительному числу должностей, в т. ч. и к санам православных владык и архимандритов, обладание которыми, как уже говорилось выше, давало бы возможность распоряжаться обширными земельными владениями епископских кафедр и монастырей. То, что церковные должности могли занимать только православные, было в 1569 г. еще очевидно.

Проведенный недавно Игорем Бортником анализ возникших в то время в Речи Посполитой памятников православной полемической литературы подтверждает отсутствие в православной среде ощущения угрозы своим политическим и сословным правам со стороны доминировавших в государстве католиков и протестантов⁸. Во второй половине XVI в. главной целью православных богословов, полемизировавших с иноверцами, была защита собственной

* «Должностей Земли нашей Волынской, как духовных, так и светских, больших и малых, как римского, так и греческого закона будучих, не сокращать и не отменять, а, наоборот, в целости сохранять».

догматики и литургии. Межконфессиональные отношения в данном случае рассматривались исключительно на теологическом уровне, что, по всей вероятности, представляло собой реакцию на миссионерскую активность западноевропейских протестантов, рассчитывавших достичь с православными соглашения, направленного против католиков⁹. Локальной проблемой для православного духовенства были прибывавшие на земли Великого княжества Литовского т.н. жидовствующие¹⁰, и, прежде всего, развитие евангелическо-реформационных церковных структур, которое началось среди литовских католиков и быстро достигло белорусских и украинских земель¹¹. Интенсивную миссионерскую деятельность среди православного населения вели также антитринитарии, издававшие тексты на русском языке. В этом контексте достаточно упомянуть известную деятельность Шимона Будного, а также перевод Евангелия, выполненный Василием Чапинским¹².

К наиболее изученным памятникам публицистики, посвященной защите православной религиозной доктрины, относятся сочинения беглецов из Московского государства: бывшего игумена Троице-Сергиевой Лавры Артемия, авторству которого традиция приписывает ряд полемических текстов, в частности, с возражениями Будному¹³, и самого известного политического перебежчика – А.М. Курбского, боровшегося с влиянием протестантов¹⁴. В защиту православия выступали также и исконные граждане Речи Посполитой, такие как, например, уроженец Перемышльской земли шляхтич Иван Вишенский¹⁵ или авторы анонимных текстов «Против повести нынешних безбожных еретиков», «Списание против люторов», «Послание до латин из их же книг». К ним принадлежали и составители теологических писем, возникших в среде клиентов рода Острожских¹⁶. Укажем здесь на сочинения Герасима Смотрицкого – будущего ректора Острожской академии и редактора переводов Библии: «Ключ царства небесного», его введение к той же Библии, а также труд Василия Суражского (Малющицкого) «О единой истинной православной вере». Необходимо подчеркнуть при этом, что тексты Суражского, Смотрицкого и «Послание до латин» возникли уже в ответ на предпринятую католиками очередной раз, на рубеже 1570–1580-х гг., интенсивную пропаганду в пользу церковной унии. Однако даже в этих условиях авторы упомянутых трудов отнюдь не демонстрировали в своих сочинениях ощущения угрозы свободе вероисповедания и даже не видели повода упоминать о ней.

Более того, в эпоху религиозного равноправия, а именно после принятия в 1573 г. постановлений Варшавской конфедерации о равенстве в правах и привилегиях шляхты всех христианских конфес-

сий¹⁷, православные авторы Речи Посполитой, напротив, сосредотачивались на теологическом обосновании истинности исключительно собственной доктрины, обращаясь к аргументации, подчеркивавшей черты «настоящей церкви». Все другие церкви и религии, которые не руководствовались их (т. е. православных) «законом», считались в этом случае еретическими. Так, например, Василий Суражский, писавший по прошествии нескольких лет после Варшавской конфедерации, не принимал идеи религиозного равноправия, последовательно объявляя фальшивыми все религии, кроме православия¹⁸.

О значительной степени уверенности в собственной безопасности свидетельствуют и содержащиеся в текстах православных полемистов резкие и оскорбительные выпады в адрес представителей иных конфессий и религий. Так, например, Суражский наравне с последователями иудаизма и ислама осуждал протестантов, и это в то время, когда к ним принадлежала значительная часть политических элит Великого княжества Литовского¹⁹. Артемий и вовсе считал деятельность еретиков «сатанинским делом», а о протестантах, в частности, говорил, что ими овладел демон обмана²⁰. Если католиков Андрей Курбский считал лишь схизматиками, то протестантов – «детьми дьявола», «ядовитыми драконами», «бесами», «змеями»²¹. Игорь Бортник справедливо обратил внимание, что данный стиль религиозной полемики не был чем-то исключительным в тогдашних теологических сочинениях, а использование оскорбительных прозвищ в адрес оппонентов было в такой же мере характерно для католических и протестантских полемистов²². Необходимо, однако, отметить, что публикация текстов такого рода сама по себе свидетельствует о высокой степени уверенности авторов в собственной неуязвимости, позволявшей им не опасаться реакции оскорбленных иноверцев, принадлежавших к властной элите Речи Посполитой.

Осознание собственного равноправного статуса, а следовательно, и ощущение безопасности по отношению к другим конфессиям отвлекало внимание православных авторов от политической проблематики. Вплоть до 1596 г. вопросы взаимоотношений шляхетского государства и действовавших на территории его юрисдикции конфессий практически их не интересовали. Игорю Бортнику удалось обнаружить лишь два высказывания по этому поводу – оба, впрочем, касающиеся религиозной терпимости, т.к. в них осуждалось использование принуждения в делах веры. Автор первого из них, Артемий, несмотря на свое принципиально враждебное отношение ко всем иноверцам, ссылаясь на евангельский принцип любви, осуждал насилие, ратуя за обращение «зablудших» путем убеждения и молитвы²³. Анонимный автор «Послания до латин из их же книг» также

отвергал насилие в отношении иноверцев, однако при случае он выстраивал направленное против католической церкви противопоставление между не приемлвшим насилия Христом и призывавшим к насилию папством²⁴. Основное содержание православной полемической литературы в период до 1596 г. характеризовалось резкими выпадами против оппонентов-иноверцев и отсутствием интереса к политике государства в отношении не католических вероисповеданий. А это в свою очередь свидетельствовало, что православные элиты не видели для себя политической угрозы со стороны государства и не опасались за свое положение в шляхетской республике, следовательно, Варшавская конфедерация оправдывала себя, а ее постановления были реализованы, по крайней мере, с точки зрения отношений между православной церковью и Речью Посполитой.

Любопытно, однако, что, будучи в Речи Посполитой, приехавшие из Московского царства православные религиозные полемисты XVI в. выступали за изоляцию своих единоверцев от последователей других направлений христианства. Это свидетельствует в пользу утверждения, что влияние католицизма и протестантизма на теологическом уровне представляло для них существенную проблему. Василий Суражский призывал православных не поддерживать каких бы то ни было контактов с иноверцами²⁵, а Андрей Курбский осуждал даже сотрудничество православных магнатов с протестантами в целях противодействия католикам, что в то время могло относиться даже к наиболее влиятельному покровителю польско-литовского православия, киевскому воеводе Константину Василию Острожскому²⁶.

Вместо кооперации с иноверцами православные полемисты, впрочем вполне в соответствии с общеевропейской тенденцией конфессионализации, прежде всего призывали к нравственному совершенствованию и к повышению уровня образования духовенства, а также ратовали за усиление устной и печатной пропаганды православия²⁷. Интересно также, что в начале острейшей их полемики было направлено против протестантов-кальвинистов. В труде «Против повести нынешних безбожных еретиков» подчеркивалась даже близость доктрины и практики католической и православной церквей, которые должны были быть в равной степени отдалены от протестантизма²⁸. Возможно, что это вытекало из убеждения, что протестанты, которые в 70-х гг. XVI в. еще успешно действовали в Великом княжестве Литовском, казались православным публицистам более грозным противником в борьбе за души прихожан в сравнении с католиками. И только в 1580-х гг. главным объектом нападков православных полемистов становятся католики. Вероятно, причинами этого стали тре-

ния между этими двумя христианскими конфессиями, возникшие на фоне проводившейся в 1583–1585 гг. реформы календаря, но в первую очередь из-за развернувшейся католической пропаганды церковной унии, что заставляло лидеров православия рассматривать теперь протестантов как потенциальных политических союзников²⁹.

Католическая пропаганда унии к тому времени не представляла, впрочем, из себя чего-то нового. Даже не углубляясь в Средние века, достаточно вспомнить, как еще недавно активно призывал к соглашению с православной церковью Станислав Ожеховский. Уже в начале 80-х гг. XVI в. Константин Острожский вел с Альберто Болонгетти – папским нунцием в Речи Посполитой – и иезуитом Антонио Поссевино переговоры об унии всех православных церквей с Римом при условии сохранения их автономии³⁰. Сторонники соглашения с католиками могли при этом опираться на признаваемую православным автором труда «Против повести нынешних безбожных еретиков» доктринальную близость католицизма и православия. Еще в 1593 г. киевский воевода, который столкнулся с серьезными трудностями на пути реализации своего проекта реформ православных школ и повышения образовательного уровня клира, признавая, что без внешней помощи он не в состоянии воспрепятствовать нарастающему кризису православия на входивших в состав Речи Посполитой землях Западной Руси, вернулся к идее унии с католической церковью. Подобные взгляды он высказал в известном письме, адресованном другому стороннику унии с католиками – Ипатю Потюю, только что ставшему во главе владимирско-брестской епархии и перешедшего в ряды православного епископата из Сената Речи Посполитой, в который он входил как брестско-литовский каштелян³¹. Тон письма Острожского и сформулированная в нем оценка положения православной церкви на землях Речи Посполитой были очень пессимистичными, однако киевский воевода видел главную угрозу для своих единоверцев не в католической конфессионализации, а, по его словам, в распространении среди русинов протестантизма. Это его настроение нашло отражение и в том, что в письме князь Острожский уничижительно именовал протестантов еретиками, тогда как католиков называл братьями³².

Как известно, концепция церковной унии, которую стремился реализовать князь Острожский, противоречила устремлениям высшего православного духовенства. Оно намеревалось укрепить собственный авторитет и – как подчеркивает Борис Гудзяк – освободиться от доминирования светских опекунов – ктиторов, именно таких, как киевский воевода³³. Ипатий Потей, которому в 1593 г. было адресовано письмо Острожского, выдвинул собственную

концепцию церковной унии. Она предусматривала присоединение польско-литовской православной церкви к католической. В предложениях Потея, впрочем, отсутствуют ощущения угрозы свободе вероисповедания со стороны государства. По мнению владимирско-бrestского владыки, уния являлась той ценой, которую необходимо было заплатить за выход православия из духовно-нравственного кризиса и его защиты от влияния евангеликов. Последнее, однако, не было результатом деятельности государственной власти. Идеи Потея представляли собой заимствование аргументации контрреформации, являясь в то же время отказом от концепции защиты доктрины православия от католиков и протестантов одновременно ³⁴.

Как известно, Константин Острожский вместе с частью духовенства и православной шляхты в Польской Руси выступил против заключенной епископами унии ³⁵ и объявил о своей готовности к сближению с протестантами. Его концепция сотрудничества с ними получила популярность среди шляхты, для которой уния с католической церковью означала ограничение роли светских землевладельцев в церковных делах, тогда как сближение православных с протестантами гарантировало сохранение всестороннего контроля светских господ над духовенством. Эти устремления светских православных элит явно выразились в инструкции, данной Константином Острожским Касперу Лушковскому, направленному князем в 1595 г. в Торунь на протестантский генеральный синод ³⁶. В ней киевский воевода вновь ссылаясь на аргументы, которые сторонники унии с Римом использовали по отношению к католикам, т.е. констатировал догматическую близость православия и протестантизма, различия между которыми сводились якобы только к литургии. По мнению Острожского, православные в союзе с евангеликами могли более результативно противодействовать контрреформации, подобно тому как пропагандируемая им ранее идея унии с католиками должна была спасти православие от протестантской угрозы ³⁷.

Представляется, что только в результате Брестской унии и признания ее Сигизмундом III православные элиты осознали, что в сущности речь уже шла не о защите собственной доктрины от влияния тех или иных «еретиков», а о свободе вероисповедания и о самом существовании в Речи Посполитой православной церкви. Политический союз православной и протестантской шляхты оформился уже на сейме 1596 г. 3 мая протестантские и православные послы сейма совместно потребовали «процесса Варшавской конфедерации», то есть оставления в силе постановлений конфедерации и принятого ею законодательства. Когда из-за угрозы срыва сейма Сигизмунд III вместо этого согласился только на продление «консти-

туции о беспорядках» от 1593 г., протест заявили сначала православные послы, и, как отметил Томаш Кемпа, это было их первое выступление на сейме Речи Посполитой в защиту религиозных прав³⁸.

Одним из последствий синодов 1595 и 1596 гг. стало появление нового качества в отношениях между шляхетским государством и церквями, а признание Сигизмундом III Брестской унии должно было стать тревожным сигналом как для исповедующих православие, так и для евангеликов, и даже для слоев населения, не принадлежавших к политической элите. Виленский гродский писарь Шенстный Бохуматка писал Кшиштофу Радзивиллу, по прозвищу «Пёрун»^{*}, что он не сомневается в том, что католики стремятся «do złamania konfederacyjej, pierwej Ruś potrwóżyć, ku sobie zniewolić, a potem snadź i do ewanielików i sasów ponieść się»^{39**}. В чем состояли намерения католического епископата и королевского двора – было тайной полишинеля, а при возникновении политической угрозы общность интересов протестантов и православных взяла верх над теологическими разногласиями. Начался период их союзнических отношений, которые были направлены против католиков. Только тогда и среди православных возникло ощущение угрозы их сословным и политическим правам, а общей целью деятельности «диссидентов» и «дизунитов» в парламенте стало отстаивание «процесса» (законодательства) Варшавской конфедерации, а также законодательного оформления прав и привилегий православной церкви в Речи Посполитой⁴⁰.

Перевод с польского Стефании Кочегаровой

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Основные работы авторов, сформулировавших исходные положения теории конфессионализации и развивающих ее, см.: *Reinhard W. Ausgewählte Abhandlungen*. Berlin, 1997; *Schilling H. Ausgewählte Abhandlungen zur europäischen Reformations- und Konfessionalisierungsgeschichte* / hrsg. von L. Schorn-Schütte, O. Mörke. Berlin, 2002. См. также важнейшие сборники трудов, посвященных процессам конфессионализации в Германии, начиная с эпохи Реформации: *Die reformierte Konfessionalisierung in Deutschland. Das Problem der „Zweiten Reformation“* / hrsg. von W. Reinhard, H. Schilling. Gütersloh, 1986; *Die lu-*

^{*} Piogun, т. е. Гром.

^{**} «к отмене конфедерации, сперва Русь [православных] напугать, подчинить себе, а потом знать и евангеликов [кальвинистов] и саксонцев [лютеран] извести».

- therische Konfessionalisierung / hrsg. von H.-Ch. Rublack. Gütersloh, 1992; Die katholische Konfessionalisierung / hrsg. von W. Reinhard, H. Schilling. Gütersloh, 1995.
- 2 См.: *Флоря Б.Н.* Кризис организационных структур православной Церкви в XVI в. // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII вв. Ч. 1: Брестская уния 1596 г. Исторические причины. М., 1996. С. 33–41; *Кемпа Т.* Wobec kontrreformacji. Protestantci i prawosławni w obronie swobód wyznaniowych w Rzeczypospolitej w końcu XVI i w pierwszej połowie XVII wieku. Toruń, 2007. S. 28–30. О терминологии см.: *Jedin H.* Katholische Reformation oder Gegenreformation. Ein Versuch zur Klärung der Begriffe nebst einer Jubiläumsbetrachtung über das Trienter Konzil. Luzern, 1946; Новое издание того же труда см.: *Gegenreformation* / hrsg. von E.W. Zeeden. Darmstadt, 1973. S. 46–81. Wege der Forschung, Bd. 311. Считается, что первым термин «контрреформация» использовал в 1776 г. немецкий юрист Иоганн Штефан Пютгер применительно к антипротестантским ревиндикациям посттридентского католицизма, функционирование этого термина в немецкой историографии рассмотрел А. Элкан: *Elkan A.* Entstehung und Entwicklung des Begriffes Gegenreformation // *Historische Zeitschrift*. 112. 1924. S. 473–93. См. также: *Wojtyńska H.D.* Reformacja – reforma katolicka – kontrreformacja. Dzieje nomenklatury i próba uściślenia pojęć // *Roczniki Teologiczno-Kanoniczne*. 24. 1977. 4. S. 225–249; *Cochrane E.W.* Counter Reformation or Tridentine Reformation? Italy in the Age of Carolo Borromeo // *San Carolo Borromeo Reform and Ecclesiastical Politics* / ed. J.M. Headley, J.B. Tomaro. Cransbury, 1988. S. 31–46.
 - 3 *Ćwikła L.* Sytuacja prawna ludności prawosławnej w państwie polsko-litewskim do 1596 r. // *Czasy Nowożytnie*. 9. 2001. S. 41–57.
 - 4 *Mazur K.* W stronę integracji z Koroną. Sejmiki Wołynia i Ukrainy w latach 1569–1648. Warszawa, 2006. S. 30.
 - 5 *Litwin H.* Dobra ziemskie Cerkwi Prawosławnej i Kościoła Katolickiego obu obrządków na Kijowszczyźnie w świetle akt skarbowych i sądowych 1569–1648 // *Rocznik Teologiczny*. 32. 1990. 2. S. 187–208.
 - 6 *Akta unii Polski z Litwą 1385–1791* / wyd. T. Kutrzeba, W. Semkowicz. Kraków, 1932. S. 306, 316–317.
 - 7 *Mazur K.* Op. cit. S. 392.
 - 8 *Bortnik I.* Problem tolerancji w prawosławnej myśli teologicznej i społeczno-politycznej w Rzeczypospolitej drugiej połowy XVI i pierwszej połowy XVII wieku // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. Находится в печати.
 - 9 *Bendza M.* Prawosławno-protestanckie tendencje unijne w XVI wieku ze szczególnym uwzględnieniem terenu ziem Rzeczypospolitej // *Rocznik Teologiczny ChAT*. 25. 1983. 2. S. 179–194. Недавно на эту тему подробно написал Т. Кемпа. См.: *Kempa T.* Op. cit. S. 23–30.
 - 10 *Дмитриев М.В.* Православие и реформация. Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990. С. 71–72. Ср.: *Zema W.* Reformacja w Europie Środkowej i

- Wschodniej i herezja Feodosija Kosoja // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 3. 2005. S. 222–238.
- 11 *Williams G.H.* Protestants in the Ukraine during the period of the Polish-Lithuanian Commonwealth // *Harvard Ukrainian Studies*. 2. 1978. 1. S. 41–72; *Иванова Л.* Реформаційні рухування в Беларусі (другая паловіна XVI – першая паловіна XVII стагоддзя) // *Беларускі гістарычны часопіс* 1997. № 2. С. 54–72. (На беларускім мове).
- 12 *Lewicki O.* Socynjanie na Rusi // *Reformacja w Polsce*. 2. 1922. S. 198–234; *Kamieniecki J.* Szymon Budny – zapomniana postać polskiej reformacji. Wrocław, 2002. S. 25–37, 64–65; *Kempa T.* Op. cit. S. 36–38.
- 13 *Kamieniecki J.* Op. cit. S. 66–67; *Kempa T.* Op. cit. S. 41–42.
- 14 *Дмитриев М.В.* Указ. соч. С. 106–107.
- 15 Там же. С. 101.
- 16 *Мицько І.* Острожська слов'яно-греко-латинська Академія (1576–1636). Київ, 1994; *Kempa T.* Akademia ostrogska // *Szkolnictwo prawosławne w Rzeczypospolitej* / red. A. Mironowicz, U. Pawluczuk, P. Chomik. Białystok, 2002. S. 55–79. Ср.: *Isajewicz J.* Cywilizacja postbizantyjska i łańciska w Europie środkowowschodniej. Strefy współistnienia i wzajemnych wpływów // *Europa Środkowowschodnia od X do XVIII wieku – jedność czy różnorodność* / red. K. Baczkowski, J. Smołucha, Kraków, 2005. S. 117–134.
- 17 *Salmonowicz S.* Geneza i treść uchwał konfederacji warszawskiej // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. 19. 1974. S. 7–30; *Maciuszko J. T.* Konfederacja warszawska 1573 roku. Geneza, pierwsze lata obowiązywania. Warszawa, 1974.
- 18 *[Василий Суражский].* О единой вере. Сочинение Острожского священника Василия 1588 г. // *Русская историческая библиотека*. Кн. 4. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Ч. 2. СПб., 1882. С. 633–938.
- 19 Там же. С. 935; *Dworzaczek W.* Oblicze wyznaniowe senatu Rzeczypospolitej Polskiej w dobie kontrreformacji // *Munera litteraria*. Księga ku czci prof. Romana Pollaka / red. W. Dworzaczek etc. Poznań, 1962. S. 41–56; *Lulewicz H.* Skład wyznaniowy senatorów świeckich Wielkiego Księstwa Litewskiego za panowania Wazów // *Przegląd Historyczny*. 68. 1977. 3. S. 425–445.
- 20 *[Артемий игм.]* Послания старца Артемия // *Русская историческая библиотека*. Кн. 4. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Ч. 1. СПб., 1878. С. 1294–1295.
- 21 *[Курбский А.М.]* Сказания князя Курбского / изд. Н. Устрялов. СПб., 1868. С. 227, 245–249.
- 22 *Bortnik I.* Op. cit.
- 23 *[Артемий игм.]* Указ. соч. С. 1213.
- 24 Послание до латин из их же книг 1582 года // *Русская историческая библиотека*. Кн. 19. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Ч. 3. СПб., 1903. С. 1135.
- 25 О единой вере... С. 660.
- 26 *[Курбский А.М.]* Указ. соч. С. 245–249.
- 27 Предисловие к Библии, изданной в Остроге 1581 г. // *Архив Юго-Западной России*. Ч. 1. Т. 8. Киев, 1914. С. 51.

- 28 Против повести нынешних безбожных еретиков // Полемическое сочинение против протестантов (начало второй пол. XVI в.) // Там же. С. 18.
- 29 Об уровне трений свидетельствует хотя бы аргументация католической стороны. См.: *Grodzicki S.* O poprawie kalendarza kazanie dwoie x. Stanisława Grodzickiego. Wilno, 1587; *Kempa T.* Konstanty Wasyl Ostrogski (ok. 1524/25–1608), wojewoda kijowski i marszałek ziemi wołyńskiej. Toruń, 1997. S. 123 etc.
- 30 *Kempa T.* Konstanty Wasyl Ostrogski wobec katolicyzmu i wyznań protestanckich // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce.* 40. 1996. S. 17–36.
- 31 *Peкар A.* Ipatij Potij – проwisnik zjedinnennija // *Analecta OSBM.* 15. 1996. S. 145–246.
- 32 K.W. Ostrogski do H. Pocięja, 21. VI. 1593 // *Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantes* / ed. A. Welykyj. Vol. 1. Romae, 1970. Nr. 9. S. 21–23; *Kempa T.* Wobec kontrreformacji... S. 65 etc.
- 33 *Gudziak B.* The Kyivan Metropolitanate, the Patriarchate of Constantinople and genesis of the Union of Brest. Cambridge Mass. 1998. S. 255 etc.
- 34 Уния греков с костелом Римским 1595 года // *Русская историческая библиотека.* Т. 7. СПб., 1882. С. 114–118, 147–166.
- 35 *Kempa T.* Wobec kontrreformacji... S. 69–70.
- 36 *Ślawiński W.* Projekty politycznej współpracy protestancko-prawosławnej i unii religijnej obu wyznań w świetle obrad toruńskiego synodu generalnego 1595 roku i późniejszych planów braci czeskich // *Między Zachodem a Wschodem. Studia z dziejów Rzeczypospolitej w epoce nowożytnej* / red. J. Staszewski, K. Mikulski, J. Dumanowski. Toruń, 2002. S. 348–364.
- 37 Akta synodów różnowierczych w Polsce. T. 3. Małopolska 1571–1632 / oprac. M. Sipayłło. Warszawa, 1983. S. 596–597; *Kempa T.* Wobec kontrreformacji... S. 84–89.
- 38 *Kempa T.* Wobec kontrreformacji... S. 106.
- 39 Sz. Bohumatka do K. Radziwiłła, Wilno, 12. XII. 1597. Цит. по: *Kempa T.* Wobec kontrreformacji... S. 136.
- 40 *Gmiterek H.* Polski obóz protestancki wobec unii brzeskiej na przełomie XVI i XVII wieku // *Rocznik Białkopodlaski.* 8–9. 2000–2001. S. 165–175; *Kosman M.* Kalwini litewscy wobec unii katolicyzmu z prawosławiem // 400-lecie unii brzeskiej. Tło polityczne, skutki społeczne i kulturalne / red. A.J. Zakrzewski, J. Fałkowski. Częstochowa, 1996. S. 115–129.

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ РОССИИ НА ИСХОДЕ СМУТЫ И ПЕРЕМИРИЕ 1617 г.

В январе 1642 г. псковский служилый человек А.Л. Ордин-Нащокин, будучий «канцлер» русского правительства, получил распоряжение провести межевание русско-шведской границы в районе Псково-Печерского монастыря и шведского Нового городка (совр. Вастселийна). Результаты работы межевой комиссии впоследствии были объединены с документами межевания 1651 г. в один столбец, находящийся в составе фонда Приказных дел новой разборки¹. В числе документов, подтверждавших позиции российской делегации, в столбце содержится копия «с перемирные записи» от 10 марта 1617 г. – договора между Псковом и гетманом Я.К. Ходкевичем². Заключенный за год до Деулинского перемирия, договор представляет собой уникальный источник по реконструкции русско-польских отношений на северо-западной границе на исходе Смуты, тем более интересных, что факт его заключения был известен шведской администрации в Нарве, о чем свидетельствует документ из шведского королевского архива³. В настоящей статье предполагается рассмотреть социально-политические предпосылки и геополитическое значение договора 1617 г.

Это соглашение стало возможно в уникальных условиях гражданской войны в России начала XVII в., своеобразную роль в которой сыграл Псков. Как показал Б.Н. Флоря, на начальном этапе русско-польской войны территориальные группы русского дворянства и отдельные отряды русской армии, по крайней мере, дважды прибегали к заключению сепаратных соглашений с польским командованием. Первый случай относится к февралю 1610 г., когда делегация служилых землевладельцев четырех западных уездов (Ржевы Володимеровой, Зубцова, Белой и Вязьмы) прибыла в ставку польского короля в лагере под Смоленском⁴. В результате переговоров русские дворяне принесли присягу королю Сигизмунду и королевичу Владиславу и обещали положить конец нападениям казаков на границах Ржевского и Зубцовского уездов.

Во второй раз переговоры с польским командованием имели место после сражения под Клушином 24 июня 1610 г., когда окру-

женный в остроге под Царевым Займищем русский отряд заключил соглашение с послами С. Жолкевского. Б.Н. Флоря указывает на существенные отличия текста этого соглашения от февральского договора, заключенного под Смоленском, вызванные тем, что русские воеводы настояли на включении в его состав пунктов о сохранении за служилыми людьми их владений, кроме пожалованных Лжедмитрием II, и о территориальной целостности России под властью Владислава. По мнению исследователя, договоры стали «свидетельством того, сколь высокого уровня достигла самостоятельность дворянских объединений в годы Смуты»⁵.

В событиях гражданской войны начала XVII в. Псков играл особую роль, которая была обусловлена в том числе и его особым положением в Русском государстве XVI в. Тогда за псковскими наместниками сохранялось право внешнеполитических сношений с Ливонским орденом, которое, в частности, было реализовано в договорах 1531, 1535 и 1550 гг. Как показала Н.А. Казакова, Формуляр их восходил к временам новгородско-псковской независимости, подвергшись трансформации после включения вечевых республик в состав единого национального государства⁶. Внешняя особенность порядков, восторжествовавших в Пскове в 1510 г., после присоединения Псковской земли к Московскому государству, состояла в активном участии во внутригородской и внешнеполитической деятельности «старост псковских», в которых следует видеть гостей, управлявших с санкции государя городской общиной⁷.

Из текстов договоров следует, что по поручению наместников псковские старосты непосредственно вели переговоры. В 1531 г. переговоры с немцами вели Семен Захарын Преподобов, Назарей Анисимов Глазатой и Федор Власьев, в 1535 г. – тот же Глазатой с Богданом Микитиным Ковыриным и Андреем Онкудиновым, в 1550 г. – некий Терентий Яковлевич, Михаил Надом, Федор Алешков, Федька Семенов сын и Иван Пахом⁸. В то время как псковские наместники лишь «прикладывали печати» к хартиям, псковские старосты целовали крест «за Псков и за все псковские города, и за всю Псковскую землю, за отчину великого государя и царя Русского». Псков, таким образом, представлял как сопоставимый с Ливонским орденом субъект внешнеполитических отношений, торгово-промышленные интересы и привилегии населения которого отстаивались в большинстве статей договора.

После крушения Ливонского ордена в ходе войны за Прибалтику и атрофии городских центров России во второй половине XVI в. практика делегирования дипломатических полномочий Новгороду и Пскову естественным образом отмерла. Гражданская война в России

в начале XVII в., приведшая к распаду политического тела страны, вновь вызвала эту практику к жизни, хотя и в пережиточных формах. Псков с 1 сентября 1608 г. активно поддерживал Лжедмитрия II. В июне 1609 г. от имени псковского воеводы и наместника Жирового-Засекина, думного дьяка Льговского, дьяка Афанасия Истомина и всегородного старосты Федора Игнатъева в Дерпт польскому наместнику Бормовскому была отправлена грамота с просьбой прислать из Прибалтики наемников для отражения нападений правительственных войск⁹. Грамота свидетельствует о переменах в статусе псковской городской общины, которая стремилась поднять свой город до уровня субъекта межгосударственных отношений. Как выяснил Б.Н. Флоря, с аналогичным запросом к властям Полоцка в том же июне 1609 г. обратились воеводы Великих Лук и Заволочья¹⁰.

Воцарение в 1613 г. Михаила Романова лишь отчасти изменило положение Пскова. Исчерпывающая характеристика ситуации в городе и в Псковской земле содержится в распросных речах Никиты Калитина, одного из участников посольства Юрьевского архимандрита Никандра к шведскому королю. Калитин был захвачен псковскими казаками, а после побега из псковской тюрьмы добрался до занятого шведами Новгорода. Допрошенный там 12 февраля 1614 г., он показал, что «так как поляки находятся так близко к Пскову, неизвестно, могло ли посольство, за которым послал великий князь, добраться до Пскова из Москвы». Крайняя затрудненность контактов Пскова с московским правительством побуждала местных воевод и горожан к самостоятельности. Калитин свидетельствовал, что «псковичи заключили перемирие для переговоров и для подвоза (провианта. – *Авт.*) с Нюшлотом* и Дерптом, и чтобы никто не совершал на другую сторону набегов и грабежей [...] Они устроили подвоз к Пскову из Дерпта, Нюшлота и Риги всяких припасов – вина, соли и муки, и их маркитанты стоят в одной версте от Пскова; иначе жители его уже давно испытывали бы большую нужду, если бы они не получили подвоза, так как в городе много простого и бедного народа и кроме горожан лишь около 100 казаков, 150 стрельцов и 150 бояр»¹¹.

Из материалов допроса следует, что перемирие между Псковом и польской администрацией Дерпта было заключено не позднее 12 февраля 1614 г., а его содержание было аналогичным договору, заключенному три года спустя. В дни осады Пскова Густавом Адольфом в 1615 г. важнейшей задачей шведской армии было пере-

* Под Нюшлотом в шведском по происхождению документе следует понимать Нейгаузен (Новый городок), находившийся в 4 км от русско-польской границы.

резать дорогу, соединявшую Дерпт с Псковом, и прекратить подвоз оттуда провианта. По словам допрошенного в с. Братошине 31 мая 1615 г. вышедшего из Новгорода пленного Дмитрия Плещеева, «ныне стоит под Печорами на Псковской дороге от Юрьева Ливонского ротмистр Глазной^{*}, с ним немец с пятьсот человек, а стоит для того, чтоб не пропускати товарных людей изо Пскова в Юрьев Ливонский, а из Юрьева во Псков с хлебом и с всякими товары»¹².

Исследуемое нами перемирие между Псковом и польской администрацией Дерпта и Нейгаузена было заключено на завершающем этапе русско-польской войны, уже после того как 27 февраля 1617 г. в Столбово был подписан долгожданный мирный договор со Швецией. Однако в это время русская армия под командованием М.М. Бутурлина и И.С. Погожего еще оставалась под стенами Смоленска, будучи отрезана польскими силами от остальной части страны. Попытка направленных из Москвы войск под командованием Ю.Я. Сулешова выбить корпус Александра Гонсевского с занятой им смоленской дороги и деблокировать армию Бутурлина и Погожего оказалась неудачной¹³. В этих условиях заключение перемирия между Псковом и польскими властями было логичным способом снизить напряженность на псковско-лифляндской границе.

Делегации сторон действовали от имени своих суверенов – «великого господаря» Сигизмунда и «великого государя» Михаила Федоровича. В договоре прямо указано, что капитан и ротмистр Станислав Рогозинский и жители «места дерптского» действуют по приказу гетмана Я.К. Ходкевича, подкомория В. Важинского и старосты В. Плетемборга, в то время как участвовавшие в переговорах псковские служилые люди были представлены как самостоятельные субъекты переговорного процесса. Возможно, впрочем, что в списке преднамеренно или случайно выпущено имя псковского воеводы Ивана Дмитриевича Плещеева, учинившего «перемирье», как следует из грамоты И.Ф. Троекурова от 31 января 1618 г. Так или иначе, псковским землевладельцам С.Г. Лазареву, И.И. Татьянину, Ю. Калитеевскому, А. Окуневу принадлежала в переговорах ключевая роль.

Содержание договора 10 марта 1617 г. (Приложение № 1) обнаруживает взаимную заинтересованность сторон в урегулировании спорных вопросов и в налаживании добрососедских, прежде всего торговых отношений. Мир устанавливался на всем протяжении западной границы Псковской земли – «от Себежа и до Гдовского уезду», хотя на занятом польскими отрядами южном участке границы от Себежа до Красного городка псковские воеводы не имели ни ре-

* Верно: Глазенап.

альной власти, ни практической возможности обеспечить и контролировать соблюдение договора. Главную опасность, по-видимому, стороны усматривали не в подконтрольных властям войсках, а в отрядах «жолнеров и черкас» – наемников и казаков, чей воинский промысел наносил существенный ущерб населению приграничья. Торговля должна была восстанавливаться «по прежнему обычаю», включая таможенные пошлины. Торговые конфликты и споры, случаи насильственного изъятия товаров должны были пресекаться «сыском». Договор заключался сроком на один год и не зависел от персонального состава администраций: «а которые воеводы съедут, на их место иные воеводы приедут, и им по тому ж по мирному договору быть в покое и в миру».

После подписания Столбовского мира со Швецией соотношение сил и политическая ситуация на Северо-Западе изменились. Назначенный шведский генерал-губернатор Ингерманландии Карл Карлсон Юлленгельм, еще за несколько месяцев до Столбовского мира осаждавший Псков, стал главным союзником псковских воевод. Корреспонденция между ними исполнена как взаимных уверений в дружбе, так и уверений в существовании общего противника – поляков и литвинов. В послании псковского воеводы кн. И.Ф. Троекурова К.К. Юлленгельму от 31 января 1618 г. (Приложение № 2) содержится благодарность за информацию о передвижении польско-литовского войска в Прибалтике и отказ от предложенной шведами военной помощи. Однако мир, который, по мысли кн. Троекурова, прежний псковский воевода И.Д. Плещеев с товарищами заключен «меж купецких людей», оставался в силе вплоть до января 1618 г.

От шведского содействия Троекуров отказывается довольно надменно: «мы тебе про то даем ведать, что милостию Божиею великого государя нашего царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии самодержца счастье – в его царской отчине в благопокровительном граде Пскове и во Псковских пригородах многие воинские люди наготове стоят, а ныне, по государя нашего указу, пришли с нами царского величества отчину во Псков дворяне и дети боярские и татаровя, атаманы и казаки, и стрельцы, многие ратные люди». Однако из данных разрядных книг на 7125 (1616/17) год выясняется, что при воеводе Плещееве в Пскове стояло разных городов 24 дворянина, псковских детей боярских 137 чел., новгородцев Водской и Шелонской пятин по 93 чел., 58 пусторжевцев, 1 тыс. стрельцов, 148 казаков и московских казаков 130 чел. Сила, казалось бы, достаточно внушительная (всего 1683 служилых человека). Однако в ближайшем Изборске с Иваном Шестуновым было всего 11 детей боярских, 50 стрельцов, 15 пушкарей и затинщиков, 4 воротника (всего

80 служилых людей), в Острове – 50 стрельцов и 15 пушкарей и затищников, на Опочке – 52 стрельца, 70 казаков, 50 пушкарей и затищников¹⁴. Таким образом, несмотря на уверения князя Троекурова о мощи московской рати, силы псковских пригородов были слабы в сравнении с двухтысячным польско-литовским войском, на усиление которого из Полоцкого уезда (то есть как раз вдоль западной границы Псковской земли) шел еще крупный отряд.

И в дальнейшем, после заключения Столбовского мира и Деулинского перемирия, еще длительное время в псковских пригородах, в Пусторжевском уезде и в Порхове, население опасалось нападения польских и литовских людей. 6 декабря 1629 г. в Порхов из Пусторжевского уезда прибежало около десяти детей боярских с женами и детьми. Псковскому воеводе Федору Воронову они объяснили, что в Пусторжевском уезде объявились литовские люди, «и от того де учинился (вс)полох». Воронов отправил на разведку невян Юрия Житкова, Ивана Лаврова, Прокофия Юшкова и Федора Лодыженского. Те, вернувшись, доложили, что «как де немецкие люди с литовскими людьми помирились, и шло де из под Риги литовскою землею к Вене литовских людей с 600 человек, а на твоей государевой стороне во Ржевском уезде оне не были»¹⁵. В те же дни слух о движении в большом количестве «литовских людей» в районе Опочки и Ржевы Пустой дошел до Старой Руссы из Карачуницкого погоста. В сообщении высказывалось опасение, что по первому зимнему пути Литва будет под Псковом¹⁶.

Договор 1617 г. оказался последним официальным межгосударственным соглашением, заключенным псковской делегацией хоть и от имени русского государя, но в пределах и в интересах исключительно Псковской земли. Его обтекаемые формулировки свидетельствуют об отмирании внешнеполитических полномочий, некогда свойственных псковским наместникам и старостам. В то же время договор демонстрирует формы участия в государственных делах русских служилых людей из провинциальных городов. Проявление подобного рода самостоятельности псковского земского сообщества находилось в русле существенной тенденции, на которую указал Б.Н. Флоря, отмечавший, что значительную роль в эскалации политического кризиса в России в годы Гражданской войны начала XVII в. сыграли попытки «дворянских корпораций окраин добиться своего уравнивания в правах с дворянством исторического центра страны»¹⁷. Эти устремления русских служилых землевладельцев в известной мере соответствовали политическому опыту польского дворянства с его вольностями, привилегиями и воплощенным в сеймиках и сеймах полномочием шляхты Речи Посполитой. Вплоть до

середины XVII в. русские служилые люди будут обладать некоторыми правами в выражении своего мнения, составляя коллективные челобитные на имя царя и демонстрируя тем самым хотя и менее выраженные, однако схожие тенденции в развитии землевладельческого сословия стран центрально-восточной Европы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

1617 г. марта 10. – Договор о перемирии на 1 год с 10 марта 1617 г. до 10 марта 1618 г. между Псковской землей (= Русским государством) и Речью Посполитой.

РГАДА. Ф. 159. Оп 2. № 484. Л. 92–98. Список 1642 г.

л.92.

Список с перемирные записи

{I}. Божию милостию великого господаря Жикгимонта короля Польского, великого князя Литовского, Русского, Прусского, Жемоицкого, Мазовецкого, а Шведцкого и Готцкого, Вандальского, земли Ливонские и иных многих паств, по указу его королевской милости и по приказу ясневельможного пана Яна Карла Хоткевича, воеводы великого гетмана великого княжства Литовского комиссара енорального земли Ефланской, высланных от пана Ватромея Важинского, подкоморею, дерпского капитана и ротмистра его, и от его милости пана Волтера Плетемборка, старосты Новагородцкого, я, Станислав Рогозинской, капитан

л. 93.

и ротмистр его королевской милости на Новогородке, да я, Каспер Кгурск, да я, Самуел Пацерницкий, да Якуш Бонемвберг, да Войцех Рыдоский, да з места дерпского Януш Кленер и Клаус Тескин, учинили мы перемирье на границе на Мекузицы з дворяны великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси самодержца и многих государств государя и обладателя его царского величества з дворяны с Степаном Григорьевичем Лазоревым да с Ъваном Ивановичем Татьяниным, да с подъячим с Федором Голошаповым, да с Юрьем Калитеевским, да с Андреем Окуневым на том, что

л. 94.

нам в то замиренное время из литовские земли из городов и из уездов от Лаиса до Луцина великого государя и царя Михаила Федоровича

всяя Руси самодержца землю во псковские и псковских пригородов и под Печерский монастырь и в уезды от Себежа и до Гдовского уезду самим и всяким ратным людем жолнерам и черкасам и иным никаким людем из городов и из уездов войною не приходить и волостей не воевать, и людей не побивать, не грабить, и в полон не имать, и стад никоторых не отгонять, и задоров никоторых не чинить, и ратных людей никаких в государеву землю не пропушать.

{П} И государевым торговым людем изо Пскова и изо псковских пригородов и из уездов в то замирное время на обе две стороны вольно ездить, торговать со всяким товаром по прежнему по вольной торговле

л. 95.

також повольно всякие товары на обе стороны покупать и возить, а тамга велети имать с обеих сторон по прежнему обычаю, как имано преж сево, а продаж с обеих сторон и насильства торговым людем не чинить, и на дороги с обеих сторон торговых людей в проездех не побивать и не грабить, и лиха им никоторого не чинить, и в городех на обе стороны торговых людей не задерживать и отпушать их без задержанья по их вольности. А будет меж нас и рознь учинитца и задор будет, а торговых людей в то время где в котором городе прилучитца, и до тех торговых людей на обе две стороны дела нет: отпушать их с обеих сторон вцеле со всеми их животы и людьми, и засылкою их на дороге не грабить и не побивать.

л. 96.

А что с которые стороны до сего перемирного договору делалось шкоты и грабежов от самоволников по дорогам и в уездех, и того всего вперед на обе стороны не памятовать и не всчинать, а будет впредь лучитца ехать с которые стороны, и будет торговым людем учинитца им грабеж, или иная какая шкота, и про такое воровство сыскивать всякими сыски накрепко, да по сыску управу чинить безволокитно, а тем вором наказанье чинить безщадно, а грабежной живот, что будет в сыску, отдавать назад все, а торговых и уездных людей, которые тому делу не виноваты, с обоих сторон не искать, и живота у них за ту гибель безвинно и самовольно не отымати, а кому будет до ково дело, и тем людем

л. 97.

на обе стороны бити челом о суде и о сыску на тех людей, у ково он в подданстве будет, а по сыску с обеих сторон управа чинить вправду, а границе быти по-прежнему.

{III} А тот мы помирной договор и мирно постановили на год нынешня 125-го году марта 10 числа, да до того ж числа 126 году. На том мы, державцы, крест целовали и руки свои подписали, и печать приложили, а будет ли которая сторона миру держать не похочет, и отповедь учинити на границех за три месцы, и розменными росписатца, и мир отказать, а после розменные грамоты потому ж в миру и в тишине быть три месца до урочного договорного сроку, и войны не вчинати до того сроку потому, что господарь великий король пан наш милостивый, и також государь, царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси самодержец

л. 98.

с обеих сторон поизволили в миру меж себя жить, а которые воеводы съедут, на их место иные воеводы приедут, и им по тому ж по мирному договору быть в покое и в миру. Писан на границе на Меузице дня 10 марта 1617. А шкоты, которые были от первого перемирного договору до сего мирного постановенья в прошлом году и в сем, и по тех шкот с обеих сторон сыскивать накрепко и управа делать с обеих сторон безволокитно. А у подлинной перемирной записи руки Станислава Рогозинского, Кашпира Карлсона, Самуила пан Сергинского, Якова Санненберкова, Якова Рейнова. Перевод с литовского листа, как прислан из Нового городка.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

1618 января 31 – Грамота от псковских воевод кн. И.Ф. Троекурова с товарищами в Нару фельдмаршалу К.К. Юлленгельму с отклонением предложения о военной помощи в случае прихода польских и литовских людей во Псков.

Список (пагинация в деле отсутствует)

Riksarkivet, Stockholm. Militaria: 1287: 15.

Божиею милостию великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца его царского величества отчины изо Пскова стольник и воевода и наместник псковской князь Иван Федорович Троекуров да князь Мирон Михайлович Шеховской да Семен Дементьевич Яковлев да царского же величества диаки Микита Дмитриев, Семен Лутохин даем ведомо в город в Ругодив его королевского величества ратному маршалку Карлу Карлусовичю Гюльденгелму, вольному господину в Беркварну и в Сюнбигольму, что нынешнего 126-го генваря в 21 день великого госу-

даря нашего царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии самодержца его царского величества писал еси к прежним воеводам к Ивану Дмитриевичу Плещееву с товарищи государя нашего со псковитином с торговым человеком с Иваном Гольяновым, что польские и литовские люди по се время словесы своими манили, будто хотели мир с вами учинити, и ныне де сведав оне, што вы неправды их узнали, учали умышляти, как бы им взять оманом город Пернов. И по их злому умышленью то их дело не стало, потому что велеможного государя вашего Густава Адольфа короля Свейского люди обереглись.

//

И за то де меж государя вашего людей с польскими людьми под городом под Пайдою учинилась брань, и на том бою государя вашего люди литовских людей побили, а иных в полон поимали. И ныне де оне воют государя вашего Ливонскую землю и шкоту чинят. И тебе ведомо учинилось, что оне, воевав государя вашего Ливонскую землю, хотят идти войною государя нашего отчину на псковские места и воевать до тех мест, пока оне зберутца з большими людьми, как им мочно Псков осадити, а всего их ныне в зборе в Ливонской земле две тысени. Да ты же писал нам, што послал Брандбургские земли князь своих ратных людей две тысени воевать Курландские и Литовские земли за то, што польские люди учинили над курландским князем неправду, а государя де вашего велеможного короля ратные люди со всех городов збираютца, а идти войною в Литовскую землю. И будет великому государю нашему царю Михайлу Федоровичю всеа Русии самодержцу его царскому величеству в помочь надобно людей, и о том бы тебе ведомо учинити, и ты о том отпишешь к велеможному государю своему к его королвскому величеству, и государь де ваш пошлет своих ратных людей. И мы тебе ведомо даем, что нам про то подлинно

//

ведомо, что великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца и велеможного государя вашего Густава Адольфа короля свейского опчие враги и супостаты польские и литовские люди, собрався их з две тысени, стоят от Пернова недалеко обозом многое время и государя вашего людей многими злокозненными вражьими умысли манили и тщилися своим злохитрым умышлением как бы им город Пернов оманом взяти и государя вашего людей без остатка побити. И то нам ведомо есть, что их польских и литовских людей злоумысл по их хотенью не зделался, да и про то нам ведомо гораздо, что польские и литовские люди Курляндские земли князя изогнали неправдою. Да мы ж тебе даем ведомо, что пришли ныне из Литвы в Полотцкой уезд многие польские и литовские люди, а идти де им в сход к тем своим литовским людям,

которые стоят против государя вашего людей, а как сойдутца, и их де умысл, что им, осадя государя вашего людей в городе в Пернове, быть на осад под государя вашего отчину под Ругодив тотчас. И только де такой грех учинитца государя вашего над городом над Ругодивом, и их де литовских вражей умысл

//

по приказу их польского короля велено и иных государя вашего городов достигать и льстивыми словесы прельщать и уездным вашим людям шкота и теснота чинить. И ты б, ратной маршалок Карла Карлусович, ведая, что великого государя нашего его царского величества и велеможного государя вашего опчих врагов и супостатов польских и литовских людей такой злой совет умышляют и своими злопогубленными душами напрасное кроворозлитие желают и покушаютьца на государя вашего велеможного короля отчину, от них остерегаться, а пишем мы к вам по мирному договору для того: хотя видеть, что меж великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца и меж велеможного государя вашего Густава Адольфа короля дружба и любовь с обе стороны во веки множилась. А меж великого государя нашего отчины Владимирского и Московского государств и всего преславного Росийского царствия и меж велеможного государя вашего Свейские коруны покой и тишина и благоденство. А што ты писал к нам будет великому государю нашему его царскому величеству

//

надобно во Псков в помочь людей, и о том бы тебе ведомо учинить, а ты о том отпишешь к велеможному государю своему, и государь де ваш пришлет своих ратных людей, и мы тебе про то даем ведать, что милостию Божиею великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца счастье – в его царской отчине в благопокровительном граде Пскове и во Псковских пригородах многие воинские люди наготове стоят, а ныне, по государя нашего указу, пришли с нами царьского величества отчину во Псков дворяне и дети боярские и татаровя, атаманы и казаки и стрельцы, многие ратные люди, а ожидаем мы того, как вы(й)дет перемирье, царского величества отчины меж Пскова и псковских пригородов и меж Лифлянской земли, которой учинил воеводы Иван Плещеев с таварыщи меж купецких людей, а литовские люди хотя малую какую причину или задор взочнут, и мы, прося всещедраго и човекалюбивого Бога милости, а Пречистые его Богоматери и у всех святых помощи, пошлем на них

//

государевых ратных людей многих тотчас, а велим над ними промышляти, колько милосердый Бог помочи подаст. А что будет вперед

у нас про польских и литовских людей ведомо, и что их умысл и на которые места к вам поход их будет, и мы тебе о том ведомо учиним, а что у тебя каких вестей будет, и тебе бы о том нам ведомо чинить. Писан в великого государя нашего его царского величества отчине во Пскове лета 7126-го генваря в 3 день.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. № 484.
- 2 Там же. Л. 92–98.
- 3 Riksarkivet, Stockholm. Militaria: 1287: 15.
- 4 *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 130–133.
- 5 Там же. С. 133, 168–170.
- 6 *Казакова Н.А.* О положении Новгорода в составе Русского государства в конце XV – первой половине XVI в. // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 156–159.
- 7 *Флоря Б.Н.* Привилегированное купечество и городская община в русском государстве // История СССР. 1977. № 5. С. 147–152.
- 8 Русско-ливонские акты / собранные К.Е. Напьерским. СПб., 1868. С. 366–367; *Кашианов С.М.* Договор России с Ливонией 1535 г. // Проблемы источниковедения. Вып. 1(12). М., 2006. С. 238.
- 9 Акты исторические. Т. 2. СПб., 1841. С. 280.
- 10 *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России... С. 94.
- 11 Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. // Сборник новгородского общества любителей древности. Вып. 5. Новгород, 1911. С. 28–29.
- 12 РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 277–284.
- 13 *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 5. М., 1990. С. 95.
- 14 Разрядная книга 125 г. // Временник общества истории и древностей российских. Т. 3. М., 1849. С. 120–121.
- 15 Челобитная (отписка) новгородских воевод кн. Д. Пожарского, М. Глебова и дьяков Г. Волкова и Р. Болдырева в Москву о ложных слухах о приходе в Пусторжевский уезд литовских людей. 1629 г. 13 декабря // Санкт-Петербургский институт истории. Коллекция 109. Документ 410.
- 16 Отписка новгородских воевод кн. Д. Пожарского, М. Глебова и дьяков Г. Волкова и Р. Болдырева в Старую Руссу с сообщением об отсутствии вестей про литовских людей. 1629 г. 12 декабря. // Там же. Документ 407.
- 17 *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России... С. 373.

*К.А. Кочегаров
(Москва)*

Князья Огинские и сношения православных Великого княжества Литовского с Россией в 80-е гг. XVII в.

Велико значение рода князей Огинских – магнатов, которые вели свое происхождение от Рюрика, – в политической и культурной жизни Великого княжества Литовского XVII–XVIII вв. Важную роль они порой играли и в русско-польских отношениях. Во многом благодаря стараниям литовского канцлера Марциана Огинского был заключен русско-польский Вечный мир 1686 г. ¹. Его двоюродный племянник польский литовский гетман Гжегож Огинский был одним из наиболее последовательных союзников Петра Великого в годы Северной войны ². Подобные примеры можно было бы продолжить.

Видное место принадлежало роду Огинских и в религиозной жизни Великого княжества. После заключения Брестской унии (1596) многие его представители остались верными и активными последователями православия. Особую известность на этом поприще приобрел троцкий подкоможий Богдан Матвеевич Огинский – владелец родовых имений Огинт, Крона (совр. г. Круонис) и Евья (совр. г. Вевис). По мнению церковного историка митрополита Макария (Булгакова), он «после незабвенного К.К. Острожского едва ли не более всех русских дворян в Литве потрудился для православия». Иждивением князя Богдана в Евье в начале XVII в. была построена Успенская церковь, при которой основан православный монастырь. Б.М. Огинский, будучи одним из членов и покровителей виленского православного братства и даже некоторое время его старостой, всячески поддерживал братство в борьбе с униатами. В 1610 г., после закрытия по распоряжению короля братской типографии, он разрешил перевести ее в Евье. Уже через год она возобновила работу, издавая на деньги князя богослужебные книги. В 1616 г. Б.М. Огинский приобрел для братства два дома в Вильно вблизи новой братской церкви Св. Духа. Благодаря ему же при братстве был основан коллегиум. В 1619 г. князь даровал Успенскому монастырю в Евье и его окрестностях новые владения: двор, два села, шесть озер и другие угодья, одновременно подчинив его братской церкви Св. Духа в Вильно, при условии, что братство будет неизменно пребывать в «послушании» у константинопольского

патриарха и сохранять верность православию. В противном случае Б.М. Огинский и его потомки имели бы право Еввекский монастырь «на себе взяти и держати». В дальнейшем Богдан Огинский наделил землями основанный им Кронский монастырь и финансировал постройку в обители нового каменного храма Пресвятой Троицы, где и был похоронен вместе с женой³. В 1629 г. Кронский монастырь был также отдан под протекторат виленского монастыря Св. Духа⁴.

Сыновья Богдана Огинского Иван (Ян), Александр и Лев Самуэль считались столпами литовского православия. Мстиславский каштелян Иван Огинский уже в 1610-х гг. активно включился в борьбу православных против унии, был старостой виленского братства, опекуном православного женского монастыря в Минске и особенно – могилевского Богоявленского монастыря и могилевского братства⁵.

Троцкий каштелян, последний православный сенатор Великого княжества Литовского, Александр Огинский, отец Марциана Огинского, будущего канцлера, активно выступал против лишения православных верующих их храмов и монастырей в Литве. Во время избрания королем Владислава IV вместе с другими представителями православной шляхты он добивался восстановления прав православной церкви в Речи Посполитой. Будучи членом виленского братства, А. Огинский защищал интересы православных на сеймах и судах. В 1647 г. киевский митрополит Петр Могила сделал его опекуном Киевской коллегии. Похоронен князь Александр был в виленской церкви Св. Духа⁶. Его брат Лев Самуэль, получивший в наследство по линии матери имения в Витебском воеводстве (Микулино и Лиозно), в 1642 г. рядом с Витебском, вниз по Западной Двине основал на месте ранее существовавшей одноименной обители православный Марков монастырь. Киевский митрополит Петр Могила направил для жительства и служения во вновь основанном монастыре игумена Елисея и монахов. Огинский и его жена Софья Яновна (урожд. Билевич) «даровали» монастырю «на вечные часы» земли «з гумном, с пашнями [...], з сады и городы, с поли [...], з боры, гаи, дябровами, з реками и речками, з ловы рыбными, пташинными и звериными». После смерти Елисея марковские монахи получали право при участии православных обывателей Витебского воеводства сами выбирать себе игумена. В случае, если игумен примет унию, Огинские сохраняли за собой право сместить его. Лев Самуэль и его жена обязались и за себя и за своих потомков всячески «заступовать» и «боронить» монастырь⁷.

Л.С. Огинский завещал похоронить себя по православному обряду в кронской церкви рядом с родителями. Согласно духовной грамоте князя, монастыри (Минский, Полоцкий, Витебский, Еввекский, Виленский), которым члены рода покровительствовали, должны были

получить по 500 злотых. Сверх этого полагалось еще 300 злотых братии виленского братского православного монастыря на помин души похороненной там дочери Льва Самуэля – Катажины. Кронская обитель была предметом особых забот Л.С. Огинского. Еще при жизни он обязался выплатить ей 1,5 тыс. злотых на помин души; 100 злотых монахи должны были получить за труды, связанные с похоронами, и еще столько же сверх того. Старший сын Льва Самуэля – Шимон Кароль, наследник Крона и «фундатор» монастыря – обязан был ежегодно выделять 10 бочек зерна монастырской больнице. Кроме того, еще одну маетность – Визгинольский фольварк Шимон Кароль мог унаследовать только при условии, что выплатит кронским монахам 4 тыс. злотых единовременно. В противном случае имение должно было отойти монастырю. Доходы от этих средств (или имущества) предназначались на содержание «ustawicznego bakałarza dla ćwiczenia dzieci» *, который должен был получать от кронских отцов 100 злотых «на платье» ежегодно, а также на украшение монастырской церкви, поддержания в должном состоянии звонницы и кладбища (300 злотых в год). За всем этим должен был следить Ш.К. Огинский ⁸.

Дочери князя Богдана Огинского в поддержке единоверцев не отставали от своих братьев. Анна (замужем за подкоможим троцким Вильгельмом Стеткевичем) в 1630-х гг. совершила крупные пожертвования в пользу Кутеинских женского и мужского монастырей под Оршей, способствуя их превращению в одни из крупнейших центров православной монашеской жизни в Литве, а также основала новый православный монастырь Св. Троицы недалеко от Минска ⁹. Барбара (замужем за подкоможим виленским Мельхиором Шеметом) завещала похоронить себя в кронской церкви, которой распорядилась выплатить на помин души 2 тыс. злотых и еще 1 тыс. злотых на помин души погребенной там же ее дочери Апполонии Кавечиньской. Кроме того, денежные суммы предназначались ею виленскому Свято-Духову и евьескому Успенскому монастырям. Свои два имения в Новогородском воеводстве – Новоеленское (Слонимский повет) и Железницу – она завещала внукам при условии, что они сохраняют в неприкосновенности основанные ею в этих поместьях православные храмы и приданные им владения. Сами церкви передавались в ведение виленского монастыря Св. Духа. До совершеннолетия наследников опекунами имения назначались брат Барбары Александр Огинский и его сын Марциан ¹⁰. Еще одна сестра – Апполония (вторым браком замужем за троцким подкоможим Михалом Зеновичем) –

* «постоянного бакалавра [дипломированного учителя] для обучения детей».

основала православную церковь Успения Пресвятой Богородицы в своем имении Маньковичи, где и завещала себя похоронить. По ее духовной 3,5 тыс. золотых предназначались монастырю Св. Духа в Вильно (сумму эту следовало отдать взаем, чтобы проценты с нее шли на церковные нужды; следить за этим должны были Александр и Лев Самуэль Огинские), маньковской церкви – 700 золотых (из них 200 на больницу при церкви), кроме того, мелкие суммы должны были получить другие православные храмы¹¹.

Во второй половине XVII в. потомки Богдана Огинского приняли католичество. Свою роль в этом сыграло и изменение позиции королевского двора, когда Владислав IV, избранный в 1632 г. польским королем, временно ослабил давление на православных. В отличие от своего отца, Сигизмунда III, систематически обходившего православный род Огинских при раздаче чинов и королевщин, Владислав не скупился на земельные пожалования¹². К тому же во второй половине XVII в. в Речи Посполитой православные вельможи были уже полностью отстранены от высших государственных постов и общественных должностей, а некаатолики не допускались в Сенат. Поэтому, когда в 1669 г. Марциану Огинскому была предложена должность виленского каштеляна, от него потребовали перехода в католицизм или унитарство. Годом позже он, специально приняв ради этого католичество, стал троцким воеводой, заняв одну из высших должностей в Сенате Речи Посполитой¹³. Этот шаг Огинского был чувствительным ударом для православного киевского митрополита Иосифа Нелюбовича-Тукальского, сетовавшего, что князь «суетного ради сенаторского седалища, воеводством троцким обманен, свет православия святого в себе угасив, тме прелести папешские повинуся». Митрополит с сожалением констатировал, что «ему же последствующих много»¹⁴.

Ранее Огинский активно поддерживал православие: был старостой могилевского братства, покровительствовал виленскому братству¹⁵. К началу 1668 г. в имении М. Огинского Смиловичи была построена церковь Вознесения Богородицы, которой князь пожертвовал прилежащие земли. Взамен Огинский обязал священника «*podanych tej włości mojej, onych pacierzy nauczyć nie tylko w cerkwi, ale jeżdżąc do każdego z osobna, aby bez sakramentow, bez kosztu szlubow nie żyli i bez spowiedzi świętej z tego świata nie zchodzili*»^{16*}.

В ноябре 1685 г. клиент М. Огинского, Августин Константинович, объясняя агенту российского Посольского приказа Назарию

* «подданных имения моего молитве научить не только в церкви, но и посещая каждого лично, чтобы без причастия и без венчания не жили и без святой исповеди этот мир не покидали».

Краевскому причины направления в Москву столь многочисленного посольства (планировалось 6 человек) Речи Посполитой, сказал, что сделано это, среди прочего, «смотря де за канцлером Огинским, потому что де он преж сего был во благочестивой вере, и к вашей, великих государей, стороне склонен»¹⁷. Однако это заявление Константиновича, если и отражало какие-то сомнения правящих кругов Речи Посполитой, все же не находило подтверждения в действиях М. Огинского. Прибыв в 1686 г. в Москву как один из двух руководителей польско-литовского посольства, князь усиленно хлопотал о получении разрешения русских властей на строительство католических костелов в Смоленске и Киеве, поддерживая по этому вопросу корреспонденцию с папским нунцием в Речи Посполитой Опцио Паллавичини. В то же время литовский канцлер как сторонник польского короля Яна Собеского выступал в этом деле скорее проводником политики папства, нежели действовал в собственных интересах. В соответствии с политикой Св. престола польские нунции выступали представителями папства и в России. В конце 1670-х и в 1680-е гг. они пытались использовать влияние польского королевского двора в правящих кругах Московского государства, чтобы выяснить их отношение к замыслу унии Русской православной церкви с католической и оценить перспективы распространения католицизма в России¹⁸.

Вместе с М. Огинским в 1686 г. в Москву приехал и православный протопоп Кондрат Поликарпов из имени князя Дубровны бить челом великим государям «о утвори, о сосудех и о книгах», а также о колоколе для церкви Св. Николая¹⁹. В Посольском приказе протопоп сообщил, что в Дубровне и ее окрестностях расположено 18 православных церквей, в которых «о здравии и о благопоспешении и укреплении на долголетняя и благия времена великих и преславных монархов росийских молят [...] всемилостивого Бога неотложно». Кондрат сетовал, что, кроме «пашенной земли», пожалованной ему от канцлера Огинского, никакого другого источника дохода у него нет, поэтому он и приехал в Москву «за изволением канцлеровым и живет при нем канцлере». 22 марта К. Поликарпову царским указом были пожалованы для Никольской церкви «ризы и подризник тафтяные со всею службою», а также богослужебные книги²⁰.

Двоюродный брат Марциана Ян Яцек, сын уже упоминавшегося Льва Самуэля, польный гетман литовский и воевода полоцкий (с 1682 г.), хотя и был воспитан в православной вере, принял католичество достаточно быстро²¹, в отличие от старшего брата, Шимона Кароля Огинского, литовского мечника (с 1680 г.), сохранявшего верность вере отцов гораздо дольше. Именно на Шимона Кароля отец возлагал особые надежды по продолжению семейной традиции по-

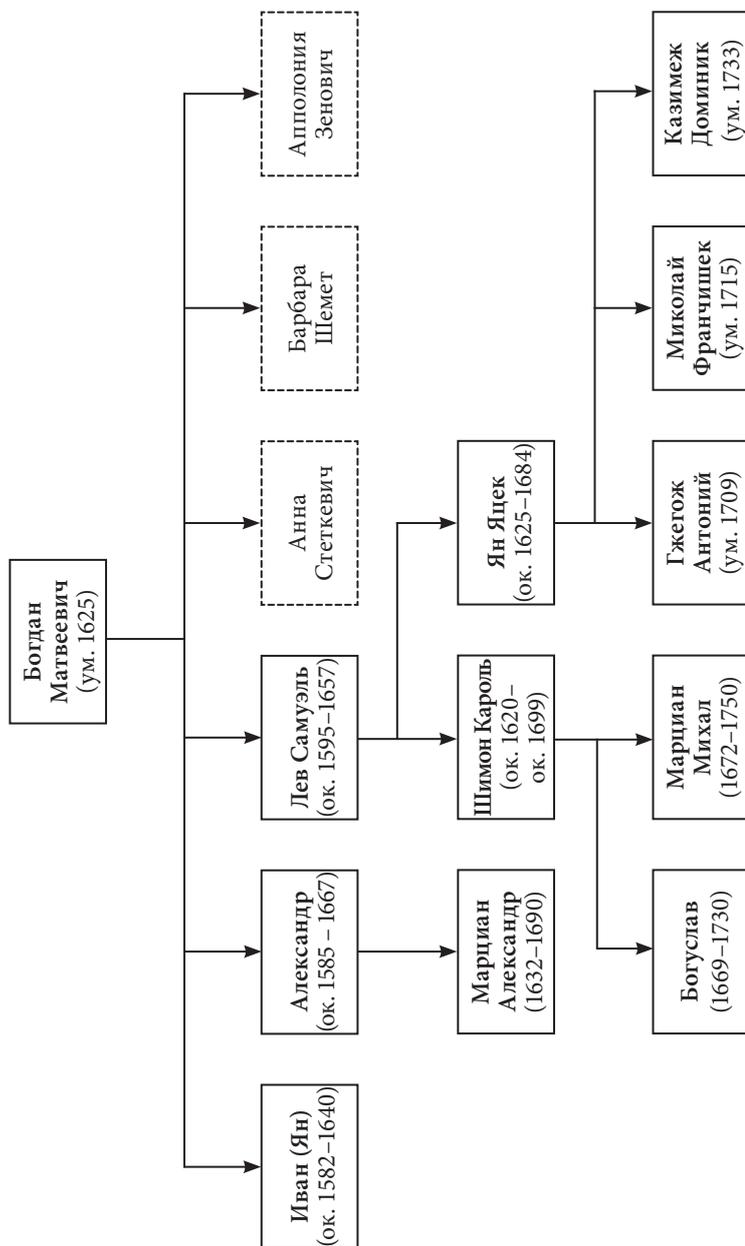
кровительства православию. В 1654 г. в своей духовной Лев Самуэль назначил сына душеприказчиком и распорядителем похорон, а также завещал ключи от родовой усыпальницы в Кронском монастыре, с оговоркой, что там могут быть погребены только православные. Шимон Кароль действительно долгое время считался одним из ревностных приверженцев православия, был членом виленского православного братства, а в 1672 г. – его старостой. Однако около 1680 г. и он перешел в католическую веру²², видимо, в надежде получить должность сенатора Речи Посполитой.

В письме епископа Климента Тризны от октября 1682 г.²³, а также в диариуше сейма 1683 г.²⁴ упоминаются трое «братьев» Огинских – полоцкий, троцкий и мстиславский воеводы. Думается, что мстиславский воевода – это как раз Шимон Кароль. Это позволяет скорректировать бытующую в литературе точку зрения, что эту должность Ш.К. Огинский получил в 1685 г.²⁵ или даже в 1687 г.²⁶. Ближе к истине был Юзеф Вольф, считавший, что Огинский был мстиславским воеводой в 1682–1685 гг.²⁷. Вероятно, Шимон Кароль «унаследовал» должность мстиславского воеводы в 1682 г. после брата Яна Яцека, когда тот стал полоцким воеводой и польным гетманом литовским.

Между тем от должности литовского мечника Ш.К. Огинский отказался не в 1685 г., как предполагалось ранее²⁸, а по крайней мере на два года раньше в пользу племянника, старшего сына Яна Яцека – Миколая Франчишка Огинского, который упоминается как мечник Великого княжества Литовского в различных документах на протяжении 1683–1686 гг.²⁹. На исходе 1686 г. – в начале 1687 г. эта должность вернулась к Шимону Каролю, который именовался литовским мечником в январе 1687 г.³⁰

По завещанию отца Шимон Кароль Огинский получил среди прочего имение Лиозно в Витебском воеводстве, а также «главную отцовскую маетность» Крон «z tym jednak dokładem aby wiary swej greckiej starożytnej nie odstępując, ale w niej statecznie trwając, fundacji rodziców moich strzegąc i [...] dotrzymując tak, jakoby się żaden nieprzyjaciel s tego nie cieszył nasz, o których tych wieków nie trudno, i strzeż Boże, aby w wierze swojej odmiany jakiej nie uczynił, zaczym ciała jako rodziców moich, tak i nasze wyrzucone by być musiały, czego bodaj żaden taki nie doczekał»*. При переходе Шимона Кароля в католиче-

* «с тем, однако, условием, чтобы от веры своей древней греческой не отступал, но постоянно в ней пребывал, фундаментации (храмы и монастыри. – К.К.) родителей своих оберегая и содержа так, чтобы не давать повода для радости ни одному неприятелю нашему, которых в теперешние времена множество, и сохрани Бог, чтобы веры не переменял, из-за чего тела родителей моих, так же как и наши осквернены бы были, чтобы ни один [неприятель] этого не дождался».

Таблица 1. Род Огинских в XVII – начале XVIII вв. ³¹

ство его младший брат Ян Яцек, при условии, что он останется православным, получал право забрать Крон себе³². Предсмертной воле Льва Самуэля не суждено было сбыться, поскольку в католичество перешли оба его сына.

Однако и после того, как Ш.К. Огинский стал католиком, он не только продолжал покровительствовать марковским и другим православным монахам, терпевшим гонения от униатского митрополита Киприана Жоховского, но и оказывал им поддержку в сношениях с московским патриархом, неоднократно на протяжении 1680-х гг. выступая за иноков ходатаем перед русским правительством.

Шимон Кароль не поддерживал таких тесных политических контактов с Посольским приказом, как его двоюродный брат Марциан. За 1680-е гг. известен единственный и малозначительный эпизод, когда в марте 1680 г. смоленский бурмистр Яков Любовецкий «объявил» в смоленской приказной избе данное ему в бытность в Витебском воеводстве литовским мечником Ш.К. Огинским «вестовое письмо», не содержавшее ничего существенного³³. Так же как и Марциан³⁴, Шимон Кароль поддерживал и хозяйственные связи со Смоленщиной, покупал в дворцовых имениях лес, который затем сплавлился по Двине в Ригу³⁵, выступал контрагентом торговцев и ростовщиков из среды смоленских мещан и дворянства³⁶.

Однако переход рода Огинских в католичество не прекратил связей князей с православным населением и духовенством Польско-Литовского государства. С избранием на престол польского короля Яна III Собеского активизировались усилия склонить православных Речи Посполитой к унии. Еще во время сейма элекции 1674 г. Собеский вместе с нунцием Франческо Буонвизи строили планы ликвидации в стране православной иерархии. С этой целью под предлогом борьбы со шпионажем в пользу Османской империи сейм 1676 г. запретил православному духовенству и мирянам выезжать за границу, и в первую очередь в Константинополь. Отныне ставропигиальные православные братства должны были прекратить всякие сношения с константинопольским патриархом и подчиниться местным епископам. Духовные и светские власти Польско-Литовского государства при активном участии папского нунция строили даже планы создания отдельного от Константинополя Киевского патриархата, подчиненного напрямую папе, а вакантные должности в четырех существовавших православных епархиях Речи Посполитой (луцкой, перемышльской, львовской и могилевской или белорусской) предполагалось давать только тем кандидатам, которые согласятся перейти в унию. Осуществление всех этих мер поставило бы православное население Польско-Литовского государства перед вы-

бором: либо остаться вообще без рукоположенных в соответствии с каноническими нормами священников, либо принять унию.

В 1677 г. львовский епископ Иосиф Шумлянский, некогда перешедший из унии в православие специально ради получения этого сана, тайно вернулся в униатство. В 1678 г. умер православный белорусский епископ Феодосий Василевич. На белорусскую кафедру претендовал Климент Тризна, настоятель монастыря Св. Духа в Вильно. Его поддерживали некоторые литовские магнаты, в частности литовский подканцлер М.К. Радзивилл. Однако из-за отказа принять унию игумен Климент не был допущен до хиротонии³⁷. В письме к сестре Софье в октябре 1682 г. он сообщал, что, приехав из Полесья в Вильно, посещал трех князей Огинских – Марциана, Шимона Кароля и Яна Яцека. Вероятно, Климент стремился заручиться их поддержкой перед предстоявшей поездкой к королевскому двору, чтобы, как он, возможно, надеялся, все же получить сан белорусского епископа³⁸. В т. н. «Сводной галицко-русской летописи с 1600 по 1700 год», составленной А.С. Петрушевичем, под 1681 г. приведена выдержка из рукописи митрополита Льва Кишки, что Климента Тризну якобы было приказано схватить и посадить в Мальборгский замок за корреспонденцию с Москвой³⁹. Возможно, этот рассказ косвенно свидетельствует о попытках игумена Климента заручиться поддержкой русской дипломатии. В дальнейшем М. Огинский, уже став литовским канцлером, предпринимал активные попытки добиться утверждения Климента Тризны («закоренелого схизматика», как его характеризовала Конгрегация пропаганды веры) в сане епископа белорусского, но тщетно, поскольку римская курия еще более энергично этому противодействовала⁴⁰.

Иннокентий Винницкий, племянник киевского митрополита Антония Винницкого и кандидат на перемышльское епископство, оказался более сговорчивым. В октябре 1679 г., перед посвящением в епископский сан (произошло в 1680 г.), он в присутствии польского короля дал тайное обещание принять унию. В 1681 г. Иосиф Шумлянский и Иннокентий Винницкий официально приняли католическое исповедание веры в часовне королевского замка в Варшаве. Свою подпись под соответствующим актом поставил также архимандрит Уневского монастыря Варлаам Шептицкий⁴¹. По понятным причинам факты эти держались в тайне от православных мирян и низшего духовенства Польско-Литовского государства, но, конечно же, не были секретом для высшего духовенства, сенаторов и других представителей польских верхов.

После смерти в ноябре 1679 г. митрополита Антония в Речи Посполитой фактически оставался единственный православный

епископ – луцкий Гедеон Святополк-Четвертинский. Однако и он в 1684 г. выехал в Россию, что вызвало нескрываемую радость униатского митрополита Киприана. «Ой, будет тебе лихо, будет в шубе тепло, безбожный, лстишся, что будто я веры злославной мучитель есмь, – писал он одному из своих корреспондентов, – се тебе новины: последней пастырь Гедеон князь Четвертинский проиграл дело в трибунале любельском, Пустыновскую церковь разорив и все монастыри и престол луцкой и острожской епископии [считают миллион], ушел zelo бесчестно в Киев или инуды куды, оставив невесту любезнейшую безоборонную плачущую и рыдающую, плачите овцы пастырь оставил вас, лют учинился на Святую унею»⁴². Подобным же образом откликнулся на отъезд луцкого епископа и Иосиф Шумлянский, написавший королевскому секретарю Станиславу Антонию Щуке, что Гедеон не только «убежал в Россию», но и ограбил луцкую церковь, забрав с собой все «движимое» церковное золото и серебро. Львовский епископ просил секретаря – человека влиятельного в делах о назначениях на государственные и церковные должности – передать вакантную епархию под его управление до назначения нового епископа. Шумлянский был в то время еще и администратором киевской митрополии, а с февраля 1684 г., после смерти киево-печерского архимандрита Иннокентия Гизеля, король Ян III назначил его и новым архимандритом, что отдавало ему под управление располагавшиеся на польской территории владения Киево-Печерского монастыря⁴³. Добиваясь передачи себе в управление Луцкой епархии, Шумлянский убеждал Щуку, что в противном случае родственники бежавшего епископа «бесцеремонно» заберут оставшиеся ценности «тамошней кафедры». Заявляя, что сам он ни в коем случае не претендует на Луцкое епископство, хотя оно и богаче львовского, Иосиф просил королевского секретаря ходатайствовать за него у коронного подканцлера Яна Гнинского, которому готов был заплатить за поддержку 100 червонных золотых, обещая «отблагодарить» и самого Щуку⁴⁴. В ноябре 1684 г. Ян Собеский утвердил Иосифа Шумлянского администратором Луцкой епархии⁴⁵. Однако после этого, вопреки своим прежним намерениям, Львовский епископ стал строить планы получения луцкой кафедры для себя самого, рассчитывая передать Львовскую епархию своему брату Афанасию. Против этого выступил папский нунций, требовавший, чтобы луцким епископом был назначен «явный», а не «тайный» униат. Лавируя в поисках компромисса, Иосиф и Афанасий принесли нунцию тайную присягу в верности католической церкви, а последний еще и принял католическое исповедание. Оба обещали через некоторое время публично объявить о своем переходе в унию⁴⁶. В стараниях

сохранить контроль и над обеими епархиями львовский епископ заручился поддержкой и коронного ловчего Атаназия Мёнчиньского, луцкого старосты, близкого боевого друга Яна Собеского ⁴⁷, а возможно и самого Шумлянського, который перед тем как стать епископом служил товарищем панцерной роты.

Но вскоре по каким-то неизвестным причинам епископ Иосиф отказался от своих планов перейти на луцкую кафедру. Возможно, его не устраивали требования нунция и королевского двора открыто объявить о своем переходе в унию. Косвенно об этом свидетельствует протест львовского владыки против королевского универсала о выборах луцкого епископа, который наравне с православными позволял участвовать в них униатам («Ritus Romanus in simul cum Ritus Graeco jako w uniwersale JKMcі dołożone, żeby obierać miał Ep[isko]pa» *). Иосиф заявлял, что это противоречит как праву, так и практике, считая, что «наша Русь» никогда на это не согласится. Одновременно львовский епископ пытался добиться через С.А. Шуку назначения луцким владыкой уже упоминавшегося Варлаама Шептицкого. «Nie tylko ja, ale i wszystkim świat przyznać to musi Wmm Panu, że możesz u Majestatu JKMcі Pana mmłwe[go] wielomóżną swoją kogo raczysz zechcesz dźwignąć protectią» **, – угодливо писал он Шуче ⁴⁸.хлопоты Иосифа Шумлянського привели к желаемому результату – в мае 1687 г. луцким епископом стал его брат Афанасий ⁴⁹.

По поводу передачи Луцкой епархии в управление Иосифу пропойский староста Василий Красенский в августе 1685 г. писал Гедеону Четвертинскому, что она отдана «не волку, но змию в руце». Кроме того, Красенский сообщал, что после отъезда Гедеона в Россию Речь Посполитая якобы «в великом была страхе», опасаясь, что епископ будет просить русских царей вступить за православных в Польше и Литве. Однако когда «отмщения» не последовало, поляки «почали наругатца над всяким народом нашим и всех называют и почитают за изменников, а наипаче все мне». В конце письма пропойский староста просил Гедеона «иметь радение о всем православии» в Речи Посполитой. «Не о себе молю, но о всем народе», – заканчивал он свое послание ⁵⁰. В доказательство усиления гонений на православных Литвы Красенский пересылал адресованное ему письмо Яна Собеского с требованием не препятствовать деятель-

* «[Представители] римского обряда вместе с обрядом греческим, как указано в универсале Его Кор. Вел-ва, избирали бы епископа».

** «Не только я, но и весь свет признать то должен, что Вы, вельможный милостивый господин мой, можете у Его Кор. Вел-ва – милостивого государя снискать протекцию для того, для кого захотите».

ности Киприана Жоховского и некоего бобруйского протопопа по приведению к «святому соединению» (т. е. к унии) желающих того священников пропойской протопопии⁵¹. А в письме к украинскому гетману И. Самойловичу В. Красенский и вовсе советовал русским царям «отыскать свое древнее, как Львов и Ярославль, Покутье и иные, а те належали исконно к Киеву, к московскому государству, которые все дожидаются с верным подданством». Греки, рассуждал он, в свое время начали войну с Троей из-за одной царицы Елены, «а мы за толику великую обиду Божию и подумати не хотим, боюся крепко, дабы за то Господь Бог нас не наказал [...] и то можно рассудить, что во время покою пропало от Стенки Разина болши, неже в войну». Красенский опасался, что польский король Ян III и император Леопольд I, заключившие между собой союз, «желают под покровом истинной милости, чтоб церковей Божиих и веры православной и слуху не было»⁵². Пропойские жители, духовные и светские, в своей челобитной гетману называли Василия Красенского единственным защитником православия в Пропойске от «волков, не щадящих стадо Христово» и сетовали, что не имеют «пастыря овцам стада Христова»⁵³.

В 1680-е гг., когда униатскую митрополицию кафедру занимал Киприан Жоховский, горячий сторонник унии, активно использовавшийся в борьбе с православием самые различные методы, в том числе и насильственные⁵⁴, православным Великому княжеству Литовского приходилось нелегко, в особенности жителям Полоцка и Витебска, где отношения между православием и унией и ранее были достаточно напряженными. Еще во время сейма 1635 г. Владислав IV издал универсал (привилей), запрещающий православным иметь церкви в этих городах. Запрет был установлен в наказание за убийство в 1623 г. горожанами Витебска униатского полоцкого архиепископа Иосафата Кунцевича⁵⁵. Однако еще в 1633 г. в ответ на просьбы православной шляхты король разрешил построить в Полоцке православную церковь Богоявления и при ней монастырь, утвердив «фундушовую запись» браславского земского судьи Севастьяна Мирского, жаловавшего этому монастырю землю в Полоцке. Еще в более трудном положении находились витебские мещане, долгое время вынужденные отправлять богослужения за городом, в специально построенных «шалашах». На помощь им пришел Л.С. Огинский, основавший недалеко от Витебска Марков монастырь⁵⁶. Под влиянием побед повстанцев Б. Хмельницкого в 1650 г. был издан новый королевский привилей, позволявший православным иметь два храма в Витебске и один в Полоцке, но в жизнь он воплощен не был⁵⁷. На сейме 1676 г. по просьбе униатского митрополита Киприана король подтвердил

все права униатов и в том числе запрет православным иметь церкви в двух упомянутых городах⁵⁸. Таким образом, к 80-м гг. XVII в. Марков и Богоявленский монастыри были единственными оплотами православия в Полоцке и Витебске. Это вызывало недовольство униатских владык, не оставлявших попытки закрыть их.

Конфликт между униатским митрополитом и полоцким архиепископом Киприаном Жоховским, с одной стороны, и полоцким Богоявленским монастырем – с другой, зашел так далеко, что в него вынужден был вмешаться польский король Ян Собеский, принявший сторону православных монахов. В мае 1681 г. он потребовал от Киприана и полоцких иезуитов под угрозой крупного денежного штрафа прекратить гонения на православных, не чинить препятствия публичному отправлению ими обрядов, не угрожать захватом монастыря⁵⁹.

Однако Киприан не прекратил борьбы с Богоявленским монастырем. В феврале 1682 г. он подал на православных монахов и мещан жалобу в полоцкий магистрат, обвиняя их в намерении построить новую церковь в своем монастыре. Митрополит ссылался на известный «диплом» короля Владислава от 1635 г. По сведениям Киприана, богоявленские монахи скупали в Полоцке и окрестностях земельные участки, «aby wkorzenili się tym gruntowniej»^{*}, заготавливали и сплавляли лес для строительства нового храма. Митрополит свидетельствовал, что полоцкие прихожане угрожали ему смертью, и требовал не допустить постройки «дизунитской» церкви. Он обвинял православных в покушении на свою жизнь, заявляя, что они устраивают на него засады с оружием возле своего монастыря, а также в том, что они в декабре 1681 г. якобы умышленно подожгли «порох и фейерверк», приготовленные для празднования непорочного зачатия Девы Марии, чем нанесли травмы людям, готовившим фейерверк, и едва не спалили стоявший рядом дом. По решению полоцкого земского суда лес, приготовленный богоявленскими монахами для строительства церкви, был арестован⁶⁰.

На этот раз Ян Собеский оказался на стороне Киприана. В апреле 1683 г. он направил настоятелю Богоявленского монастыря отцу Игнатию Цыклеру-Зигмунтовичу письмо, запрещая строить новую церковь. За такое намерение, а также за «злоумышление» на жизнь Жоховского король грозил богоявленским монахам штрафом в 3 тыс. червонных злотых⁶¹.

17 июня 1683 г. Богоявленскую обитель постигло новое несчастье – сгорела монастырская церковь. Православным, однако, уда-

* «чтобы тем основательней укорениться».

лось спасти главную святыню монастыря – чудотворную икону Пресвятой Богородицы. На следующий день собравшиеся прихожане и монашествующие заложили на месте сгоревшей церкви из «подаренных» им бревен часовню для спасенной иконы. В это время появились униатские монахи. Они смеялись над православными, называя заложенную часовню «псарней», грозя снести ее, а чудотворную икону забрать себе. 19 июня, заручившись поддержкой митрополита Киприана Жоховского, вооруженная толпа, состоявшая из униатского и католического духовенства, шляхты и мещан, ворвалась в Богоявленский монастырь и начала грабить имущество монастыря и избивать православных. Остановить побоище и спасти часовню от разорения, а вместе с ней икону Богородицы богоявленским монахам удалось лишь благодаря вмешательству католиков – жителей Полоцкого воеводства, съехавшихся в город на католический праздник Божьего Тела. Однако нападавшие удалились, угрожая вернуться и довершить начатое, истребив монастырь «до основания». Так события изложены в жалобе игумена полоцкого Богоявленского монастыря отца Игнатия, вписанной в гродские книги Полоцкого воеводства⁶². Совершенно иначе дело происходило, если верить содержащейся в тех же книгах записи, внесенной от имени Киприана Жоховского представителями униатского духовенства. Согласно этому свидетельству, униаты явились в Богоявленский монастырь с протестом против возведения новой церкви взамен сгоревшей. Они ссылались на привилей 1635 г. Оказалось, что православные уже положили несколько венцов нового храма. В ответ на требование прекратить строительство собравшиеся несколько тысяч «схизматиков», вооруженные чем попало, кинулись избивать униатов, угрожая лишить жизни не только их, но и самого митрополита Киприана, а также выбросить прах Иосафата Кунцевича из Софийского собора в Двину⁶³. По прошествии веков уже трудно судить, чье описание произошедшего в Полоцке инцидента более соответствовало действительности. Однако и то и другое свидетельство недвусмысленно указывают на крайнюю напряженность отношений между последователями православия и унии в 1680-е гг. в землях Великого княжества Литовского.

Кроме полоцкого Богоявленского монастыря, Киприан Жоховский вел неустанную борьбу и с Марковым монастырем. В 1672 г., еще будучи епископом Витебским и Мстиславским, Киприан требовал от бургомистров и ратманов г. Витебска не допускать простой народ в монастырь⁶⁴.

25 сентября (н. ст.) 1684 г. в гродские книги Витебского воеводства была вписана жалоба униатского митрополита на игумена Мелетия

Хлевинского и марковских монахов. Он обвинял братию в том, что они, «не разсуждая права общего, ни уложения в постановлении комисарском о убиении святого Езафата владыки витебского», подтвержденного соответствующей сеймовой конституцией, «построив себе тот монастырь zde под Витебском на искоренение веры, в унеи святой обретающейся, бунтуя овцы паствы моего, как в город ездя, так и пеши ходя, також де по разным селам во всем воеводстве витебском к благочестию приводят и от святой унеи отводят, что им ничего не належит, и исповедуют людей, и безбожие к себе прикляняют, по украински меж чернью чинят бунты в городе Витепску и по иным местечкам и селам». По свидетельству митрополита, 15 сентября, когда он плыл Двиной из Витебска в Полоцк, марковские монахи, собрав 200 человек «различных, имяны и прозвищи ведомых [...] с мушкеты и иными орудии» ожидали, когда мимо православного монастыря проплывет Киприан, чтобы убить его, «учиня различные залогии». Однако некие «добрые люди» помешали этому⁶⁵.

Спустя три дня после происшествия на реке Киприан написал марковским монахам письмо, заявляя, что прощает им покушение на свою жизнь, но предостерегал, чтобы они «украинских не чинили бунтов [...], но во всем пребывали тихомирны, не присвоилися з Божественными тайнами к овцам моим витепским, как в городе, так и за городом и по селам обретающимся, что немощно вам чинить для пролития крови, чрез благочестивых ваших над благословенным мучеником Иасафатом, только что б чрез моих унияцких священников то чинилось». Киприан грозил православным смертью, если его витебский эконом, Самойло Жоховский, который должен всячески «стеречь» марковских монахов, увидит хоть кого-нибудь из них, «вредящих ересью» в Витебске и его окрестностях: «а я не буду виноват, естли противно вам что учинится, подлинно не будет мученик Христов ни един от вас, хотя которой по приговору Речи Посполитой и убит будет»⁶⁶.

Единственная православная обитель в Вильно братский монастырь Св. Духа имел давние связи с Россией⁶⁷. В 1679 г. священник Благовещенского храма в Чернигове по фамилии Домонтович «по своему обещанию приклонения ради чудотворному образу пресвятыя Богородицы до Нового Двора в литовские страны ездил». Приехав в Новый Двор (городок недалеко от Волковыска), он встретился там с виленскими братчиками – мещанином Кочарским и проповедником (казнадеей) Кодрицким. Кочарский сообщил Домонтовичу, что «де все мы Бога молим так духовные, яко и мирские, чтоб царское величество с салтаном турским помирился, а поляком бы бок набить, ибо они ничего доброго не желают, еще и насмеваютца, что денги

взяли у царского величества, за теж де денги [хотят] нанят служивых людей и воевати Москву». Говоря о деньгах, Кодрицкий имел в виду русско-польский договор 1678 г., по которому Россия выплачивала Речи Посполитой 200 тыс. руб. и возвращала три пограничных города за продление перемирия. Он сетовал, что «король и все сенаторы» «совершенно» решили всех православных Речи Посполитой привести к унии⁶⁸.

В декабре 1683 г. произошла стычка прихожан и монахов виленского братского монастыря Св. Духа со студентами Виленской иезуитской академии. Последние жаловались, что, когда они пришли в Святодуховскую церковь, по ним умышленно выпустили несколько ракет, предназначенных для фейерверка, а затем избили палками. В ходе драки православные якобы кричали: «jeszcze napijemy się krwie lachowskiej i studentskiej»^{69*}. То, что иезуиты по меньшей мере лукавили, изображая себя невинными жертвами, свидетельствует адресованное виленскому епископу Стефану Пацу и жмудскому каштеляну Станиславу Орде королевское распоряжение успокоить рвение студентов виленской академии, приняв меры к прекращению их конфликта со святодуховскими монахами и братчиками⁷⁰.

Развернувшееся с конца XVI в. на землях Речи Посполитой наступление католиков и униатов на религиозные и сословные права православного населения побуждало православных с особой заботой относиться к поддержанию традиционных связей с единоверцами в России и искать поддержки и защиты в правящих кругах Московского государства. На протяжении XVII в. и особенно второй его половины русскую столицу регулярно посещали представители православных монастырей, разбросанных по самым разным уголкам украинских и белорусских областей Речи Посполитой. В основном они приезжали с просьбой о милостыне (материальной помощи), о богослужебных книгах, церковных сосудах и др. утвари, но не только за этим.

В 1649 г. в Москве были поставлены в священники двое кандидатов из Дорогобужа, входившего в то время в состав Смоленского воеводства Речи Посполитой. А в 1652 г. четверо жителей этого города были возведены в русской столице в священнический сан лично патриархом Никоном. Последнее событие вызвало гнев униатского смоленского архиепископа Андрея Золотого Квашнина, которому в 1620–1640-х гг. принудительно было подчинено население Смоленщины. Прибыв в Дорогобуж, он приказал отобрать у поставленных в Москве священников ставленные грамоты, угрожая

* «еще напьемся мы крови ляхов и студентов».

им расправой. Исследовавший этот вопрос Б.Н. Флоря отмечает, что хотя известные факты не носили исключительный характер, подобная практика вряд ли могла существовать достаточно долгое время. По предположению исследователя, ее возникновение представляло собой реакцию русского правительства и православного населения Речи Посполитой на победы казацкого войска Богдана Хмельницкого ⁷¹.

В январе 1655 г., когда с началом русско-польской войны большая часть Белоруссии оказалась под властью русского царя, в Москву прибыла многочисленная депутация монахов витебского Маркова и полоцкого Богоявленского монастырей «повидать царские очи, получить патриаршее благословение», а также просить о милостыне и пожаловании монастыря землей. В Москве двое из приехавших, старцы Афанасий и Леонтий, были возведены один в священнический, другой в дьяконский сан. Это событие отражало не только установление политической власти Москвы над Белоруссией, но и переход белорусских епархий под управление московского патриарха ⁷². К.В. Харлампович, который провел кропотливую работу по сбору и обобщению данных о приезде западнорусских духовных лиц в Россию в XVII в., не приводит других случаев посвящения в Москве кандидатов в священники и дьяконы из Белоруссии или Украины ⁷³, тем более что в 1667 г. Витебск и Полоцк были возвращены в состав Речи Посполитой.

К 1680-м гг. относятся новые попытки посещения России представителями православных монастырей Литвы с целью поставления в священники и дьяконы. Явление это, несомненно, было связано с ухудшением положения православной церкви в Речи Посполитой во второй пол. 1670-х – начале 1680-х гг., и в частности с отсутствием в Белоруссии, а после отъезда в Россию епископа Гедеона – и во всей Речи Посполитой православных епископов.

В начале 1684 г. в Москву прибыли монахи Богоявленского монастыря Антоний Пауков и Максим Стебутов в сопровождении челядника Марчко Иванова «бить челом о церковном деле» ⁷⁴. Они подали письмо игумена Игнатия и «всей братии» на имя царей Ивана и Петра, полное жалоб на гонения от католиков и униатов: «римские западные веры держатели, а наипаче унееты, гонять и всячески разнообразными способы на нас вымышляют, как бы им возмощи нас от истиннаго источника правды благочестия отторгнути и от восточные веры на западную обратит». С этой целью поборники римской веры добились, чтобы «благочестивым владыкам и в королевской державе не быти, и греческих владык бы не припущали, дабы нам, не имеючи попов благочестивых, поневоле к униатом или к римляном

обратиться, и такового их ради вымыслу во всех литовских местех благочестивые бес православных попов имеют велию нужду, и многия помирают бес покаяния и бес причастия, и младенцы помирают бес крещения, и умершие погребаются бес пения»⁷⁵. В этом письме Ингнатий, по сути, верно отразил смысл церковной политики духовных и светских властей Речи Посполитой последних лет.

По словам богоявленских монахов, смоленский и псковский митрополиты отказывались поставлять приезжающих из-за литовского рубежа кандидатов в священники и дьяконы без патриаршего благословения. Поэтому ходатаи из Полоцка просили царского указа и благословения патриарха Иоакима, чтобы белорусские кандидаты в священнослужители могли приезжать «тайно» для поставления в Смоленск или Псков, в зависимости от того, куда им ближе. В противном случае, сетовали богоявленские монахи, «не в долгих летех римляне таковыми своими злокозньствы свет благочестия угасят», поскольку православные «по нужде, не имуще попов, во унияство обратятся». В конце письма удрученно сообщалось, что монастырь и «благочестивые» мещане «погорели», а «езуитской и унияцкой монастыри уцелели, и они нам и ис того наругаются и разные смехи вымышляют и церкви новонаконечные ставит нам возбраняют»⁷⁶.

27 февраля 1684 г. «челобитная» богоявленских иноков была заслушана в присутствии царей Ивана и Петра, царевны Софьи и патриарха Иоакима. В результате был принят царский указ послать грамоты воеводам в Смоленск и Псков с приказом принимать приезжающих из-за литовской границы православных «с проезжими от духовных [...] для поставления во священство» и отправлять их к местным владыкам. Царский указ воеводы должны были хранить в тайне даже от своих товарищей на воеводстве. При сдаче должности воевода должен был «отдать тот указ другому, что б им о том ведат же и держал бы потому ж тайно». На следующий день в Посольском приказе были подготовлены соответствующие грамоты для отправки в Смоленск, тамошнему воеводе Матвею Степановичу Пушкину, и в Псков, епископу Маркелу⁷⁷.

В марте 1684 г. грамота для Маркела была вручена стряпчему псковского митрополита, который отправил ее по назначению через почту. Отправка подготовленной грамоты для смоленского воеводы задержалась из-за отсутствия в Москве «ездоков княжества Смоленского», но видимо вскоре была отправлена и она. Об удовлетворении царями «челобитья» богоявленской братии было сообщено монастырским посланцам, и те выехали из Москвы в середине марта (проезжая грамота датирована 14 марта)⁷⁸.

В начале 1685 г. в Смоленск из Литвы прибыли кандидаты на поставление в сан из православных обителей Белоруссии с письмами к смоленскому митрополиту Симеону. В поданном ими послании Климента Тризна тот, именуя себя блюстителем Белорусской епархии, сообщал о бедственном положении православных в Речи Посполитой: «Вестно есть Вашему Преосвященству, яко по премногу есть гонима в наших странах Восточная Церковь, не имуща в Православии сияющих Пастырей, и его же единого имехом епископа луцкого и тот [яко известно есть Вашему Преосвященству] ради всегдашнего уничтожения укоризны, наипачеже неправосудения в винах приключającychся от унийт, уступил их злобы беззаконной, и мне недостойному и до сего времени благодетельная грамоты в подании привилегия на епископию Белорускую, и его королевского величества не доходит милость, в нищете убо такой будуще, не хотяще же но ниже помышляюще на беззаконное иноверцов противление»⁷⁹.

В письме смоленскому митрополиту Климент Тризна просил посвятить в священники («пресвитеры») и дьяконы направляемых в Смоленск иноков из виленского монастыря Св. Духа, настоятелем которого он был, а также из приписанных к нему кронской Троицкой и евьевской Успенской обителей – всего десять человек (см. **Таблицу 2**). Климент особо отмечал, что хотя «некоторые млады суть во иноческом сани, но искусни суть, да не будут убо на лице зримыя»⁸⁰.

Таблица 2

	«В диаконы»	«В пресвитеры»
Виленский монастырь Св. Духа	Инок Антоний	Инок Феофан Иванович, Исайя Васинкевич, Иоасаф Топоровский
Евьеская обитель	Инок Дионисий Гарасимович	Дьякон Корнилий Василевич
Кронский Троицкий монастырь	Инок Лаврентий Грушевский	Дьяконы Афанасий Лазновенко и Никодим Кулдинович; инок Иоаким Евдокимович
Витебский Марков монастырь	«Мирской» Семион	Дьякон Сильвестр

Вместе с монахами, которых рекомендовал Климент, прибыли и двое посланцев Витебского Маркова монастыря (см. **Таблицу 2**) во главе со священником Иосифом. За них, помимо марковского игумена Гавриила Гирновского (в другом документе – Горновский), хода-

таем выступил Шимон Кароль Огинский. Он писал смоленскому митрополиту, что, заботясь о «своем» монастыре, построенном «прежде чрез святой памяти покойного родителя моего», а также «промышляя о расширении Славы Божией в церкви святой Греческого закона», посылает «достойных и угодных» людей для поставления в дьяконы и в священство. Прося осуществить это как можно скорее, «без замедления», Огинский обещал: «которого дела за учинение тако [и] за долголетное государствование их царского величества, желателно молити господа Бога не престану», выражая готовность отблагодарить и лично митрополита. В конце письма мстиславский воевода собственноручно дописал, что уже «многожды докучал я прошением своим, яко пастырю и благодетелю моему, и о впред будущее благословение пастырское покорно челом бью»⁸¹. В другом письме Шимон Кароль ходатайствовал и за иноков «ис Крон – строения моего литовского», которые, как он отмечал, «довольство чиня званию своему [...] к вашей милости [...] прибегают, к милости и благословиению». Огинский просил «освятити» их как можно скорее⁸².

Гавриил Гирновский в письме к митрополиту Симеону сетовал: «Белорусский Православный престол, который не токмо пастырев, но також и ревностных благочестивой российской веры не имеет поборников, а ныне уже не имея их, болезнуем яко овцы, пастыря несть, в гонении и терпении пребывати принуждены есмы [...] о терпении убо нашем и самое перо писати не может, ибо яко блудящие овцы ныне без пастыря пребываем и гласа пастырского не слышим, и по чюжим нейдем, но бежим от него, яко не знаем чюжаго гласа; чесо ради Великой Славы Божией Церковь Православная обиды страждет и уже ныне не пастырь овцы одной ищет, но овцы ищем единого пастыря православного». Гавриил заверял смоленского митрополита, что братия Маркова монастыря («строения их милостей господ Огинских»), не престанет возносить молитвы за здоровье великих государей Ивана и Петра⁸³.

Иона Дубинский, «началник» Кронского монастыря, сообщал митрополиту Симеону, что уже после выезда в Смоленск «отцов виленских» он, посоветовавшись с «отцами кронскими», решил направить вслед им еще одного кандидата, «старца» Лаврентия Грушевского, «хотя не в давне в законе пребывающаго [...] для различных причин, також де для небытия пастыря в странах наших, и для дальняго пути чюжих стран и для бедности нашей, отчасти для скудости дьяконов в монастыре нашем». Иона увещевал митрополита Симеона, чтобы он «по отеческой и пастырской своей милости не дал упадати Церкви Православной, но наипаче благословиением своим подкрепляти не отговаривался»⁸⁴.

В январе 1686 г. посланцы марковской обители иеромонах Пафнутий и дьякон Серапион вновь прибыли в Россию. Остановились они, судя по всему, в Саввино-Сторожевском монастыре, поскольку привезенные ими рекомендательные письма от Ш.К. Огинского и настоятеля монастыря отца Гавриила были адресованы «архимандриту савинскому», которым в то время был «белорус» Сильвестр Черницкий. Саввино-Сторожевский монастырь, по выражению К.В. Харламповича, «во второй половине XVII ст. был населен белорусами и малороссами едва ли не больше, чем даже столичные обители». Огинский благодарил Сильвестра за «милость», которую тот явил Витебскому монастырю в его «нынешнем разорении», и выражал надежду, что архимандрит будет оказывать обители помощь и впредь. Также мстиславский воевода просил ходатайствовать за монастырь у царей и русских «сенаторей»⁸⁵. Гавриил извещал архимандрита, что «из основания чрез пожар церковь наша монастыря марковского разорена», и просил всячески помогать присланным монахам: «дабы еси помощь им учинил и честное ходатайство у их царских величеств и у господ сенаторей московских изволил им сотворити»⁸⁶. В подтверждение своих несчастий посланцы привезли уже выше упоминавшиеся письмо Киприана в марковскую обитель и выписку из градских книг Витебского воеводства.

Судя по всему, архимандрит Сильвестр выполнил обращенные к нему просьбы и действительно ходатайствовал за монахов через боярина Петра Семеновича Прозоровского, который доложил содержание писем царям Ивану и Петру, а также царевне Софье 25 января 1686 г., представив и сами послания. Однако никакого царского указа и тем более боярского приговора по этому поводу не последовало (Боярской думе письма даже не были зачитаны), что объясняется, на наш взгляд, действиями сторонников заключения с Речью Посполитой Вечного мира, послы которой находились на пути в Москву. К их числу принадлежала и сама царевна Софья и всесильный «первый министр» государства князь В.В. Голицын⁸⁷.

В начале 1686 г. в Москву прибыли монахи полоцкого Богоявленского монастыря во главе с монастырским наместником Климентом Деляновым. Об этом свидетельствует запись в расходной книге Патриаршего казенного приказа о выдаче полоцким монахам богослужебных книг «для их пожарнаго разорения», а также 10 рублей деньгами⁸⁸. Кроме того, они посетили Новодевичий монастырь, где получили 30 золотых⁸⁹. Климент и его товарищи доставили в русскую столицу письмо богоявленского игумена Игнатия к патриарху Иоакиму. Игнатий благодарил за разрешение псковскому и смоленскому митрополитам посвящать прибывавших из Литвы монахов

в дьяконы и священники, «откуда многую отраду и помощь православию восприят», а также за присылку освященного мира и антиминсов. Игнатий жаловался, что из-за того, что в Речи Посполитой нет ни одного православного епископа, многие церкви Белоруссии не имеют литургии или даже не освящены, и просил Иоакима прислать свое письменное благословение на освящение церквей в полоцкий Богоявленский монастырь, чтобы использовать его до тех пор, пока на белорусскую кафедру не будет назначен епископ. В конце письма он просил Иоакима принять монастырь «под свою... высокую руку», как сделал это Никон в 1658 г., сожалея, что его грамота сгорела во время последнего пожара (1683 г.) и у монахов остался только список⁹⁰.

В ответ на просьбу отца Игнатия ему была послана жалованная грамота патриарха всея Руси на ставропигию, датированная 27 марта. В ней Иоаким «давал власть» игуменам полоцкого Богоявленского монастыря «храмы святые посвящати с посвященными антиминсами по преданному чину, который печатным тиснением изображен есть и ныне послан». Иоаким заявлял, что отныне богоявленские монахи ходят «под нашею мерностию и благословением», подтверждал их право выбирать себе игумена и запрещал судить их и «обижать» властью других монастырей. Патриарх грозил Божьими карами на Страшном суде тому, кто будет богоявленскую братию «неправедно обижати и судити, и присущее их, землю или иное кое стяжание их отжимати, или наветствовать и управляти восхоцет»⁹¹.

Не исключено, что именно Шимон Кароль Огинский выхлопал в июле 1686 г. у Сильвестра Волчанского – наместника и администратора Белорусской епархии – грамоту, подтверждавшую исключительное право монахов полоцкого Богоявленского и витебского Маркова монастырей ездить в Ригу для богослужений и сбора милостыни и запрещавшую Друйскому и Дисненскому монастырям делать то же самое и чинить препятствия марковским и богоявленским монахам⁹². А в феврале 1687 г. Гедеон Четвертинский подтвердил этот запрет, ссылаясь в своей грамоте на давние привилегии Маркова и Богоявленского монастырей, данные им князьями Огинскими и их наследниками, а именно Ш.К. Огинским, который в грамоте именовался «колятором» (лицо, давшее средства на строительство церкви, монастыря, или его наследник) обоих вышеупомянутых обителей⁹³.

В 1687 г. Шимон Кароль Огинский подтвердил все права Маркова монастыря на самоуправление и владение землями, дарованными его родителями. Характерно, что в «фондационной» записи повторялась недопустимость перехода монастыря в унию, а также то, что монастырь находится «под послушенством» Константинопольского патриарха и поставляемого им митрополита Киевского и

всё Руси⁹⁴. Последнее, возможно, свидетельствует о том, что литовские магнаты, даже покровительствовавшие православным, неприязненно относились к переходу киевской митрополии под власть московского патриарха, видя в этом опасность усиления влияния России на религиозную жизнь Великого княжества Литовского. А в 1690 г. на средства Ш.К. Огинского в монастыре была построена деревянная Свято-Троицкая церковь взамен сгоревшей (пожар случился после 1687 г.), которая просуществовала до 1920-х гг. Двери церкви были украшены инициалами князя, которые сохранялись еще в 60-х гг. XIX в.⁹⁵

Русские послы во главе с Б.П. Шереметевым, выехавшие во Львов, чтобы принять присягу польского короля Яна Собеского на заключенный в Москве в 1686 г. договор о Вечном мире и антиосманском союзе, должны были раздавать православным в Польше и Литве списки с его 9-й статьи, по которой польско-литовская сторона обязалась православным Польши и Литвы «никакова утеснения и к вере римской и к унее принуждения чинить не велеть» и признала право киевского митрополита посвящать в сан православных епископов Речи Посполитой. Среди тех, кому русские дипломаты вручили текст 9-й статьи, был и игумен борисовского Воскресенского монастыря Герман⁹⁶.

Видимо, именно с этим связано то, что в начале 1687 г. в Москву прибыл из Борисова новый игумен этого монастыря Феодосий Корговцевич «бити челом великим государям на строение церковное». Особо стоит отметить заявление игумена, что ранее представители Воскресенского монастыря никогда «великим государям о милостыне не бивали челом и на Москве не бывали» (что подтверждается и сведениями капитального труда К.В. Харламповича⁹⁷). Заодно Феодосий обратился и к патриарху Иоакиму, чтобы тот принял Борисовский монастырь «под свое благословение и паству». Иоаким не отказал, выдав Феодосию соответствующую грамоту «за красною печатью» на ставропигию. Игумен не только получил государево жалованье для нужд обители – 60 рублей и 20 аршин атласу (на эти средства монахи построили в своем монастыре соборную Воскресенскую церковь и изготовили для нее резной иконостас), но и удостоился аудиенции у царевны Софьи в Новодевичьем монастыре⁹⁸.

В грамоте Иоакима борисовскому Воскресенскому монастырю не давалось, в отличие от Полоцкой обители, право освящать церкви. В начале документа подчеркивалось верховенство патриархов московских над православными Белой Руси, находящимися «в державе величества короля польского», а также отмечалось бедственное положение белорусского православия, не имеющего «собственных ар-

хиереев [...] многая лета и всякого архиерейскаго священнодействия в посещении иереев и иных таинств свершения». Выполняя просьбу воскресенской братии, Иоаким объявлял, что отныне монахам «также и всем тамо сущим христианом, мудрование и сыновством восточныя церкви имущим в спасении евангелия святаго нам свойственным и подсудственным патриаршу всероссийскому престолу и всех северных стран, повелехом ко всякому вопрошающему отзываться наша мерности патриаршим благословением и вся богопреданная таинства в посещение и просвещение душ христианских от нас приимати в царствующем граде Москве, и по нашему указу и благословиению у киевского митрополита и у иных архиереев православных подсудствия всероссийскаго патриарха престола приближных той стране». Иоаким благословлял игумена освятить строящийся монахами Воскресенский храм, выдав для этой цели «освященный антимиас, также де и миро тайносовершенное и в церковное пение чтение же и поучение книги». Полученное миро Феодосий должен был раздавать православным священникам «безместно, в просвещение и знамение хрестова стада душ христианскоу благочестия». Иоаким подтверждал право монастыря на самоуправление и его неподсудность «началникам» других монастырей и людям «какия либо власти». Избираемый монахами игумен должен был присылаться для благословения в Москву или к киевскому митрополиту. В завершение подчеркивалось, что воскресенский игумен с братией «должен есть послушание и повиновение отдавати нашей мерности во всем, жителствуя же благочестиво и монашески, всю братию монашескому жителству учити и между их стяжати управление всякое, к сему прочим христиан православных всякаго чина и возраста веры православныя [...] и учению святых отец научати и сеяти истинное благочестие в сердца их со всяким тщанием»⁹⁹.

В середине декабря 1687 г. воскресенский игумен Феодосий в сопровождении четырех товарищей вновь выехал в Россию. 2 января 1688 г. монахи прибыли в русскую столицу и вскоре побывали «у благословения святейшаго Патриарха», а 24 января Феодосий явился в Посольский приказ в Москве, где сообщил, что приехал «бити челом великим государем о милостыне на церковное строение». Он сетовал, что иконы для изготовленного иконостаса до сих пор «не писаны», т. к. нечем платить иконописцам, что в храме нет церковной утвари и «напрестольного Евангелия», не на что возводить иное «монастырское строение». Монахи, жаловался игумен, живут в монастыре «в великой скудости», питаются «от подаяния далных стран, наипаче же от [...] великих государей державы от христиан», поскольку в окрестностях обители «жителей христиан мало, живут

жители разных вер». Феодосий заявлял, что обо всем этом хорошо известно русским дипломатам, часто проезжающим из Москвы на Запад через Борисов. Помимо государева жалованья, игумен просил о выдаче грамоты на позволение вести сбор милостыни в «украинских городах» России¹⁰⁰. Получили ли воскресенские монахи эту грамоту, неизвестно, т. к. окончание в архивном деле отсутствует¹⁰¹, известно лишь, что им было дано «на милостыню на церковное строение» 50 рублей, «а ис Посольского приказа по памятям дачи [...] не было»¹⁰². На эти деньги монахи «построили круг монастыря ограду и в соборной церкви половину иконостасу резнова написали половину икон»¹⁰³. Стоит отметить, что в проезжей грамоте от 27 января (н. ст.) 1692 г., выданной монахам полоцким воеводой Михаилом Домиником Слушкой, также отмечалось, что Борисовский монастырь не имеет «ни откуда пропитания», кроме как от царской милостыни¹⁰⁴.

В конце 1689 – начале 1690 г. борисовский Воскресенский монастырь «из давных лет построенной и в благочестии непременно пребывающей, насилством доминиканы заехали», принуждая монахов принять унию. Информацию об этом мы находим в Выписке, составленной в Посольском приказе в 1690 г., содержащей перечень нарушений договора о Вечном мире 1686 г., совершенных, по мнению русской дипломатии, польско-литовской стороной. В ней также отмечалось, что православные Польши и Литвы шлют жалобы на царское имя, сообщая, «что им, после постановления вечного миру, учало в вере насилство и принуждение к унее быть пущее, нежели до вечного миру чинено»¹⁰⁵.

В феврале 1692 г. игумен Феодосий в сопровождении старца Мелетия вновь появился в Москве, явившись 2 марта в Посольский приказ вместе с посланцами Полоцкого монастыря. В допросе борисовские монахи сообщили, что Воскресенским монастырем «еще владеют они во благочестивой православной вере греческого исповедания, хотя великое утеснение и гонение им чинитца от Жоховского и от иных униятов, так же и от духовных особ римской веры». Феодосий и Мелетий просили нового патриарха Адриана подтвердить ставропигиальную грамоту, выданную покойным Иоакимом, и принять монастырь под свое благословение, «которым бы благословением и паствою защищатись им от униятов». Кроме того, они поведали, что Феодосий в 1690/91 г. посещал в Батурине гетмана И.С. Мазепу, который «велел дать в Стародубе на пропитание того воскресенского монастыря братии несколько запаса». Поэтому Феодосий и Мелетий в этот раз ехали в Москву через Стародуб, где воскресенский игумен получил обещанный гетманом запас и от-

правил его в Борисов. Далее монахи посетили Брянск, откуда выехали в Саввино-Сторожевский («Савинский») монастырь, со старцем которого и прибыли в русскую столицу в конце февраля 1692 г.¹⁰⁶ Феофан и Мелетий просили милостыню на продолжение росписи иконостаса, сетуя, что «большая половина [...] икон не написана, да великою нашею скудостью и риз [...] праздничьих и дьяконского стихаря и церковных сосудов нет»¹⁰⁷.

Приехавшие в феврале того же года в Москву «бити челом великим государям о милостыне на монастырское и церковное строение» наместник полоцкого Богоявленского монастыря Климент (Клементий) Делянов и старец Антоний Григорьев Паук (Пауков) жаловались на продолжавшиеся гонения со стороны униатов во главе с Киприаном Жоховским на единственную православную обитель во всем Полоцком воеводстве («а иные монастыри и церкви обращены все в унею»), где униаты не дают ни новой церкви построить, ни старую починить. Монахи сообщили, что в Браславском повете обращен в унию Мерский монастырь, приписной к оршанской Кутеинской обители: «по наущению [...] Жеховского плебан ксенз Друйский, и монахов ис того монастыря выгнал, и землями и крестьяны овладел, и благочестивую церковь на костел обратил»¹⁰⁸. Климент и Антоний напомнили, что покойный патриарх Иоаким принял монастырь «под свое благословение», и просили, чтобы новый патриарх Адриан также «принял их под свое архипастырство», подтвердив выданную обители в 1686 г. ставропигиальную грамоту, «что б им от униатов было чем защищаться»¹⁰⁹. В проезжей грамоте, данной монахам, игумен Полоцкого монастыря Каллист Липицкий отмечал, что, получив грамоту Иоакима, «таковой мы премного сподобьшися благодати, за которую необыкновенного во щедротах Бога, за пресветлое их царского величества многолетнее здравие и душевное спасение непрестанно молим»¹¹⁰.

7 марта 1692 г. царским указом полоцким и борисовским монахам было велено дать «на приезде»: игумену Феодосию 10 руб. деньгами и столько же соболями, наместнику Клименту 7 руб. деньгами и 10 соболями, старцам по 5 руб., служкам – «по сукну амбурскому»¹¹¹. В оба монастыря «на церковное строение» было дано по 30 руб. соболями¹¹².

Оказывавшаяся Огинскими поддержка православным жителям Литвы в их контактах с московскими властями не мешала князьям промышлять обычным феодальным разбоем на русско-литовской границе. 19 марта 1680 г. смоленский воевода князь И.Б. Троекуров получил письмо от поручика Ивана Аргаевского. Тот сообщал, что 17 марта ночью «воровски» «из-за литовского рубежа», из Лиозно, на

деревню Степушино пограничной Касплинской дворцовой волости «наехал» Ш.К. Огинский с отрядом драгун и вооруженных крестьян численностью около 200 человек. Деревня была разорена и ограблена, а четырех крестьян люди литовского магната «связав, и крестьянские их животы пограбя», увезли с собою «за рубеж». Крестьяне эти, как выяснилось, ранее принадлежали брату Шимона Кароля – Яну Яцеку, но в 1677/78 г. переселились в Степушино. После ограбления Степушина Ш.К. Огинский со своими людьми «наехал» еще на одну деревню – Хомчино, где разорил дом и пограбил «рухледь» крестьянина Осипа Наумова. Шимон Кароль, видимо, по ошибке тоже посчитал его бывшим подданным рода Огинских и потому приказал увезти с собой. Когда же выяснилось, что Наумов «старинной Великого Государя, а не из-за рубежа, а деда и отца его родина за Великим Государем», то крестьянина отпустили домой, в Россию, правда «битого»¹¹³.

Не отстал от двоюродного брата и такой радетель Вечного мира с Россией как Марциан Огинский. Тот же И.Б. Троекуров в феврале 1680 г. сообщал в Москву, что «урядник» М. Огинского Ян Янорович «приезжал из зарубежа с ружем и со крестьяны со многими подводы [...] в Касплинскую волость, в леса, в которых по указу его царского величества режут лесные товары, и дуборесцов бил, и топоры и пилы пограбил, и из ружья по ним стрелял, и многие лесные товары ванчюс и василку и крестьянские многие животы пограбя, вывез к себе, и крестьян той деревни бил, а иных разогнал и дома их разорил»¹¹⁴.

* * *

Во второй половине XVII в. православие в Речи Посполитой лишается той мощной поддержки православных магнатов, которой оно пользовалось ранее. Потомки таких «столпов православия», как Александр и Лев Самуэль Огинские, принимают католичество. Их дети, уже в зрелом возрасте став католиками, тем не менее продолжали оказывать поддержку «фамильным» православным монастырям, тогда как внуки, будучи католиками по рождению, зачастую пополняли ряды гонителей православной церкви. Так, сын Ш.К. Огинского, витебский воевода Марциан Михал Огинский, по договоренности с униатским епископом запретил под угрозой смерти посещать православным г. Витебска Марков монастырь «и церкви все запечатал». В доставшихся ему и его брату, литовскому стольнику Богуславу, отцовских имениях, в т. ч. в Микулино, Лиозно и Рудне, в 1710-х гг. было обращено в унию несколько церквей¹¹⁵. В 1723 г. русский комиссар в Речи Посполитой Игнатий Рудаковский

предлагал припугнуть некоторых литовских магнатов, притеснявших православных, угрозой ареста в Риге их товаров, а особенно – М.М. Огинского, чтобы тот «гарачу (хараджу, т. е. дань. – К.К.) турецким манером с чернцов и попов благочестивых престал брати и церкви б насилством забранныя привратил» ¹¹⁶.

Виленский воевода Казимеж Доминик Огинский, сын Яна Яцека, в 1722 г. добился перехода в унию церкви св. Ильи Пророка в своем имении Бешенковичи ¹¹⁷, которую, правда, он сам же и основал ок. 1708 г. ¹¹⁸. К началу второй половины XVIII в. Кронский и Евьеский монастыри практически полностью запустели. В присланном в Синод реестре отмечалось, что ранее в обе обители, «как для оправи монастыра, так и на содержание монахов и служителей церковных, з двора господ Огинских шло, когда они в православии были: а теперь от потомков их ничего того нет, и чрез то все к разорению и опустению пришло» ¹¹⁹.

В 1680-е гг. православные Речи Посполитой, принуждаемые к принятию унии, и, в частности, из-за постепенной и подчас скрытой от мирян ликвидации православной иерархии испытывали не только нехватку церковной утвари и богослужебных книг, что случалось и ранее, но и столкнулись с отсутствием священников и дьяконов. По сравнению с началом XVII в. православная церковь в Речи Посполитой оказалась в гораздо худшем положении, поскольку в значительной степени утратила поддержку православных магнатов.

Попытки белорусских православных обратиться за помощью к русским епископам пограничных с Литвой епархий – Псковской и Смоленской, первоначально не имели успеха (сами факты таких обращений нам неизвестны), и только направление посланцев в Москву позволило сдвинуть дело с мертвой точки. Немалую роль в этом сыграл и мстиславский воевода Шимон Кароль Огинский, активно ходатайствовавший за монахов, которым представители его рода и, в частности, его отец и дед традиционно покровительствовали. Стоит отметить, что тем самым Ш.К. Огинский, видимо, стремился облегчить и материальное бремя своей миссии «колятора» и опекуна фамильных обителей, поскольку как неофит-католик он и другие представители рода должны были показывать свою приверженность к новой вере, в том числе и путем жертвования на нужды католической церкви ¹²⁰. Изучение русско-литовских контактов и роли в них рода Огинских в 1680-е гг. позволяет выдвинуть гипотетическое предположение о своеобразном «разделении труда», когда троцкий воевода и литовский канцлер Марциан Огинский держал в своих руках политические связи с Москвой, а его двоюродный брат Шимон Кароль «отвечал» за религиозные.

Рассмотренные сношения православного духовенства Литвы с Россией в 1680-е гг. показывают, что зачастую именно литовским церковнослужителям принадлежала инициатива налаживания и развития контактов с единоверцами в России и Русской православной церковью. Именно белорусские монахи просили о «тайном» поставлении своих кандидатов в сан и о выдаче ставропигиальных грамот, тогда как светские власти России, искавшие союза с Речью Посполитой, временами довольно сдержанно реагировали на эти просьбы. Можно отметить также, что правительство Речи Посполитой, стремясь ограничить контакты православных жителей Польско-Литовского государства с Константинопольским патриархатом, тем самым автоматически способствовало интенсификации таковых с патриархатом Московским. Это выражалось в частности и в том, что если в первой половине XVII в. православные Польши и Литвы обращались с просьбами о даровании ставропигии к представителям греческого епископата, то в 1680-х гг. подобные прошения со стороны белорусских православных уже адресуются московскому патриарху. Причем происходило это одновременно со стремлениями русского правительства добиться перехода Киевской митрополии в ведение Москвы, что свидетельствует о том, что процесс этот отвечал не только стремлениям высших духовных властей России, но и в какой-то мере интересам православных Польши и Литвы. Принимая во внимание близость России (в отличие от Константинополя), а также то, что литовские магнаты часто сами выдавали представителям православного духовенства проезжие грамоты в Москву, можно констатировать, что как-то ограничить вышеозначенные связи и их развитие у королевской власти в тех условиях было немного возможностей.

Возможно, дальнейшие исследования обогатят наши знания о контактах православных Речи Посполитой с Россией как в предшествующие, так и в последующие десятилетия. Например, известно, что в 1680-е гг. именно монахи полоцкого Богоявленского монастыря просили о посвящении русскими епископами в сан прибывавших из Литвы кандидатов, но факты таких поставлений собственно из числа богоявленских кандидатов пока не установлены.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.
- 2 См. о нем: Sowa A., Wasilewski T. Ogiński Grzegorz (Hrehory) Antoni // Polski słownik biograficzny (Далее – PSB). Т. 23. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1978. S. 603–607.

- 3 Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией (далее – АВАК). Т. 11. Акты Главного литовского трибунала. Вильна, 1880. С. 85–92, 116–122; *Wasilewski T. Ogiński Bogdan Marcjjan* // PSB. Т. 23. С. 599–600; *Макарий (Булгаков)*, митрополит московский и коломенский. История Русской церкви. Кн. 6. М., 1996. С. 181–183, 229, 249–250, 459–460.
- 4 *Харлампович К.В.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. Казань, 1898. С. 331.
- 5 Там же. С. 340; *Lulewicz H. Ogiński Jan* // PSB. Т. 23. С. 611–613; *Макарий (Булгаков)*. Указ. соч. С. 224–225, 252–253, 436, 505, 529, 533.
- 6 *Lulewicz H. Ogiński Aleksandr* // PSB. Т. 23. С. 594–596.
- 7 Витебская Старина (далее – ВС). Т. 1. Составил и издал А. Сапунов. Витебск, 1883. С. 247–251; АВАК. Т. 11. С. 128–132.
- 8 АВАК. Т. 12. Акты Главного литовского трибунала. Вильна, 1883. С. 563–566.
- 9 *Kempa T. Fundacje monasterów prawosławnych w Rzeczypospolitej w pierwszej połowie XVII wieku* // *Życie monastyczne w Rzeczypospolitej*. Białystok, 2001. С. 83, 86–87; *Wasilewski T. Ogiński Bogdan Marcjjan...* С. 600; *Макарий (Булгаков)*. Указ. соч. С. 460.
- 10 АВАК. Т. 12. С. 549–553.
- 11 Там же. С. 570–577.
- 12 *Lulewicz H.* Op. cit. С. 595.
- 13 *Rachuba A. Ogiński Marcjjan Aleksander* // PSB. Т. 23. С. 619.
- 14 Иосиф Нелюбович-Тукальский – А.Л. Ордину-Нащокину. 9 августа 1670 г. Каневский Богородицкий монастырь // Акты Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 9. 1668–1672. СПб., 1878. Стб. 256.
- 15 *Rachuba A. Ogiński Marcjjan...* С. 619.
- 16 Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 3. Вильна, 1867. С. 185–188.
- 17 Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. Д. 223. Л. 80–84 об.
- 18 *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 85, 244–246, 352–353, 418; *Wójcik Z. Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672*. Warszawa, 1968. С. 206–207; *Chynczewska-Hennel T. Polityka Stolicy Apostolskiej wobec unii i prawosławia w Rzeczypospolitej XVII wieku* // *Katolicyzm w Rosji i Prawosławie w Polsce (XI–XX w.)*. [Warszawa], 1997. С. 128; «Punkt interessu względem postanowienia wzajemnej między Papieskim a Moskiewskim Dworami korespondencji, zleconego ur. Сурьянови Brzostowskiemu, posłowi wielkiemu do traktowania na stolicy moskiewskiej» – Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Teki Naruszewicza. Rps. 177. С. 1359–1361. См. также инструкцию польско-литовским комиссарам для переговоров с Россией, утвержденную гродненским сеймом 1678–1679 гг. [Archiwum Główne Akt Dawnych

- (далее – AGAD). Archiwum Publiczne Potockich (далее – APP). Rps. 45. S. 400–403].
- 19 Русско-белорусские связи во второй половине XVII в. (1667–1686 г.) Сборник документов. Минск, 1972. С. 337.
- 20 Там же. С. 337–338, 341–342.
- 21 *Rachuba A.* Ogiński Jan Jacek // PSB. Т. 23. S. 613. В 1655 г., после захвата русскими войсками значительной части Литвы, Ян Яцек присягнул на верность царю Алексею Михайловичу. (Памятники истории Восточной Европы. Т. 4. Крестоприводная книга шляхты Великого княжества Литовского 1655 г. Отв. редактор Б.Н. Флоря. Москва; Варшава, 1999. С. 61).
- 22 *Wasilewski T.* Ogiński Szymon Karol // PSB. Т. 23. S. 639; АВАК. Т. 12. С. 563–564. В ходе русско-польской войны 1654–1667 гг., в ноябре 1655 г. вместе с отцом Шимон Кароль прибыл в Вильно, чтобы принять русское подданство, а затем, в ноябре 1656 г. вместе с группой шляхты направился, чтобы предстать перед царем Алексеем Михайловичем.
- 23 ВС. Т. 5. Материалы для истории Полоцкой епархии. Ч. 1. Составил и издал А. Сапунов. Витебск, 1888. С. 250.
- 24 AGAD. APP. Rps. 324. S. 44–45.
- 25 *Wasilewski T.* Ogiński Szymon Karol... S. 639.
- 26 Urzędnicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Spisy. Oprac. H. Lulewicz i A. Rachuba. Kórnik, 1994. S. 98.
- 27 *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386–1795. Kraków, 1885. S. 31.
- 28 *Wasilewski T.* Ogiński Mikolaj Franciszek // PSB. Т. 23. S. 636; Urzędnicy centralni... S. 98.
- 29 *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 184, 240, 242, 301, 311, 317, 417.
- 30 ВС. Т. 1. С. 252, 254.
- 31 Таблица включает в себя только тех представителей рода, о которых идет речь в данной статье. Она составлена на основе соответствующих биографий из Польского биографического словаря с использованием статьи Л. Хмельницкой (*Хмяльніцкая Л.* Культурна-мецэнацкая дзейнасць князёў Агінскіх на Віцебшчыне // *Беларусіка – Albaruthenica*. Кн. 6. Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу. Ч. 2. Мінск, 1997).
- 32 АВАК. Т. 12. С. 564–568.
- 33 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1680 г. Д. 1. Л. 8–9.
- 34 *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 55–56.
- 35 Русско-белорусские связи... С. 161. О сплавке Огинскими стругов через Витебск см.: *Левко О.Н.* Торговые связи Витебска в XV–XVII вв. Минск, 1989. С. 78.
- 36 Русско-белорусские связи... С. 298–299; *Шпиленко Д.М.* Материалы к родословию смоленского дворянства. М., 2006. С. 102.
- 37 Подробнее об этом см.: *Bendza M.* Tendencje unijne względem cerkwi prawosławnej w Rzeczypospolitej w latach 1674–1686. Warszawa, 1987. S. 13–77; *Volumina Legum*. Т. 5. Sankt-Petersburg, 1860. S. 180.

- 38 ВС. Т. 5. Ч. 1. С. 250–251; Сапунов А. Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX века. Витебск, 1889. С. 158–159.
- 39 Литературный сборник, издаваемый Галицко-русскою Матицею. 1872 и 1873. Львов, 1874. С. 201.
- 40 Bendza M. Op. cit. S. 137–139.
- 41 Ibid. S. 64–65, 79, 93 и след.
- 42 Киприан Жоховский – Яну Кулневу, стольнику смоленскому. 17 ноября (н. ст.) 1684 г. «в Цетежи» (письмо подал В.В. Голицыну генерал Владимир Швейковский 9 марта 1686 г.) – РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 447 об.–448 об.
- 43 Архив Юго-Западной России (далее – АЮЗР). Ч. 1. Т. 4. Киев, 1871. С. 72–73.
- 44 AGAD. APP. Rps. 163a. Т. 9. S. 893–894. Письмо датировано 30 сентября (н. ст.) 1684 г. Львов. Те же обвинения епископ Иосиф повторил спустя пять лет в письме патриарху Иоакиму См.: АЮЗР. Ч. 1. Т. 5. Акты, относящиеся к делу о подчинении киевской митрополии московскому патриархату (1620–1694 г.). С. 274.
- 45 Сводная галицко-русская летопись с 1600 по 1700 год // Литературный сборник... С. 208; Andrusiak M. Józef Szumlański, pierwszy biskup unicki lwowski (1667–1708). Zarys biograficzny // Archiwum towarzystwa naukowego we Lwowie. Dział B. Т. 16. Zeszyt 1. S. 95. Lwów, 1934.
- 46 Bendza M. Op. cit. S. 119–130.
- 47 Иосиф Шумлянский – С.А. Шуке. 12 марта (н. ст.) 1685 г. Луцк – AGAD. APP. Rps. 163a. Т. 11. S. 313–316. Биографию А. Мёнчиньского см.: Wimmer J. Międzyński Atanazy Walenty // PSB. Т. 20. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1975. S. 553–555.
- 48 Тот же – тому же. 16 августа (н. ст.) 1685 г. Львов – Ibid. S. 629–630.
- 49 Сводная галицко-русская летопись с 1600 по 1700 год // Литературный сборник... С. 214–215; Andrusiak M. Op. cit. S. 95.
- 50 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 221. Л. 570–580 об. О В. Красенском см.: Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. Т. 4. Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie. XIV–XVIII wiek. Pod. red. A. Rachuby. Oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba, P. Romaniuk. S. 60.
- 51 Там же. Л. 578–578 об. Письмо датировано 23 апреля (н. ст.) 1685 г. Варшава. Здесь Красенский именуется гомельским старостой.
- 52 Там же. Л. 574–577 об. Письмо датировано 18 августа (стиль?) 1685 г. Пропойск. Подобные же предложения В. Красенский вновь делал русскому правительству и спустя пять лет, через гетмана И.С. Мазею [Изнатенко А.П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII–XVIII в.). Минск, 1974. С. 83].
- 53 Там же. Л. 570–573. Письмо датировано 8 августа (стиль?) 1685 г. Пропойск.
- 54 См. напр.: Бантыш-Каменский Н.Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии, с показанием начала и важнейших, в продолжение оной

- чрез два века, приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униатов на благочестивых тамошних жителей гонении [...]. М., 1805. С. 146–147.
- 55 *Kempa T.* Czy męczeńska śmierć arcybiskupa Jozafata Kuncewicza przyczyniła się do rozwoju unii brzeskiej na obszarze archidiecezji połockiej? // *Kościół wschodnie w Rzeczypospolitej XVI – XVIII wieku.* Lublin, 2005. S. 102.
- 56 *ВС.* Т. 5. Ч. 1. С. 138–141; Там же. Т. 1. С. 247–251; *АВАК.* Т. 11. С. 111–112; *Kempa T.* Czy męczeńska śmierć... S. 102–104.
- 57 *Заборовский Л.В., Флоря Б.Н.* Народно-освободительная война украинского народа и отношения католической, униатской и православной церквей в Восточной Европе в середине XVII в. // *Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в.* М., 1996. С. 179–180; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 114–115.
- 58 *Vendza M.* Op. cit. S. 37–38.
- 59 *АВАК.* Т. 11. С. 231–232.
- 60 Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний витебской, моголевской, хранящихся в Центральном архиве Витебска <...>. Под ред. А. Созонова. Вып. 6. Витебск, 1874. С. 264–269; *ВС.* Т. 5. Ч. 1. С. 251–254.
- 61 *ВС.* Т. 5. Ч. 1. С. 254–255.
- 62 Там же. С. 256–260.
- 63 Там же. С. 261–262.
- 64 Там же. С. 240–241.
- 65 *РГАДА.* Ф. 79. Оп. 1. 1686 г. Д. 2. Л. 20–22.
- 66 Там же. Л. 18–19.
- 67 Известно, что монахи Свято-Духова монастыря ранее посещали Россию в 1628, 1641 и 1656 г. (*Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 85, 89, 345), а Кронского в 1656 г. (Там же. С. 345).
- 68 *РГАДА.* Ф. 79. Оп. 1. Д. 195. 349–349 об.
- 69 *АВАК.* Т. 9. Акты Виленского земского суда. Вильна, 1878. С. 245–247.
- 70 Памятники православия и русской народности в Западной России в XVII–XVIII вв. (далее – ППРН) Т. 1. Акты по истории заграничных монастырей Киевской епархии XVII–XVIII вв. Ч. 1. Киев, 1905. С. 16–17. В 1685 г. виленские иезуиты и православные братчики заключили мировую (*АВАК.* Т. 8. Акты Виленского городского суда. Вильна, 1875. С. 600–601).
- 71 *Флоря Б.Н.* Смоленщина и Московская Патриархия накануне Русско-польской войны // *Славянский альманах 2002.* М., 2003. С. 49–53. См. также: *Ego же.* Положение православного населения Смоленщины в составе Речи Посполитой (20-е – 40-е годы XVII в.) // *Revue des études slaves.* 1998. № 2. S. 344.
- 72 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 344–345. Известен также факт повторного поставления в Москве в 1655 г. шестерых бывших священников-униатов, совершенного находившимся там антиохийским патриархом Макарием (Там же. С. 312.).

- 73 Там же. С. 3–94, 250–366.
- 74 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1684 г. Д. 5. Л. 1–3. Публ. челобитной см.: Русско-белорусские связи... С. 317. По известным данным, последний раз перед этим богоявленские монахи посещали Москву в 1656 г. (*Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 345).
- 75 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 213. Л. 787–789.
- 76 Там же.
- 77 Там же. Л. 789 об. – 792 об.
- 78 Там же. 1684 г. Д. 5. Л. 1–3.
- 79 Там же. 1685 г. Д. 2. Л. 42–43. Письмо датировано 22 января (стиль?) 1685 г. Вильна.
- 80 Там же. Л. 43–44.
- 81 Там же. Л. 44–46. Письмо датировано 19 января (стиль?) 1685 г. Лиозно. Монахи Маркова монастыря посещали Россию перед этим в 1655, 1669, 1670 (?) и 1677 гг. (*Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 344–345, 351, 352, 354).
- 82 Там же. Л. 46–47. Письмо датировано 14 февраля (стиль?) 1685 г. Лиозно.
- 83 Там же. Л. 50–52. Письмо датировано 18 января (стиль?) 1685 г. Марков монастырь.
- 84 Там же. Л. 48–49. Письмо датировано 24 января (стиль?) 1685 г. Крон.
- 85 Там же. 1686 г. Д. 2. Л. 14–15. Письмо датировано 25 ноября (стиль?) 1685 г. Рудня. Имена посланцев установлены на основе: *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 294–295, 357–358.
- 86 РГАДА. 1686 г. Д. 2. Л. 16–17. Письмо датировано 5 ноября (стиль?) 1685 г. Марков монастырь. Помимо Гавриила письмо подписали иеромонах и наместник марковский Самуил Ноздровский, а также иеромонахи Леонтий Рукою (?) и Досифей Дярковский.
- 87 *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 314–315.
- 88 Русско-белорусские связи... С. 336. См. также: *Харлампович К.В.* Указ. соч. С. 358.
- 89 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1692 г. Д. 15. Л. 7. Здесь ошибочно указано, что в Москву приезжал сам игумен Полоцкого монастыря, Игнатий.
- 90 АЮЗР. Ч. 1. Т. 5. С. 229–231. Письмо датировано 18 января (стиль?) 1686 г. Богоявленский монастырь. О даровании Никоном ставропигии Полоцкому монастырю см.: *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 171. Примечание 4. Текст грамоты Никона см.: Белорусский архив древних грамот (далее – БАДГ). Ч. 1. М., 1824. С. 109–111.
- 91 Грамота Иоакима публиковалась неоднократно: БАДГ. Ч. 1 М., 1824. С. 121–124; Акты, относящиеся к истории Западной России (далее – АЗР). Т. 5. СПб., 1853. С. 190–191; Вестник Западной России (далее – ВЗР). 1869. Кн. 12. Т. 4. С. 40–43; АЮЗР. Ч. 1. Т. 5. С. 231–234; ВС. Т. 5. Ч. 1. С. 263–266; Русско-белорусские связи... С. 343–345.
- 92 Документ неоднократно публиковался: БАДГ. Ч. 1 М., 1824. С. 126–127; ВС. Т. 1. С. 259–261; АЗР. Т. 5. С. 194–195; ВЗР. 1869. Кн. 12. Т. 4. С. 45–47.
- 93 Публикации документа см.: БАДГ. Ч. 1 М., 1824. С. 124–125; ВС. Т. 1. С. 258–259; АЗР. Т. 5. С. 209–210.

- 94 ВС. Т. 1. С. 251–255.
- 95 *Сергий (Василевский), иеромонах*. Витебский Марков Свято-Троицкий мужеский монастырь // Памятная книжка Витебской губернии на 1865 г. Витебск, 1865. С. 45–46; *Хмяльніцкая Л.* Указ. соч. С. 42–43. М.О. Без-Корнилович в своем историко-географическом труде отмечал, что Ш.К. Огинский «построил монахам» еще и кельи (*Без-Корнилович М.О.* Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся. СПб., 1855. С. 51).
- 96 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 255. Л. 2–4 об.
- 97 *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние... С. 358, 362, 365. Воскресенский Борисовский монастырь существовал уже в 1642 г. (*Макарий (Булгаков)*. Указ. соч. С. 537).
- 98 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 4. Л. 1–4.
- 99 Там же. Л. 5–11. Грамота датирована 8 марта 1687 г.
- 100 Там же. Л. 1–2. Феодосия сопровождали старцы Мелетий и Феофан, служки Данилко и Кузенко.
- 101 Там же. Л. 21.
- 102 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1692 г. Д. 15. Л. 7.
- 103 Там же. Л. 13.
- 104 Там же. Л. 10.
- 105 Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 12. СПб., 1872. С. 363. Описанные в «Выписке...» события позволяют датировать ее с точностью до года. См. также: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 255. Л. 10–10 об.
- 106 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1692 г. Д. 15. Л. 8–9. Монахов сопровождали трое служек.
- 107 Там же. Л. 13.
- 108 *Игнатенко А.П.* Указ. соч. С. 45; РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1692 г. Д. 15. Л. 1–2. Монахов сопровождали двое служек. Захваченный униатами монастырь судя по всему – Мирский мужской монастырь, основанный в 1644 г. Севастьяном Мирским в своем имении Мирах Браславского повета [*Макарий (Булгаков)*. Указ. соч. С. 537].
- 109 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1692 г. Д. 15. Л. 2.
- 110 Там же. Л. 5–6. Грамота датирована 12 января (стиль?) 1692 г. Полоцкий Богоявленский монастырь.
- 111 Там же. Л. 24.
- 112 Там же. Л. 28.
- 113 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 196. Л. 219–219об.; Там же. 1680 г. Д. 1. Л. 11–12.
- 114 Там же. Д. 196. Л. 298 об.–299.
- 115 *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 423, 425, 448.
- 116 ППРН. Т. 1. Ч. 1. С. 104. См. также с. 273.
- 117 *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 449. В другом месте своего труда Н.Н. Бантыш-Каменский утверждает, что в 1723 г. ксендз-иезуит Гиндорф «насилно [...] на унию отнял» некую церковь в Бешенковичах (Там же. С. 244).

-
- ¹¹⁸ *Без-Корнилович М.О.* Указ. соч. С. 115; *Грицкевич А.П.* Социальная борьба горожан Белоруссии (XVI – XVII вв.). Минск, 1979. С. 130.
- ¹¹⁹ ППРН. Т. 1. Ч. 2. С. 1143. См. также с. 1057.
- ¹²⁰ О пожертвованиях в пользу католической церкви Яна Яцка, Марциана и Шимона Кароля Огинских см. в их биографиях, помещенных в Польском биографическом словаре: PSB. Т. 23. S. 614, 620, 639.

ПОЛЬСКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ XVI–XVII вв.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ СТЕРЕОТИПА

Первоначальное значение термина «стереотип»¹ восходит к полиграфии, где так называется отливка печатного набора, используемая для многократного повторения неизменных фраз. В переносном и широко употребляемом ныне значении он был введен в социальную психологию Уолтером Липпманом² для определения феномена сознания, который позволяет сформировать априорное представление о некоем фрагменте действительности и упорядочивать данный участок действительности, не обладая непосредственным опытом его познания. Поэтому стереотипы основаны на сведениях, часто противоречащих действительности либо представляющих ее в искаженном свете. В общественном сознании они предстают как жесткие по своей конструкции социально обусловленные установки, мало подверженные изменениям во времени и практически не зависящие от развития самого предмета стереотипного суждения и изменяющейся ситуации. Атрибутами стереотипа считаются связанные с ним повышенный эмоциональный настрой, а также упрощенные и поверхностные суждения. Как явление общественного сознания стереотип несет в себе целевую установку обоснования и защиты важных для субъекта ценностей³.

Частной формой стереотипов выступают стереотипы этнические, представляющие собой выражение социальных установок и эмоционально окрашенных суждений о своем народе либо о других этнических группах, а также отторжение или враждебное отношение к лицу, принадлежащему к какой-либо группе, только вследствие этой принадлежности воспринимаемой как негативное качество⁴. Таким образом, стереотипы мало говорят о тех явлениях, которые они обозначают, но, напротив, много о тех, кто их формирует.

Рубеж 80-х и 90-х гг. XX в. ознаменовался в польских гуманитарных науках подъемом интереса к проблеме стереотипов, в особенности – этнических. Причем он проявился как в области методологических разработок, так и в исследованиях, посвященных «образам» отдельных народов. Изучались стереотипы восприятия поляками

тех или иных народов – и наоборот⁵. Внимание исследователей сосредоточилось на роли стереотипов в отношениях поляков с народами Западной Европы, а также с народами, с этническими и конфессиональными слоями и группами, традиционно связанными с Речью Посполитой, но воспринимавшимися польским обществом как «чужие» – с немцами, евреями и (эпизодически) с протестантами.

В то же время стереотипам русских было посвящено лишь несколько работ (если не говорить об упоминаниях в генеральных разработках на тему стереотипов), основанных, главным образом, на публицистических источниках XIX в.⁶. Причем к эпохе раннего Нового времени из них относится только научно-популярное эссе Януша Тазбира, опубликованное в 1991 г. в еженедельнике «Политика»⁷. Все авторы единодушны в том, что стереотип русских в сознании поляков (и наоборот) был однозначно негативным и неразрывно сочетался с этническим предубеждением. Последнее отличается от стереотипа только тем, что оно связано с враждебным отношением к представителям другого народа, поскольку они принадлежат к нации, изначально оцениваемой отрицательно.

Обоснованием для утверждения, что стереотипы XIX в. являются простым продолжением стереотипов, сформировавшихся еще в эпоху до разделов Польши как результат негативного опыта войн XVI и XVII вв., послужили для историков новейшего времени выдвинутый еще в 1930-е гг. тезис Яна Станислава Быстроны о польской национальной мегаломании (без отнесения к стереотипу русского)⁸, а также высказанное еще в начале 1970-х гг. мнение Януша Тазбира, которого он придерживается и по сей день, о заметной подверженности «поляков эпохи барокко ксенофобии». Происхождение таких настроений связывалось, с одной стороны, с рядом исторически объяснимых феноменов: с ощущением угрозы вере, вольностям и политическим свободам шляхты; со сформировавшимся в сознании высших общественных слоев опасением за фундаментальные культурные ценности – язык, обычаи и традиции, в том числе за традиции политического устройства польского общества. С другой стороны, эти настроения зиждились на позитивно утверждаемых трех догматах Речи Посполитой, что шляхетская республика это житница Европы, твердыня христианства и идеальное по своему общественному и политическому устройству государство⁹. Отмеченные фобии сформировались, по мнению Я. Тазбира, в середине XVII в., а в конце его принесли плоды в виде национальной мегаломании и своеобразного мессианства. По мнению Збигнева Бокшаньского, в этом проявилась «более общая культурная тенденция», выразившаяся в способности воспринимающего субъекта формировать по отношению

к внешнему миру, в частности к «другим» народам и государствам, «эталонны перцепирования» или же «активизировать такие эталоны, существовавшие прежде»¹⁰.

Такое положение заставляет специалистов по истории раннего Нового времени не только позаботиться о развитии собственно научных исследований в области стереотипов взаимного видения народов-соседей, но и вызывает обеспокоенность за сегодняшнее состояние и перспективы отношений между поляками и русскими. Особенно если принять, хотя и небесспорный, тезис автора фундаментального труда о стереотипах в польско-русских отношениях Анджея Кемпиньского, что стереотипы, в том числе особенно этнические, представляют собой конститутивный элемент культурной тождественности общества и даже необходимы для сохранения так называемого национального сознания¹¹. С этой точки зрения отнюдь не безразлично, являются ли эти стереотипы негативными или позитивными. К сожалению, в Польше вот уже десятилетие научные исследования стереотипов переживают застой, тогда как проводимая правящими кругами обоих наших государств «историческая политика» слишком часто обращается к негативным сторонам польско-русских отношений.

Разумеется, в предлагаемой вниманию читателей статье мы не ставим целью сопоставление исторических фактов со стереотипами, поскольку бытование последних в общественном сознании и их одобрение обществом являются эффектом фрустраций, вызываемых у наших народов в силу указанных выше причин¹². Наша задача ограничивается верификацией негативного стереотипа русских, а точнее, согласно терминологии раннего Нового времени – москвитян, в польской общественной мысли XVI–XVII вв. отнюдь не по соображениям политической корректности или любезности, а потому, что тезис профессора Тазбира о «ксенофобии поляков эпохи барокко», рассматриваемый как некая «культурная парадигма», верен только отчасти.

Во-первых, он не относится к XVI и первой половине XVII в., так как упомянутые «опасения» насаждала католическая церковь, а не государственная пропаганда, провозглашавшая экспансионистские лозунги, отражавшие устремления польского рыцарского сословия. Во-вторых, он основывается на материале исторических источников второй половины и конца XVII в., возникших в церковных кругах в годы шведского «потопа» и последующих времен и служивших масшированной церковной пропаганде, адресованной самым широким слоям населения¹³. В-третьих, даже по отношению к периоду позднего барокко он касается только одной группы стереотипов – самой популярной, но не единственной – а именно народных стереотипов,

воплощенных в фольклоре на началах «нисхождения» культуры¹⁴ и проникновения в так называемые «массы» убеждений, которые на уровне «высокой» культуры интеллектуальных и властных элит считались анахроничными. Эти народные стереотипы («образы наций»), внедрявшиеся в массовое сознание посредством литературы для народа (поэзии, религиозно-патриотических песен, проповедей и т.п.), во всей Европе до XVIII в. формировали парадигматические представления об иностранных народах и нациях. В-четвертых, существование отмеченных народных стереотипов не исключает параллельного варианта, а именно существования в польско-русских отношениях стереотипа элитарного¹⁵, распространенного и пропагандируемого в шляхетской среде. Этот элитарный стереотип на протяжении почти целого столетия, начиная с 70-х гг. XVI в. до 60-х гг. XVII в. (конкретно: с 1572 г. до 1658 г.), нашел отражение в политической публицистике и был связан с полемикой вокруг концепции так называемой «тройственной унии» – польско-литовско-русской.

Именно этот последний вопрос будет в центре нашего внимания, а его рассмотрение пусть послужит стимулом к активизации научных исследований стереотипов, *sine ira et studio*, и для восстановления в историографии проблемы объективной пропорции в исследованиях позитивных и негативных стереотипов.

Вопрос об унии Речи Посполитой с Россией – а точнее (до 1657 г.), в официальной польской терминологии того времени – с Москвой, с Великим княжеством Московским – хорошо исследован в историографии на уровне выявления связанных с этой проблемой конкретных фактов¹⁶. Почти в течение столетия такие планы возникали неоднократно. Впервые они зазвучали во время первого бескорольвья по смерти Сигизмунда Августа в 1572–1574 гг.; вновь обратились к ним в 1584–1586 гг., когда после смерти Ивана Грозного на престол объединенного государства «трех народов» прочили польского короля Стефана Батория. Сразу вслед за этим на протяжении более четверти века такие замыслы обсуждались практически непрерывно. В 1586–1587 гг., возник план избрания уже московского государя на польско-литовский трон; в 1598 г. в связи с намерением польских противников Сигизмунда III Вазы свергнуть его с престола говорили об избрании вместо него сына царя Федора Иоанновича. В 1598–1600 гг., после смерти царя Федора, был выдвинут план избрания царем кандидата из польской королевской семьи Ваза. В 1605–1606 гг. во время Сандомирского рокоша и правления Лжедмитрия I вновь возникли замыслы детронизации короля Сигизмунда, в связи с чем среди кандидатов на польский престол назывался и русский Самозванец. В 1610–1617 гг., когда дважды ар-

мия Речи Посполитой предпринимала интервенцию в Московское государство, поводом к которой называли возмездие за убийство в российской столице поляков из окружения Лжедмитрия I, прибывших на свадьбу самозванца и Марии Мнишек, часть московского боярства и гетман Станислав Жолкевский вынашивали планы посадить на царский трон польского королевича Владислава. Во время Смоленской войны 1634–1637 гг. Владислав IV Ваза вновь вспомнил об осуществлении своих прав на московский престол. Последний раз планы «тройственной унии» обсуждались в политических кругах Речи Посполитой в 1657–1658 гг. в связи с проектом польско-русского союза против Швеции. Предложенный россиянами союз должен был основываться на договоре, по которому монархи Польши и России гарантировали, что после смерти Яна Казимира Вазы на польский престол будет избран царь Алексей Михайлович или один из царевичей – Федор или Алексей, а в дальнейшем их потомки. Таким образом, *de facto* польско-литовское государство становилось бы наследственной монархией во главе с династией Романовых и было бы прочно присоединено к России.

Однако, несмотря на достаточно подробное исследование отдельных эпизодов и планов объединения владений польских и московских государей, в историографии отсутствуют научные работы, в совокупности рассматривающие последовательно формировавшиеся концепции и варианты унии, и остается невыясненным, в чем состояли постоянные элементы ее концепции, а какие элементы возникали в силу менявшихся обстоятельств, вследствие той или иной политической конъюнктуры. Важными для выяснения являются, по меньшей мере, следующие вопросы. Во-первых, кто со стороны Речи Посполитой выступал за унию с Москвой и стремился воплотить ее в жизнь, помимо части элит Великого княжества Литовского, и, во-вторых, был ли вынашиваемый в правящих кругах Речи Посполитой замысел унии с Москвой только политической уловкой, в лучшем случае затеянной для дипломатического зондажа, или чтобы на долгое время ввести в заблуждение российских правителей, внушив им беспочвенную надежду на обретение польской короны, и таким способом склонить их к миру? И, в-третьих, всегда ли подобные планы были со стороны Речи Посполитой только политической игрой по отношению к восточному соседу?

Вопрос о замыслах «тройственной унии» нельзя считать исчерпанным, сводя причины их неудачи только к взаимному недоверию участников переговоров, к их нежеланию принимать на себя подлинные обязательства и к вытекавшим из этого и возникавшим в ходе переговоров техническим трудностям, как-то: ссылки сторон

на отсутствие у них необходимых полномочий, откладывание окончательных решений и необходимых ответственных действий, что, по мнению польских историков, было характерно, прежде всего, для русской стороны и в свою очередь в немалой степени предопределило судьбу унии¹⁷.

Остается без ответа вопрос, поставленный историком государственным права Ежи Мальцем: «действительно ли эти противоречия (в ходе переговоров. – У.А.) заранее исключали возможность реализации самой унии? Трудно предполагать, чтобы опытные политики по обеим сторонам в течение более чем полувека старались проталкивать концепцию всецело утопическую. Представляется, что неудачу в итоге предопределили более существенные препятствия – ущербность политических горизонтов, отсутствие готовности к взаимным компромиссам и гибкости подходов»¹⁸ – иначе говоря, взаимные предубеждения и стереотипы.

В статье на основании анализа польской политической публицистики¹⁹ предпринимается попытка воссоздать представления по крайней мере части политических элит Речи Посполитой о польско-московских отношениях, а также рассмотреть аргументы, к которым прибегали сторонники унии с Москвой, чтобы склонить польских читателей к поддержке своей точки зрения и сделать ее более убедительной. В нашем анализе мы исходим из предпосылки, что никакие проекты были бы невозможны, если бы в сознании элит Речи Посполитой присутствовал бы только негативный стереотип «москвитянина».

Во время первого бескоролья, после смерти в 1572 г. последнего короля из династии Ягеллонов – Сигизмунда Августа, в польской публицистике упоминания о польско-московских отношениях (как правило, эпизодические) встречаются в 21 тексте из 63, то есть в 1/3 из сохранившихся памятников. В 1605–1606 гг., во время Сандомирского рокоша, об отношениях с Московским государством говорится в 29 текстах (около 17%) из 163. В годы правления Яна Казимира Вазы (1648–1668) рассуждения на эту тему содержатся в 24 текстах из 165. В целом непосредственно об унии с Москвой говорится только в 8 произведениях.

Из этого следует, что названный вопрос вызывал особый интерес в шляхетском общественном мнении в такие моменты, когда решались судьбы Речи Посполитой, в частности, когда после смерти Сигизмунда Августа определялся способ избрания нового короля. В другое время он оставался для большинства публицистов маргинальным. Анализируемые тексты в подавляющем большинстве анонимны, однако среди пропагандистов унии можно указать (предпо-

ложительно или достоверно на основании установления авторства) на две группы. Во-первых, это представители коронной шляхты из Серадского и Калишского воеводств (в годы первого бескоролья – Станислав Цесельский²⁰, Петр Мыцельский²¹) и коронные сенаторы времени короля Яна Казимира (Анджей Максимилиан Фредро²² и Ян Лещиньский²³). Все они никогда не бывали в Литве и не были знакомы с реалиями Великого княжества Литовского. Свои взгляды они формулировали на основании книжных знаний либо обиходных мнений. Вторую группу составляли, прежде всего, представители шляхты Великого княжества Литовского второй половины XVII в. – особенно изгнанники-экзулянты²⁴, наиболее заинтересованные в умиротворении восточного соседа, и литовские магнаты (например, Кшиштоф Зыгмунт Пац²⁵) и их клиентура, рассчитывавшие на захват власти в Литве. Таким образом, характер реальных связей между проектами «тройственной унии», с одной стороны, и, с другой – политической средой, в которой эти проекты возникли, был принципиально различным как в первом, так и во втором периодах наиболее интенсивного их обсуждения. Первоначально замысел унии имел целью сплотить Речь Посполитую трех монархий вокруг общих интересов, а в конечный период в нем видели способ, которым намеревались воспользоваться определенные круги магнатов и шляхты Великого княжества Литовского, чтобы подорвать унию Короны и Литвы и тем самым *ex desperatione* сепаратно принять царскую протекцию после занятия русской армией в 1654–1655 гг. территории Великого княжества²⁶.

При этом живучесть «частичных стереотипов» в рамках схемы подхода к польско-московским отношениям подтверждается, например, ссылками как в конце XVI, так и во второй половине XVII в. на мистифицированную традицию побед над Москвой во времена Сигизмунда I²⁷, а также анекдотами, почерпнутыми из хроники Ваповского через посредничество Кромера²⁸, а точнее, по-видимому, из ее копий в шляхетском *silva rerum*. Это, впрочем, одна из причин того, что, будучи свидетельством обиходного мышления, анонимные публицистические тексты дают прекрасный материал для исследования стереотипов.

Однако, прежде чем обратиться к их рассмотрению, следует указать на одно примечательное обстоятельство (удивительное в свете утверждений польской литературы предмета). В публицистике интересующего нас периода Московское княжество, именуемое так из-за непризнания польской стороной царского титула русских монархов, рассматривалось как одно из европейских государств наравне со странами Западной Европы, как один из постоянных (естественных и не

выходивших из общего ряда) элементов международного порядка. Этот подход, с одной стороны, противостоял официальной концепции московских правителей об исключительности Московского царства как «третьего Рима», а с другой – распространенным на Западе предубеждениям, как, например, во Франции, где во времена Генриха IV не считали «князя Скифии» европейским монархом и отказывались включить его в европейскую лигу христианских государств, что следовало из «Большого плана» Максимилиана Сюлли²⁹. Уже исходя из этого, можно заключить, что мнения польских публицистов о государстве царей не основывались на негативных «предубеждениях», априори исключавших Москву из числа возможных партнеров.

Внешним обрамлением стереотипных суждений служат эпитеты оценочного характера, имеющие особое значение в политической поэзии. По отношению к москвитянам (русским) в польской политической публицике наиболее часто на протяжении всего XVII в. встречается в качестве определения устойчивое словосочетание «naród gruby» (т. е. грубый, невежественный, вульгарный), а в «сарматской» публицике периода Барской конфедерации 1768–1772 гг. оно используется почти исключительно. Вторым по частоте применения является словосочетание «naród hardy» (в XVIII в. – гордый народ). Спорадически говорится о народе, привыкшем к неволе³⁰, а также о богатом (хотя и глупом) народе³¹. Эти определения не применялись повсеместно и безоговорочно. С тезисом о мнимой цивилизационной отсталости Москвы полемизировал во время первого бескорольевья автор, ссылавшийся на знакомство с ней по личному опыту, по видимому, гражданин Великого княжества Литовского: «A iż mówią: “Moskiewski naród gruby”, nie widzieli go, a sądzą. Już to nie gruby, co czyni swemu dosyć, *cautus*, nie kłania się nikomu. A też ma on na swem dworze rozmaity naród, podobno też i ćwiczenie lepsze»³² (А что “Московский народ грубый”, так говорят те, кто не видели, а судят. Уже потому не невежественный, что в поведении своем довольно осмотрителен и ни перед кем не преклоняется. А также он имеет народ, рассеянный по своей земле, и лучшее [чем принято считать] обучение).

Отвлекаясь от достоверности или недостоверности данных поляками негативных определений Московского государства и народа, следует счесть несомненным, что в конце XVI в. и в первой половине XVII в. примечательной особенностью подобных оценочных суждений являлось отсутствие в них критерия вероисповедания как якобы самого характерного для москвитян (русских) в свете литературы предмета, равно как и по их собственному мнению.

В период «димитриад», которые стереотипно рассматриваются в историографии (как в польской, так и в русской) в качестве «экспан-

сии контрреформации» на территорию Московского государства, ни в одном из известных нам светских публицистических сочинений, ни в одной из записок военных – участников польской интервенции в Москве – не выдвигается аргумент «религиозной миссии». Напротив, в анализируемых публицистических текстах осуждается развернутая иезуитами пропаганда экспансии католицизма³³. По отношению к русским определение «схизматический народ», «схизматики» появляется лишь в середине XVII в.³⁴ Так же и по отношению к собственному народу польские публицисты того времени не затрагивали тему вероисповедания, с забавным самодовольством называя своих сограждан «добродетельным народом», столь же часто – «свободным народом», не употребляя иного эпитета, которого, казалось бы, можно было вполне ожидать. Однако он появляется лишь во второй половине XVII в. – «католический народ». Из трех основных кодов конструирования коллективной идентичности нашел отражение в исследуемых источниках в первую очередь «код благовоспитанности или цивилизованности», а отнюдь не «код первобытности» – древности происхождения народа и в силу этого его первенства по сравнению с другими народами, и не «код трансцендентности либо святости» как богоизбранного народа³⁵.

Этот тезис подтверждается содержащимися в памятниках польской публицистики характеристиками московских государей. В силу обстоятельств они относятся, прежде всего, к Ивану IV Грозному, поскольку большинство текстов на тему польско-русских отношений приходится на период первого бескоролья. Вопреки приведенной выше самооценке поляков как представителей «свободного народа», что предполагало осуждение с их стороны деспотизма и жестокости царя Ивана, он произвел на них огромное и вовсе не негативное впечатление. Галерею образов Ивана Грозного в польской публицистике первого бескоролья открывает латинская апология авторства Станислава Цесельского, приписываемая, однако, Станиславом Котом перу самого Анджея Фрыч-Моджевского. В этом сочинении Иван IV предстает как идеал доблестного правителя, славного во всей Европе³⁶.

На протяжении всего рассматриваемого периода «великий князь московский» в глазах польских публицистов предстал государем богатым («денежным»), хотя его иногда и упрекали в том, что эти деньги он получал от эксплуатации подданных³⁷ либо как субвенции от иностранных правителей³⁸. Во времена первого бескоролья он предстает не только как христианин, но в роли подлинного защитника всего европейского христианства от язычников³⁹. Схизматиком, в глазах публицистов, русский царь парадоксально

становится лишь во времена Алексея Михайловича, то есть именно тогда, когда латинское христианство начинает оказывать влияние на московское православие⁴⁰.

Наиболее часто в публицистике по отношению к московским правителям, и не только по адресу Ивана Грозного, употребляется термин «тиран», говорится, что они правят «absolute». Правда, с точки зрения польских публицистов времени первого бескоролья методы правления московитов вполне сопоставимы с действиями западноевропейских монархов (например, Габсбургов), также грубо нарушавших права подданных. Тирания и жестокости Ивана IV, по мнению Петра Мыцельского, вынужденны, ибо обусловлены невежеством подданных, с которыми царю приходилось бороться, «как с медведями или с другими bestиями». Злодеяния царя совершены открыто и под давлением обстоятельств, поэтому они более прощительны, чем тиранство французского короля Карла IX, который, хотя и пишется christianissimus rex, но во время Варфоломеевской ночи не только проявил себя как тиран, но и прибег к обману⁴¹. Ввиду того, что «старых» царей московитов трудно было бы отучить от тиранства, сторонники польско-московской унии, как правило, отдавали предпочтение их сыновьям, которых можно было бы подвергнуть своего рода «ресоциализации» и привить им польские обычаи и культуру⁴². К преимуществам московских кандидатов на польско-литовский трон относилась также близость польского и русского языков⁴³, дающая им превосходство над кандидатами из стран Западной Европы. Вместе с тем только в единственном и исключительном случае со Лжедмитрием I в пропаганде сторонников унии указывалось на «славянскую общность» польского и московского народов⁴⁴.

Парадоксально, что именно «цивилизационная неполноценность» москвитян и их государей становилась, по мысли польских публицистов, одной из предпосылок унии, которая должна была бы дать московскому обществу шансы научиться лучшим, польским обычаям и польским свободам. Сторонники унии как во время первого бескоролья, так и в царствование Яна Казимира были убеждены в «обучаемости» москвитян, в их способности воспринять благодатное влияние польской цивилизованности, что обосновывалось близостью языка и обычаев двух народов. Анджей Максимилиан Фредро⁴⁵ даже полагал, что избрание московского царевича на польский престол или брак короля Яна Казимира с русской царевной после смерти Луизы-Марии Гонзаго послужили бы преградой для «западной испорченности». В подобных воззрениях нетрудно усмотреть проявление польской мегаломании или наивных благих пожеланий. Однако, по нашему мнению, они заслуживают внимания как свидетельство

отсутствия априорных предубеждений, как доказательство, что возможное сотрудничество поляков и русских отнюдь не отвергалось.

У истока взаимных предубеждений «ляхов и москалей» (по определению Анджея Кшеминьского) лежат, конечно, события Смутного времени и польской военной интервенции начала XVII в. Захват поляками Кремля стал событием, которое в начале XIX в. Н.М. Карамзин ⁴⁶ расценил как унижение России, а его отвоевание в 1612 г., представленное уже в наши дни как символ «народного единства», озаменовано государственным праздником.

Однако поводом для интервенции войск Речи Посполитой, как следует из свидетельств современников событий и рассказов очевидцев ⁴⁷, стала месть за убийство в 1606 г. восставшими москвичами поляков из окружения Лжедмитрия I. Все эти события подробно описаны современной польской и российской историографией ⁴⁸. Сам самозванец был возведен на московский престол в 1605 г. восставшим населением и дворянским ополчением после смерти царя Бориса Годунова с одобрения Боярской думы и верхов православной церкви. На стороне самозванца выступили и нанятые некоторыми польскими магнатами военные отряды, однако без участия коронных и литовских войск Речи Посполитой. Закулисную поддержку ему оказали король Сигизмунд III и Римская курия.

Убийство восставшими в Москве поляков, прибывших в российскую столицу для участия в бракосочетании Лжедмитрия с Мариной Мнишек, ассоциировалось в общественном мнении Речи Посполитой с событиями Варфоломеевской ночи, когда от рук фанатиков погибли гугеноты, приехавшие в Париж на свадьбу Генриха Наваррского. «Московская резня» создала почву для оживления среди поляков негативного стереотипа «вероломной», жестокой и варварской Москвы, который вытеснил ранее бытовавший среди белорусской православной шляхты (по крайней мере, части ее) негативный стереотип поляка ⁴⁹. Так была создана почва для официальной государственной и церковной пропаганды в пользу военной интервенции Речи Посполитой. Планы вторжения в Россию были поддержаны не только магнатами и рыцарством, но также и другими условиями ⁵⁰. Последние, в частности, рассчитывали таким способом удалить из страны часть умножившейся и склонной к авантюрам и смуте избыточной шляхты.

В польской историографии уже давно убедительно доказано, что так называемые «димитриады» не пользовались поддержкой шляхетского сословия в целом, за исключением небольшой части авантюристов, ни во время самой Смуты в Московском государстве ⁵¹, ни в дальнейшем на протяжении всего XVII в. Их осуждал пользовав-

шийся непререкаемым авторитетом крупнейший польский политик того времени – канцлер Ян Замойский, считавший, что поддержка узурпатора Дмитрия компрометирует короля и Речь Посполитую, особенно при жизни законных претендентов на московский престол – потомков великих владимирских князей, после которых «iure hereditario successionis przychodzi na dom Szujskich, jako się w ruskich kronikach doczytać»⁵² (право наследования переходит в род Шуйских, как это следует из русских летописей).

Во времена Сандомирского рокоша польские публицисты проводили параллели между мятежом Зебжидовского против Сигизмунда III и войной москвитян с «предателем» царем Василием Шуйским, который «государя убил»⁵³. В последнем случае речь шла о событиях весны 1605 г., когда при приближении к столице войск Лжедмитрия в Москве вспыхнуло восстание, которое возглавили князья Шуйские. По их наущению были задушены жена и сын Бориса Годунова, а его дочь Ксения сослана в монастырь.

В период шведского «потопа» и войн с Москвой в середине XVII столетия Веспасиан Коховский в 1655–1657 гг. усматривал связь между нынешними грабежами и убийствами, совершавшимися казаками в Белоруссии в 1658 г., и эксцессами времени захвата поляками Москвы при Сигизмунде III⁵⁴. В публицистике времени Яна Казимира осуждались «złamanie słowa Moskwie z przyczyn wojen od Dymitra zaczętych»⁵⁵ (нарушение данного Москве слова из-за войн, начатых [Лже]Дмитрием) и «zuchwałą gorliwość religijną naszych w Moskwie» (дерзкое религиозное рвение наших в Москве) при Сигизмунде III⁵⁶. С неодобрением говорилось о недобросовестном ведении (*mala fide*) переговоров о союзе с Алексеем Михайловичем, имея в виду сорвать их при первом удобном случае⁵⁷.

Как видно, в польской политической публицистике XVII в. нет недостатка в примерах критики собственной позиции и объективной оценки политики Речи Посполитой по отношению к Московскому государству в первой половине XVII в., что опровергает тезис о преобладании в отношении поляков к «чужим» ксенофобии и предубеждений. Последние доминировали в стереотипах, распространяемых среди «широких масс» в пропаганде католической церкви и в литературе для общественных низов, – то есть в текстах, чаще всего встречающихся, но отнюдь не наиболее репрезентативных для характеристики образа мыслей «политической нации» как эквивалента сегодняшнего «политического класса».

Польско-московская уния рассматривалась польскими публицистами как аналогия, своеобразное воспроизведение польско-литовской унии. В основе и того и другого союза был заложен прин-

цип политического партнерства. В связи с этим авторы неоднократно прибегали к сравнению возможного избрания на польский престол московского князя с выбором польским королем великого князя литовского Ягайло⁵⁸. Публицисты указывали, что, хотя литвин и был язычником, однако, став польским королем, он не только принял христианство в латинском обряде, но и заставил принять его своих подданных. При дворе Ягайло отдавал предпочтение польской знати, жалую им земли в Великом княжестве Литовском.

Только через призму примера Ягайло можно понять кажущуюся наивной уверенность публицистов, в частности Мыцельского и Фредро, что цари – тираны для своих исконных подданных – не только не нарушат свободу польской шляхты, но даже расширят ее привилегии, обуздают произвол магнатов подобно тому, как Иван IV сокрушил могущество боярства. Авторы полагали, что избранный королем московский кандидат будет опираться на шляхту и сможет провести судебные и административные реформы, необходимые для усовершенствования управления обоими государствами.

Основываясь на прецеденте Люблинской унии 1569 г., польские публицисты рисовали заманчивые картины «тройственной унии» трех монархий – польской, литовской и русской, равной по могуществу ассирийской и византийской державам и Римской империи. Такое государство простиралось бы «от моря – до моря» (от Каспия – до Северного моря⁵⁹). Только в этом контексте можно правильно истолковать стереотипный перечень «выгод» от польско-русской унии, приводимый в проектах как конца XVI в., так и первой половины XVII в.

Рассмотрим аргументы авторов в пользу «тройственной унии» в порядке частоты их применения в источниках. Во-первых, возвращение Речи Посполитой территорий, отторгнутых от нее и присоединенных к Московскому государству (так называемых авульсов). В этом случае царь возвращал бы их некоторым образом «сам себе», например, как княжество, пожалованное своему сыну и на ленном праве присоединенное к Речи Посполитой (подобно Прусскому княжеству). Во-вторых, устранение конкуренции Нарвы с Гданьском в балтийской торговле и развитие транзитной торговли через Литву. В-третьих; уния государств открывала бы перспективу унии православия с католицизмом. Начало могло быть положено переходом в католичество царевича как электора, а в дальнейшем – вероятно, и его подданных. В-четвертых, создавалась бы возможность приобретения польской знатью как более цивилизованными и достойными подданными исключительного влияния при московском дворе. В-пятых, уния с Москвой давала шанс на восстановление былого военного могущества Речи Посполитой. В этом случае царь давал бы

деньги (*pergum belli*) на содержание объединенных вооруженных сил и выставлял бы пехоту, а поляки – конницу. Это позволило бы не только обеспечить общую безопасность, но и дало бы возможность совместного наступления на турок и татар⁶⁰.

Все эти выгоды носили экономический, а не идеологический характер. Трудно усмотреть в них проявление польского экспансионизма. Ныне они кажутся нам абстрактными, а история показала их нереальность. Такими же их видели и современники, объяснявшие это, прежде всего, двумя причинами. Первая заключалась не только в статусе православия как государственного вероисповедания в России времени царя Алексея Михайловича, но и в том, что Святой престол и польские епископы априори исключали кандидатуру московского правителя на польский трон. Вторая причина основывалась на благоразумной осторожности, ибо нельзя было поручиться, что избранный польским королем русский царь сохранит в неизменном виде общенациональный и политический строй Речи Посполитой.

Русско-польская уния означала бы на практике поглощение Речи Посполитой Россией, превращение «вольной элекции» (свободного избрания короля шляхтой) в пустую формальность и *de facto* преобразование польско-литовского государства в наследственную монархию и навязывание польской шляхте «московской неволи», а отнюдь не приобщение московского дворянства к польским шляхетским вольностям. Такие возражения настойчиво выдвигались противниками «тройственной унии» – начиная с Яна Димитра Соликовского во время первого бескорольевья⁶¹ и кончая великим коронным канцлером Стефаном Корицынским⁶² и подканцлером Стефаном Ольшовским⁶³ при Яне Казимире. История подтвердила правоту критиков проекта «тройственной унии».

Рассмотрение «альтернативного» варианта развития в истории подчас является инспиративным, и все же напоминание о проблеме «тройственной унии» представляется важным для понимания сущности федерализма как устойчивого феномена польской политической идеологии со времени Люблинской унии и вплоть до двадцатилетия между Первой и Второй мировыми войнами. Вопрос о характере и степени преемственности идеи федерализма на разных исторических этапах, разумеется, может вызывать дискуссию, подобно тому как, с точки зрения канонов классического историзма, может представляться абсурдным, несмотря на бросающиеся в глаза аналогии, сравнение территориальных пределов Сарматии XVII в. с концепциями некоторых мыслителей славянофильского толка в XIX в., например Н.Я. Данилевского⁶⁴. Однако в сравнительных исследованиях по истории политических идей в Польше и России

подобное обращение к воззрениям раннего Нового времени может оказаться не только интересным, но и полезным, в частности, для преодоления стереотипов, хотя бы на страницах научных трудов.

Перевод с польского Бориса Носова

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 В польском языке близкими по значению к термину «стереотип» и служащими для его определения считаются понятия: *wzór osobowy* (субъективный образ), *wzór ideowy* (идеальный образ), *ideał* (идеал), *wizerunek* (изображение), *obraz* (картина); *szablon* (шаблон), *klisza* (клише), *top* (топ), *topos* (топос), *mit* (миф), *kanon* (канон), *archetyp* (архетип), *schemat* (схема), *konwencja* (условность, традиция), *wyobrażenie* (воображение), *kategoryzacja* (деление на категории), см.: *Walińska H.* Stereotyp – pole terminologiczne // *Acta Universitatis Wratislaviensis*. Nr. 240. *Prace Literackie*. XVI. Wrocław, 1974. S. 47–48.
- 2 *Lippman W.* Public Opinion. New York, 1922.
- 3 *Schaff A.* Stereotypy a działanie ludzkie. Warszawa, 1981. S. 71–72.
- 4 *Allport G.W.* The Nature of Prejudice. N-Y., 1958.
- 5 *Jarosz D.* Uwagi o polskiej literaturze naukowej na temat stereotypów // *Dzieje Najnowsze*, R. XXIII. 1991. Nr. 2, S. 93–103; *Schaff A.* Język – myślenie – działanie. (Język a stereotyp) // *Kultura i społeczeństwo*. 1976. Nr 3. S. 39–36; *Idem.* Pragmatyczna funkcja stereotypów // *Kultura i społeczeństwo*. 1979. Nr. 4. S. 55–56; *Cieński M.* Stereotyp – definicja i funkcje kulturowe. // *Acta Universitatis Wratislaviensis*. Nr. 712. *Germanica Wratislaviensia* LV. Wrocław, 1984. S. 111–131; *Mity i stereotypy w dziejach Polski / pod red. J. Tazbira.* Warszawa, 1991; *Stereotypy narodowościowe w Europie XX wieku. (Materiały z konferencji naukowej w Radziejowicach Wydziału Historycznego Uniwersytetu warszawskiego i Oddziału Uniwersyteckiego PTTK 27 IV–3 V 1992 r.) / red. J. Tomaszewski, M. Kula.* Warszawa, 1992; *W kręgu mitów i stereotypów / praca zbiorowa pod redakcją K. Borowczyka i P. Pawełczyka.* Poznań; Toruń, 1993; *Narody i stereotypy / pod redakcją T. Walas.* Kraków, 1995; *Boksański Z.* Stereotypy a kultura. Wrocław, 1997.
- 6 *Kępiński A.* Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu. Warszawa, 1990; *Idem.* Geneza i funkcjonowanie negatywnego stereotypu Rosji i Rosjanina // *Narody i stereotypy*. S. 153–157; *Giza A.* Polaczekowie i Moskale – wzajemny ogląd w krzywym zwierciadle (1800–1917). Szczecin, 1993; *Karpiński W.* Polska a Rosja. Warszawa, 1994.
- 7 *Tazbir J.* Moskwicin w sarmackim zwierciadle // *Polityka* 1991. Nr. 48.
- 8 *Bystroń J.* Megalomania narodowa. Warszawa, 1935. 1 wyd. Warszawa, 1995. 2 wyd.
- 9 *Tazbir J.* Rzeczpospolita i świat. Warszawa, 1968; *Idem.* W cudzym i obcym zwierciadle. // *Szlaki kultury polskiej.* Warszawa, 1986; *Idem.* Stereotypów żywot twardy, przedmowa do: *Mity i stereotypy w dziejach Polski*. S. 7–30.

- 10 *Boksański Z.* Op. cit. S. 86.
- 11 *Keřiński A.* Op. cit. S. 10: В культурах существуют «представления об устойчивых постоянных характерных чертах, конституирующих национальное сообщество. Наиболее существенная черта таких стереотипных представлений это соотнесение и кристаллизация значений посредством устойчивой идентификации понятий типа «варварские москали» или «кичливые ляхи» и превращение их в постоянные тексты культуры, своего рода культурные идиомы, занесенные в код национальной памяти».
- 12 По словам журналистки из газеты «Московские новости» Людмилы Сараскиной, россияне унизились де в собственных глазах не потому, что ранее оценивали себя столь высоко, а просто потому, что им внушили представление о собственном величии. См.: *Saraskina L.* Rosjanie w zwierciadle własnym / tł. A. Keřiński // *Narody i stereotypy...* S. 151.
- 13 *Buchwald-Pelcowa P.* Pieśni patriotyczne i pieśni religijne po «potopie» // *Literatura i kultura polska «po potopie»* / red. B. Otwinowska, J. Pelca, B. Fałęcka, Wrocław; Warszawa; Kraków, 1992. S. 75–90.
- 14 Определение дано К. Добровольским. См.: *Dobrowolski K.* *Studia nad życiem społecznym i kulturą.* Wrocław, 1966.
- 15 Разделение стереотипов на элитарные и народные обосновано К. Малишевским. См.: *Maliszewski K.* *Kształtowanie się stereotypu Niemca i obrazu krajów niemieckich w potocznej świadomości sarmackiej od XVI do połowy XVIII w. (Próba rekonstrukcji)* // *Polacy i Niemcy. Z badań nad kształtowaniem heterostereotypów etnicznych* / red. K. Wajda, wyd. R. Marszałek. Toruń, 1991.
- 16 См., в частности: *Tyszkowski K.* *Plany unii polsko-rosyjskiej na przełomie XVI i XVII wieku.* // *Przegląd Współczesny.* 1928. T. 24. S. 392–402; *Gruszecki S.* *Idea unii polsko-rosyjskiej na przełomie XVI i XVII wieku.* // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce.* 1970. T. 15. S. 89–99; *Трачевский А.* *Польское бескорольевье.* М., 1869; *Turgieniew A.,* *Historica Russiae Monumenta.* Petropoli, 1841. T. 1. S. 232–233, *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел.* М., 1819. Ч. 2; *Дебров Л.А.* *К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572–1576).* // *Ученые записки Саратовского университета.* Саратов, 1954. Т. 39; *Florja B.* *Rosyjska kandydatura na tron polski u schyłku XVI wieku* // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce.* 1971. T. 16. S. 85–95; *Sobieski W.* *Zabiegi Dymitra Samozwańca o tron polski.* Kraków, 1908; *idem.* *Żółkiewski na Kremlu.* Warszawa, s.d.; *Tyszkowski W.* *Poselstwo Lwa Sapiehy do Moskwy.* Lwów, 1927, *Elementa ad fontium editiones.* Romae, 1966 / editi W. Meysztowicz. Vol. 15. P. IV; *Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII.* *Zbiór materiałów do stosunków polsko-rosyjskich za Zygmunta III* / wyd. A. Hirschberg. Lwów, 1901; *Gawlik M.* *Projekt unii rosyjski-polskiej w drugiej połowie XVII w.* // *Kwartalnik Historyczny.* 1909. T. 23. S. 78–123; *Wójcik Z.* *Polska i Rosja wobec wspólnego niebezpieczeństwa szwedzkiego w okresie wojny północnej 1655–1660* // *Polska w okresie drugiej wojny północnej 1655–1660.* T. 1. *Rozprawy.* S. 331–378; *Kossarzewski K.* *Szlachta*

- litewska wobec panowania szwedzkiego i moskiewskiego w okresie załamania Rzeczypospolitej przelomu 1655 i 1656 roku // *Z dziejów stosunków Rzeczypospolitej Obojga Narodów ze Szwecją w XVII wieku* / pod red. M. Nagielskiego. Fasciculi Historici Novi. Warszawa, 2007. T. 8. S. 227–302; *Skorobohaty Aleksander D. Diariusz (1639–1697)* / oprac. T. Wasilewski. Warszawa, 2000; *Jemiołowski Mikołaj. Pamiętnik dzieje Polski zawierający (1648–1679)* / oprac. J. Dziegielewski. Warszawa, 2000; *Łoś Jakub. Pamiętniki towarzysza chorągwi panczernej (1695–1712)* / oprac. R. Śreniawa-Szypkowski. Warszawa, 2000.
- Ср.: *Żółkiewski Stanisław. Pamiętniki o wojnie moskiewskiej* / oprac. W. Sobieski. Kraków, 1920. BN. Seria I. Nr. 12; *Dębołęcki Wojciech. Przewagi elarów polskich (1619–1620)* / oprac. i wstęp R. Szyber. Toruń, 2005; *Vorbek-Lettow Maciej. Skarbnica pamięci. Pamiętnik lekarza króla Władysława IV* / oprac. E. Galos, F. Mincer. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968; Kochowski Wespazjan. *Lata potopu 1655–1657* / wybór i tł. L. Kukulski, wstęp J. Krzyżanowski, posłowie A. Kersten. Warszawa, 1966; *Pamiętniki Filipa, Michała i Teodora Obuchowiczów (1630–1707)* / red. A. Rachuba, H. Lulewicz. Warszawa, 2003.
- 17 *Malec J.* «Unia troista». Rozwój projektów unii polsko-litewsko-rosyjskiej w XVI i XVII wieku // *Idem. Szkice z dziejów federalizmu i myśli federalistycznej w nowożytej Europie*. Kraków, 2003. S. 11–38.
- 18 *Ibidem*. S. 38.
- 19 Основные источники, использованные в статье, содержатся в трех научных публикациях произведений польских публицистов и политиков: *Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia* / wyd. J. Czubek. Kraków, 1906. (Далее – *Pisma pierwszego bezkrólewia*); *Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego 1606–1608* / wyd. J. Czubek. Kraków, 1916–1918. T. 1–3. (Далее – *Pisma rokoszowe*); *Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy (1648–1668)*, *Publicystyka, eksorbitancje, projekty, memoriały* / wyd. S. Ochmann-Staniszevska. Wrocław, 1989–1991. (Далее – *Ochmann*).
- Для сравнения: *Literatura barska (antologia)* / oprac. Janusz Maciejewski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. BN. Seria I. Nr. 108. Wyd. 2.
- 20 *Kot S. Ciesielski Stanisław h. Zadora (daty życia nieznane) z Cieśli koło Piotrkowa, publicysta, uczeń A.F. Modrzewskiego* // *Polski Słownik Biograficzny*. T. 4. S. 58. (Далее – *PSB*).
- 21 *Dworzaczek W. Mycielski Piotr h. Dołęga (zm. 1599–1601), pisarz polityczny z Mycielina w ziemi kaliskiej* // *PSB*. T. 22. S. 345–346.
- 22 *Czapliński W. Fredro Andrzej Maksymilian (zm. 1679), kasztelan lwowski, wojewoda podolski, pisarz polityczny i teoretyk republikanizmu* // *PSB*. T. 7. S. 114.
- 23 *Ochmann*. T. 3. 154. *Dyskurs pana Leszczyńskiego kanclerza wielkiego koronnego de abdicatione Regni Króla JMci i jeżeli nastąpi jako sobie w niej postąpić*, wydany in Anno D[omini] 1668 [po 12 VI] 1668.
- 24 О российской кандидатуре на польский престол после смерти короля Михала Вишневецкого см.: *Kulecki M.* *Wyгнаńcy ze wschodu. Egzulanци w*

- Rzeczypospolitej w ostatnich latach panowania Jana Kazimierza i za panowania Michała Korybuta Wiśniowieckiego. Warszawa, 1997. S. 70–76.
- 25 *Ochmann*. T. 3. . 111. Projet de m[onsieur] Pactz (Krzysztof Zygmunt Pac, kanclerz w. lit.) Varsovie le 1 Mai 1665, Copie XXI, 43 [I V 1665]; *ibidem*. 156. Respons jm. p. kasztelana liwskiego (Adama Oborskiego) p. Łuszczewskiemu (Wojciechowi, adherentowi Lubomirskiego, występującemu w jego imieniu na procesie w 1664 r.) [1668].
- 26 *Ochmann*. T 1. 35. [*Stefan Koryciński*]. Zdanie jmci pana kanclerza wielkiego koronnego około Rzeczypospolitej in Octobre 1656 [X 1656]. S. 165.
- 27 Zwycięstwa Konstantego Ostrońskiego i Jana Świerczeńskiego w czasach Zygmunt I // Pisma pierwszego bezkrólewia. 32 b: Dialogi de regis Poloniae electione. Dialogus I. S. 668; *Ochmann*. T. 1. 29. Oświecenie tępych oczu synów koronnych i W. Ks. Litewskiego w ciemnej chmurze rebeliej schizmatyckiej będących [1653]. S. 123. Авторы смешивают данные о численности войск в военных походах и кампаниях разных лет. Так, победоносная для Польши кампания против 200-тысячной московской армии имела место не в правление Василия III Шуйского, а в правление Ивана IV Грозного в 1579 г. В равной мере приводятся неправдоподобные сведения о потерях с обеих сторон.
- 28 *Ochmann*. T 2. 62. Явно не соответствует действительности, содержащаяся в двух рассказах [конца 1661] история (S. 38–39) о приеме императором Священной римской империи и отправке в Россию нескольких десятков знатных московских пленников, присланных польским королем ко двору римского папы. Этот исторический анекдот с выражением обиды на Апостольскую столицу и папу Льва X (Джованни Медичи) почерпнут у Бернарда Ваповского. См.: *Wapowski Bernard*. Fragmentum Sigismundi senioris, regis Poloniae, res gestas. // *Kromer M*. Polonia sive de origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Köln, 1589. S. 556.
- 29 *Sully de Bethune Maximilien*. Memoires des Sages et royales Oeconomies d'Etat. Nouvelle Collection des Memoires relatifs l'Histoire de France. Paris, 1854. Vol. 16–17.
- 30 Pisma rokoszowe. T. 2. LXV. S. 294. („Naród marny, niewolej przywykły”).
- 31 Pisma rokoszowe. T. 3. XXIV. S. 69 („potężni, dostatni choć głupi nieprzyjaciele”).
- 32 Pisma pierwszego bezkrólewia. XXV. Gdyby panowie Polacy cesarza albo Niemca obrali, toby na nie przyść musiało. S. 361.
- 33 Pisma rokoszowe. T. 2. X. S. 341; XXXVI. S. 197; XL. S. 259.
- 34 *Ochmann*. T. 1. 30. S. 133–134; T. 1. 35. S. 159; T. 2. 157. S. 280.
- 35 *Boksański Z*. Op. cit. S. 102; *Eisenstadt S.N, Giesen B*. The Construction of Collective Identity. maszynopis.
- 36 Pisma pierwszego bezkrólewia. I. Ad equites legatos[...] oratio. S. 137. (Qualem opulentissimum Magnum Moschorum Ducem esse scimus et vicinum habemus, dominatu, imperio, divitiarum copia et magna equitum exercitu abundantem, gloria belli excellentem, omni apparatu rerum splendidum atque toto orbe fama illustrem).

- 37 Pisma pierwszego bezkrólewia. LXIV. Komornik a burmistrz, S. 649. «Ten ci [o Moskiewskim] powiadają, ma pieniądze i mieć może, kiedy chce, gdyż „woda i las twoje”, ryby i miód gospodarskie; ująłby wam ten bujności, pańowie ziemianie». (Рассказывают, что тот [московский государь], имеет деньги и иметь может, когда бы захотел, и “воды и леса твои”, рыбы и мед хозяйский, отнял бы у вас все изобилие, господа землевладельцы).
- 38 *Ochmann*. T. 1. 32. Pikieta polska spisana pod nieszczęśliwego tyraństwa szwedzkiego, którego okrucieństwem ojczyzny naszej wiele z gruntu zniszczonych prowincyi, opłakane czasy, w której pod podobieństwem przyczyny wojny opisują się [1656]. S. 141. «Moskwicin [Aleksy Michajłowicz Romanow]: Cudzemi piniądzmi gram». (Московит [Алексей Михайлович Романов]: Играю на чужие деньги).
- 39 Pisma pierwszego bezkrólewia. XXIII. Zdanie o obieraniu nowego króla. S. 350.
- 40 *Okenfuss Max J.* The Rise and Fall of latin Humanism in early-modern Russia. Pagan authors, Ukrainians and the Resiliency of Muscovy. Leiden; New York; Köln, 1995. S. 49–74.
- 41 Pisma pierwszego bezkrólewia. XXIII. S. 350.
- 42 *Ochmann*. T. 2. 145. S. 292–233; T. 3. 162. S. 315.
- 43 Pisma pierwszego bezkrólewia. XXIX. S. 405; Pisma rokoszowe. T. 2. XVIII. S. 359; *Ochmann*. T. 2. 157. S. 280.
- 44 *Jurkowski Jan*. Lutnia na wesele Najjaśniejszego i Niezwyčajzonego Monarchy Zygmunta III, polskiego i szwedzkiego króla // *Idem*. Utwory panegiryczne i satyryczne / wyd. Cz. Hernas, M. Karplukówna. Wrocław, 1968. S. 207; *Idem*. Hymeneus Najjaśniejszego Monarchy Dymitra Iwanowica, z łaski bożej wielkiego cara moskiewskiego[...] i Najjaśniejszej Paniej Marynie carowej moskiewskiej. 1605. Ibidem. S. 215, 220, 221.
- 45 *Ochmann*. T. 3. 145. *Fredro A.M.* Dyskurs do uważenia podany Anno Domini 1667, iż tylko po śmierci króla ma być obierany regnaturus i inne potrzebne materyje z tej okazyjey przytoczone [10 V – 22 IX] 1667. S. 232–233.
- 46 *Giza Antoni*. Polaczkowie i Moskale – wzajemny ogląd w krzywym zwierciadle (1800–1917). Szczecin, 1993, s. 20. Автор писал о «żywićіowej, jakiejś zwierzęcej nienawiści (!) do Polski i Polaków rosyjskiego historyka Karamzina, który w wielu adresach do cara potępiał dawne „chytre plany” Zygmunta III Wazy względem Rosji, straszył wspomnieniem „Polaków tyranizujących Moskwę” i katolikiem (?) – Dymitrem Samozwanцем, morzem krwi rosyjskiej przelanej przez Polaków w okresie „wielkiej smuty”» (о животной, некоей звериной ненависти (!) к Польше и полякам российского историка Карамзина, который в многочисленных обращениях к царю клеймил давние „хитрые планы” Сигизмунда III Вазы в отношении России и страшил напоминанием о поляках, „тиранствовавших в Москве”, о католике (?) – Дмитрии Самозванце, о море русской крови, пролитой поляками во время “великой смуты”).
- 47 *Budziło Józef*. Wojna moskiewska wzniecona i prowadzona z okazji fałszywych Dymitrów od 1603 do 1612 r. / oprac. J. Byliński i J. Długosz. Wrocław, 1995; Diariusz drogi Króla Jmci Zygmunta III od szczęśliwego wyjazdu z Wilna

- pod Smoleńsk w roku 1609 a die 18 Augusta i fortunnego powodzenia przez lat dwie do wzięcia zamku Smoleńsk w roku 1611 / oprac. J. Byliński, Acta Universitatis Wratislaviensis Nr. 2098. Wrocław, 1999; Pamiętniki Samuela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII. 1594–1670) / opracowanie, wstęp i przypisy A. Sajkowski, redakcja i słowo wstępne W. Czapliński. Wrocław, 1961; *Żółkiewski Stanisław*. Pamiętniki o wojnie moskiewskiej / oprac. W. Sobieski., BN. Seria I. Nr. 12. Kraków, 1920.
- 48 *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978; *Wisner H.* Król i car. Rzeczpospolita i Moskwa w XVI i XVII wieku. Warszawa, 1994.
- 49 Т.н. Баркулабовская хроника. См.: Полное собрание русских летописей. М., 1975. Т. 32. С. 179–172.
- 50 См., например: *Władysławiusz Adam.*, Lament serdeczny jednej szlacheckiej paniej, której mąż w Moskwie zginął przy carowej // Polska fraszka mieszczańska. Minucje sowizdrzalskie / wyd. K. Badecki. Kraków, 1948. S. 73 (143).
- 51 *Maciszewski J.* Polska a Moskwa 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968; *Idem.* Szlachecka opinia publiczna w Polsce wobec interwencji w Moskwie 1604–1609 // *Kwartalnik Historyczny*. T. 72. 1963. Z. 2. S. 363–383.
- 52 Pisma rokoszowe. T. 2. I. Mowa Zamoyskiego na sejmie 1605 r. S. 86.
- 53 Pisma rokoszowe. T. 2. I., Inwektywy i satyry: VII. Od P. Marszałka koronnego do P. Wojewody krakowskiego [k. VIII – pocz. IX 1606]. S. 34.
- 54 *Kochowski W.* Lata potopu 1655–1657 / wybór i tł. L. Kukulski, wstęp J. Krzyżanowski, posłowie A. Kersten. Warszawa, 1966.
- 55 *Ochmann*. T. 1. 15. S. 54.
- 56 *Fredro A.M.* Przestrogi polityczno-obyczajowe // *Filozofia i myśl społeczna XVII wieku* / oprac. Z. Ogonowski. Warszawa, 1979. Cz. 1. S. 324.
- 57 *Ochmann*. T. 1. 36. S. 166.
- 58 Pisma pierwszego bezkrólewia. I. S. 137; XXIII. S. 354; LXIV. S. 649; Pisma rokoszowe. XLIII. S. 271.
- 59 Pisma pierwszego bezkrólewia. I. S. 138; XXIII. S. 350; XXIV. Sententia de eligendo novo rege ex duce Moschorum, s. 356: «2. Wątpić nie trzeba, że gdzieby Moskiewski albo syn jego był królem polskim, za czasem byłaby ta jedna monarchia, gdyby sie Polska z Litwą i Moskwą złączyła, mógłby ją porównać snadź do onych dawnych perskich, asyryjskich i rzymskich państw i monarchii, bo nadzieja, żeby zasię ordy tatarskie tymby państwom hołdowały z chęci albo z przymuszenia» (Не стоит и сомневаться, что, когда бы [государь] московский или его сын был бы королем польским, то со временем была бы та одна монархия, в которой соединились бы Польша с Литвой и Москвой, могла бы она, наверное, быть сравнима с теми древними персидской, ассирийской и римской державами и монархиями, и, напротив, такое государство привело бы к покорности орды татарские, добровольно или по принуждению); Pisma pierwszego bezkrólewia. XXVI. S. 377; Pisma rokoszowe. T. 2. XVIII. S. 445; T. 3. S. 192; *Ochmann*. T. 1. 34 i 35. S. 158.

- 60 Типичный перечень «выгод» см.: Pisma pierwszego bezkrólewia. XXIV. Sententia de eligendo novo rege ex duce Moschorum. S. 356; *Ochmann*. T. 1. III. 145. *Fredro A. M.* Dyskurs do uważenia podany Anno Domini 1667, iż tylko po śmierci króla ma być obierany regnaturus i insze potrzebne materyje z tej okazyjej przytoczone [10 V–22 IX] 1667. S. 232–234.
- 61 Pisma pierwszego bezkrólewia. XXXIX. [*Solikowski Jan Dymitr*] Rozmowa kruszwicka de nobilissimo septentrionis regno tempore interregni post mortem Sigismundi Augusti regis X Februarii w Kruszwicy (Piasta z Gościem). S. 480: «On (Moskiewski) nie będzie na to nigdy wiódł, aby bogactwa nasze były rozmnażane, ale obcinane i ujmowane, bo mu łacniej chude kukłać, niż możne. A także, jako i teraz, z zachodu do Moskwy wszystkie pożytki pójdą i z Moskwy do Niemiec zawždy imo nas, na co my i już patrzymy i patrzeć dalej więcej będziemy». (Он [государь московский] не будет никогда против, дабы богатства наши были бы умножены, да только будут они урезаны и захвачены, дабы ему лече можно было бедными править. А также, как и ныне, повезено будет с Запада до Москвы всякое добро, и из Москвы – в Германию всегда мимо нас, что мы уже сейчас видим, а в дальнейшем будем видеть еще больше).
- Ibidem*. S. 485: На аргумент, что «московский правитель это великий государь, владеющий могущественным и обширным государством», следовало возражение: «А со нам по tych tam pustyniach, lesiach i topieliskach a prawie jaskiniach?[...] Nie żądajmy już więcej ziemie, dosyć ci jej mamy, jedno nam sprawy dobrej potrzeba. A tyrannem jako sie cna krew swobodna brzydzić nie ma, jako sobie tej niesławny życzyć ma, dawszy mu sobie tak wiele pobrać, wzięawszy od niego tak wiele szkod, hańby i sromoty, na ostatek go za rap wziąć!» (А что нам с тех в той стране пустыней, лесов и топей или, по справедливости, звериных логовищ? [...] Не желаем мы еще больше земли, довольно уже ее имеем, одного нам нужно – доброго дела. А тирана наша гражданская добродетель и вольная кровь с отвращением не приемлет; как воспринять этот позор, позволив ему взять нас столь крепко под свою руку, прежде навлекши от него на себя убытков, бесчестья и сраму, в конце концов признать его своим господином).
- 62 *Ochmann*. T. 1. 35. [*Stefan Koryciński*]. Zdanie jmcі pana kanclerza wielkiego koronnego około Rzeczypospolitej in Octobre 1656 [X 1656]. S. 159.
- 63 *Ochmann*. T. 3. 137. Copia listu od jmcі ks. Olszowskiego podkanclerzego koronnego do jmcі p. starosty sieradzkiego (*Jana Wężyka*) [3 II 1667].
- 64 *Giza A.* Op. cit. S. 35. Речь идет об идее общеславянской федерации, охватывающей, в изложении Й. Колейки, России с включенными в нее Западной Галицией, Львовом, венгерской Закарпатской Русью, Чехией, Моравией, Словакией, Болгарией, Венгрией, Румынией, Грецией и Константинополем. Поляки имели бы право присоединиться к такой федерации на условии объединения с Россией. См.: *Kolejka J.* Słowianskije programy i idieja sławianskoj solidarnosti w XIX i XX wiekach. Praha, 1964.

Л.И. Ивонина
(Смоленск)

Пруссия и Россия в европейских войнах первой четверти XVIII в.

Первые две декады XVIII столетия ознаменовались тяжелой-шим международным кризисом, который в историографии нередко называют Второй Тридцатилетней войной. Этот кризис проявился в двух больших европейских войнах, в дипломатическом и военном отношениях тесно связанных друг с другом: на западе – в войне за испанское наследство (1701–1714) и на северо-востоке – в Северной войне (1700–1721). Одним из связующих звеньев между ними являлась Пруссия, географическое положение и политические амбиции которой затрагивали интересы многих государств, в частности динамично развивавшейся России. Вообще отношения между Пруссией и Россией можно отнести к разряду наиболее интересных и противоречивых в ходе европейских войн, тем более что именно на это время как раз приходится подъем и России, и Пруссии. Какие же факторы воздействовали на эти отношения?

Первый из них можно обозначить как общеевропейский. В конце XVII в. Европа вновь оказалась в состоянии лихорадочного поиска стабильности. Уже начиная с 1680-х гг. на континенте среди больших, средних и малых государств наметилась существенная перегруппировка сил, смена центров политического, экономического и идеологического влияния. Новая конфигурация субъектов системы международных отношений на континенте формировалась как дипломатическим путем, так и посредством применения силы. Американский историк П. Кеннеди справедливо назвал самой характерной ее чертой на протяжении полутора столетий после Вестфальского мира 1648 г. созревание мультиполярной системы европейских государств¹. Однако мультиполярная система сложилась отнюдь не сразу и находилась в начале XVIII в. еще в стадии становления, то есть на этапе формирования эффективной парадигмы равновесия сил.

Второй фактор, определивший характер российско-пруссских отношений, можно условно назвать прусско-европейским. Свои интересы в войнах начала XVIII столетия преследовали отнюдь не только

великие державы, но и второразрядные по европейской «табели о рангах» государства. Для целого ряда средних и небольших немецких и итальянских княжеств необходимо было обеспечение режима правовой защиты как в рамках международного права, так и в соответствии со статусом «чинов» Священной римской империи от возможных территориальных притязаний Франции. Такие государства, а среди них особенно Бранденбург-Пруссия, Бавария, Ганновер и Савойя-Пьемонт, стремились к повышению своей роли в мире «дворов и альянсов», к повышению статуса своих государей и их владений в иерархии европейских монархий и даже вынашивали замыслы приобщиться к компании великих держав. И в самом деле, некоторым, в данном случае Пруссии, удалось достичь своих желаний.

Вообще-то конкуренция в кругу европейских династий была старой игрой. Но со второй половины XVII в. началась всеобщая модернизация политической жизни: то было время возведения в высочайший ранг церемониала на разных уровнях, проникшего в систему международного представительства и во многом определявшего положение и силу государства. В барочном мире дворы и союзы для рангов государств были почти столь же важны, как мощь их армий. К 1700 г. для всей Европы вопрос ранга и репутации приобретает новое качество. Эти понятия тесно переплетались между собой, олицетворяя, во многом благодаря Королю-Солнце, международное дворянство и дворянскую придворную культуру².

Третьим фактором, по аналогии со вторым, стал русско-европейский. В эпоху раннего Нового времени страны Восточной и Центральной Европы не просто конкурировали между собой за первенство, а были вовлечены в жестокую борьбу за выживание: период между 1650 и 1750 гг. являлся решающим этапом в этой борьбе. Для Петра Великого было просто необходимо одержать победу над Карлом XII и завоевать Ливонию, Эстонию и Ингрию, если он намеревался связать Россию с развитием Европы. Едва укрепившись на российском троне, русский царь поначалу вовсе не намеревался развивать активную внешнюю политику на Западе. В свое время это пытались делать Иван Грозный и отец Петра Алексей Михайлович, но в итоге потерпели поражение. Он обратился против Турции и в этом надеялся найти поддержку на Западе в конце 1680-х и 1690-е гг. Но Великое посольство царя Петра не достигло поставленных целей. Во время войны 1688–1697 гг. морские державы уклонились от предоставления помощи России, а что касается Империи, то Карловацкий мир 1699 г. по своим результатам для Леопольда I был несравним с результатами русско-турецкого мира 1700 г. для Петра I³. Не достигнув желаемого на юге в определенной степени благодаря отсутствию

должной поддержки занятых более важными делами европейских государств, Петр обратил свои взоры на запад, к Балтийскому морю.

Если русская политика в Причерноморье выдвигала для царя Петра на первый план отношения с Веной и Варшавой, то активизация усилий на северо-западе была в значительной мере связана с позициями Речи Посполитой, Саксонии и Пруссии. В течение полутора столетий, начиная с 1558 г., во всех странах, борющихся за господство на Балтике (России, Швеции, Бранденбург-Пруссии, Речи Посполитой), произошли глубокие изменения в военной области, государственном управлении, общественной структуре и сословном строе. К концу XVII в. из перечисленных государств только Россия и Бранденбург-Пруссия ускорили темпы своего развития, обогнав Швецию и особенно Польшу. Последняя, потерявшая в христианском мире свое значение как барьера против турок и нуждавшаяся в серьезной трансформации политического устройства, все более становилась объектом споров более развитых держав за влияние в ее землях и даже их раздел. Речь Посполитая, сохранившая архаичные структуры государственного устройства шляхетской республики, вступила в период становления Вестфальской системы в полосу упадка, сменившегося на рубеже XVII–XVIII вв. длительным кризисом, и стала «яблоком раздора» для целого ряда сильных держав – как представителей «западного», так и «восточного» абсолютизма. В первые десятилетия XVIII в. именно здесь находился важный пункт внешнеполитических интересов Швеции, России и Пруссии.

С началом Северной войны взаимоотношения между Пруссией и Россией в своем развитии прошли ряд этапов. 1701–1703 гг. характеризовались дипломатической активностью России, желавшей приобрести военную помощь на Западе в борьбе против Швеции. Пруссия в отношениях с Москвой вынуждена была действовать не только исходя из своих интересов в Польше и на Балтике в целом, но и с оглядкой на своих западных союзников в войне за испанское наследство. Наметившийся подъем русского государства был со вниманием встречен в Берлине, желавшем установить с русским царем хорошие взаимоотношения. Готфрид Лейбниц, основавший в 1700 г. Бранденбургское научное общество, пересмотрел в это время свои взгляды на Россию и отошел от старой формулы: «Москва и турки – варвары», отметив, что «царь деварваризовал свою страну, которая для нас являлась неведомой землей»⁴. Однако возвышение России не только открывало перспективы изменения соотношения сил в Восточной и Центральной Европе, что сулило Пруссии заманчивую возможность воспользоваться благоприятной конъюнктурой для собственного усиления, но и таило для Берлина опасности, поскольку

ку ослабление Швеции могло негативно сказаться на положении протестантских государей в Империи.

В 1701 г. русский посол Андрей Измайлов поздравил от имени Петра I прусского короля с приобретением королевского достоинства и предложил оборонительно-наступательный союз против Швеции. Но в военном содействии России Фридрих I мягко, но недвусмысленно отказал, несмотря на захватившую в то же самое время Вену идею о создании широкой коалиции с участием русского царя в войне против Людовика XIV. Этот замысел не был реализован отчасти по причине сопротивления морских держав, а также из-за противодействия новоиспеченного прусского короля, ведшего параллельно переговоры со Швецией. Нежелание Стокгольма удовлетворить территориальные аппетиты Берлина способствовало тому, что во второй половине 1702 г. усилия Измайлова по закладыванию основы русско-прусского соглашения могли бы иметь успех ⁵. Однако согласия тогда достигнуто не было. Ни Швеция, ни Россия, ни тем более Дрезден и Речь Посполитая не собирались расплачиваться с Берлином польскими землями за союз в борьбе со своими противниками.

Следующий этап в русско-прусских отношениях охватывает 1704–1706 гг. и характеризуется явной пассивностью. После отъезда из Берлина в конце 1704 г. главнокомандующего армией Великого союза Д. Черчилля герцога Мальборо, настаивавшего на активном участии Пруссии в войне за испанское наследство, прусский король, по крайней мере, формально отстранился от активных переговоров с участниками Северной войны. Усилия для поддержания связей между двумя державами предпринимал только небезызвестный Иоганн Рейнгольд Паткуль.

Только успехи русских войск, основание Петербурга и взятие в 1704 г. Нарвы вновь привлекли внимание Берлина к событиям на Востоке. Для Фридриха I это означало, что можно ожидать вступления русских войск в Литву, а возможно – и вторжения в Восточную Пруссию, если Берлин рискнет выступить на стороне Швеции. Прусский король решил выждать и с большим трудом устоял перед настойчивыми предложениями Карла XII заключить с ним союз, поскольку в этот важный период во многом от позиции Берлина зависело признание шведского ставленника Станислава Лещинского польским королем в Европе ⁶. Однако активные военные и дипломатические действия России в Речи Посполитой и обязательства, принятые на себя Пруссией в войне за испанское наследство, заставляли Берлин маневрировать и вести параллельные переговоры с Августом II Сильным и Петром I.

Решающим для отношений России и Пруссии стал период 1707–1709 гг., когда в ходе Северной войны произошел перелом и победа

склонилась на сторону Петра I. Акценты в отношениях Пруссии к России вначале, после капитуляции Августа II в Альтранштадте в октябре 1706 г., диктовались все возрастающим давлением со стороны Швеции. Еще во время похода в Саксонию Карл XII требовал от Берлина порвать «дружественные» (их скорее можно назвать лояльными) отношения прусского короля и русского царя. Шведский король тогда настаивал, что нахождение войск Петра I в Речи Посполитой якобы грозит Пруссии русским завоеванием⁷. Неизвестно, какое впечатление в действительности произвели эти заявления на прусского короля, однако при прусском дворе и на этот раз резонно решили дождаться исхода шведского вторжения в Россию, а пока засвидетельствовать русскому правительству, что Пруссия сохраняет нейтралитет как по отношению к Стокгольму, так и к Москве. Во время пребывания Карла XII в Альтранштадте А. Измайлов убеждал прусский двор не признавать польского королем Станислава Лещинского и призывал Берлин употребить свое влияние, чтобы воспрепятствовать заключению мира между Августом II и Карлом XII. Берлин его в этом не поддержал⁸, однако подчеркивал свое стремление сохранить позитивные отношения с Россией. Аналогичного курса придерживались и в Москве. В окружении Петра I, в отличие от целого ряда других государств, за Фридрихом охотно признавали королевское достоинство – это придавало больший вес Пруссии в европейских делах. Но общие заявления прусского короля о нейтралитете не приветствовались при дворе Петра. Русские настаивали на новом договоре, в котором бы обе стороны обязались не воевать друг против друга. В ответ, чтобы вежливо отклонить российские требования и вместе с тем сохранить добрые отношения с русским двором, Пруссия выступила с предложением посредничества для заключения мира со Швецией. О реакции Москвы прусский посол Кайзерлинк писал в Берлин: «Их царь скорее склонен к экстремальным действиям, нежели к заключению жалкого мира»⁹. В результате прусское правительство пришло к заключению, что Россия готова воевать до полной победы, и даже опасалось, что завоевательные планы Петра вдоль южного побережья Балтики предусматривают полное вытеснение оттуда Швеции и простираются вплоть до Эльблонга, в отношении которого Берлин имел собственные захватнические замыслы. Одновременно царь призывал Берлин уклониться от гарантии Альтранштадтского договора и предостерегал Фридриха I, что в противном случае предпримет поход через Восточную Пруссию¹⁰.

Только битва под Полтавой 27 июня 1709 г. предопределила исход противостояния России и Швеции и обусловила преобладающее

среди других великих держав влияние России в Речи Посполитой. Превращение России в могущественнейшую державу на востоке Европы определило характер и формы взаимоотношений Петербурга и Берлина. 29 сентября 1709 г. в Торуню возвратившийся на польский трон Август согласился на новый наступательный и оборонительный союз Польши и Саксонии с Россией против Швеции. Тут-то и Фридрих поспешил обратить свое первостепенное внимание на Восток. Отплыв по Висле из Торуня, 17 октября 1709 г. недалеко от Мариенвердера Петр, наконец, встретился на своем судне с прусским королем, с которым в тот же день заключил оборонительный союз против Швеции¹¹. На подписание наступательного договора Берлин так и не решился, но и этого альянса было достаточно для Пруссии, чтобы претендовать на Померанию.

Четвертый этап 1710–1715 гг. в развитии русско-прусских отношений характеризуется наиболее тесным сотрудничеством двух государств, в итоге заключивших союз против Швеции. В ноябре 1712 г. в Берлин прибыл без предварительного уведомления Петр и инкогнито нагрянул в королевский дворец, где, как утверждали пруссаки, все от изумления чуть не попадали в обморок. Предчувствуя скорую кончину, тяжело больной король Фридрих I не решился тогда отказаться от прусского нейтралитета. Однако Петр нашел общий язык с кронпринцем Фридрихом-Вильгельмом, который вскоре после вступления на престол заключил 6 октября 1713 г. с Россией, Саксонией и Данией договор о занятии прусскими войсками шведских крепостей в южной Прибалтике – Штеттина, Штральзунда и Висмара, три статьи которого были подписаны А.Д. Меншиковым. Возвращение в конце 1714 г. Карла XII из Бендер в Прибалтику и активизация действий шведов против своих противников – объявление войны Пруссии и отвоевание в 1715 г. Рюгена и Штральзунда – побудили к сплочению России и ее союзников¹². За свое участие в войне последние требовали увеличения своей доли военной добычи, а также настаивали на участии русских войск в военных действиях против шведов в Германии. В итоге между Россией и Пруссией были подписаны соответствующие договоры: 9 марта 1714 г. договор о переходе Померании и Штеттина к Пруссии, 1 июня 1714 г. в Санкт-Петербурге о взаимных гарантиях территориальных приобретений. Содержание предоставляемых Пруссии гарантий определяла русская сторона, а формулировки соответствующих статей договора разрабатывал Шлиппенбах. Россия гарантировала Пруссии Штеттин, а Пруссия России – Эстляндию и Выборг. 30 сентября 1715 г. Фридрих-Вильгельм I и Петр I заключили договор об участии русских войск в военных действиях против Швеции в Померании¹³.

Пятый период в отношениях России и Пруссии 1716–1720 гг. можно обозначить как время сотрудничества и взаимного сдерживания. Завершив войну за испанское наследство и заключив мирные договоры в Утрехте и Раштате, западноевропейские державы обратили внимание на восток, обеспокоенно наблюдая возросшую мощь России. В 1716 г. Петр Великий, завоевав шведские остзейские провинции, готовился к вторжению в южную Швецию из Дании и зимой того же года расквартировал свои войска в Мекленбурге, соседствовавшим с Ганновером. Дания захватила шведские Бремен и Верден, затем русские войска вступили в Голштинию. Появление русских армий в Северной Германии с обеспокоенностью было встречено как великими державами, так и союзниками Петра I. Фридрих-Вильгельм I крайне встревожился, когда русские вступили в Штеттин, особенно прусский король был раздосадован участием в этой операции своего главного соперника в Германии – Саксонии. Император Священной римской империи Карл VI созвал в Брауншвейге рейхстаг, чтобы, заручившись поддержкой германских протестантских чинов, нейтрализовать действия России и создать почву для сохранения шведского великодержавия и приемлемого для Стокгольма мирного урегулирования. Под давлением Ганновера Карл VI настаивал, чтобы Фридрих-Вильгельм поспособствовал выводу русских из Мекленбурга, а Франция подталкивала прусского короля к миру со Швецией. Берлин готов был последовать призывам Вены и Версаля, но предварительно хотел бы получить свою долю завоеванных шведских владений. В итоге на встрече Петра I и Фридриха-Вильгельма I в Хавельбеге в ноябре 1716 г. была оглашена декларация русского царя об оказании помощи Пруссии в случае ее выхода из Северного союза. Петр подтвердил договор в Мариенвердере от 1709 г., гарантировавший Пруссии Эльбинг.

К началу 1717 г. полное военное поражение Швеции было уже предопределено, а боевые действия велись уже в Финляндии, когда Карл XII в 1717 г. начал свой последний поход в Норвегию, где и погиб в 1718 г. во время осады одной из крепостей. В этих условиях великие державы, в первую очередь Англия и Австрия, попытались реализовать замысел дипломатическим путем с помощью угрозы вмешательства в войну на Севере и, с одной стороны, в максимально возможной степени лишить Россию плодов завоеванной победы, а с другой – сохранить Швецию как могущественную державу на севере Европы и как противовес русскому влиянию в Прибалтике и в Речи Посполитой. Английский король Георг I инициировал мирные переговоры между Швецией и ее западноевропейскими противниками, выступив фактически организатором антирусской ди-

пломатической коалиции. Петр попытался нейтрализовать интриги Лондона, заключив договор о дружбе и союзе с Францией. Все же давление Британии сыграло главную роль в выводе русских войск из Мекленбурга в 1717 г. В 1719–1720 гг., после подписания договора между Веной, Ганновером и Дрезденом, российская армия покинула и Речь Посполитую. В этих условиях политическое взаимодействие между Берлином и Петербургом приобретало особое значение. Поддержка со стороны России гарантировала сохранение достигнутого статуса Прусского королевства как внутри Империи, так и в отношениях с великими державами, а поддержка со стороны Пруссии становилась для России важным условием сохранения военно-политического преобладания на востоке Европы. В феврале 1720 г. Россия и Пруссия заключили договор, согласно которому Россия обязывалась в ближайшее время заключить мир со Швецией, а Пруссия – не препятствовать интересам России в Прибалтике и Речи Посполитой¹⁴.

Фридрих-Вильгельм сознавал долговременный характер изменения баланса сил – не только в Швеции, но с 1716 г. также и в Польше, где господство России уже было практически неоспоримо, и искал возможности воспользоваться сложившимся положением. Его осторожная политика позволила присоединить к королевству устье Одера и привела к серии договоров о союзе с Россией. Потсдамское соглашение 1720 г. касалось также совместной политики обеих держав в отношении Речи Посполитой. Она была направлена против попыток короля Августа II усилить власть монарха и на консервацию польской «анархии». В рамках этой политики Россия приобретала партнера по сохранению безопасности ее рубежей, Пруссия же продолжала следовать прежним курсом на территориальные приобретения (при удобном случае) за счет польских земель. Долговременное значение Потсдамского соглашения выразилось еще и в том, что в его основу была положена «негативная политика» в отношении Польши¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Kennedy P. Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. London, Sydney, Wellington, 1998. P. 73–74.*
- 2 См. подробнее: *Ивонина Л.И. Очерки международных отношений в Европе во время становления Вестфальской системы (1648–1715). М., 2005. С. 60–61. О Фридрихе I см. также: Duchhardt H. «Petite Majeste» oder unterschätzter Architect? Ein Barockfürst in seiner Zeit // Preussen 1701. Eine europäische Geschichte. Essays. Berlin, 2001. S. 47–56.*
- 3 *Black J. Eighteenth Century Europe 1700–1789. London, 1999. P. 283–284.*

-
- 4 Цит. по: *Zernack K.* Preussen-Deutschland-Polen Aufätze zur Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen / Hrsg. von W. Fischer und M.G. Müller. Berlin, 1991. S. 266.
 - 5 *Hassinger E.* Brandenburg-Preussen, Schweden und Russland. 1700–1713. München, 1953. S. 212–214.
 - 6 *Ibid.* S. 218.
 - 7 *Die eigenhändigen Briefe König Karls XII* / Hrsg. von E. Carson. Berlin, 1894. S. 228.
 - 8 *Hassinger E.* *Op.cit.* S. 215.
 - 9 Цит. по: *Ibid.* S. 218.
 - 10 *Ibid.* S. 220.
 - 11 *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию // *Собрание сочинений.* Т. X. М., 1959. С. 798.
 - 12 *Press V.* Kriege und Krisen. Deutschland 1600–1715. München, 1991. S. 472–474.
 - 13 *Preussens Staatsverträge aus der Regierungszeit König Friedrich Wilhelms I.* Hrsg. von Dr. V. Loeve. Leipzig, 1913. S. 28–35, 56–57, 73–77, 123–129.
 - 14 *Ibid.* S. 159–161, 169–174, 195–197, 243–247; *Press V.* Kriege... S. 475–476; *История Швеции* / Под ред. А.С. Кана. М., 1974. С. 269; *Багер Х.* Петр I в Дании в 1716 г. // *Новая и Новейшая история.* 2003. № 6. С. 190–201.
 - 15 *Zernack K.* Preussen-Deutschland-Polen Aufätze zur Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen. S. 267.

*Зофья Зелиньска
(Варшава)*

Позиция ПЕТЕРБУРГА В ОТНОШЕНИИ ПЛАНОВ РЕФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА Речи Посполитой в 1738–1744 гг.

Высказанные в историографии оценки международного положения Речи Посполитой в 30–40-е гг. XVIII в. с точки зрения возможностей проведения реформ политической системы шляхетской республики давно определились. Поскольку Великобритания рассматривала Польшу как территорию, не входившую в сферу своих активных политических интересов, Франция поддерживала в Польше деятельность Пруссии, а Швеция и Турция были слишком слабы для того, чтобы помочь своему сарматскому соседу, то судьба замыслов восстановления дееспособности Польско-Литовского государства зависела от трех соседних держав – Австрии, России и Пруссии. Австрия после 1733 г. отказалась играть активную роль в Польше и потому, что была занята конфликтами, происходившими на Западе и Юге Европы, и потому, что считалась с Россией, поддержку которой против Пруссии хотела, начиная с 1740 г., заполучить, чтобы обрести шанс вернуть себе Силезию. Поскольку Россия рассматривала Речь Посполитую как сферу исключительно своего влияния, Вена ценою невмешательства в дела Польши хотела купить союз Петербурга против Берлина. Никаких сомнений не вызывала крайняя враждебность Пруссии в отношении любых, даже самых незначительных реформаторских попыток в Речи Посполитой.

Различия взглядов в историографии касаются именно России. Это имеет принципиальное значение, если принимать во внимание, что начиная с Петра I именно Россия, которая низвела Польшу до роли своего протектората, была вершителем судеб шляхетского государства. Непререкаемым свидетельством и подтверждением этого стали события 1733–1735 гг.; тогда русские войска возвели на трон нежелательного для польской шляхты Августа III, вынудив покинуть страну законно избранного короля Станислава Лещиньского.

Вывод, что в последующие за этим годы Россия не только могла бы допустить, но даже якобы была согласна способствовать польским реформам, прежде всего увеличению польской армии, делался историками на основе отношения Петербурга к преобразователь-

ным планам, подготовленным на одном из самых важных сеймов 1740-х гг. – на Гродненском сейме 1744 г. Первым эту точку зрения изложил Шимон Аскенази – без отсылок и без учета российских источников ¹. Его оценки поддержал Мечислав Скибиньский, который, в отличие от своего предшественника, использовал не только доступные российские публикации источников, но и получил из Москвы некоторые архивные выписки и опубликовал их в очень ценном двухтомном издании источников и исследований ². К сожалению, ему оказалось не по силам в полной мере исследовать бывшие в его распоряжении материалы, что было отмечено Владиславом Конопчиньским в критической рецензии на опубликованный труд ³. Однако именно Конопчиньский подтвердил высказанную Аскенази и Скибиньским точку зрения, согласно которой сейм 1744 г. имел исключительный шанс для проведения реформ ⁴. Хотя автор «Истории Польши Нового времени» сам историю Гродненского сейма 1744 г. и судьбу связанных с ним политических проектов не исследовал, а в утверждении Аскенази и Скибиньского внес много обоснованных исправлений, он, тем не менее, принял и верифицировал своим авторитетом главные выводы своих предшественников ⁵.

Мнение Конопчиньского о возможности принятия сеймом решения об увеличении численности польских войск основывалось на предположении, что перед лицом войны с Пруссией после захвата Фридрихом II Силезии, с точки зрения Австрии и России, усилившаяся польская армия послужила бы укреплению мощи антипрусской коалиции: «Что делало этот момент действительно исключительным, – подчеркивал историк, – то это ожесточение России против Пруссии, зашедшее так далеко, что и она, и Австрия теперь прямо настаивали на увеличении вооруженных сил Польши» ⁶.

Из этого же предположения исходил и немецкий исследователь Вальтер Медигер (автор работы весьма обширной, но, к сожалению, лишенной примечаний). По его мнению, увеличение численности польского войска, которое, в соответствии с планами правившего в Польше саксонского курфюрста и польского короля Августа III, должно было произойти по постановлению сейма 1744 г., было признано готовящимися к столкновению с Пруссией державами ценностью, которая перечеркнула – по крайней мере на определенное время – прежние принципы их политики по отношению к Речи Посполитой. Это касалось не только Австрии и Англии, но и России. Эти взгляды автор связывал с личностью российского вице-канцлера, а с августа 1744 г. – канцлера А.П. Бестужева ⁷.

Убеждение в том, что Петербург готов был согласиться на «аукцию» (увеличение) польского войска, Медигер подкреплял тезисом о

центральном месте Саксонии в антипрусской политике России; доказательством этого должно было быть возобновление союза Дрездена с Петербургом в феврале 1744 г. и предоставление Польше возможности присоединения к этому договору. «Присоединение Польши к каждому из этих союзов, чего, в конечном счете, добивалась Саксония, – делал вывод историк как в отношении российско-саксонского договора, так и заключенного в декабре 1743 г. саксонско-австрийского союза, – сулило дальнейшее укрепление опосредованной связи между обоими [...] все еще ссорившимися дворами (России и Австрии – 3.3.). Обращенное против Пруссии расширение [польской] армии могло бы послужить средством сплочения военного содружества между ними». («Der Beitritt Polens zu jedem dieser Bündnisse den zu erwirken sich Sachsen in beiden Verträgen anheischig machte, versprach die somit hergestellte indirekte Verbindung zwischen den beiden [...] immer noch verfeindeten Höfen weiter zu festigen. Die gegen Preußen gekehrte Heeresvermehrung konnte zum Kitt einer Kampfsgemeinschaft zwischen ihnen werden») ⁸. При таких предположениях срыв Гродненского сейма 1744 г. означал, по мнению Медигера, «жестокое поражение» («eine bittere Niederlage») для России ⁹.

Автор новейших работ по интересующей нас теме Михаэль Г. Мюллер, хотя и заметил, что утверждение, будто бы начало войн из-за Силезии создало выгодную для польских реформ конъюнктуру, так и осталось не доказано: «В итоге, тем не менее, остается недоказанным тезис, что эта конъюнктура в отношениях великих держав существенно расширяла свободу действий саксонско-польской политики в целом, также и относительно плана проведения реформ» («Letzlich unbewiesen ist jedoch die These, daß diese mächtropolitischen Konjunkturen den Handlungsspielraum der sächsisch-polnischen Politik insgesamt, das heißt, auch in bezug auf den Reformplan, wesentlich erweitern hätten») ¹⁰. И все же далее Мюллер попал под влияние интерпретаций Медигера, выдвинув в подтверждение его концепции более убедительные доводы.

Аргументы Мюллера строились на тезисе о возникшей с осени 1741 г. прусской угрозе российской гегемонии в странах так называемого «предполья» *, т. е. в Саксонии и в Речи Посполитой. Исходя из этого предположения (по крайней мере, не доказанного и, по нашему убеждению, ошибочного), автор выводит генезис «системы Бестужева»

* Этим термином в немецкой историографии обозначаются слабые в политическом и военном отношении государства, расположенные к западу от границы России, в которых Российская империя после окончания Северной войны 1700–1721 гг. стремилась установить собственную гегемонию и устранить политическое влияние других великих держав (*прим. перев.*).

в 1742–1743 гг., в основе которой закладывалась «фундаментальная ревизия русской политики по отношению к Пруссии, как и к Саксонии–Польше» («eine grundsätzliche Revision der russischen Politik gegenüber Preußen wie Sachsen–Polen») ¹¹. «Поэтому после 1742 г., – гласит ключевое для нас заключение Мюллера, – Г. Брюлю * удалось склонить Бестужева к согласию на определенных условиях с планами активизации шляхетской республики [...]. Чтобы связать Саксонию посредством ее собственного политического интереса с Россией и одновременно усилить российское влияние на соотношение сил между политическими группировками шляхты в Польше, Бестужев был готов одобрить реформаторские проекты короля и придворной партии, однако не ценою русского протектората над польской конституцией» («Daher gelang es Brühl nach 1742 Bestuzew zu begrenzten Konzessionen an jene Pläne in bezug auf die Adelsrepublik zu bewegen [...]. Um Sachsen durch sein polenpolitisches Interesse an Rußland zu binden und zugleich in Polen selbst Einfluß auf die Balance zwischen den Parteien des Adels zu gewinnen, fand Bestuzew sich nun bereit, das Reformvorhaben des Königs und der Hofpartei für die Adelsrepublik zu billigen, ohne jedoch das russische Protektorat über Polens Verfassung insgesamt preiszugeben») ¹².

Этот главный тезис о согласии России на польские реформы был принят Мюллером вслед за Медигером – без новых основанных на исторических источниках доказательств. Оба они считали ключевым моментом реализации «системы Бестужева» заключение саксонско-русского союзного договора в феврале 1744 г. ¹³.

В то же время к выводу о согласии России на польские реформы Мюллер пришел не без колебаний. Их можно увидеть в его утверждении, что мотивом для Бестужева согласиться на «аукцию» польского войска был исключительно учет позиции, занятой Саксонией: для русского канцлера «это зависело не от сомнительной помощи со стороны Польши, а от его лояльности Саксонии» («den ihm kam es nicht auf die zweifelhafte Hilfe Polens, sondern auf die Loyalität Sachsens an») ¹⁴. И, прежде всего, эти сомнения Мюллера звучат в рассуждении, обобщающем польские аспекты «системы Бестужева»: «Прежнее исследование исходило полностью из представления, будто бы Бестужев – по меньшей мере, в 1744 и в 1746 гг. – желал скорейшего успеха польской реформы армии, а также поддержал план привлечь на свою сторону [...] Польшу как активного союзника. Для этого предположения, впрочем, не находится подтверждения в источниках. Напротив, гораздо более

* Генрих Брюль – первый министр польского короля Августа III (прим. перев.).

отчетливо в них присутствуют указания на obstructивные намерения польской политики Бестужева» («Die bisherige Forschung ging durchweg von der Vorstellung aus, daß Bestuzev – zumindest in den Jahren 1744 und 1746 – den Erfolg der polnischen Heeresreform dringend gewünscht und auch unterstützt habe, um Polen als aktiven Bündnispartner gegen Preußen zu gewinnen¹⁵ [...]. Für diese Annahme läßt sich indessen in den Quellen kein Beleg finden. Um so deutlicher sind dagegen die Hinweise auf die obstructiven Absichten der Bestuzev'schen Polenpolitik») ¹⁶ (разрядка моя. – 3.3).

Однако спустя два года эти отмеченные сомнения М.Г. Мюллера в его последующем исследовании по истории России уже были опущены. «Перед началом польского сейма 1744 г., – констатировал немецкий историк, – Россия впервые высказалась в поддержку планов увеличения польской армии, которые Август III и его сторонники в шляхетской республике с 1736 г. пропагандировали на сеймах» («Vor Beginn des polnischen Reichstag von 1744 sagte Rußland erstmals seine Unterstützung für die Pläne zur Vergrößerung des polnischen Heeres zu, die August III. und seine Anhängerschaft in der Adelsrepublik seit 1736 auf den Reichstagen propagierten») ¹⁷. Эта констатация остается последним словом немецкой науки ¹⁸.

В наших исследованиях была определена задача критически проанализировать все имеющиеся свидетельства источников, на которых основывается тезис о благосклонном отношении России к реформаторскому плану сейма 1744 г. ¹⁹.

Из-за недоступности российских архивных материалов, касающихся дозволения Петербургом проведения польских реформ, изучавшие указанную проблему исследователи опирались прежде всего на донесения прусских послов в Петербурге, в Варшаве и в Дрездене. В этих рапортах прусские дипломаты жаловались, что российские политики уклонялись от совместных действий с пруссаками в отношении польского сейма и вынашиваемых на нем преобразовательных планов. Однако отказ такого рода вовсе не свидетельствовал о согласии российской стороны на проведение реформ, он мог быть продиктован самыми разными тактическими соображениями – русские, например, не хотели, чтобы в Пруссии знали об их истинном отношении к намеченным в Польше планам. И вообще, из этого отказа от сотрудничества вовсе не должно следовать, что само по себе отношение это было доброжелательным.

Другой причиной, заставляющей сомневаться в позитивном отношении России к польским попыткам «аукции» войска в 1744 г., было то наблюдение, что предположения о возможности использо-

вания Россией против Пруссии численно увеличенной армии Речи Посполитой встречается в польских, саксонских или английских источниках, в то же время источники, достоверно отражающие российскую точку зрения на проблему, не содержат даже намека на такого рода замыслы.

Вместе с тем существуют свидетельства того, что Россия ни аукция войска, ни других реформ допустить в Польше не хотела. Слишком легкий подход к упорядочению тех свидетельств, которые содержатся в публикациях источников, это третья ошибка сторонников точки зрения о больших реформаторских возможностях сейма 1744 г. В качестве примера можно привести высказывание императрицы Елизаветы в марте 1744 г., что «аукция» войска в Польше не может быть безразлична для России ²⁰, а также оглашенную в Варшаве 13 декабря 1744 г. ее декларацию, в которой императрица объявила, что Россия всей своей мощью выступит как против тех, кто покусится на Августа III, так и против каждого, кто осмелился бы покуситься на польские вольности ²¹.

Главной причиной, по которой историки придерживались мнения о благосклонном отношении России к польским реформам и не обосновали свои выводы на достоверных источниках, была недоступность до недавнего времени русских архивов. Однако ситуация изменилась. Что же следует из тех актовых материалов, которые начиная с 1992 г. мы имеем возможность изучить?

Прежде всего, удивляет отсутствие в этих материалах упоминаний о планах увеличения польской армии во время примирительного сейма 1736 г. Этот сейм, действительно, не принял определенного решения ни о размере увеличения численности войск, ни о способе его осуществления. Однако сейм образовал комиссию, которая должна была изыскать на «аукцию» средства и результаты своей деятельности представить очередному сейму. Но в направляемых из Петербурга российскому послу в Польше – курляндцу Герману Карлу Кейзерлингу – инструкциях нет ни слова о проектах «аукции» на примирительном сейме. Можно предположить, что эта проблема в 1736 г. застала Кейзерлинга врасплох и только некоторое время спустя стала предметом бесед посла в Петербурге, где он появился в первые месяцы 1737 г. ²².

Все, что до сих пор было известно о позиции России по отношению к планам 1738 г., предусматривавшим увеличение польской армии, почерпнуто из труда С.М. Соловьева, до недавнего времени высоко ценимого и рассматривавшегося просто как заместитель российских архивных материалов. Русский историк писал, что Кейзерлинг, в связи с предстоявшим сеймом 1738 г., сообщал в мае т. г. о заду-

манной в Польше «аукции» войска. По мнению посла, это означало бы также усиление недоброжелательного России коронного гетмана Юзефа Потоцкого, и потому дипломат выразил мнение, что замыслам реформы следует противодействовать. Поэтому Кейзерлинг еще до того, как получил соответствующие инструкции, разжигал в обществе опасения из-за чрезмерных налогов, которые якобы будут связаны с «аукцией» войска, предостерегал, что увеличение численности армии вызовет недоверие соседей Речи Посполитой, а это, как он внушал, могло угрожать ее нейтралитету, и, наконец, через великопольских диссидентов прямо старался препятствовать поддержке планов «аукции» на сеймиках. «Но из Петербурга, – подчеркивал Соловьев, – посланник получал указы: хлопотать, чтоб Польша приняла участие в турецкой войне; хлопотать, чтоб Польша вступила в войну, и в то же время препятствовать увеличению ее войска было нельзя, и потому Кейзерлинг писал, что если Республика вступить в войну не согласится, то он будет мешать увеличению ее войска»²³.

Повествование Соловьева было сконструировано так, чтобы создать впечатление, будто российское правительство не только никогда и не помышляло о противодействии «аукции» войска (против увеличения польской армии был только русский посол), но напротив, рассчитывало на это. И только после того, как стало ясно, что уже нет никакой надежды на постановление сейма о вступлении Речи Посполитой в войну с Турцией, Кейзерлинг (снова только он, о позиции Петербурга Соловьев умалчивает) начал вместе с австрийским послом Францем Карлом Вратиславом тайно противодействовать планируемому увеличению численности польской армии²⁴.

В то же время в своем майском донесении, еще за 5 месяцев до собрания сейма, Кейзерлинг констатировал, что безрезультатное завершение его работы будет наилучшим выходом для России. Это заключение посла российский историк обошел молчанием. Кейзерлинг настойчиво рекомендовал своим шефам: «Когда, однако, при современных военных движениях и дурном образе мыслей великого коронного гетмана увеличение коронных войск было бы не менее рискованно, чем увеличение власти их полководцев было бы невыгодно власти Его Королевского Величества, – писал Кейзерлинг, – так я полагал бы покорнейшим образом, что было бы лучше сделать будущий сейм совершенно бесплодным» («Wann aber bei gegenwärtigen Kriegsläufen und der üblen Gesinnung des Krongroßfeldherrn die Augmentation der Krontroupes nicht weniger bedenklich, als die Vergrößerung der Macht derer Feldherren der Autorité Ihrer Majestät des Königes nachteilig sein könnte so glaubte ich untertänigst, daß es besser sein, den künftigen Reichstag ganz fruchtlos zu machen») ²⁵.

В Петербурге на это отвечали: «Мы соответственно придерживаемся об этом с Вами одинакового мнения, что вышеприведенные 2 пункта, коронные войска и власть их гетманов, имели бы не иначе как невыгодные большие последствия и поэтому им следует противиться на любой манер и всеми способами до тех пор, пока не останется и видимости надежды, что на этом предстоящем сейме вы сможете поддержать еще и прочие наши известные намерения, то было бы, разумеется, ввиду указанных причин лучше и целесообразнее этот самый сейм сделать бесплодным» («Wir sind hierüber mit euch einerlei Meinung, – так отвечал Петербург, – daß die obangeführte zwei Puncta, die Krontrouppen und die Authorität derer Feldherrn betreffend, bei gegenwärtigen Umständen nicht anders, als von nachteiliger Suites sein könnten und dahero auf alle Art und Weise zu contrecarieren sind; und dafern über dem keine Apparence und Hoffnung ist, daß bei diesem bevorstehenden Reichstage unsere noch übrige euch vorhin bekannte Desideria erhalten werden könnten, so würde es freilich schon angeführter Ursachen wegen besser und geratener sein, denselben fruchtlos zu machen»²⁶.) Этот рескрипт Соловьев также обошел молчанием. Тщательность, с которой он игнорировал все фрагменты источников, свидетельствующие о негативном отношении российского двора к польским реформам, заслуживает того, чтобы специально обратиться на это внимание. Укажем также, что упомянутые в рескрипте «другие известные намерения», осуществление которых в Петербурге считали делом нереальным еще в начале июня 1738 г., это втягивание Речи Посполитой в войну с Турцией²⁷.

Только после этих негативных решений в отношении замыслов «аукции» войска в Петербурге появился новый план. О нем сообщили Кейзерлингу накануне вступления на польские земли армии фельдмаршала Бурхарда Христова Миниха, которая, направляясь кратчайшим путем к турецким владениям, прошла через юго-восточные окраины Речи Посполитой. Новое адресованное послу распоряжение предусматривало возобновление усилий, направленных на вовлечение Польши на стороне России и Австрии в войну против Турции; это должно было стать главной задачей Кейзерлинга на сейме 1738 г.²⁸

Вопреки впечатлению, которое внушает читателю Соловьев, петербургские инструкции относительно втягивания шляхетского государства в войну не содержали даже малейшего намека на «аукцию» войска. Кейзерлинг должен был уговаривать Августа III и Речь Посполитую присоединиться к союзникам «противу турок», обещая Польше стратегические приобретения (занятие Бендер и Хотина), но ни о каком увеличении численности польского войска не было и речи. И то единственное заключение, к которому сам посол накануне

начала работы сейма пришел без «наставлений» из Петербурга, будучи хорошо осведомлен о польских политических реалиях, размышляя над способами согласования ранее полученных инструкций о противодействии „аукции“ войска с поручением возобновить усилия по привлечению Речи Посполитой к войне с Турцией, состояло в несовместимости этих двух повелений. «Я нахожу, что все здесь занято „аукцией“ войска и тем, что этому сопутствует, – писал Кейзерлинг, – [...] я буду руководствоваться здесь лишь тем, насколько Польша решится или не решится на участие в нынешней турецкой войне. И поскольку республика никоим образом не склонна к решительным действиям, то следовало бы, скорее, предотвращать увеличение ее войск, нежели к этому стремиться» («Ich finde hier alles über die Auction der Troupes und was dahin einschlägt beschäftigt, – писал Кейзерлинг. – [...] Ich werde hierin mich lediglich darnach richten, wie die Polen zu der Theilnehmung an dem gegenwärtigen Turkenkriege sich geneigt oder ungeneigt erweisen werden. Denn sollte die Republique hierzu auf keine Art [...] zu ernstlichen Entschlüssen gebraucht werden wollen, so würde [...] die Vermehrung ihrer Troupes vielmehr zu verhindern, als zu befördern sein») ²⁹. Настаивая в очередном донесении на скорейшем подтверждении принятых решений и на разъяснении тактики русского двора в свете указанного противоречия, Кейзерлинг информировал своих шефов о планируемом им способе возможного уничтожения замыслов усиления польской армии. Для того, чтобы замаскировать свои действия, направленные против всеобщего стремления поляков увеличить численность войск, он должен был приступить к ним только после внесения соответствующего проекта в Посольскую избу сейма, которая должна была принять постановление о численности увеличенной армии и о выделении средств на ее содержание с учетом установленного пополнения ³⁰. «По поводу [...] прибавления войск, – говорилось в инструкции из Петербурга, – ссылаемся мы на наши прежние рескрипты, и поскольку ничто на участие в войне не направлено, то было бы при всех обстоятельствах хорошо и полезно предотвращать это прибавление и оставить дело на прежнем основании. Что, однако, касается увеличения власти гетманов, то в этом не может быть никогда ничего хорошего, особенно до тех пор, пока она, как это обстоит ныне, будет оставаться в столь злонамеренных нам руках» («Wegen der [...] Augmentation der Troupes, – последовало повеление из Петербурга, – beziehen wir uns auf unsere vorige Rescripta und fals wegen der Theilnehmung am Kriege nichts auszurichten ware, würde allerdings gut und nötig sein, diese Augmentation zu verhindern und die Sache auf dem alten Fuss zu erhalten. Was aber die Vergrößerung der Macht der Feldherrn betrifft, so kann dieselbe nimmer gut sein, absonder-

lich solange dieselbe in solcher übelgesinnten Hände, als es gegenwärtig ist, beruhen wird»³¹.

Знаменательно, что Соловьев приписал дилемму: если Польша не вступит в войну с Турцией, то не может быть и речи об увеличении польской армии – только замыслу Кейзерлинга и обошел молчанием позицию петербургского двора. Целью его определено было желание абстрагироваться от тех фактов, которые не согласовывались с его собственной концепцией, и скрыть отрицательное отношение русского правительства к польским реформам.

В цитированной выше инструкции все же следует отметить значимую, по сравнению с более ранней однозначно враждебной позицией, перемену в отношении «аукции» войска. Рассматривая ее как путь привлечения Польши к участию в войне, новые российские повеления все же допускали увеличение польской армии – при определенных условиях. Но зато не предусматривалась – о чем просила польская сторона – поддержка на сейме усилий, направленных на увеличение численности армии. Максимум того, на что Петербург готов был согласиться ради вступления Речи Посполитой в войну с Турцией, – это толерантность по отношению к этим усилиям.

Перевод с польского Маргариты Ленишиной

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Askenazy S. Fryderyk II i August III // Askenazy S. Dwa stulecia*. Т. I. Warszawa, 1901. S. 245–246. Текст этот практически идентичен статье, помещенной ранее в «Библиотеке Варшавской» (*Biblioteka Warszawska*. III. 1895. S. 123–156). Часть примечаний автор почерпнул из другой своей статьи – «С двух сеймов» (*«Z dwóch sejmów» // Biblioteka Warszawska*. IV. 1895. S. 119–122).
- 2 *Skibiński M. Europa a Polska w dobie wojny o sukcesję austriacką w latach 1740–1745*. Т. I–II. Kraków, 1912–1913; Т. I – авторское исследование, т. II – публикация источников.
- 3 *Konopczyński W. Recenzja // Kwartalnik Historyczny*. XXVIII. 1914. S. 227–254. Дополнительные детали относительно ошибочных интерпретаций Скибиньского см.: *Zielińska Z. Walka «Familii» o reformę Rzeczypospolitej 1743–1752*. Warszawa, 1983 – в тех разделах книги, которые касаются 1743–1745 гг.
- 4 *Konopczyński W. Dzieje Polski Nowożytnej*. Wyd. 2. Warszawa? 1986. Т. 2. S. 145–147.
- 5 *Konopczyński W. Fatalny sejm // Idem. Od Sobleskiego do Kościuszki*. Kraków, 1921. S. 109–126; *Idem. Dzieje Polski nowożytnej*. Т. II, Warszawa, 1986. S. 145–147; *Idem, Fryderyk Wielki a Polska*. Poznań, 1947. S. 45–49. Самые

значительные поправки (в частности, то, что, вопреки утверждению Аскенази, что со стороны Англии ни о какой материальной помощи для Польши не было речи) поместил Конопчинский в рецензии на книгу Скибиньского, см. прим. 3.

6 *Konopczyński W.* Dzieje Polski nowożytniej. T. II. S. 145.

7 *Mediger W.* Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Russlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Grossen. Braunschweig, 1952. Весьма важной для вышеназванных констатаций является часть II, раздел 4 (S. 247 и сл.), особенно S. 251–252.

8 *Ibidem.* S. 254.

9 *Ibidem.* S. 255.

10 *Müller M.G.* Polen zwischen Preussen und Russland. Berlin, 1983. S. 39–40.

11 *Ibidem.* S. 51–56, цитата – с. 56.

12 *Ibidem.* S. 61.

13 *Ibidem.* S. 63.

14 *Ibidem.* S. 64.

15 *Ibidem.* S. 72. Здесь автор ссылается на уже известный нам фрагмент из «Истории Польши Нового времени» («Dzieje Polski nowożytniej») В. Конопчиньского.

16 *Ibidem.* S. 72.

17 *Müller M.G.* Das «Petrinische Erbe». Russische Grossmachtpolitik bis 1762 // Handbuch der Geschichte Russlands /red. K. Zernack. T. II. Stuttgart, 1981–1986. Cz. 6. S. 433–436, Цитата – с. 436.

18 Полностью оставляем здесь без внимания работу Ф.Д. Лихтенхен (*Lichtenhan F.D.* La Russie entre en Europe. Elisabeth Ire et la Succession d'Autriche (1740–1750). Paris, 1997), поскольку автор – не обращаясь, впрочем, к русским архивным материалам – вообще не заметила, что Польша занимала какое-то место в российской политике и даже вообще существовала на политической карте Европы.

19 *Zielińska Z.* Walka «Familii»..., особенно разделы II и III.

20 Архив князя Воронцова. Изд. П. Бартнев. Т. VI. Москва, 1873. С. 62.

21 Текст декларации см.: *Skibiński M.* Op. cit. T. II. S. 479.

22 Я не успела провести разыскания в российских архивных материалах, относящихся к 1736 г. донесений Кейзерлинга, а единственно наставления ему. Известие об отъезде Кейзерлинга в Петербург в 1737 г. приводит С.М. Соловьев: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. X. Т. 20. М., 1963. С. 635.

23 Там же. С. 636.

24 Там же. С. 636–637.

25 Г.К. Кейзерлинг – императрице Анне 20.V.1738. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1 (далее: АВПРИ. Ф. 79/1). № 1738/6, реляция 48. Это была первая реляция в 1738 г., в которой Кейзерлинг поднял названную проблему. Во второй – от 4.VI.1738 – посол повторил свое первоначальное мнение. И сообщил о уже предпринятых им во Всове действиях, направленных против «аук-

- ции войска». – Там же, реляция 52: С.М. Соловьев привел содержание этой второй реляции в изложении.
- 26 А.И. Остерман и А.П. Волынский – Г.К. Кейзерлингу 24.V/4.VI.1738. АВПРИ. Ф. 79/1. № 1738/4, рескрипт 27. Кейзерлинг в 1738 г. датировал свои донесения по григорианскому календарю, а его петербургские шефы использовали юлианский календарь (то есть ставили даты по «старому стилю»). Для таких датировок мы приводим соответствующую дату по григорианскому календарю. По техническим соображениям, исходя из условий работы в архиве, мы обращались к отпускам рескриптов, а не к их окончательному беловому варианту. Такая методика работы позволяет проследить процесс редактирования направляемых послу инструкций и учесть временами весьма существенные изменения, вносимые в рескрипты. Всюду там, где была возможность это проверить, текст одобренного императрицей отпуска рескрипта полностью соответствовал тексту чистового оригинала.
- 27 Более подробно рассмотрению поднятого вопроса посвящена статья «Отношение России к польским планам аукции войска в 1738 г.» – *Zielińska Z. Rosja wobec polskich planów aukcji wojska w 1738 r.* // *Kwartalnik Historyczny*. CVII. 2000. Z. 3. S. 3–25.
- 28 Императрица Анна – Г.К. Кейзерлингу 17/28.VI.1738. АВПРИ. Ф. 79/1. № 1738/4, депеша 29. Обширное цитирование этого и других приводимых здесь источников есть в упоминавшейся выше статье (см. прим. 27).
- 29 Г.К. Кейзерлинг – Анне 25.IX.1738. АВПРИ. Ф. 79/1. № 1738/7, реляция 70.
- 30 Г.К. Кейзерлинг – Анне 1.X.1738. АВПРИ. Ф. 79/1. № 1738/7, реляция 72; *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 636.
- 31 А.И. Остерман и А.П. Волынский – Г.К. Кейзерлингу 1/12.X.1738. АВПРИ. Ф. 79/1. № 1738/4а, рескрипт 53.

«ВТОРОЕ НИСПРОВЕРЖЕНИЕ АЛЬЯНСОВ» И РАЗДЕЛЫ ПОЛЬШИ

Анализируя международные факторы разделов Польши, их можно рассматривать с разных точек зрения: как функцию европейской системы государств, как следствие Французской революции конца XVIII в., как результат прусско-австрийского соперничества в Империи и германской политики территориальных обменов и «округлений», как следствие «негативной» польской политики и т. д. Европейская система государств трансформировалась в начале XVIII в. из габсбургско-бурбонского равновесия сил в мультиполярную систему Пентархии пяти великих держав, игравших доминирующую роль в Европе до Первой мировой войны. Пентархия основывалась на военной и экономической мощи ее членов и региональном влиянии, тесно связанном с ростом национального экономического пространства и географической целостностью территории, что вело к стремлению исключить какие-либо внутренние анклавы и внутренние границы. Изменения внутри самой системы великих держав могли строиться только на легитимной основе в соответствии с представлениями о равновесии сил, не допускавшем как чрезмерного усиления одного из участников по отношению к другим, так и чрезмерного ослабления, поскольку и то и другое могло привести к кризису самой системы. Общее поле напряженности между устремлениями к гегемонии и к равновесию сил оставалось долгое время и остается основной проблемой не только европейской истории.

Характерные для эпохи абсолютизма тенденции к консолидации дворянства, укреплению и славе династий, честолюбие монархов и матримониальные союзы сопутствовали совершенствованию военной организации и военной экспансии, игравших роль моторов в становлении государств раннего Нового времени и европейской системы государств¹. При этом возникавшие время от времени ситуации дестабилизации как внутреннего положения государства, так и системы государств являлись существенными предпосылками многочисленных военных конфликтов между великими державами,

в которые неизбежно вовлекались и другие государства, становившиеся либо участниками, либо жертвами этих конфликтов².

Принятые со времен Л. фон Ранке представления о политике и роли великих держав в значительной мере сохранились, хотя и подверглись определенной модификации. Интересная, хотя и спорная в ряде положений, концепция американского историка П. Шредера, согласно которой о европейской системе государств можно говорить не с 1648 г., а с 1763 г., считая Семилетнюю войну высшей точкой равновесия сил, строится также на том, что между 1763 и 1787 гг. Великобритания и Россия оказались способными расширить свое влияние, воспользовавшись усугубившейся уязвимостью других великих держав. Однако соперничество ведущих субъектов европейской политики сопровождалось их стремлением покуситься на существование и независимость промежуточных держав – Польши, Османской империи, чингов Старой империи. В результате практика равновесия сил привела к всеобщему кризису безопасности континента, имевшему тяжелые последствия для Франции, Австрии, Пруссии, Польши, Османской империи, чингов Старой империи. Кроме того, многие внутренние государственные и социальные факторы, а также интеллектуальные течения влияли, в решающей степени, на состояние международных отношений³. Правящие кабинеты монархов и их дворы ждали благоприятных обстоятельств, чтобы начать новую войну. Такой войной, по сути дела приобретшей внешний облик дипломатической интриги, стали разделы Польши⁴.

«Дипломатическая революция» или, точнее, «ниспровержение альянсов» 1756 г. и Семилетняя война способствовали ослаблению Франции как члена Пентархии и соответственно создали ситуацию, сделавшую возможным первый раздел Польши как результат попыток укрепления позиций трех великих держав и восстановления нарушенного равновесия сил. Но эта акция привела к дальнейшему разрушению системы равновесия сил и углубила кризис в самой Пентархии. Как отмечает К.О. фон Аретин, политика территориальных обменов и разделов владений способствовала не только кризису системы равновесия сил, но и к превращению Германии, Италии и Польши в географические понятия. Важно также подчеркнуть связь между разделами Польши и Конституцией 3 мая 1791 г. как фактором, повлиявшим на дестабилизацию равновесия сил и разделы Польши⁵.

Вполне основательной выглядит также точка зрения К. Цернака, рассматривающего упадок Польши и негативную польскую политику как симптом кризиса старой Европы, имеющий первостепенное значение для истории германо-российских отношений⁶. И здесь

возможно поставить вопрос о том, правильно ли будет полагать, что второй и третий разделы Польши могли произойти без предшествовавшей им Французской революции. Во всяком случае, как полагает М. Эрбе, восстановление прежнего равновесия сил в Центральной Восточной Европе было возможно даже после создания Княжеского союза 1785 г. Беспоконство вызывали только российско-шведский конфликт 1788–1790 гг. и война, которую вели Россия и Австрия в 1787–1791 гг. на Балканах и на Черном море против Османской империи. В сущности, взаимодействие между Лондоном и Берлином и изменения в австрийской политике в феврале 1790 г., когда императором стал Леопольд II, не могли нанести значительного ущерба для равновесия сил. Но обострение внутренней ситуации во Франции вследствие революции и открытой поддержки Бурбонов со стороны Австрии и Пруссии привело к перерастанию конфликта в общеевропейский, закончившийся только в 1814 г. Эти войны разрушили равновесие сил, которое могло принять новую форму, но не обрело ее до 1815 г., т. е. до Венского конгресса ⁷.

Действительно, после смерти 23 февраля 1790 г. императора Священной Римской империи Иосифа II его преемник Леопольд I (1790–1792), закончив войну с Османской империей, был склонен к миру со всеми реальными и потенциальными противниками и, что, например, очень озаботило российскую императрицу Екатерину II, не столько был настроен на борьбу с революционной Францией, сколько был намерен вмешаться в польские дела и пошел на сближение с Пруссией. Безынициативностью императора были недовольны крупные чины Юго-Западной Германии, которые в результате решений французского Национального собрания в 1789 г. были лишены их ленов в Эльзасе и Лотарингии и так или иначе опасались враждебных действий со стороны Франции, поскольку стали прибежищем для многочисленных французских эмигрантов. Германские князья пытались выведать в канцелярии имперского эрцканцлера в Майнце, могут ли они в случае французского давления и даже вторжения, рассчитывать на заступничество Вены. Их также интересовала позиция России как гаранта Тешенского мира, поскольку такие влиятельные германские государства как Австрия, Пруссия, Ганновер и Саксония явно придерживались в сложившихся обстоятельствах выжидательной тактики ⁸. С другой стороны, как отмечает Аретин, Империи угрожал раздел наподобие раздела Польши в 1772 г., поскольку обе великие германские державы Австрия и Пруссия стремились к расширению своих владений, особенно после того как влияние Габсбургов во Франконском имперском округе ослабло вследствие объединения Пруссии и Ансбах-Байрейта. В течение

тринадцати лет с 1790 по 1803 г. опасность раздела Империи сочеталась с полной пассивностью имперских чинов, боявшихся оказаться между жерновами прусско-австрийских противоречий. Война с турками, отпадение Нидерландов и опасность мятежей в Венгрии и Галиции, а также нахождение прусских войск на границе Богемии побуждала австрийских политиков искать способы избежать кризиса, угрожавшего не только Австрии, но и целостности Империи. Выход Леопольд II и близкие к нему граф Иоганн Филипп Кобенцль и барон Иоганн Амадей фон Тугут находили в мире с Пруссией, тогда как еще не потерявший своего влияния автор «дипломатической революции» 1756 г. князь Венцель Антон Кауниц был противником сближения с Пруссией. Кроме того, обострению отношений между Пруссией и Австрией воспрепятствовала Великобритания, которую не устраивало ослабление Вены и которая не стала заключать в 1788 г. союз с Пруссией. Изоляция Пруссии побудила прусского короля Фридриха Вильгельма II (1786–1797), его кабинет-министра графа Эвальда Фридриха фон Герцберга и советника генерала Иоганна Рудольфа фон Бишофвердера искать примирения с Австрией. План Герцберга состоял в том, чтобы посредством соглашения с Австрией ослабить влияние России в Речи Посполитой и создать условия для прусских территориальных приобретений за счет Польши, завладев Гданьском, Торунем и землями Великой Польши.

Ослабевшая в 1770–1780-х гг. Франция не могла принять активного участия в европейских делах, а реформы Иосифа II ограничивали внешнеполитическую активность Австрии. Но произошла Французская революция, вследствие чего Пруссия стала терять свои позиции как противница императора, так или иначе выступавшего в качестве защитника имперских чинов от возможной агрессии со стороны Франции⁹.

Россия в то время, еще до смерти Иосифа II, оказала полную поддержку Австрии, что должно было сдерживать Пруссию от враждебных действий в отношении Вены. Многочисленные заседания Тайной Конференции и Придворного Совета в Вене показывают, что там пытались преодолеть кризисную внешнеполитическую ситуацию и выработать линию на сближение с Пруссией на основе принципов «лояльности», «справедливости» и «умеренности», что означало преобладание оборонительных тенденций над наступательными. Такая линия диктовалась соображениями устранить проявления внутреннего и внешнего кризиса, в котором оказалась держава Габсбургов. Готовившиеся в последние годы императора Иосифа II реформы были отложены, тем более что произошли волнения в Венгрии, Богемии (Чехии) и наследственных австрийских владениях. Движение за не-

зависимость в Австрийских Нидерландах так или иначе побуждало нового императора думать о согласии с Великобританией, Голландией и Пруссией. Кроме того, австрийские верхи беспокоили экспансия России в южном направлении и национальные движения в Сербии, Валахии и Молдавии. Естественно, что Кауниц по-прежнему был настроен против Пруссии как «наследственного врага» и оставался сторонником союза с Парижем, полагая, что невмешательство во внутренние дела Франции будет наилучшей гарантией против агрессивности революционных властей в отношении Империи.

В самой Пруссии также не было единой позиции по отношению к плану Герцберга. В это же самое время прусские политики усилили активность в направлении Польши, надеясь вынудить польского короля согласиться на передачу Пруссии Гданьска и Торуня. Конечно, полного единства по этому вопросу в Берлине не было, так как ряд политиков был склонен к сохранению мира с Польшей, ибо поляки опасались в случае вмешательства России в решение прусско-австрийского конфликта и вторжения русских войск на территорию Речи Посполитой.

Созданный в 1780-е гг. русско-австрийский союз ограничивал возможности Пруссии в европейской политике. Исходя из этого Фридрих Вильгельм II поддерживал антиавстрийское движение в Южных Нидерландах, тогда как Герцберг подумывал о том, как лучше использовать сложившуюся ситуацию в интересах Пруссии, вплоть до улучшения русско-пруссских отношений и даже заключения русско-прусского союза с целью приобретения Гданьска и Торуня. Естественно, что территориальная экспансия России, осуществлявшаяся императрицей Екатериной II и утверждавшая статус России как великой державы, беспокоила Берлин. Конечно, Екатерина притязала на Варшаву и Константинополь, что широко обсуждалось в европейской, в частности, в английской печати и служило темой многочисленных карикатур. Однако как трезвый политик, она понимала, что слишком активные действия в Центральной Европе могут настроить имперских чинов против России. Можно согласиться с мнением К. Хертера, что роль России как гаранта Тешенского мира 1779 г. не была столь уж значительной, что выразилось в решении постоянного рейхстага в Регенсбурге в 1791 г. не рассматривать возможное продвижение российских войск по территории Империи в походе против Франции как выполнение ею роли гаранта Вестфальского и Тешенского мира. Действия русского двора между 1780 и 1806 гг., скорее, можно рассматривать в рамках русско-австрийского союза и только как признание принципов международного права согласно договорам 1648 г. в Мюнстере и Оснабрюке. Австрия при Иосифе II

рассчитывала на союз с Россией как на средство ограничения экспансии Пруссии и как на поддержку в вопросе об обмене Южных Нидерландов на Баварию. Сохранение российско-австрийского союза создавало немалые трудности для Берлина, на что особенно указывал Кауниц, и способствовало сохранению надежды Вены на возвращение власти над Южными Нидерландами. В свою очередь проблема Нидерландов грозила стать «европейским скандалом» и обострить международную ситуацию¹⁰.

Прусские дипломаты безуспешно пытались привлечь внимание Национального собрания Франции к событиям революции в Южных Нидерландах, чтобы то поддержало эту революцию, «насолить» тем самым Австрии. В то же время императору удалось успокоить волнения в Венгрии, благодаря умелой пропаганде настроив горожан и крестьян против дворян и аристократии. Имперские политики также сумели создать единый фронт из ряда католических правителей Германии против планов изменить статус императора, сделав его лишь первым среди равных германских князей. Это привело к восстановлению политического равновесия в Империи и возникновению нового видения имперской политики, т.е. возможного и даже неизбежного разделения Империи на две сферы влияния между двумя великими немецкими державами¹¹.

Казалось бы, преодоленный внутриимперский кризис в действительности был проявлением системного кризиса в европейской политике, дальнейшее развитие которого теперь зависело от событий во Франции. Барон Тугут, возглавивший еще при жизни Кауница австрийскую дипломатию, пытаясь бороться с революционной и наполеоновской Францией, больше был настроен не на поход на Париж, но на сохранение и расширение имперских владений в Италии. Пруссия пыталась настроить Австрию на захват дунайских княжеств с тем, чтобы усилить свое влияние в Польше вопреки российской императрице, стремившейся все же сохранить целостность Речи Посполитой и вместе с Австрией гарантировать такое положение¹².

Летом 1790 г. на Рейхенбахской конференции в Силезии при посредничестве морских держав, прежде всего Англии, было решено урегулировать австро-пруссский конфликт и сохранить Османскую империю. Пруссия не получила ничего из польских территорий, а Австрия была вынуждена согласиться подписать мир с Османской империей. В Южных Нидерландах была восстановлена традиционная конституция, и вскоре австрийские войска без кровопролития вновь заняли эту провинцию.

Фридрих Вильгельм II с августа по октябрь 1790 г. пытался, хотя и безуспешно, привлечь Австрию к сотрудничеству в борьбе против

революционной Франции. Это был уже определенный поворот в отношении Берлина к Французской революции, которая была первоначально встречена на Шпрее вполне спокойно. Прусский посол в Париже не только не избегал встреч с руководителями захватившего власть Третьего сословия, но в течение осени и зимы 1789–1790 гг. устанавливал дружеские контакты с различными его фракциями. Герцберг и ряд крупных прусских сановников симпатизировали целям революционеров, будучи сторонниками идей Просвещения и не одобряя стиль правления Бурбонов. Однако уже весной 1790 г. радикальные настроения в Париже стали вызывать опасения в Берлине. А в Вене опасались, что Пруссия будет поддерживать венгерских повстанцев. Кроме того, там замечали, что прусский король стал искать соглашения с Францией, продолжая зондировать почву для сближении Вены и Берлина. Леопольд II в марте 1790 г. отправил написанное в дружественном тоне послание в Берлин, которое было положительно воспринято, что способствовало успешному проведению Рейхенбахской конференции. Хофбург хотел обезопасить границы на севере и западе, чтобы осуществить экспансию на Балканах. В Вене также надеялись, что Пруссия не будет поддерживать нидерландских повстанцев, и не очень-то верили в серьезность антифранцузских предложений Берлина.

Кауниц полагал, что альянс Вены и Петербурга был бы наилучшим средством сохранения позиций Австрии ввиду ослабления Франции и нарушения вследствие этого европейского равновесия. А в Пруссии, прежде всего фаворит короля Бишофвердер, считали, что самым удобным путем выхода из кризиса было бы ослабление союзнических связей Вены и Парижа. Прусские политики также всячески стремились вовлечь в свои планы Россию, поспособствовав при помощи английской дипломатии заключению мира между Россией и Турцией. Теперь уже в Берлине думали не о том, чтобы втягивать Петербург в конфликты с западными и южными соседями, а о том, чтобы привлечь его к тесному сотрудничеству против революционной Франции. Отставка Герцберга и приход ему на смену Бишофвердера только обозначили смену акцентов прусской политики.

Попытка бегства Людовика XVI из Франции и его арест усилили обеспокоенность европейских королевских домов. Длительные переговоры между Бишофвердером и австрийскими дипломатами привели к заключению предварительной австро-прусской конвенции 25 июля 1791 г., завершившей пятидесятилетний период взаимной вражды. «Вторая дипломатическая революция», как ее назвал М. Хохедлингер, и которую правильнее было бы назвать «вторым

ниспровержением альянсов», совершилась. Кауниц, подписавший ее вместе с Бишофвердером, высказывал сожаление о той ошибке, которую совершил Фридрих II, породивший австро-прусскую враждебность. Правда, и ныне подлинного взаимопонимания и искренней дружбы между Австрией и Пруссией не получилось вследствие расхождения многих их интересов. Неделий позже был заключен при посредничестве Великобритании, Пруссии и Голландии мир между Османской империей и Австрией в Систове. Заметим попутно, что австро-прусский «брак по расчету» не вызвал удовольствия в Лондоне¹³.

Между тем очаг беспокойства возник у трех великих держав и на востоке в Речи Посполитой. Конституция 3 мая 1791 г., вводившая в шляхетской республике наследственную монархию, упразднявшая право на организацию конфедераций и «liberum veto», была расценена во всех трех столицах как результат Французской революции. Екатерина II не собиралась непосредственно вмешиваться в польские дела, предпочитая втянуть Австрию и Пруссию в антифранцузские предприятия, дабы, когда те будут заняты борьбой против Франции, получить большую свободу рук в польских делах. Хрестоматийный факт – ее признание статс-секретарю А.В. Храповицкому 14 декабря 1791 г.: «Я стараюсь втянуть Берлинский и Венский дворы в дела французские. Прусский бы пошел, но останавливается Венский [...] Они меня не понимают [...] я хочу вовлечь их в дела, чтобы самой иметь свободные руки. У меня много предприятий неоконченных и надобно, чтобы они были заняты и мне не мешали». Российская императрица ожидала обращения большей части депутатов польского сейма, не поддерживавших сторонников конституции, за помощью к русскому престолу. В то же время, что император Леопольд II приветствовал провозглашение конституции как шага по пути прогресса человечества, а официальной реакции из Берлина не последовало. Это не помешало прусскому королю в следующем же году выдвинуть планы увеличения территории Пруссии за счет восточного соседа. Кроме того, прусское правительство было обеспокоено намерением поляков восстановить польско-саксонскую унию. Это одновременно означало усиление антироссийских тенденций в политике Пруссии. Берлин рассчитывал также укрепить свое положение в европейских делах с помощью союза с Великобританией.

Уже весной 1792 г. в кругах прусских и австрийских дипломатов начали говорить о новом разделе Польши. Эти планы муссировались наряду с возобновившейся идеей обмена Южных Нидерландов на Баварию. Между тем партия патриотов в Польше рассчитывала на помощь прусского короля, заключившего в 1790 г. союзный договор

с Речью Посполитой. В то же время в Берлине отнюдь не отказались от планов присоединить к своим владениям Гданьск и Торунь.

Принятие Конституции 3 мая создало новый прецедент для вмешательства великих держав в ее дела. В Вене и Петербурге не жаждали усиления Пруссии и Великобритании. Екатерина II стала предпринимать усилия по созданию антифранцузской коалиции, что служило ей дымовой завесой для реализации планов в отношении Польши. Об этом же докладывал французский поверенный в делах России Жене. Он особо отмечал в своих докладах в Париж, что Петербург оставляет без ответа предложения Вены о создании антифранцузской коалиции. Правильность его мыслей подтверждалась также тем обстоятельством, что под Пильницкой декларацией 27 августа 1791 г., последовавшей вслед за заключением предварительного австро-прусского соглашения 25 июля в Вене о восстановлении во Франции в полной мере королевской власти, а подписи Екатерины II отсутствовала. Пильницкая декларация не была планом действий, но она недвусмысленно демонстрировала негативное отношение австрийского и прусского монархов к революции во Франции. Вена и Париж заявили о намерении защищать права французского короля, отправив ему на помощь военные силы.

Пильницкая декларация послужила поводом для радикального крыла Национального собрания во главе с Жаном Бриссо разжечь во Франции воинственные настроения в отношении Вены и Берлина. Однако наряду с Пруссией и Австрией место среди контрреволюционных держав заняла и Россия. Екатерина активно поддерживала Пильницкую декларацию и подталкивала Вену и Берлин к военным действиям против революционного Парижа. Но в обеих германских столицах, прежде всего в Берлине, разгадали планы российской императрицы и за свое участие в войне против Французской республики потребовали доли в новом разделе Польши¹⁴.

Какова же была позиция Австрии? После смерти Иосифа II ставший императором его младший брат Леопольд II начал проводить более осторожную внешнюю политику, в основе которой лежала идея компромисса между Веной и Берлином, за что его иногда называют «духовным отцом» системы, рожденной Венским конгрессом 1815 г. Правильнее было бы назвать изменения в политике Австрии при Леопольде как движение от «баланса сил» к равновесию. У. Лаппенкюпер подчеркивает, что этот император стремился, прежде всего, интегрировать и успокоить правящие элиты Империи, предотвратив тем самым угрозу ее распада. Опасаясь экспансии России, он, тем не менее, хотел сохранить австро-русский союз. Большую опасность он видел в том, что в европейской политике постоянно

нарушаются нормы международного права. Интересы австрийских Габсбургов требовали, чтобы Пруссия отказалась от поддержки нидерландских повстанцев в обмен на реализацию прусского плана нового раздела Польши. Мало того, Леопольд предлагал создать союз между Великобританией, Россией и двумя великими германскими государствами. Герцберг еще раньше хотел добиться союза между Лондоном, Петербургом и Берлином с целью укрепления позиций Пруссии, но ушел в отставку. Поэтому на первый план вышел проект Фридриха Вильгельма II и Бишофвердера. Прусский план заключался в том, чтобы ослабить австро-русский союз, ослабить русский контроль над Польшей и расширить свои владения в Польше.

Таким образом, «второе ниспровержение альянсов» имело три направления: сближение Пруссии с Австрией с целью создания антифранцузской коалиции, стремление совершить раздел Империи, а также намерение произвести новый раздел Польши. Австрия отказалась участвовать в планируемом Берлином «восточном барьере» против России, но получила обещание Пруссии оказать ей поддержку в борьбе против революционной Франции. Главный интерес в пересмотре границы с Польшей, безусловно, имела Пруссия, тогда как в планы России, скорее, входило предотвращение каких-либо внутренних реформ в Польше и удержание контроля над этой страной.

Французская революция изменила Европу, но многие европейские политики, мыслившие категориями времен Пентархии и равновесия сил, еще не осознали этого. Трудно сказать, стали бы прусские, австрийские и российские политики думать о разделах Польши, если бы представляли себе в полной мере последствия Французской революции, но они все еще действовали в понятиях «обменов» и «округлений». Даже восстановление на французском троне династии Бурбонов они рассматривали как возвращение к системе равновесия сил и пытались создавать коалиции, все члены которых смотрели друг на друга с ревностью и нежеланием усиления кого-либо из союзников. Для Австрии как Французская революция, так и польская Конституция 3 мая 1791 г. означали опасность в смысле разрушения выгодной для нее системы государств. Устранение этих угроз потребовало сближения с Пруссией и участия в разделах Польши как компенсации за потери на Западе. Разделы Польши, с прагматической точки зрения были результатом «второго ниспровержения альянсов»¹⁵, с точки зрения политической морали они стали позорным пятном на их участниках.

18 мая 1792 г. российская императрица послала 100-тысячную армию в Польшу. Но, поиграв с идеей организовать сопротивление России в обмен на Гданьск и Торунь, Берлин изменил свою позицию, получив российское согласие на занятие богатых территорий между

Силезией и Восточной Пруссией. Известно, что польские аристократические «партии» разделились на сторонников патриотического лагеря, готовых к защите Конституции 3 мая 1791 г., к которым примкнул и король Станислав Август, и на консервативную группировку старореспубликанцев, опиравшихся на поддержку России и провозгласивших Тарговицкую конфедерацию. Партия короля обратилась за поддержкой к прусскому королю, который, подтвердив дружеские чувства к республике, потребовал отменить Конституцию 3 мая и восстановить прежнюю форму правления. В этом случае он обещал «снестись с императрицей и с Венским двором» и договориться с ними о восстановлении в Польше спокойствия. Вступившие в Речь Посполитую русские войска совместно с тарговичанами установили в стране власть конфедерации, вожди патриотического лагеря покинули Польшу.

С.М. Соловьев написал следующие знаменательные слова: «Судьба Конституции 3 мая решилась на берегах Вислы, судьба Польши решилась на берегах Майна и Рейна»¹⁶, имея в виду, что раздел Речи Посполитой послужил основой для временного примирения взаимных противоречий и совместного выступления абсолютистских монархий Австрии, Пруссии и России против революционной Франции. Можно, конечно, спорить о том, влияла ли Французская революция и решительные действия французских армий на разделы Польши, но, поскольку действия французских войск заставили Австрию искать союза с Пруссией и Россией и не поддерживать более Конституцию 3 мая, а также согласовывать свою политику в отношении Польши, вывод напрашивается сам собой. Многочисленные переговоры между прусскими, российскими и австрийскими дипломатами хорошо показывают попытки любыми вариантами продолжать политику обменов и разделов и поддерживать с их помощью равновесие сил. Объявление Францией войны Австрии 20 апреля 1792 г. угрожало потерей для последней имперских ленов епископств в Эльзасе и Лотарингии. Это дало австрийской пропаганде и венскому двору основание для призывов к имперским чинам и рейхстагу оказать помощь Империи. Но поскольку Вена не рискнула объявить Франции войну от имени Священной римской империи, ряд германских владетелей не откликнулся на эти призывы.

Поражение прусско-австрийской армии герцога Брауншвейгского при Вальми 20 сентября 1792 г. вдохновило французские армии на вторжение в Трир, на активные действия в долине Рейна и на наступление на Майнц и Франкфурт. Венские политики оценивали успехи французов как угрозу разрушения Империи, которое можно было, по их мнению, предотвратить только объединенными

усилиями Австрии и Пруссии. Но многие крупные имперские чины Ганновера, Саксонии, Баварии, Вюртемберга и Гессен-Касселя выразили недоверие попыткам раздела Империи на две сферы влияния – австрийскую и прусскую. Сохранение имперской конституции оказалось под угрозой. Выходом в Берлине и Вене казалось теперь создание преграды французскому наступлению, устранение Польши с карты Европы и спасение Империи. К тому же у Пруссии явно не хватало средств для продолжения войны на Западе. А в самой Империи возможно было восстановить прежнее положение только под диктатом великих держав¹⁷. Действия французских войск нарушили не только европейское равновесие, но и представления о границах и возможностях применения международного права. Европа Просвещения и войн по правилам уходила в прошлое. Логика мышления становилась таковой – если можно французам, то почему нельзя нам?

Объявление Францией войны Австрии подтолкнуло Екатерину II к решительным действиям в Польше и к поддержке Австрии и Пруссии в войне против Франции. Второй раздел Польши 23 января 1793 г. совершился между Россией и Пруссией за спиной Австрии. Австрия присоединилась к этому «кабинетному» разделу в марте того же года. Формально второй раздел Речи Посполитой был утвержден 22 июля 1793 г., а 25 сентября собравшийся в Гродно сейм под давлением российского правительства одобрил его. Третий раздел Польши стал в значительной мере логическим продолжением второго.

Россия не спешила помогать германским великим державам, так как Екатерина надеялась на истощение революционного духа в самой Франции. Но российская императрица не учла изменений в настроениях французского общества. Против принципа суверенитета монархов появился принцип суверенитета народа. Лозунг «Мир хижинам! Война дворцам!», под которым шли французские революционные войска, означал ведение революционной войны с целью тотальных политических перемен.

* * *

Французская революция привела к кризису системы Пентархии и равновесия сил в Европе и в Империи. Но она же подтолкнула Австрию и Пруссию к примирению, ставшему основой «второго ниспровержения альянсов». В свою очередь, это неизбежно повлекло за собой не просто раздел сфер влияния в Старой империи между Австрией и Пруссией, но и стало причиной фактического раздела Германии и кризиса государственного строя Священной римской

империи и имперской конституции, что способствовало попыткам крупных и средних имперских чинов укрепить свое положение, а также освободиться от верховенства императора. Внутригерманские противоречия в значительной мере обусловили вмешательство в дела Империи других великих держав: Англии, Франции, России.

«Второе ниспровержение альянсов» привело также вместе с внутренними причинами и влиянием идей Французской революции на Польшу ко второму и третьему разделам Польши, во что вмешалась Россия, не желавшая терять своего влияния в Речи Посполитой. Разделы Польши способствовали также трансформации баланса сил в новые подвижные формы равновесия между европейскими державами и значительным изменениям государственных границ на континенте.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Siegelberg J.* Staat und internationales System // Strukturwandel internationaler Beziehungen. Zum Verhältnis von Staat und internationalem System seit dem Westfälischen Frieden / Hrsg. von J. Siegelberg und K. Schlichte. Wiesbaden, 2000, S. 20–23; *Duchhardt H.* Balance of Power und Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700–1785. Paderborn; Wien; Zürich; München, 1997. S. 40–61, 409.
- 2 *Gräf H.* Funktionsweisen und Träger internationaler Politik in der Frühen Neuzeit // Strukturwandel... S. 105–109.
- 3 *Schroeder P.* The Transformation of European Politics 1763–1848. Oxford, 1994. P. X–XIII, 6, 9–10, 46–52.
- 4 *Schulze H.* Phoenix Europa. Die Moderne von 1740 bis heute. Berlin, 1998. S. 100.
- 5 *Aretin K.O. von.* Das Reich. Friedensordnung und europäisches Gleichgewicht 1648–1806. Stuttgart, 1992. S. 434–435, 439.
- 6 *Zernack K.* Negative Polenpolitik als Grundlage deutsch-russischer Diplomatie in der Mächtepolitik des 18. Jahrhunderts // *Zernack K.* Preußen – Deutschland – Polen. Aufsätze zur Geschichte deutsch-polnischen Beziehungen / Hrsg. von W. Fischer und M. Müller. Berlin, 1991. S. 25–242.
- 7 *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 2006, С. 285; *Erbe M.* Revolutionäre Erschütterung und erneuertes Gleichgewicht. Internationale Beziehungen 1785–1830. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2004. S. 4–5, 18.
- 8 *Scharf C.* Katharina II, Deutschland und die Deutschen. Mainz, 1995. S. 429–431.
- 9 *Aretin K.O. von.* Das Alte Reich. Bd.3. Das Reich und österreichisch-preussische Dualismus (1745–1806). Stuttgart, 1997. S. 371–374; *Erbe M.* Op.cit. S. 284.
- 10 *Hochedlinger M.* Krise und Wiederherstellung. Österreichische Großmachtspolitik zwischen Türkenkrieg und «Zweiter diplomatischen Revolution» 1787–1791. Berlin, 2000. S. 306–313, 340–343, 356–367; *Erbe M.* Op.cit.

S. 289; *Scott H.* Katharinas Rußland und das europäische Staatensystem // Katharina II, Russland und Europa. Beiträge zur Internationalen Forschung / Hrsg. von Claus Scharf. Mainz, 2001. S. 31, 57; *Maks H.* Die Russlandpolitik Herzbergs und Friedrich Wilhelms II. 1787–1791 // *Ibid.*, S. 227–247; *Härter K.* Möglichkeiten und Grenzen der Reichspolitik Rußlands als Garantiemacht des Teschener Friedens (1778–1803) // *Ibid.*, S. 177–181; *Aretin K.O. von.* Russland und die Reichspolitik Kaiser Josephs II // *Ibid.*, S. 121, 132; *Hochedlinger M.* «Herzensfreundschaft» – Zweckgemeinschaft – Hypothek? Das russisch-österreichische Bündnis von 1781 bis zur zweiten Teilung Polens // *Ibid.*, S. 183, 204–205.

¹¹ *Hochedlinger M.* Krise... S. 400–401.

¹² *Roider K.* Baron Thugut and Austria's Response to the French Revolution. Princeton. 1987, P. XVI–XVII; *Schulze-Wessel M.* Rußlands Blick auf Preußen. Die polnische Frage in der Diplomatie und der politischen Öffentlichkeit des Zarenreiches und des Sowjetsstaates 1697–1947. Stuttgart, 1995. S. 86–87.

¹³ *Hochedlinger M.* Krise... S. 402–413, 449–461; *Tchoudinov A.* Russian-Prussian Relations at the Beginning of the French Revolution // Deutsch-Russische Beziehungen im 18. Jahrhundert. Kultur, Wissenschaft und Diplomatie / Hrsg. von C. Grau, S. Karp, J. Voss. Wiesbaden, 1997. S. 39–51; *Clark Chr.* Preußen. Aufstieg und Niedergang 1600–1947. München, 2007. S. 333–336.

¹⁴ *Aretin K.O. von.* Das Reich... S. 439–440; *Maks H.* Die Russlandpolitik Herzbergs... S. 242–243; *Hochedlinger M.* «Herzensfreundschaft» // Zweckgemeinschaft – Hypothek?... S. 208–209; *Clark Chr.* Preußen... S. 335–336; *Erbe M.* Op.cit. S. 296–297; *Lappenküper U.* Von der Balance of Power zum politischen Äquilibrium. Grundzüge der Außenpolitik Leopolds II (1790–1792) // Historisches Jahrbuch, 120 Jg., 2000, S. 136–137; *Павленко Н.И.* Екатерина Великая... С. 287–289; *Черкасов П.П.* Екатерина II и Людовик XVI // Русско-французские отношения 1774–1792. М., 2004. С. 500–502.

¹⁵ *Aretin K.O. von.* Das Alte Reich, Bd. 3, S. 376–377; *Hochedling M.* Austria's Wars of Emergence. War, State and Society in the Habsburg Monarchy 1683–1797. L.; N.Y. etc. 2003. P. 392–396; *Roider K.* Baron Thugut... P. XVIII–XIX; *Hochedlinger M.* Krise... S. 414–415, 431–443; *Scharf K.* Katharina II... S. 448–449; *Lappenküper U.* Von der Balance of Power zum Politischen Äquilibrium... S. 114–115, 124–131; *Schroeder P.* The Transformation... P. 88; *Maks H.* Die Rußlandpolitik... S. 246–247.

¹⁶ *Соловьев С.М.* История падения Польши. Восточный вопрос. М., 2003. С. 236, 240–245; *Clark Chr.* Preußen... S. 339.

¹⁷ *Aretin K.O. von.* Das Alte Reich. Bd. 3. S. 394–407; *Erbe M.* Revolutionäre Erschütterung... S. 136–137, 298–299; *Scharf K.* Op.cit. S. 440–441.

**Выход Речи Посполитой
из сферы российского влияния
и альтернатива польско-прусского сближения
в первые месяцы работы Четырехлетнего сейма**
(Октябрь 1788 — январь 1789 г.)

Деятельность Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг., на котором были реализованы важнейшие государственные реформы Речи Посполитой, уже долгие годы является предметом исследований польских историков. К сожалению, практически нет работ отечественных исследователей, посвященных изучению данного периода. Между тем он был ключевой вехой в истории российско-польских отношений и предопределил их развитие в последующие годы. В кругу вопросов, связанных с деятельностью Великого сейма, стоит обратить внимание на причины резкого ухудшения отношений между Польшей и Россией уже в первые недели работы сейма и – в значительной степени – выход Речи Посполитой из сферы российского влияния, до сих пор казавшегося неизбежным.

С момента вступления Станислава Августа на польский трон при поддержке Екатерины II в 1764 г. Польша считалась сферой исключительного влияния России. После первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. и заключения с государствами, принимавшими участие в разделе, трактата 1775 г. о гарантии ее территориального и политического устройства, зависимость Польши от России стала еще большей. Во всех важных вопросах король Станислав Август должен был считаться с мнением российского посла Отто Штакельберга.

В 1775 г. по инициативе России в Варшаве был учрежден Постоянный совет, в котором в значительной мере были сосредоточены функции исполнительной власти. Отдельная Военная комиссия была отменена, а на ее месте образован Военный департамент, входивший в состав Совета. Внешней политикой руководил Департамент иностранных дел. Совет состоял из короля, сенаторов и послов, выбранных на сейме. Хотя с установлением Совета прерогативы короля были сокращены, Станислав Август поддерживал его, видя в нем законное польское правительство.

Однако против Постоянного совета выступала магнатская оппозиция. Ее главные представители – коронный гетман Ф.К. Браницкий, С. Любомирский, С. Жевуский, А.К. Чарторыйский, И. Потоцкий

(а со временем и его брат Станислав), а также К.Н. Сапега расценивали существование Совета как нарушение республиканских свобод. Гетман и его сторонники не могли согласиться с утратой реальной военной власти. Аристократии не нравилось то, что в состав Совета вошли представители шляхетского сословия, до сих пор не занимавшие высших постов в администрации страны. Кроме того, большое недовольство вызывало то, что Совет имел право толкования законов, которое оппозиция демагогически расценила как покушение на полновластие и прерогативы сейма. С 1776 г. предпринимались попытки восстановления Военной комиссии. Оппозиция, недовольная поддержкой, которую Штакельберг оказывал королю, желала назначения другого, более расположенного к ней посла, либо большего контроля Петербурга над Штакельбергом. Впрочем, все эти попытки не имели успеха ¹.

Изменение международной обстановки в связи с русско-турецкой войной в 1787–1791 гг. не могло не иметь влияния на внутренние события в Речи Посполитой. Еще накануне войны, во время встречи Екатерины II и Станислава Августа в Каневе в мае 1787 г., король предлагал императрице заключить союз и оказать военную помощь, надеясь получить согласие России на проведение реформ в Речи Посполитой, в том числе и на увеличение войска. Польский монарх желал замены российской «гарантии» территориально-политического устройства Польско-Литовского государства 1768 и 1775 гг. на более равноправный договор. Это, по его замыслу, позволило бы устранить угрозу нового раздела Речи Посполитой и позволило бы ей играть более активную роль на международной арене. Для России союз с Польшей был бы гарантией удержания внутреннего спокойствия в стране и предотвращения выступлений, подобных Барской конфедерации во время русско-турецкой войны в 1768–1774 гг. 7 октября 1787 г. в Петербург был выслан запрашиваемый проект российско-польского союза, разработанный королем и его младшим братом – примасом М. Понятовским ².

Средство для реализации этих планов и заключения на сейме союза с Россией король усматривал в скорейшем провозглашении конфедерации под эгидой Постоянного совета, с тем чтобы выборы на посольских сеймиках наступили уже после этого. В противном случае выборы могли бы не обеспечить желаемых результатов и сторонники реформ не получили бы большинства на сейме. Станислав Август хорошо понимал, что пассивность привела бы его к потере контроля над ситуацией. Военные неудачи России могли оказать влияние на настроения в Польше и способствовать негативному отношению к идее союза. Проект короля во многих пунктах был одо-

брен Штакельбергом. Так же, как и король, Штакельберг допускал, что для скорейшего решения вопросов, связанных с заключением российско-польского союза, нужно было созвать чрезвычайный сейм. Однако в отличие от Станислава Августа посол не считал необходимым незамедлительное провозглашение конфедерации. Он допускал такой вариант единственно в случае беспорядков в провинции. По мнению Штакельберга, конфедерация должна была быть провозглашена непосредственно перед началом сейма³.

Петербург долгое время медлил с ответом. Контрпроект в ответ на предложенный королем союзный договор пришел в Варшаву только в начале июня 1788 г. Оборонительный трактат между Россией и Польшей взаимно гарантировал целостность обоих государств и подтверждал все предыдущие договоры между ними. Екатерина выражала согласие на увеличение польской армии, а также на конфедерацию сейма, однако, как и Штакельберг, считала, что нет никакой необходимости в скорейшем провозглашении конфедерации⁴.

Подобно Станиславу Августу, представители оппозиции также не хотели свободных посольских выборов, поскольку не были уверены в их результате. С осени 1787 г. они выдвигали проекты организации своей конфедерации в юго-восточных воеводствах страны, чтобы соединить все силы поляков для оказания помощи России в войне с Турцией. Эти планы вызывали недовольство Екатерины, которая усматривала в них как попытку государственного переворота, так и возможность для прусского короля ввести свои войска на территорию Речи Посполитой⁵.

Екатерина II и вице-канцлер И.А. Остерман рекомендовали Штакельбергу склонить Станислава Августа к возможно бóльшим уступкам по отношению к оппозиции. В Петербурге считали, что интересам России отвечает поддержание равновесия между монархом и его противниками, которое являлось гарантией политической инертности Речи Посполитой. Посол, обязанный подчиняться приказам, делал это вопреки собственному мнению. За долгое время, проведенное в Польше, он убедился, что на Станислава Августа можно положиться. Наученный неудачными попытками реформ в начале царствования и горьким опытом первого раздела страны, король был очень осторожен в своей политике. Зато от представителей оппозиции можно было ожидать всяких неожиданностей⁶.

В связи с благоприятной для Польши внешнеполитической обстановкой, вызванной русско-турецкой войной, в стране возрасало возбуждение общественного мнения. В апреле – мае 1788 г. на фоне неудачного для России начала войны и неэффективных действий русской армии усилились антироссийские настроения, ко-

горые в значительной степени были вызваны злоупотреблениями российских войск во время их переходов через территорию Речи Посполитой. Недовольство общества также было направлено против короля и Постоянного совета, которых обвиняли в бездействии, нежелании воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы укрепить политическое значение Речи Посполитой. Это недовольство правительством объяснялось еще и тем, что не было известно о предполагаемом союзе с Россией, а все контакты с Петербургом осуществлялись в тайне⁷.

В этих условиях сильно возросло влияние оппозиции. Вследствие предписанной Петербургом уступчивости короля его противникам удалось провести большее, чем в предыдущие годы, количество депутатов на посольских сеймиках. Из числа магнатов-оппозиционеров Станиславу Августу и Штакельбергу удалось обеспечить себе поддержку только генерала артиллерии коронной Щ. Потоцкого⁸.

В тех воеводствах, где оппозиция получила большинство голов, в посольских инструкциях говорилось о необходимости уничтожения Постоянного совета и воссоздания независимой Военной комиссии. Такой была, например, инструкция люблинского сеймика⁹. Однако требование об увеличении численности армии в качестве условия восстановления политического престижа Польши присутствовало в посольских инструкциях всех сеймиков. В отношении русско-турецкой войны польское общество занимало позицию нейтралитета, что объяснялось антироссийскими настроениями. С этим должны были считаться и представители магнатской оппозиции. На сеймиках, где большинство получили оппозиционные депутаты, в посольских инструкциях говорилось о нейтралитете Польши в отношении русско-турецкой войны¹⁰.

Результаты сеймиков для короля и его сторонников оказались значительно менее благоприятными, чем ожидали Станислав Август и Штакельберг, хотя они отнюдь не сразу осознали это. Однако в конце августа Штакельберг в донесениях в Петербург уже выражал сомнения относительно принятия на сейме идеи союза с Россией. Посол начал также опасаться конфедерации сейма, которую раньше считал необходимым средством. Штакельберг вынудил короля провозгласить конфедерацию только после открытия сейма, который должен был начать свою работу 6 октября. Посол, видя свою миссию в удержании спокойствия в Польше, уступал в этом требованиям оппозиции, чтобы взамен не допустить включения в акт конфедерации положения о нейтралитете Речи Посполитой в русско-турецкой войне¹¹.

Поскольку Екатерина II в 1787 г. не одобрила планов оппозиции, ее фактический предводитель И. Потоцкий предпринял по-

пытку добиться реализации своей программы с помощью Пруссии. Переговоры с Пруссией не имели успеха до начала сентября 1788 г., когда Фридрих Вильгельм II узнал от своего посла в Варшаве Л. Бухгольца о намерении России заключить на будущем сейме союз с Польшей¹².

Прусский король принял это известие крайне негативно. Пруссия давно намеревалась захватить Гданьск, Торунь и пограничные польские воеводства. В российско-польском союзе Фридрих Вильгельм II усматривал опасность для своих планов. Россия в качестве союзника Польши не допустила бы ее нового раздела. Прусский посол в Петербурге барон Д. Келлер выступил от имени своего двора с протестом против возможного союза. Одновременно о недовольстве прусского короля проектом российско-польского альянса Бухголец уведомил Штакельберга¹³.

Обострение внешнеполитической обстановки (летом 1788 г. войну России объявила Швеция) вынудило Екатерину II отказаться от намерений оформить союзнические отношения с Польшей. 28 сентября 1788 г. курьер из Петербурга привез Штакельбергу повеление о временном отказе от проекта союза с Польшей. Однако этот маневр не успокоил прусского короля. Он решил через своего представителя в Польше Бухгольца выступить после открытия сейма с официальной нотой. В середине сентября после получения инструкций от своего двора прусский посол начал сотрудничать с представителями оппозиции. Текст будущей декларации и сроки ее подачи были согласованы Бухгольцем с гетманом литовским М. Огиньским и новым маршалком сейма С. Малаховским¹⁴.

Принятая по настоянию из Петербурга тактика уступок Станислава Августа обескуражила его сторонников и, напротив, вдохновила оппозицию, вызвав еще большую ее активность. В значительной степени проявлению этой активности способствовала прусская декларация от 12 октября, которая на следующий день была прочитана на сейме¹⁵.

В ней король прусский заявлял, что польско-российский союз направлен как против Турции, так и против Пруссии, которой необоснованно приписываются захватнические намерения по отношению к Польше. Задуманный союз России и Речи Посполитой, по словам Фридриха Вильгельма II, освобождал его от всяких обязательств. Обращая внимание поляков на то, что альянс с Россией мог принести им только вред, Пруссия обещала Польше свою помощь в случае отказа от идеи союза с Россией, а в случае его заключения призывала всех патриотов к организации пропрусской конфедерации. Пруская декларация была встречена депутатами с энтузиаз-

мом. После ее прочтения около полусотни из них во главе с князем стольником Ю. Чарторыским нанесли визит Бухгольцу, чтобы выразить свою благодарность королю прусскому¹⁶.

Со времени начала сейма центральной проблемой стал вопрос о том, будет ли сохранен Военный департамент Постоянного совета. Во-первых, король, как и оппозиция, хотели обеспечить за собой сохранение командования войсками республики. Во-вторых, от того, будет ли существовать Департамент, входящий в состав Постоянного совета, зависела судьба этого последнего учреждения. На сессии 20 октября было принято постановление о формировании сотысячной армии. Это абсурдное решение было, во-первых, неисполнимо, поскольку слабая Речь Посполитая ни по своему экономическому потенциалу, ни по своим организационным и мобилизационным возможностям была не в состоянии не только содержать такую многочисленную армию, но даже ее создать, и во-вторых, оно было опасно по соображениям внешнеполитическим, поскольку могло бы дать повод соседним державам на ответные репрессивные действия. Можно допустить, что это решение было умышленно проведено оппозиционными депутатами. Нужно было уверить сейм, что такой многочисленной армией не может управлять Военный департамент, который не обладал доверием общества¹⁷. После принятия постановления о сотысячной армии началась борьба вокруг Военного департамента. Установление независимой Военной комиссии было также в интересах прусского двора, который стремился к ослаблению власти короля в Речи Посполитой. По мнению Фридриха Вильгельма II и его министров, отдать управление над войском Комиссии означало бы, что увеличения армии не произойдет никогда. В помощь Бухгольцу в Варшаву был отправлен более искусный дипломат Дж. Люккезини, который потом должен был направиться в Петербург¹⁸.

В речах представителей оппозиции на сейме подчеркивалось, что Департамент исполняет свои обязанности не лучшим образом, плохо контролирует войско, умножает ненужные издержки, злоупотребляет войсковой казной¹⁹. Главной же причиной, делающей невозможным сохранение власти над армией в руках Военного департамента, по мнению оппозиции, было то, что он целиком зависел от Постоянного совета. Наряду с упреком в злоупотреблениях Совета послы сейма, прежде всего, обращали внимание на то, что Совет, навязанный Россией, является инструментом ее политики в Польше. Следовательно, доверить власть над армией Военному департаменту – то же самое, что увеличить влияние России в Речи Посполитой.

В своих выступлениях депутаты от оппозиции вспоминали о вмешательстве российских послов в работу сеймов в 1767–1768,

1773–1775, 1776 гг. и аресте сенаторов и послов (епископа краковского К. Солтыка и др.), о постоянном пребывании на территории Польши российских войск. Во время прохода через территорию Речи Посполитой российских частей в связи с русско-турецкой войной не раз реквизировались подводы для воинских перевозок и силой забирались в русскую армию польские крестьяне²⁰.

Послы также обвиняли короля, что в своей политике он следовал российской ориентации, был излишне уступчив в ответ на требования Петербурга. С. Кублицкий, доверенное лицо кн. А.К. Чарторыского, говорил на сессии 24 октября: «Panuj W.K. Mość nad sercami obywatelów samowładnie, umysł każdego zostaw wolnym i od wpływu jakiegokolwiek i od obcej podległości»^{21*}. На следующей сессии, напоминая королю о его обязанностях, М. Бжостовский заявил: «Wojska sto tysięcy mieć postanowił naród, aby już przestał cudzej ulegać woli, aby już odtąd śmiało mógł czynić, gdzie równo śmiały styr mądrego króla żądania jego prowadzić będzie»^{22**}.

Наряду с критикой позиции короля послы выражали опасение, что, сохранив власть, Военный департамент может втянуть Польшу вследствие союза с Россией в войну против Турции. Данные обвинения исходили от сторонников гетмана Браницкого – В. Суходольского и маршалка Литовской конфедерации К.Н. Сапеги²³. Эта позиция до сих пор тесно связанной с Россией «гетманской партии» вызывала у короля подозрение в неискренности пророссийских магнатов и в какой-то затеянной ими интриге²⁴. Оппозиция умело использовала стремление польского общества к независимости и его антироссийские настроения для достижения собственных целей и дискредитации своих противников.

Защищая Военный департамент, король и его сторонники стремились доказать, что, несмотря на то, что решение о создании Постоянного совета было принято на сейме, санкционировавшем раздел страны, теперь Совет в качестве центрального правительства является необходимым элементом политического порядка, и Департамент – часть этого порядка. Подчеркивались также выборность членов Департамента и контроль над ним со стороны Совета и косвенно сейма. Кроме того, указывалось, что усиления власти короля не допустили бы соседние государства²⁵.

* «Царствуй, В[аше] к[оролевское] величество, над сердцами обывателей самовластно, оставив ум каждого свободным и от какого-либо влияния и от подчинения иностранному».

** «Народ решил иметь стотысячное войско, чтобы уже перестать уступать чужой воле, чтобы уже отныне смело мог действовать [там], где равно смелый жезл мудрого короля будет проводить его требования».

Наконец, «королевская партия» обращала внимание на то, что Военный департамент был создан с согласия государств, принимавших участие в разделе Польши, которые могут в случае упразднения департамента отомстить Речи Посполитой. С. Гадомский – воевода ленчицкий, подчеркивал, что: «...konstytucja 1776 r. mówi o Radzie Nieustającej, że z przychyleniem się dworów sąsiedzkich stanowimy Departament Wojskowy: teraz gdy sami jedni przeistoczymy całkiem tę ustawę, patrzmy, abyśmy nie dali okazji do okazania nieukontentowania komu mniej nam życzliwemu, albo do profitania z okoliczności słabego jeszcze stanu naszego...»^{26*}. Таким образом, он намекал на Пруссию, которую королевский лагерь справедливо подозревал в намерении поссорить Россию с Польшей для осуществления своих захватнических планов.

Штакельберг, хорошо ориентировавшийся в сложившейся на сейме ситуации, предвидел, что Военный департамент сохранить будет невозможно. Несмотря на это он предпринимал попытки для его спасения. Определенную надежду Станислав Август и Штакельберг возлагали на проект «улучшенного» Военного департамента, предложенный сейму Щ. Потоцким, по которому Департамент приобретал бы статус почти независимый от Постоянного совета. Также в угоду оппозиции в проект было включено положение о так называемом «готовом сейме», который собирался бы в случае необходимости во время двухлетнего перерыва в работе парламента без новых выборов²⁷.

На совещании у короля 2 ноября представители оппозиции вместе с маршалком С. Малаховским согласились поддержать проект Потоцкого. Однако они не ручались за «гетманскую партию», которой никто не был в состоянии управлять. Действительно, ее представители после бурной сессии 30 октября, на которой сторонники короля успешно защищали Военный департамент, были готовы к решительным шагам. Перед заседанием 3 ноября Люккезини имел три совещания с оппозицией. На них было принято решение, что в случае победы короля оппозиция организует новую конфедерацию и призовет на помощь прусские войска²⁸. Чтобы не допустить успеха «королевской партии», на сессии сейма 3 ноября оппозиция заявила, что нельзя смешивать военных вопросов с проектом образования т.н. «готового сейма»²⁹.

* «...конституция 1776 г. говорит о Постоянном совете, что с одобрения соседних дворов мы устанавливаем Военный департамент. Теперь, если мы сами полностью изменим этот закон, посмотрим, не дадим ли мы повода для проявления недовольства кому-то, менее к нам расположенному, либо к использованию обстоятельства слабого еще положения нашего».

Также оппозиция предпринимала атаки на короля, убеждая общественность, что Станислав Август выступает проводником российского господства. А. Яблоновский, каштелянец краковский, говорил: «Rada Nieustająca z przypadku podziału kraju, zagranicznych przymierzem wynaleziona, ściągnąwszy panującego sposobność obdarzenia tego narodu, ogólność jestestwa stanu rycerskiego przeistoczyła w ósmnastu konsyliarzy, a przysięgły wspólności senat i ministerium, w tyluż deputowanych zamieniła. Obca też Polakom wynikła tama ufności narodu z tronem, którym razem kochać, razem radzić, razem upatrywać swą wolność był nawykły»^{30*}.

В ходе бурной сессии сейма, которая продолжалась 16 часов, было принято решение об упразднении Военного департамента. При открытом голосовании большинство депутатов высказалось за сохранение Департамента, однако во время тайного 36 голосов перешло на сторону оппозиции, и Департамент был отменен. На ход голосования повлияли распространяемые оппозицией слухи, что в случае ее поражения в Польшу будут введены прусские войска³¹.

Несмотря на то, что ранее проект Щ. Потоцкого о готовом сейме был отклонен, уже на следующей сессии, 5 ноября, со стороны оппозиции был выдвинут собственный проект «постоянного сейма». Король, как и многие другие политики, поддерживал идею формирования «постоянного сейма», считая, что, будучи направленной на создание эффективной и дееспособной системы государственного устройства шляхетской республики, реализация этого замысла окажется спасительной для Речи Посполитой. Однако Станислав Август также понимал, что оппозиция использует ее в целях отмены Постоянного совета³².

5 ноября Бухгольц и Люккезини заявили Штакельбергу, что Пруссия будет протестовать против пребывания российских войск на территории Речи Посполитой. Посол, будучи в растерянности перед лицом произошедших событий и не получив пока соответствующих инструкций из Петербурга, не знал, как поступать. Однако, принимая во внимание как демарш прусских дипломатов, так и внесенный оппозицией проект «постоянного сейма», он решил выступить с нотой протеста³³.

* «Постоянный Совет, по случаю раздела страны изобретенный союзом иностранных [государств], отобрав у монарха возможность одаривания этого народа, превратил сущность естества рыцарского сословия в восемнадцать советников, а... сенат и министерство заменил таким же числом депутатов. Отсюда также вытекла чуждая полякам преграда в доверии между тронem и народом, который привык одновременно любить, советовать и допытываться о своей свободе».

Декларация российского посла была прочитана на сейме 6 ноября. В ней Штакельберг объявлял, что до сих пор не предпринимал никаких шагов, поскольку решения сейма не нарушали явно трактата 1775 г. о российской гарантии польской конституции. Однако проект «постоянного сейма» упомянутой гарантии явно противоречит. Если наступит малейшее изменение в конституции 1775 г., Россия будет считать это нарушением трактата, которое освободит ее от всяких обязанностей по отношению к Речи Посполитой.

Штакельберга поддержал король. Монарх обратил внимание сейма на то, что сохранение трактатов является гарантией безопасности Польши. «Mówię wyraźnie i głośno, że nie masz potencji żadnej, której by interesy mniej się spierały z naszymi jak Rosji. Wszak Rosji winniśmy, że nam wróciły się niektóre części już zabranego kraju. W handlowych zamiarach Rosja nam najlepsze przedstawia widoki. Rosja nie tylko nie przeszkadza pomnożeniu naszego wojska, ale najchętniej na nie zezwala. Mówię zatem, że należy nam nie tylko jej nie drażnić, ale owszem starać się o zachowywanie najlepszej z nią, ile to być może, przyjaźni. Dokładam, że jestem w tym przeświadczeniu, że gdy damy poznać imperatorowej, iż jesteśmy dla niej przychylni, łatwiej i bezpieczniej dojdziemy do domowych urzędzeń i ulepszeń naszych; i owszem, wtedy największe sami sobie założymy do tego zapory, gdy tą wielkomyślną panią odrażać od nas będziemy»^{*} – говорил Станислав Август на сессии сейма 6 ноября³⁴.

Хотя польский король давно отдавал себе отчет в том, что Россия не склонна согласиться с усилением Польши, он не считал, что это освобождает его от обязанности склонить Петербург к изменению своей позиции. Станислав Август постоянно убеждал императрицу, что явная поддержка его политики со стороны России принесет пользу и ей самой. И нужно признать, что согласие Екатерины II на союз с Польшей свидетельствовало об успехе этой, на первый взгляд, безнадежной тактики. Однако отмеченный успех не получил дальнейшего развития и не принес ожидаемых результатов из-за противодействия Пруссии. Тем не менее ответственный за судьбу страны

^{*} «Заявляю открыто и громко, что нет никакой державы, интересы которой меньше противоречили бы нашим, чем России. Все-таки мы обязаны России, что нам вернули некоторые части уже захваченной страны. В торговых намерениях Россия представляет нам лучшие виды. Россия не только не препятствует увеличению нашего войска, но и очень охотно на него позволяет. Поэтому я говорю, что нам нужно не только ее не дразнить, но и стараться сохранить с ней как можно большую дружбу. Добавлю, что я убежден, что если мы дадим узнать императрице, что расположены к ней, легче и безопаснее придем к нашим местным устройствам и улучшениям, и, наоборот, сами себе создадим к тому величайшие преграды, если будем отталкивать от себя эту великодушную государыню».

политик, а именно таким государственным деятелем на протяжении всего своего правления стремился проявить себя Станислав Август, особенно учитывая опыт первого раздела Польши, не имел иного пути, кроме постоянных попыток склонить Россию к согласию на проведение реформ в Речи Посполитой.

Ответ на ноту российского посла Станислав Август обсудил с умеренными представителями оппозиции Игнацием и Станиславом Косткой Потоцкими, Адамом К. Чарторыским и близким им маршалком сейма Станиславом Малаховским, которые были также обеспечены демагогическими выступлениями «гетманской партии», подозреваемой, по крайней мере, в стремлении обеспечить себе власть над войском³⁵. В результате на заседании сейма 15 ноября был принят проект ответа на ноту Штакельберга, составленный в умеренном тоне. В нем говорилось, что, несмотря на право Речи Посполитой вводить любые изменения в собственном устройстве, акт о гарантии до сих пор не был нарушен, что Польша не стремится к разрыву отношений с Россией и обсудит желаемые реформы в ходе переговоров с ней, а также с Австрией и Пруссией. В ответной польской декларации выражалась надежда, что проектируемые сеймом изменения будут благосклонно приняты Петербургом³⁶.

В результате Штакельберг заявил о готовности к проведению предложенных польской стороной переговоров. Вместе с тем русский посол, идя на дальнейшие уступки оппозиции, соглашался на отмену некоторых прерогатив Постоянного совета, а именно права толкования законов. Взамен он требовал гарантии, что выборы в Совет состоятся перед окончанием сейма. Для посла также было очень важно сохранить хотя бы видимость зависимости Военной комиссии от Постоянного совета. Об этом король говорил с И. Потоцким и С. Малаховским, и они пришли к общему мнению, что нельзя упразднить Совет полностью, так как это приведет к разрыву с Россией. Однако давление общественного мнения, а также вторая прусская декларация от 19 ноября, гласившая, что гарантия 1775 г. якобы ни в чем не связывает Польшу, не позволили им идти этим путем³⁷, поскольку тогда любое соглашение с Россией на основе признания российской гарантии польской конституции и сохранения Постоянного совета ассоциировалось бы в глазах шляхетской общественности как предательство.

Новая атака оппозиционеров на короля и прерогативы Постоянного совета была предпринята на сессии 20 ноября. В ходе рассмотрения проекта о Военной комиссии встал вопрос о времени избрания ее членов. Представители оппозиции хотели, чтобы они были избираемы сразу после соединения палат (Посольской избы

и Сената). Однако, согласно конституции 1776 г., на это время приходились выборы в Постоянный совет, после чего были избираемы члены Финансовой комиссии. По этой причине значительная часть депутатов сейма считала, что выборы военных комиссаров должны происходить после выборов в Финансовую комиссию³⁸.

Назавтра в защиту прежнего порядка выборов выступил примас Михал Понятовский. «Potężne i kwitnące państwo długo się namyślają, nim jakąż z zaprowadzonych ustaw krajowych ruszą lub odmienią, my bez wojska, bez pieniędzy, bez zasiłków rolniczych i handlowych, zabieramy się do zrywania uroczystych traktatów z potencjami nam przyjaznymi, które jeśli zemstę odłożą, to tylko do czasu. Odpisaliśmy posłowi rosyjskiemu, że negocjacji chcemy, objawiliśmy tę chęć naszą dworom europejskim, a dziś odmieniamy ten nasz zamiar negocjacji i chcemy zrywać z двором petersburskim! Coż o nas pomyślą dwory, jakiej niestateczności nam nie przypiszą?.. Związaliśmy się aktem konfederacji przy magistraturach; jakże magistratury mamy odmieniać i sami sobie słowa nie dotrzymywać? A zatem konkluduję, że byłoby i dogodniej, i bezpieczniej rozpocząć negocjacje, jakieśmy w nocie oświadczyli, a zachowując w całości i związku z przyjaznymi sąsiadami, i nie dając pochoпу do naruszenia traktatów, dążmy jak najspieszniej do pomnożenia sił krajowych, które najпевней przy terażniejszym rządzie jestestwo i powagę naszą zabezpieczyć mogą»^{*} – говорил М. Понятовский³⁹. Таким образом, брат польского короля призывал депутатов не восстанавливать против себя Россию и соблюдать только что принятые на сейме собственные решения.

О том, что нужно сохранять прежний порядок, предусмотренный польско-российским трактатом 1775 г., убеждали послов сейма также И. Массальский, П. Ожаровский, вице-канцлер И. Хрептович, маршалки К. Рачинский и М. Мнишех. Они обращали внимание

* «Могущественные и цветущие государства долго размышляют, прежде чем изменяют либо отменяют какой-нибудь из установленных законов. Мы без войска, без денег, без земледельческих и торговых запасов намереваемся разорвать торжественные трактаты с дружественными нам державами, которые если отложат месть, то только на время. Мы отписали российскому послу, что хотим переговоров, объявили это желание наше европейскому двору, а сегодня отменяем наше намерение о переговорах и хотим разорвать [отношения] с двором петербургским! Что о нас подумают двory, какой непоследовательности нам не припишут?.. Мы связались актом конfederации при [существующих] учреждениях; как же можем отменять учреждения и сами перед собой не держать слова? Поэтому заключаю, что было бы и лучше, и безопаснее начать переговоры, о которых мы заявили в ноте, и, полностью сохраняя союз с дружественными соседями и не давая повода к нарушению трактатов, будем стремиться как можно быстрее к увеличению национальных сил, которые при теперешнем правительстве вернее всего могут обеспечить наше естество и достоинство».

на то, что Речь Посполитая должна опасаться не мифических абсолютистских планов короля, а соседних государств, которые в любой момент могут прийти к соглашению за ее счет. По их словам, Польша должна с осторожностью действовать по отношению к соседям, чтобы не восстанавливать против себя ни одного из них. Подчеркивалось, что, хотя гарантия и была навязана шляхетской республике Россией, с ней нужно считаться, ибо Речь Посполитая не в силах противостоять внешнему диктату великих держав, так как не располагает достаточным войском ⁴⁰.

Представители оппозиции, настаивавшие на уничтожении Постоянного совета, заявляли, что конфедерационный сейм вправе изменить то, что было постановлено другой конфедерацией. Возражая им, сторонники короля доказывали, что сейм не должен изменять статус и прерогативы Совета, поскольку они были установлены трактатом о российской гарантии польской конституции ⁴¹.

22 ноября оппозиция открыто выступила с требованием упразднения Постоянного совета и обрушилась с критикой на короля. Я. Красиньский и М. Чацкий заявляли, что после злоупотреблений и вмешательства России в польские дела в правление Станислава Августа полякам уже нечего бояться. Политику России они противопоставляли «благородному» поведению Пруссии, которая якобы хотела заключить с Речью Посполитой равноправный союз ⁴². Под напором оппозиции король и его «партия» вынуждены были отступить. В ходе открытого голосования о времени избрания членов Военной комиссии большинство депутатов проголосовало против оппозиции. Однако при тайном голосовании оппозиция получила 15 голосов дополнительно и сумела провести свой проект ⁴³. Последние надежды сторонников Станислава Августа сохранить хотя бы видимость формальной подчиненности Военной комиссии Постоянному совету развеялись после утверждения текста присяги военных комиссаров, в котором отсутствовало даже упоминание о Совете. Это означало, что отныне он был лишен влияния на войско ⁴⁴.

На фоне возраставших антироссийских настроений и уменьшения числа королевских сторонников крайне осложнилось положение Станислава Августа, сокращались и его возможности противодействовать надвигавшемуся явному разрыву Речи Посполитой с Россией. В ходе дальнейших заседаний сейма король был лишен права выдвижения кандидатов на должности офицеров, а также права назначать послов к иностранным дворам, хотя эти королевские прерогативы были установлены конституцией 1775 г. Станислав Август уже сам признавал, что не имело смысла сохранять Постоянный совет после лишения того реальной исполнительной власти. Несмотря

на это, Штакельберг просил короля не отступить, хотя, как полагал Станислав Август, сам посол уже не был уверен в успехе ⁴⁵.

Очередной попыткой воспрепятствовать уничтожению Постоянного совета был проект создания на его месте другого института исполнительной власти, получившего название Национальная стража. Замысел этот был согласован королем со Штакельбергом. Соответствующее предложение внес в сейм один из королевских сторонников – Т. Кошцялковский. Национальная стража лишилась бы многих прерогатив исполнительной власти, а без них Совет не являлся бы правительством в полном смысле этого слова, и можно было сомневаться в необходимости бороться за его сохранение. Однако принятие предложенного проекта продемонстрировало бы, что сейм считается с позицией России и трактатом 1775 г. о гарантии ⁴⁶.

Оппозиция не допустила рассмотрения на сейме проекта Кошцялковского и требовала сначала принятия решений о войске и налогах, а только потом о форме правительства. 15 января 1789 г. Кошцялковский был вынужден снять свое предложение. Станислав Август был не слишком огорчен этим, поскольку важнейшими считал военные вопросы, тем более что из донесений польского посла в Петербурге А. Деболи король узнал об изменении курса польской политики России. В связи с изменением политической обстановки в Речи Посполитой Екатерина II отказалась от плана увеличения польской армии ⁴⁷.

Однако затеянные оппозицией споры вокруг порядка обсуждения на сейме «государственных материй» были только тактическим маневром. Уже на следующей сессии ее представители решили вернуться к вопросу о Постоянном совете. С.К. Потоцкий убеждал коллег, что для освобождения от российского влияния необходимо упразднение Совета. Говоривший после него Станислав Август еще раз напомнил, что отмена Совета является нарушением акта о гарантии, которое может вызвать необратимые последствия для Речи Посполитой. Король предостерег от принятия незрелых решений и советовал путем переговоров с Россией прийти к согласию о требуемых изменениях в польском государственном устройстве ⁴⁸.

Доводы Станислава Августа не убедили депутатов. На сессии 19 января М. Залеский, посол троцкий, указывая на многочисленные злоупотребления, совершаемые Россией в Польше, утверждал, что Постоянный совет является источником недоверия между шляхетским народом и королем. Депутат предлагал поставить на голосование вопрос о ликвидации Постоянного совета ⁴⁹. Сапега обратил внимание послов сейма на то, что после совершенных и предполагаемых изменений Совет уже не будет играть никакой роли в жизни

страны, и сделал вывод, что в его сохранении нет смысла, тем более что, по его словам, вопрос о существовании Постоянного совета якобы не имеет для России большого значения. Так же, как и Сапега, С.К. Потоцкий уверял, что Россия, ведущая войну на два фронта, не будет вмешиваться в работу сейма⁵⁰.

Оппозиция требовала голосования по вопросу об уничтожении Постоянного совета. «Королевская партия», напротив, не выдвигая никаких новых убедительных аргументов в защиту Совета (поскольку все доводы были уже приведены в первые недели сейма), старалась только найти предлог, чтобы сделать невозможным голосование. Однако эти попытки не имели успеха. Окончательно дезориентировала королевских сторонников примирительная речь Станислава Августа. Голосование продолжалось до поздней ночи. 120 послов проголосовали против Совета, 11 – за, при 62 воздержавшихся, среди последних был и примас⁵¹.

Оказывая давление на короля и Штакельберга, оппозиция не ограничивалась требованием уничтожения Постоянного совета, их противники добивались также вывода с территории Речи Посполитой русских войск. Затянувшаяся осада Очакова, по убеждению польского общества, свидетельствовала о военной слабости России, что якобы таило для Польши опасность турецкого вторжения. Для того чтобы убедить в этом послов сейма, представители оппозиции использовали рапорты комендантов украинских крепостей о действиях и перемещениях российских войск, о случаях самоуправства солдат и офицеров в отношении населения.

Однако привлечение внимания шляхетской общественности к этим донесениям было продиктовано отнюдь не стремлением предотвратить злоупотребления в дальнейшем, а для усиления антироссийских настроений⁵². Оппозиция провоцировала дискуссию по этому поводу во время обсуждения какого-либо вопроса, чтобы склонить большинство на свою сторону. Используя подлинное недовольство политикой Екатерины II в Речи Посполитой и разжигая антироссийские настроения, противники Станислава Августа добивались поставленных целей, что другим путем не дало бы ожидаемых результатов.

Во время борьбы правительственного лагеря и оппозиции по вопросу о Военном департаменте посол волынский, князь стольник Ю. Чарторынский, тесно связанный с Люккезини, выступил 24 октября с речью против пребывания российских войск в Польше. Ссылаясь на доклады одного из комендантов украинских замков – Любовидзкого, князь говорил о необходимости вывода с территории Речи Посполитой российских частей. Их пребывание в Польше, по его словам, могло бы вызвать не только распространение болезней,

но и вторжение в страну турецких войск. Хотя многие депутаты одобрили предложение Чарторыского, в итоге было принято решение проинформировать о сложившейся ситуации Штакельберга⁵³. Оппозиция хорошо понимала, что во время войны возможность переброски через территорию Речи Посполитой войск на театр войны с Портой имела для России принципиальное значение и поэтому боялась излишне досаждать последней⁵⁴. Уничтожение Военного департамента, так же как и нота прусского кабинета с требованием эвакуации российских войск, придали антикоролевской оппозиции смелости. 15 ноября проект Чарторыского о выводе русской армии из Речи Посполитой был единогласно принят сеймом⁵⁵.

После назначения послов Речи Посполитой к различным европейским дворам, чтобы ускорить их отъезд в страну их дипломатической миссии, а также чтобы отобрать у короля право назначений на командные должности в армии, антикоролевский лагерь попытался еще более обострить ситуацию, распуская слухи о бунтах крестьян на Украине. Объявляя эти волнения якобы следствием российской пропаганды и ввиду отсутствия ответа Екатерины II на ноту от 17 ноября, гетманская партия заставила С. Малаховского подать российскому двору повторную ноту по вопросу эвакуации русских войск⁵⁶. В очередной раз к темам бунтов на Украине и повторного обращения с нотой к российской императрице сейм вернулся в начале января 1789 г. в связи с главной в этот период работы сейма целью оппозиции – ликвидацией Постоянного совета⁵⁷.

* * *

В первые месяцы работы Четырехлетнего сейма, в октябре 1788 – январе 1789 г., главной целью развернутой оппозицией антироссийской пропаганды стали политический курс короля Станислава Августа и его ориентация на соглашение и союз с Петербургом. Широко распространенные в шляхетском обществе Речи Посполитой антироссийские настроения облегчали для противников польского короля решение этой тактической задачи.

Как явствует из сообщений польского посла в Петербурге А. Деболи, русское правительство достаточно спокойно отреагировало на ликвидацию Военного департамента и уничтожение Постоянного совета. Но Деболи необоснованно сделал из этого вывод, что Россия смирилась с этим, хотя показное равнодушие Петербурга объяснялось только невозможностью что-либо предпринять в ситуации, сложившейся в начале русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Наиболее важным для Екатерины II и вице-канцлера Остермана было не допу-

стить вывода российских войск с территории Речи Посполитой, которая имела исключительное стратегическое значение для успешных военных действий в Причерноморье и в Дунайских княжествах, что подчеркивал Остерман в разговорах с Деболи. В условиях войны этот вопрос имел большое значение. Запрещение российским войскам пересекать границы Польши, сопряженное с невозможностью доставки через ее территорию хлеба, оружия и снаряжения, усложняли и без того трудное положение русской армии⁵⁸.

Деболи объяснял Остерману, что упразднение Военного департамента и Постоянного совета нужно трактовать прежде всего не как антироссийские шаги, а как стремление оппозиции ограничить власть короля и восстановить прежние республиканские вольности. Демонстративная индифферентность Петербурга, вероятно, вытекала из традиционной политики российского кабинета, направленной на поддержание равновесия между королем и оппозицией. Гораздо больше российское министерство беспокоило то, что элементы «анархии» в государственном устройстве Речи Посполитой могут быть ликвидированы⁵⁹.

В Петербурге отдавали себе отчет в истинных намерениях Пруссии. Стремление Фридриха Вильгельма II возобновить союз с Россией и заставить ее согласиться на последующий раздел Польши в российской столице ни для кого не было секретом. Некоторые приближенные Екатерины II советовали ей оказывать большее расположение Пруссии (кн. Г.А. Потемкин). Однако императрица чувствовала себя глубоко оскорбленной поведением прусского короля и в конце 1788 г. даже думала об открытии против него военных действий. Австрия, которой, по мысли Екатерины, отводилась не последняя роль в реализации данного плана, отнеслась к нему холодно⁶⁰.

Вынужденная в сложившихся обстоятельствах воздержаться от военного конфликта с Пруссией, Россия решила пока открыто не противодействовать ее влиянию в Речи Посполитой. Вмешательство в польские дела было отложено до конца русско-турецкой войны. При этом в Петербурге думали, что, во-первых, эта война продлится недолго и, во-вторых, за это время Речь Посполитая не будет в состоянии усилиться настолько, чтобы Россия не смогла легко восстановить свое господство в шляхетской республике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kalinka W. Sejm Czteroletni. T. 1. Warszawa, 1991* (далее – *Kalinka W. SCz1.*). S. 130–132, 273–278; *Morawski K.M. Ignacy Potocki. Kraków – Warszawa, 1911. Cz. 1. S. 31–51*; *Konopczyński W. Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej.*

- Kraków, 1917. S. 336–361; *Idem.* F.K. Branicki // Polski słownik biograficzny. T. 2. Kraków, 1936. S. 399; *Rostworowski E.* Sprawa aukcji wojska na tle sytuacji politycznej przed Sejmem Czteroletnim. Warszawa, 1957. S. 118; *Michalski J.* Opozycja magnacka i jej cele w początkach Sejmu Czteroletniego // Sejm czteroletni i jego tradycje. Red. J. Kowecki. Warszawa, 1991. S. 50–52.
- 2 *Kalinka W.* SCz1. S. 59; *Rostworowski E.* Op. cit. S. 181–182; *Zielińska Z.* Geneza upadku orientacji rosyjskiej u progu Sejmu Czteroletniego w opinii ambasadora Stackelberga // Wiek oświecenia. T. 15. Warszawa, 1999. S. 60–63; *Idem.* Stanisław August i Otto Stackelberg u progu wojny rosyjsko-tureckiej (marzec–październik 1787) // Kwartalnik historyczny. Warszawa, 2000. № 4. S. 14–16.
- 3 *Kalinka W.* SCz1. S. 59–60; *Rostworowski E.* Op. cit. S. 181–182; *Zielińska Z.* Geneza upadku orientacji rosyjskiej... S. 61–63, 65–67; *Idem.* Stanisław August i Otto Stackelberg... S. 16–20.
- 4 *Kalinka W.* Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. T. II: Dokumenty do historii drugiego i trzeciego podziału. Poznań, 1868. S. 36, 104; *Idem.* SCz1. S. 82–83; *Michalski J.* Zmierzch prokonsulatu Stackelberga // Sejm czteroletni i jego tradycje. S. 21; *Zielińska Z.* Geneza upadku orientacji rosyjskiej... S. 76–77.
- 5 *Kalinka W.* Ostatnie lata... T. II. S. 96, 98, 100–110; *Idem.* SCz1. S. 64–65; *Rostworowski E.* Op. cit. S. 179–180, 184–188, 190–196; *Michalski J.* Zmierzch prokonsulatu Stackelberga... S. 24.
- 6 *Michalski J.* Zmierzch prokonsulatu Stackelberga... S. 22; *Idem.* Opozycja magnacka i jej cele... S. 52–53; *Zielińska Z.* Geneza upadku orientacji rosyjskiej... S. 57–58, 80.
- 7 *Kalinka W.* SCz1. S. 62–64, 66–69; *Zielińska Z.* Geneza upadku orientacji rosyjskiej... S. 60–61, 66, 69–74.
- 8 Archiwum Główne Akt Dawnych. Zbiór Popielów (dalej AGAD. ZP) 417. K. 563, 564, 610 v.; *Kalinka W.* SCz1. S. 116; *Rostworowski E.* Op. cit. S. 121–125, 127, 128, 131, 133–135, 168, 169, 180, 184, 190–192, 209–212; *Michalski J.* Zmierzch prokonsulatu Stackelberga... S. 20–21; *Idem.* Sejmiki poselskie 1788 roku // Przegląd Historyczny. T. 51. Warszawa, 1960. № 1–3. S. 67, 69, 338–340, 353–354; *Zielińska Z.* Geneza upadku orientacji rosyjskiej... S. 58–59.
- 9 *Kalinka W.* SCz1. S. 116; *Rostworowski E.* Op. cit. S. 226; *Michalski J.* Sejmiki poselskie... S. 472–473; *Idem.* Opozycja magnacka i jej cele... S. 54.
- 10 *Michalski J.* Sejmiki poselskie ... S. 473.
- 11 AGAD. ZP 417. K. 565, 569, 570–571, 589–589 v.; *Kalinka W.* SCz1. S. 121; *Rostworowski E.* Op. cit. S. 246; *Michalski J.* Sejmiki poselskie... S. 465–466; *Zielińska Z.* Geneza upadku orientacji rosyjskiej... S. 81–82, 87–88.
- 12 *Kalinka W.* SCz1. S. 104–114; *Dutkiewicz J.* Prusy a Polska w dobie Sejmu Czteroletniego w świetle korespondencji dyplomatycznej pruskiej // Przegląd Historyczny. T. 33. Warszawa, 1936. S. 61, 62; *Rostworowski E.* Op. cit. S. 132; *Michalski J.* Opozycja magnacka i jej cele... S. 53.
- 13 AGAD. ZP 417. K. 559; *Kalinka W.* SCz1. S. 87–90; *Dembiński B.* Polska na przełomie. Lwów, 1913. S. 80, 87, 90–91.
- 14 AGAD. ZP 417. K. 574; *Kalinka W.* SCz1. S. 118–120; *Michalski J.* Opozycja magnacka i jej cele... S. 53; *Idem.* Zmierzch prokonsulatu Stackelberga... S. 20–24.

- 15 AGAD. ZP 417. K. 609; *Kalinka W. SCz1. S. 142.*
- 16 Diariusz sejmu ordynaryjnego pod związkim konfederacji generalnej obojga narodów w Warszawie rozpoczętego roku 1788. Warszawa, 1790. T. 1. Cz. 1. S. 33–35; AGAD. ZP 417. K. 598; *Kalinka W. SCz1. S. 142–144; Dembiński B. Op. cit. S. 104–107.*
- 17 AGAD. ZP 417. K. 607 v.–608; Diariusz... T. 1 Cz. 1. S. 157, 269; *Kalinka W. SCz1. S. 148–150.*
- 18 *Kalinka W. SCz1. S. 156–157; Dembiński B. Op. cit. S. 123, 148.*
- 19 Diariusz... T. 1. Cz. 1. S. 77, 79, 80, 131, 282.
- 20 См.: речи И. Закшевского, посла брест-куяевского, 16 октября: «Mówimy wszyscy wolna Rzplta! Prawda: dlatego wolna szczególnie, że zagranicznym wojskom wolne wejście i rozrządzenie się w dłuż i wszere [...] Wolna jeszcze Rzplta, bo wolno w samej stolicy wojskom zagranicznym gwałty podczas Sejmów wyrządzać, i z nabitą bronią środkiem stolicy maszerując rozkazywać, te knujcie prawa, bo nam się podobały» («Мы все говорим: «свободная Речь Посполита!» Правда: потому особенно свободная, что иностранным войскам разрешен вход и продвижение вдоль и поперек [...] Свободна еще Речь Посполита, потому что разрешено в самой столице иностранным войскам устраивать насилия во время сеймов и приказывать с заряженным оружием, маршируя в центре столицы»); *Ibidem. S. 47; М. Залеского, посла троцкого, 17 октября; маршалка конфедерации литовской К.Н. Сапеги, Ю.В. Межеевского, посла подольского, 27 октября; М. Валеvского, посла краковского, В. Суходольского, Межеевского 3 ноября: Ibidem. S. 63, 144, 173, 241, 272–273, 282; Kalinka W. SCz1. S. 61, 68; Zielińska Z. Geneza upadku orientacji rosyjskiej... S. 59–60, 68–69; Idem. Stanisław August i Otto Stackelberg... S. 4.*
- 21 Diariusz... T. 1. Cz. 1. S. 131.
- 22 *Ibidem. S. 157.*
- 23 *Ibidem. S. 79, 309.*
- 24 Король писал польскому послу в России А. Деболи 7 ноября: «Tego zaś nikt nie pojmie, że Sapieha najzwawiej gada przeciwko Moskwie. Mnie powiedziano i z dość dobrego źródła, że Branicki potrafił wyperswadować Potemkinowi, że interesem jest samej Moskwy psuć tu zamiary ambasadora, jakoby ten ślepo mnie sprzyjający odrażał inszych przyjaciół moskiewskich, mnie tylko chciał mocnić, że zatem ja za przykładem króla szwedzkiego pójdę przeciw samej Moskwie» («Этого же никто не понимает, почему Сапега больше всех болтает против Москвы. Мне говорили из достаточно верного источника, что Браницкий сумел внушить Потемкину, что в интересах самой Москвы вредить здесь намерениям посла, якобы он, слепо ко мне расположенный, оттолкнул других друзей Москвы, хотел усилить только меня, что вскоре я по примеру короля шведского пойду против самой Москвы»). AGAD. ZP 417. K. 625.
- 25 См., например, выступления каштеляна П. Ожаровского, маршалка К. Рачиньского, каштеляна Х. Опацкого на сессии 24 октября; примаса М. Понятовского, Ю. Анквича, каштеляна сандецкого, И. Коссаковского,

- епископа инфлянтского, на сессии 27 октября и др.: *Diariusz...* Т. 1. Cz. 1. S. 104–105, 115–116, 122–123, 139–141, 150, 165–166; *Kalinka W. SCz1. S. 162–167.*
- 26 *Diariusz...* Т. 1. Cz. 1. S. 191.
- 27 AGAD. ZP 417. K. 619 v.–620; *Diariusz...* Т. 1. Cz. 1. S. 211; *Kalinka W. SCz1. S. 169; Zielińska Z. Geneza upadku orientacji rosyjskiej...* S. 89–90.
- 28 *Kalinka W. SCz1. S. 171–175; Dembiński B. Op. cit. S. 139–145, 518–519.*
- 29 *Diariusz...* Т. 1. Cz. 1. S. 212, 213, 292.
- 30 *Ibidem. S. 218.*
- 31 *Ibidem. S. 323; Kalinka W. SCz1. S. 171–178.*
- 32 *Diariusz...* Т. 1. Cz. 2. S. 9–13; AGAD. ZP 417. K. 622; *Kalinka W. SCz1. S. 185.*
- 33 В письме к Деболи от 7 ноября Станислав Август писал, что Штакельберг предлагал ему вместе со своими сторонниками выйти из конфедерации, а также противодействовать планам установления постоянного сейма. Монарх отвечал, что не хочет погрузить свою страну в омут гражданской войны. Что же касается постоянного сейма, то в случае сопротивления его установлению король неминуемо потерпел бы поражение, поскольку эту мысль разделяют почти все польские политики, в том числе и он сам. Станислав Август дал понять Штакельбергу, что его молчание способствовало распространению в Варшаве мнения, что российский двор не может и не хочет противодействовать намерениям «прусской партии», вследствие чего посол решился, наконец, подать ноту. Несмотря на просьбы короля, он отказался и дальше поддерживать проект готового сейма. AGAD. ZP 417. K. 622 v.–623. *Kalinka W. SCz1. S. 186.*
- 34 *Diariusz...* Т. 1. Cz. 2. S. 15; *Kalinka W. SCz1. S. 188–189; Dembiński B. Op. cit. S. 150.*
- 35 AGAD. ZP 417. K. 624, 632; *Kalinka W. SCz1. S. 207.*
- 36 *Diariusz...* Т. 1. Cz. 2. S. 100–101; *Kalinka W. SCz1. S. 207.*
- 37 AGAD. ZP 417. K. 635 v.–636 v., 637 v.–638, 639; *Kalinka W. SCz1. S. 209–210.*
- 38 *Diariusz...* Т. 1. Cz. 2. S. 119–120; *Kalinka W. SCz1. S. 220–221.*
- 39 *Diariusz...* Т. 1. Cz. 2. S. 122–123; *Kalinka W. SCz1. S. 221–222.*
- 40 *Diariusz...* Т. 1. Cz. 2. S. 124–125. Массальский говорил: «...żadna magistratura większego nieszczęścia przynieść nam nie może, jak nasza niezgoda, gdy z niej sąsiedzi nasi zechcą korzystać [...] Moderacja nasza i również wszystkich sąsiadów poważenie zasłonić nas może od tego bliskiego przypadku, iż jedna potencja doznawszy od nas uprzykrzenia łatwo drugiej ofiarować może część znaczną krajów naszych na okup swego pokoju» («...ни одно учреждение не может принести нам большего несчастья, чем наше несогласие, если им захотят воспользоваться наши соседи [...] Наша умеренность и равное уважение всех соседей могут заслонить нас от того скорого случая, что одна держава, испытав от нас неприятность, легко может предложить другой значительную часть нашей страны, оплачивая свой мир»). *Ibidem. S. 133–136, 138–142, 147–148; Kalinka W. SCz1. S. 222.*

- 41 Diariusz... T. 1. Cz. 2. S. 129–132, 143–146; *Kalinka W. SCz1. S. 222–223.*
- 42 Diariusz... T. 1. Cz. 2. S. 155–157, 183–187, 201–203.
- 43 Ibidem. S. 169–175, 195–196; *Kalinka W. SCz1. S. 223–225.*
- 44 AGAD. ZP 417. K. 652; *Kalinka W. SCz1. S. 225.*
- 45 AGAD. ZP 417. K. 652–653 v., 666–667.
- 46 AGAD. ZP 414. K. 18; Diariusz... T. 2. Cz. 1. S. 19, 20; *Kalinka W. SCz1. S. 282.*
- 47 AGAD. ZP 414. K. 40–40 v., 42; ZP 419. K. 5; Diariusz... T. 2. Cz. 1. S. 68–149.
- 48 Ibidem. S. 183, 184, 221; *Kalinka W. SCz1. S. 283.*
- 49 Diariusz... T. 2. Cz. 1. S. 194, 195, 197; *Kalinka W. SCz1. S. 284–286.*
- 50 Diariusz... T. 2. Cz. 1. S. 199–202, 213, 214; *Kalinka W. SCz1. S. 285–287.*
- 51 Diariusz... T. 2. Cz. 1. S. 217–266; *Kalinka W. SCz1. S. 287–289.*
- 52 *Kalinka W. SCz1. S. 170–171.*
- 53 Diariusz... T. 1. Cz. 1. S. 134–138; *Kalinka W. SCz1. S. 183.*
- 54 *Kalinka W. SCz1. S. 186.*
- 55 AGAD. ZP 417. K. 63–634 v.; Diariusz... T. 1. Cz. 2. S. 2, 3, 74, 75, 77, 78, 95; *Kalinka W. SCz1. S. 184.*
- 56 AGAD. ZP 417. K. 674–675; Diariusz... T. 1. Cz. 2. S. 502–505.
- 57 AGAD. ZP 414. K. 16, 19–20; ZP 419. K. 27 v.–28, 31 v., 33 v.–34; Diariusz... T. 2. Cz. 1. S. 28, 33–37; *Kalinka W. SCz1. S. 303.*
- 58 AGAD. ZP 417. K. 283–283 v., 305 v., 326 v., 333 v.; *Kalinka W. SCz1. S. 90, 297–298; Michalski J. Zmierzch prokonsulatu Stackelberga... S. 43–44.*
- 59 AGAD. ZP 417. K. 304–304 v., 306 v., 328; ZP 419. K. 5 v.–6, 30–30 v.; Michalski J. Zmierzch prokonsulatu Stackelberga... S. 44–47.
- 60 AGAD. ZP 417. K. 262–262 v., 295, 302–302 v., 304; *Kalinka W. SCz1. S. 422–429; Michalski J. Zmierzch prokonsulatu Stackelberga. S. 41–43.*

Войцех Кризайзен
(Варшава)

РАССУЖДЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II ОБ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

К ВОПРОСУ О ЗАМЫСЛЕ ВТОРОГО РАЗДЕЛА
Речи ПОСПОЛИТОЙ

В 1793 г. в ознаменование второго раздела Польши Екатерина II повелела отчеканить медаль со своим изображением с одной стороны и с двуглавым орлом, соединяющим разорванную карту западной России и присоединенных к империи областей Речи Посполитой – с другой. Надпись на медали гласила: «Отторженная возвратилъ». Аллегория призвана была проиллюстрировать идею объединения «русских земель». Однако какие именно территории Екатерина II считала отторгнутыми от России и какими аргументами обосновывала свои притязания? Свет на это проливает документ, находящийся в Российском государственном архиве древних актов, в фонде «Кабинет Екатерины II», озаглавленном «Les anciennes frontieres de la Russie a l'Occident»¹. Эта короткая (на двух страницах), написанная каллиграфическим почерком по-французски Записка без даты и имени автора посвящена правам России на восточные земли шляхетской Речи Посполитой. Однако из секретарской пометы на обложке следует, что Записка была составлена Екатериной II² и приложена к протоколу заседания Совета при высочайшем дворе...³ от 5(16) февраля 1792 г. Если это так, то документ мог бы прояснить побудительные мотивы императрицы, решившейся па второй раздел Польши. К этому вопросу мы еще вернемся после рассмотрения содержания Записки.

Как и следовало из заглавия, открывается она рассуждениями о западной границе Древней Руси. Со ссылкой на свидетельства Галла Анонима и Винцента Кадлубека указывается, что границей между Русью («Russie») и Польшей служил в то время Буг. Подобным образом, опираясь на хронику Мацея Стрыйковского, утверждается, что литовско-русской границей являлась Вилейка. Тот факт, что составители Записки ссылались на Галла, Кадлубека и Стрыйковского, кажется весьма интересным. Однако куда более поразительной является ее главная мысль об изначальной принадлежности к России территории к востоку от обеих рек, что с исторической⁴ и географической точек зрения (опуская даже анахроничное отождествление Древней Руси с

Россией) выглядит неоправданным. Вилейка течет с востока на запад, и если даже принять ее за литовско-русскую границу, то «литовские» области получают лежащими к северу от нее, а «русские» – к югу. Неужели вывод о «российском прошлом» земель, находящихся по ту сторону Буга и Вилейки, был сделан без помощи карты.

Здесь заканчиваются рассуждения о «западной границе России», и начинается снабженный ученым комментарием перечень «исторически российских» земель Речи Посполитой, которые, впрочем, именуются с использованием современной польской терминологии XVIII в. Первой из таких «российских земель» названо Минское воеводство с Мозырьским и Ржечицким поветами. Из исторического комментария, заимствованного, несомненно, главным образом у Стрыйковского, следовало, что Минское княжество было вотчиной полоцких князей из династии Рюриковичей. Немного более обширные замечания касаются Новогрудского воеводства со Слонимским и Волковыским поветами. В Записке говорилось, что Новогрудок был русским до 1241 г., когда его занял литовский князь Ердзивилл, принявший по этому случаю титул великого князя «de Russe». Слуцк был «уделом» князей Олельковичей, а Несвиж принадлежал князьям, чьи потомки носят в России княжеский титул.

Ничего не сказано о Троцком воеводстве с Троцким, Ковенским и, разумеется, Упицким поветами; имеется лишь замечание, что Гродно, именуемое русскими «Городом», в 1241 г. было захвачено Ердзивиллом, который дал ему литовское название Гартена. Волыньское воеводство упоминается лишь с двумя поветами – Луцким и Владимирским. Из Записки следует, что Луцк принадлежал «великому князю Руси» («de Russie») Святославу Изяславичу вплоть до 1095 г., когда город разорили литовцы и пруссы. Первым удельным князем был здесь в 1099 г. Святоша Ярополкович. Владимир-Волыньский упоминается как лежащий на Буге (recte Луге), а его князем был в 1097 г. Давыд Игоревич.

О Киевском воеводстве в Записке говорится только, что княжество с таким названием простиралось на западе до реки Горынь, и ему когда-то принадлежало «великое княжество российское». О Подольском воеводстве с Каменецким, Лятычѳвским и Червоногородским поветами сказано, что город Червоногород во времена, когда он принадлежал русским, назывался Гродом Червенским. От него происходит название Червоная Русь («Russie rouge»), которая была покорена Владимиром Великим в 982 г. и оставалась под российской властью по меньшей мере до летописца Нестора.

Дошла очередь и до Брацлавского воеводства с Винницким и фактически несуществующим Звиногородским поветами. Упомина-

ние о последнем было необходимо авторам документа, дабы в историческом комментарии заявить, что город Звиногруд принадлежал теребовльскому князю Васильку, который встретился здесь в 1097 г. с князем Святополком. Совершенно очевидно, что здесь спутаны современная Звиногрудка в Брацлавском воеводстве и известный только по русским летописям Звенигород, локализуемый возле Серакова под Киевом⁵.

На этом заканчивается перечисление земель, на которые предъявляла исторические права Екатерина II. Стоит обратить внимание, что документ умалчивает об обширных территориях, которые первоначально относились к Древней Руси и в интерпретации авторов Записки могли бы считаться российскими, но после первого раздела Польши остались в пределах Речи Посполитой: о западной части Оршанского повета, о южной части Полоцкого воеводства, о южных поветах Троцкого и Виленского воеводств, о Брест-Литовском воеводстве и Кременецком повете на Волыни. Возможно, это произошло по недосмотру, а может быть, у авторов под рукой просто не оказалось данных, подтверждающих принадлежность этих земель к Киевской Руси. Следует также заметить, что очерченные в Записке территориальные претензии охватывали только часть приобретений России в границах 1793 г., когда были заняты Минское воеводство, восточная часть Новогрудского воеводства со Слуцком и Несвижем, Киевское, Брацлавское, Подольское воеводства, а также восточная часть Волынского. Среди не упомянутых в Записке территорий в пределах второго раздела оказались восточные области Виленского и Брест-Литовского (с Туровом и Пинском) воеводств. Программа полного возвращения «бывших российских провинций» была, следовательно, реализована лишь в 1795 г., когда в границах Российской империи оказались Новогрудок, Гродно, Владимир-Волынский и Луцк.

Представленная в Записке политическая тенденция нашла отражение и в использованной терминологии. Для описания средневековых реалий в документе применяются французские понятия, соответствующие XVIII в., – «Russie» (Россия) и «Russes» (русские), а также образованное от них прилагательное – «russe», причем используемая здесь его форма появилась во французском языке только в конце XVIII в. Популярность она приобрела благодаря Вольтеру, который предпочитал ее традиционной форме «russien», слишком похожей на «prussien»⁶. Один только раз, при упоминании принятия титула великого князя, использована форма «Grand Duc de Russe» вместо «de Russie». Очевидны мотивы отождествления Екатериной II и ее сотрудниками средневековой Руси (Ruthenie) с современной Россией (Russie).

Принадлежность Записки перу Екатерины II не может быть установлена бесспорно. Атрибуция архивиста не является неопровержимым доказательством, так как перед нами каллиграфический текст, где стираются индивидуальные черты. Вызывает сомнение и то, что императрица сама переписывала его набело. Однако, даже если Екатерина II не писала Записки собственноручно, это не исключает ее авторства.

Более важным является вопрос, могла ли императрица вообще составить подобное историческое сочинение? Ответить на него формально не составляет труда. Императрица скромно указывала, что не придает своему творчеству на исторические темы научного значения ⁷, но российская, а в дальнейшем и советская (начиная с 1950–1960-х гг.) историография относила ее сочинения к достижениям российской историографии своего времени ⁸. В 1911 г. даже появилась статья, автор которой уже в заглавии – «Императрица Екатерина II как историк» не оставлял на этот счет сомнений ⁹.

Екатерина II интересовалась российской историографией, отдавая предпочтение «патриотическому направлению», представленному В.Н. Татищевым и М.В. Ломоносовым, хотя в то же время ценила немецких ученых, оппонентов того же Ломоносова в Академии наук ¹⁰, и неприязненно относилась к М.М. Щербатову ¹¹, с аристократических позиций критиковавшего екатерининское правление. Сама императрица также не чуралась исторических изысканий, собрав около 150 списков летописей ¹² и делая из них извлечения – материал для публикуемых затем генеалогическо-хронологических таблиц. В 1783 г. для этой цели была образована даже своего рода исследовательская группа под руководством АП. Шувалова, в состав которой среди прочих входили два профессора Московского университета: А.А. Барсов (ум. в 1791 г.) и Х.А. Чеботарёв (ум. в 1815 г.), а переводы с польского делал для них Яков Булгаков ¹³. Опубликованные исторические сочинения Екатерины II наверняка были результатом деятельности этой группы.

К трудам императрицы в этой области, помимо «*Antidotum contre le voyage de l'Abbe Chappe*» – полемики с изданной в 1768 г. в Париже книгой астронома Жана Шаппа д'Отероша «*Voyage en Sibirie, fait par ordre du roi en 1761*» ¹⁴ – причисляют обширные «Записки касательно Российской истории» ¹⁵, увидевшие свет в «Собеседнике любителей русского слова» ¹⁶. В 1784–1786 гг. в Берлине в 7-ми томах был издан их перевод под заглавием «*Bibliothek der Grossfuersten Alexander und Constantin*». В Германии имело хождение мнение, что это сочинение императрицы представляло собой плагиат из «Истории Российского государства...» И.Г. Штриттера. Однако рос-

сийские историки указывали в связи с этим, что Штриттер в 1783 г. только начал работу над своей «Историей...», тогда как «Записки касательно Российской истории» были в то время уже в типографии¹⁷. Почти идентичной «Запискам...» и другим упомянутым сочинениям их круга по использованным материалам и приведенным сведениям была «Выпись хронологическая из истории Русской» – собрание хронологических и генеалогических таблиц¹⁸. О занятиях Екатерины II русской историей свидетельствовал ее секретарь А.В. Храповицкий. В дневнике 4(15) мая 1793 г. он писал, что в начале 1790-х гг. императрица лично трудилась над генеалогией русских князей. Этой генеалогией пользовался маршал двора И.П. Елагин, исправляя рукопись своего сочинения «Опыт повествования о России»¹⁹.

Независимо от того, вышли ли эти упомянутые исторические труды непосредственно из-под пера Екатерины, или они явились результатом совместного творчества императрицы и ее помощников, они, несомненно, свидетельствуют в пользу ее искреннего, хотя и дилетантского интереса к истории средневековой Руси. Для исторических изысканий Екатерины II характерна наивная этимологизация – поиск везде славянских языковых корней²⁰. При случае славянами с ее легкой руки оказались не только варяги, но даже Меровинги, а в английском праве она усматривала славянское влияние²¹.

В обращении к истории императрица видела утилитарный инструмент имперской политики, идеологии и пропаганды в духе своеобразно понимаемого русского великодержавного патриотизма. Выражением ее историографических взглядов стали рекомендации, которые она давала в 1791 г. французскому эмигранту Габриелю Сенаку де Мэлану, когда позднейший автор «*Des principes et des causes la Revolution en France*» был в Петербурге и планировал написать историю России в XVIII в.²².

Подчинение исторических знаний целям российской имперской политики заметно и в отношениях Екатерины II к польским делам. Аргументация императрицы в пользу второго раздела Польши опиралась не на религиозные или политические мотивы, как ранее, во время первого раздела, а искала своего обоснования в истории. Поэтому ссылки на «исторические права» появляются как в секретных инструкциях, направляемых генералам и дипломатам, осуществлявшим раздел, так и в официальных декларациях по этому поводу. В рескрипте М.Н. Кречетникову с приказом о вторжении в 1793 г. русской армии в Речь Посполитую говорилось, что тот присоединит земли, «издревле России принадлежавшая, Русскими князьями созданные, и народы, общая с Россиянами происхождения и нам единовременные»²³. Подобным же образом была составлена и отредакти-

рована инструкция для российского посла в Варшаве Якоба Иоганна Сиверса, хотя здесь мы находим не только ссылки на «исторические права», но также заявления о помощи притесняемым соотечественникам и единоверцам («... предполагаем избавить земли и города, некогда России принадлежавшие, единоплеменниками Ея населенные и единую веру с ним исповедующия, от соблазна и угнетения...») ²⁴. Утверждения об исторических правах России и необходимости защиты населения, принадлежащего к русской этнической и вероисповедальной общности, содержались в манифесте, опубликованном 27 марта (7 апреля) 1793 г.: «Ея императорское величество всегда взирала на те притеснения, которым земли и грады, к Российской империи прилежные, некогда сущим Ея достоянием бывшие и единоплеменниками Ея населенные, созданные и православною христианскою верою просвещенные и по сие время оную исповедующие, подвержены были» ²⁵.

Наконец, 16(27) сентября 1795 г. в известном письме Фридриху Мельхиору Гримму Екатерина II представила настоящее «l'évangile historique sur la Pologne», где объясняла, почему она не принимает титула королевы польской. Доводы императрицы также содержали ссылки на историю. По словам Екатерины, до 1386 г. Польша состояла из Краковского и Сандомирского воеводств, Мазовии и Великой Польши. В том году польская королева Ядвига вышла замуж за великого князя литовского «Ягеллона», потомка и наследника Владимира Великого по линии полоцкого князя Изяслава. Таким образом, русские и литовские земли попали в орбиту польского влияния. Поэтому теперь, заявляла Екатерина II, она лишь вернула России то, что когда-то той принадлежало, не захватив ни пяди польской земли, в силу чего она просто не имеет права на титул польской королевы ²⁶.

Подобным образом рассуждает и автор Записки, посвященной западной границе России. Он также проявляет определенную осведомленность в истории Польши, ссылаясь при этом на источники: Галла, Кадлубека, Стрыйковского, упоминает «Повесть временных лет». Если автором Записки была сама императрица, то обращалась ли она непосредственно и самостоятельно к летописям средневековых хронистов? Инвентарные описи библиотеки кабинета императрицы в Зимнем дворце 1795–1796 гг. свидетельствуют, что все эти источники Екатерина II в период второго раздела Польши имела буквально под рукой. Прежде всего, она уделяла внимание русским летописям и так называемым «Выпискам из Нестора», но рядом с ними находились источники по истории Польши и Литвы ²⁷. В описи библиотеки упомянуты «Польские анналы» в 4-х томах. Несомненно, это «Собрание польских хроник в четырех томах», изданное Фран-

тишком Богомольцем, где во втором томе (Варшава, 1766) находится «Хроника Мацея Стрыйковского, некогда в Крулевце опубликованная, вместе с добавлением Истории государства российского переизданная». Вероятно, этот том должен был представлять особый интерес для Екатерины II, в частности, из-за помещенного там в приложении сочинения Лякомба «История перемен, происшедших в Российском государстве...» в переводе с французского Г. Князевича. В остальных томах «Собрания...» содержались хроники Бельского, Кромера и т. н. Гвагнина.

Сверх того, Екатерина II имела «в столе» четыре тома «Польской короны» Каспера Несецкого, очерки истории Польши Мишеля Бизардьера²⁸ и Пьера Солиньяка²⁹, а также некие «польские хроники» (по-немецки, по-французски и по-польски), какой-то «польский летописец» и 4 тома Литовской Метрики. Возможно, среди этих глухо упомянутых в описях кабинетской библиотеки «польских хроник» были редакции историй Галла Анонима и Винцента Кадлубека³⁰. Наиболее вероятно, что императрица пользовалась т. н. «Хроникой Межвы», которую в XVIII в. приписывали Кадлубеку³¹. На это указывает форма, в какой переданы имена хронистов («Gallus Martin le plus ancien des historiens de Pologne et Kadlubko»). Это же позволяет предположить, что в своих исторических изысканиях Екатерина обращалась к публикации «Хроники Межвы» в редакции Готфрида Ленгниха 1749 г. или, скорее всего, к переизданию последней в 1769 г., осуществленному Вавжинецем Митцлером де Колофом в собрании «*Historiarum Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae scriptorum [...] collectio magna*»³².

Все это, разумеется, не может послужить неоспоримым доказательством, что автором Записки «*Les anciennes frontieres de la Russie a l'Occident*» является Екатерина II, но делает авторство императрицы весьма вероятным. Тогда почему этот текст не был помещен ни в одном из изданий ее сочинений, писем и записок? Когда в конце XIX в. Российская академия наук предприняла издание собрания сочинений Екатерины II, политические сочинения императрицы были признаны в значительной мере секретными. Редакционный комитет обратился к президенту академии в.кн. Константину Константиновичу с просьбой дать согласие на издание полной версии собрания политических сочинений Екатерины II в 6-ти экземплярах для нужд верховной власти, остальной же тираж должен был пройти цензуру. В итоге Николай II позволил напечатать полную версию в 12-ти экземплярах³³. В доступном нам издании, среди разнообразных записок, собранных в последнем 12-м томе, нет интересующего нас документа³⁴, который – как следует из вышесказанного – мог еще в начале XX в. подпадать под государственную тайну.

Теперь обратимся к поставленному в начале вопросу: может ли сочиненная Екатериной II (или же отразившая политические и исторические воззрения императрицы) Записка дополнить наши знания о генезисе второго раздела Речи Посполитой? Источниковая база о его политических предпосылках не подвергалась пока пересмотру со времени публикации в 1915 г. фундаментальной работы Роберта Говарда Лорда³⁵. Кажется, проанализированы уже мельчайшие подробности и детали подготовки к разделу Польши накануне 1793 г. Известно, что Екатерина II несколько лет до этого уже думала о присоединении Украины³⁶, но инициатор данного плана Г.А. Потемкин не добился тогда ничего, кроме выраженных в рескриптах от 16(27) мая и 18(29) июля 1791 г. повелений (многократно описанных в литературе) подождать удобных обстоятельств³⁷.

Однако в первые месяцы 1792 г. ситуация внезапно изменилась. 20(31) января британский посол в Петербурге Чарльз Уитворт, а сразу вслед за ним, 23 января (3 февраля) 1792 г., прусский посол Леопольд Генрих Гольц узнали, что Екатерина II приняла решение после окончания русско-турецкой войны присоединить правобережную Украину³⁸. Одновременно в Петербурге начали подумывать над вторжением в Речь Посполитую, в связи с чем командующим войсками в приграничной Смоленской губернии был назначен генерал О.А. Игельстрём³⁹. Почти в то же время, 25 января (5 февраля) 1792 г., проводивший в Яссах переговоры с турками российский канцлер А.А. Безбородко направил императрице донесение, в котором, ввиду скорого окончания переговоров, предлагал заключить русско-прусское соглашение, что могло привести к разделу Речи Посполитой⁴⁰. Наконец, в марте русский посол в Вене А.К. Разумовский беседовал с прусским представителем Иоганном Рудольфом Бишофведером о разделе Польши, на что он никогда бы не отважился, если бы не знал о планах своего двора⁴¹.

В следующие месяцы не было явных признаков подготовки Петербурга к решению «польского вопроса». Однако известно, что он дважды обсуждался на заседаниях Совета при высочайшем дворе 29 марта (4 апреля) и 12 (23) апреля 1792 г.⁴², а Екатерина II выражала недовольство результатом этих дискуссий⁴³. 13(24) августа 1792 г. Безбородко определил критерии и территориальные рубежи второго раздела Польши, которыми должна была руководствоваться Россия. Новые границы, по мнению канцлера, должны были обеспечить империи безопасность и хорошие коммуникации. На этот раз, в противоположность первому разделу, границы проводились по маленьким рекам и труднодоступным районам, от курляндских рубежей параллельно до Двины по рекам Березине и Припяти до границы

Киевского воеводства и дальше вверх по реке Случь параллельно до Буга и Могилёва-Днестровского. Безбородко предлагал присоединить часть Виленского воеводства, остаток Полоцкого, часть Минского воеводств, всё Киевское и Брацлавское воеводства, а для округления границ также части Волынского и Подольского воеводств⁴⁴.

Окончательное решение о разделе и новой границе оставалось за государыней. 8 октября 1792 г. прусский король Фридрих Вильгельм очертил на карте пределы прусских территориальных требований, которые простирались до линии Дзялдово – Рава-Мазовецкая – Ченстохова⁴⁵. 29 октября (9 ноября) Гольц передал эту карту на рассмотрение Петербурга. В Берлине рассчитывали, что это позволит склонить русских к решению, давно ожидаемому при прусском дворе⁴⁶. 2 декабря 1792 г. Екатерина II затребовала к себе все материалы, касающиеся переговоров по разделу Польши. Затем она детально изложила свою позицию и поручила отразить ее на карте Речи Посполитой, проведя на ней новые границы империи. В итоге на изготовленной карте императрица собственноручно написала: «Вот вам черта»⁴⁷. В соответствии с этим проектом 23 января 1793 г. был подписан петербургский российско-прусский трактат о втором разделе Речи Посполитой.

Обозначенная таким образом граница российского захвата пролегла примерно посередине между рубежом на линии Березина – Случь, предлагавшимся в августе 1792 г. Безбородко, и западными пределами Руси (России) в рассмотренной февральской Записке из Кабинета Екатерины II. Представляется, что при принятии в Петербурге окончательного решения о границах аннексированных территорий возобладал прагматизм. Линия, обозначенная на карте Екатериной II и ставшая границей российского захвата, соединяла почти по прямой с одной стороны возле Браслава восточную оконечность подчиненной России Курляндии и наиболее выдвинутый на северо-запад участок австрийской границы неподалеку от Зборова – с другой. Только в центральной своей части эта прямая линия несколько отклонялась к западу, вероятно, для того, чтобы в пределах России оказался построенный недавно (строительство было завершено в 1784 г.) канал Огинского.

В заключение представляется правомерным предположение, что Записка «*Les anciennes frontieres de la Russie a l'Occident*» об «историческом праве» России на перенесение западной границы к линии Буга могла появиться в начале 1792 г, до заключения мирного договора с Турцией и до начала переговоров с Пруссией о втором разделе Речи Посполитой. Возможно, именно тогда для обсуждения в Совете при высочайшем дворе (что, впрочем, не было отмечено в опубли-

кованных протоколах Совета) Екатерина II составила сама либо велела подготовить что-то вроде исторической справки по вопросу о «бывших западных границах России». Русские архивисты, которые датировали этот документ началом февраля 1792 г., наверняка предполагали дополнительной информацией, нам же остается лишь принять на веру или усомниться в их заключении.

Трудно определенно ответить на вопросы, в какой мере содержание Записки связано с планами второго раздела Речи Посполитой или в ней изложены лишь общие контуры аннексионистской политики России, для чего и подбирались соответствующие аргументы из области «исторического права». Изложенные в Записке доводы вполне согласовывались как с более ранними планами Потемкина относительно Украины, так и с более поздними предложениями Безбородко, выдвинутыми летом 1792 г.

В итоге при определении границы идеологические соображения, а также притязания, вытекавшие из «исторических прав», этнического или религиозного единства, отступили на второй план перед политическими и стратегическими реалиями. Однако как бы то ни было, выдвинутые Екатериной II в начале декабря 1792 г. требования о проведении новой границы с Речью Посполитой в большей мере, чем предшествовавшие проекты Потемкина и Безбородко, учитывали пресловутые «исторические права». О стремлении к их полной реализации, к восстановлению «исторической польско-русской» границы на Буге свидетельствуют высказывавшиеся императрицей после второго раздела надежды на приобретение путем обмена у Австрии на другие территории Владимира-Вольнского как исторической столицы князей Юго-Западной Руси из рода Рюрика⁴⁸.

Роберт Говард Лорд, размышляя над русско-прусским трактатом о разделе Польши, заключенным 23 января 1793 г., обратил внимание на его антиякобинскую направленность и сделал вывод, что Фридрих Вильгельм II и Екатерина II отдавали себе отчет в невозможности ссылок на исторические права, поскольку история не давала к тому никакого подобающего предлога⁴⁹. Представляется, однако, что ранее Екатерина II отнюдь не отказывалась от поисков таких предлогов, но даже ссылалась на них для обоснования и оправдания захватнических планов. Об этом свидетельствуют приведенная Записка, а также фрагменты инструкций и манифеста о разделе Польши и адресованное Гримму письмо, которое, по замыслу императрицы, должно было оказать пропагандистское воздействие на общественное мнение Западной Европы.

Стоит также обратить внимание, что выдвинутые Екатериной II аргументы в пользу российских прав на территории Речи Посполитой,

независимо от их очевидной несостоятельности с точки зрения международного права, постоянно воспроизводились в российской, а затем в советской историографии и пропаганде. Разделяли эти тезисы и те историки, которые занимали критические позиции по отношению к официальной концепции истории России. Уже у С.М. Соловьева в книге 1863 г. «История падения Польши» утверждается, что в 1792 г. в Петербурге на второй раздел «смотрели уже не как на раздел Польши, но как на соединение раздробленной России»⁵⁰. Н.И. Костомаров в написанном в конце 1860-х гг. труде «Последние годы Речи Посполитой» выделял три причины, которыми якобы руководствовалась Россия в своей политике. Политической причиной являлся императив «собираения русских земель», религиозной – защита притесняемого православия, наконец, общественной – стремление к освобождению русского народа от подданства и угнетения⁵¹. Подобные взгляды выражал и М.О. Коялович⁵², который еще в большей степени, чем Костомаров, оправдывал политику разделов необходимостью защиты православия и угнетенных русских крестьян, приписывая даже Екатерине II (хотя только в период второго раздела) действия в духе великорусского национализма.

В изданной в 1888 г. классической работе Н.И. Кареева «Падение Польши в исторической литературе», посвященной историографии разделов, приведены и иные точки зрения русских историков⁵³, которые оспаривали представления в духе наивных суждений Костомарова и идеологически выверенных тезисов Кояловича. Критикуя изложенные положения и близкие к ним концепции историографии, эти историки указывали, что политическим элитам России XVIII в. были чужды национальные чувства в современном их понимании. Дворянские верхи в России не ощущали национальной общности с белорусским и украинским крестьянством и не стремились освободить их от угнетения, будучи сами угнетателями крепостных в России. В отношении Польши они руководствовались соображениями политического прагматизма, даже когда в пропагандистских целях прибегали к лозунгу защиты православия.

Практика международных отношений убедительно свидетельствует, что в территориальных спорах ссылки на исторические и религиозные аргументы в противовес международному праву имеют чисто пропагандистское значение. В свою очередь в XX в. международная научная дискуссия о разделах Речи Посполитой продемонстрировала, что этнографическая аргументация лишена в этом вопросе каких-либо научных оснований и неубедительна в политическом отношении, однако ряд видных современных русских писателей и публицистов, например Л.Н. Гумилев⁵⁴, постоянно обращаются ко взглядам, выработанным в правление Екатерины II.

Иногда подобные высказывания приобретают едва ли не характер официальной позиции российской историографии, как это было в изданном в 1998 г. обобщающем труде по истории внешней политики России в XVIII в.⁵⁵, где в части, посвященной политике в отношении Речи Посполитой, находим тезис, что разделы Польши были актом бесправным, но далее автор, почти дословно повторяя утверждение Екатерины II из письма к Гримму, заявляет, что Россия не заняла ни пяди «национальной польской территории» и вообще присоединение к России белорусских и украинских земель Речи Посполитой имело прогрессивный характер и оказало благотворное воздействие на дальнейшее развитие этих народов. Однако в современной российской историографии представлены и иные концепции⁵⁶. Думается, что развернувшаяся дискуссия будет способствовать преодолению наследия воззрений на историю Екатерины II и связанной с ними историографической традиции.

Перевод с польского Вадима Волобуева

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Российский государственный архив древних актов (РГАДА) Ф. 10 Кабинет Екатерины II. Оп. 1. Д. 70. Л. 35–36.
- 2 Там же. Л. 37 об.
- 3 В компетенцию Совета... преимущественно входили вопросы внешней политики и ведения войны. См.: *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. Изд. 4. С. 110–111.
- 4 Вопрос о восточной границе Польши в X в. подробно изучен в историографии, из которой, в частности, следует, что река Буг в X в. не являлась границей между владениями Древней Руси и Польши. См.: *Modelski T.E.* Sprawa pogranicza rusko-polskiego w badaniach ruskich // *Pamiętnik IV Zjazdu Historyków Polskich, sekcja II, Lwów, 1925.* S. 2–6; *Natanson-Leski J.* Zarzys granic i podziałów Polski najstarszej. Wrocław, 1953. S. 208–219, 224–227; *Kuczyński S.M.* Wschodnia granica państwa polskiego w X wieku (przed rokiem 980) // *Początki państwa polskiego. Księga tysiąclecia / pod red. Kazimierza Tymienieckiego.* T. 1: Organizacja polityczna. Poznań 1962. S. 233–252; *Idem.* O wyprawie Włodzimierza I ku Lachom na podstawie wzmianki z r. 981 w *Opowieści Lat Doczesnych / Idem.* Studia z dziejów Europy Wschodniej X–XVIII w. Warszawa, 1965. S. 33–118; *Skrzypek J.* Studia nad pierwotnym pograniczem polsko-ruskim w rejonie Wołynia i Grodów Czerwieńskich. Warszawa, 1962; *Wasilewski K.* Dulebowie – Łędzianie – Chorwaci. Z zagadnień osadnictwa plemiennego i stosunków politycznych nad Bugiem, Sanem i Wisłą w X wieku // *PH 67, 1976, 2.* S. 181–194.
- 5 *Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego.* T. 1. S. 639.

- 6 По словам Вальтера, «mais, comme ce mot approche trop de Prussiens, je m'en tiens à celui de Russes, que presque tous nos auteurs leur ont donné». Цит. по: *Littre E.* Dictionnaire de la langue française. Paris, 1958. Vol. 6. P. 1781–1782. О терминах Russie – Ruthénie см. также: *Trésor de la langue française.* Dictionnaire de la langue du XIXe et du XXe siècle (1789–1960). Vol. 14, Paris, 1990, SNRS; *Dictionnaire historique de la langue française / sous la direction de Alain Rey.* Paris, 2000.
- 7 О своих исторических сочинениях Екатерина II писала в июне 1791 г.: «Pour mes lettres ja n'en fais aucun cas; il n'en faut pas plus faire de mention que de mes comédies». См. Бумаги императрицы Екатерины II // Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 42. С. 169. (Далее: Сб. РИО).
- 8 В работах, посвященных развитию русской исторической мысли и исторической науки в XVIII в., П.Н. Берков указал на научную ценность публицистики Екатерины II. Л.В. Черепнин не упомянул ее в курсе русской историографии. Но уже С.Л. Пештич посвятил историческим сочинениям Екатерины пространный раздел своей книги. См.: *Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952; *Черепнин Л.В.* Русская историография до XIX века. Курс лекций. М., 1957; *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Часть 2. Л., 1965. С. 252–264.
- 9 *Иконников В.С.* Императрица Екатерина II-я как историк // *Русский архив.* Т. 69. 1911. № 7. С. 305–317.
- 10 *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 213–217.
- 11 *Włachowska K.* Narodziny Imperium. Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku. Warszawa, 2001. S. 12–38; *Иконников В.С.* Указ. соч. С. 314–315.
- 12 *Гильдебрандт П.А.* Разыскания западнорусских летописей для Екатерины II // *Древняя и новая Россия.* 1880. № 4. С. 824–825.
- 13 *Пыпин А.Н.* Исторические труды имп. Екатерины II // *Вестник Европы.* 1901. Т. 36. С. 196–200; *Иконников В.С.* Указ. соч. С. 307.
- 14 *Пештич С.Л.* Указ. соч. С. 252 и далее.
- 15 *[Екатерина II].* Записки касательно российской истории. СПб. 1801. Т. 1–6.
- 16 *Пештич С.Л.* Указ. соч. С. 260 и далее.
- 17 *[Stritter J.G.]* История Российского государства, сочиненная статским советником и кавалером... СПб., 1800–1802. Т. 1–3; *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 171–175.
- 18 *[Екатерина II].* Выпись хронологическая из истории Русской. СПб, 1801; *Она же.* Библиографическое известие. Выпись хронологическая из истории Русской // *Отечественные записки.* Т. 42. 1890. С. 131–141; *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 196–200.
- 19 *Храповицкий А.В.* Дневник А.В. Храповицкого 1782–1793 / изд. Н. Барсуков. СПб., 1874. С. 427; *Соловьев С.М.* История падения Польши. М., 1863. С. 300. *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 177 и далее, 182, 188.
- 20 Екатерина II – В.С. Попову. 27 мая (7 июня) 1796 г. – Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 42. С. 263–264.

- 21 Иконников В.С. Указ. соч. С. 309–315; *Пешитич С.Л.* Указ. соч. С. 262–263.
- 22 Екатерина II – Г. Сенак де Мэлану. Июнь 1791 г. // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 42. С. 168–170, 174–179, 187–188.
- 23 Рескрипт генералу М.Н. Кречетникову от 8 декабря (19 декабря) 1792 г. Цит. по: *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II 1772–1793–1795. М., 2002. С. 601–608.
- 24 Инструкция Я.Е. Сиверсу 22 декабря 1792 г. (2 января 1793 г.) // Там же. С. 609– 619.
- 25 Deklaracja generała Kreczetnikowa – głównodowodzącego wojskami rosyjskimi na ziemiach polskich, Połonne 7 IV 1793. Цит. по: *Sievers J.J.* Jak doprowadziłem do drugiego rozbioru Polski / oprac. B. Grochulska, P. Ugniewski. Warszawa, 1992. S. 192–193; ПСЗ–I. Т. 23. № 17108. С. 410; *Костомаров Н.И.* Последние годы Речи Посполитой // Собр. соч. СПб., 1905. Кн. 7. С. 447–449.
- 26 «La Pologne, au commencement et jusqu'à 1386, était composée du palatinat de Cracovie, de celui de Sendomir, de la Masovie et de ce qu'on nomme la Grande Pologne au-delà de la Vistule. En 1386 Hedvige, reine de Pologne, épousa Jagellon, grand-duc de Lithuanie, descendant, en droite ligne, de Vladimir I, grand-duc de Russie, qui avait donné à son fils aîné, Iziaslav, Polotsk, et à un autre la Lithuanie, qui était tombée par succession à la ligne d'Iziaslav. Or, dans le partage j'ai eu pour ma part pas un pouce de la Pologne, mais ce que les Polonais eux-mêmes n'ont pas discontinué d'appeler la Russie Rouge, le Palatinat de Kiovie, la Podolie, la Volynie, dont la ville de Vladimir était la capitale; celle-ci fut bâtie par Vladimir I, l'an 992, la Lithuanie n'ayant jamais fait corps de la Pologne, de même que la Samogitie. Or donc, n'ayant pas pris un pouce de la Pologne, je ne puis aussi prendre le titre de reine de Pologne» // Сб РИО. СПб., 1878. Т. 23. С. 647. Вероятно, это высказывание имел в виду немецкий биограф Екатерины II, когда писал о ее обращении к исторической аргументации для оправдания аннексии. См.: *Брикнер А.Г.* Иллюстрированная история Екатерины II. СПб., 1885. Т. 3. С. 514.
- 27 *Мурзакевич Н.* Кабинет Зимнего дворца императрицы Екатерины II (С 5-го сентября 1793 по 13 августа 1796 года) // Журнал Министерства народного просвещения 162. 1872. С. 327–341.
- 28 Вероятно: [*Bizardièr M.*] Histoire de Pologne. Amsterdam, 1715.
- 29 Вероятно: [*Solignac P.*] Histoire de Pologne. Paris, 1740.
- 30 *Dąbrowski J.* Dawne dziejopisarstwo polskie (do roku 1480). Wrocław, 1964. S. 41; *Kürbis B.* Wstęp // *Mistrza Wincentego Kronika Polska / tł. Kazimierz Abgarowicz i Brygida Kürbis.* Warszawa, 1974. S. 5–7; *Plezia M.* Wstęp // *Anonim zw Gall.* Kronika Polska / tł. Roman Grodecki, oprac. Marian Plezia. Wrocław, 1975. S. LXXXI.
- 31 Vincentius Kadlubko et Martinus Gallus scriptores historiae Polonae vetustissimi cum duobus anonymis ex ms. bibliothecae episcopalis heilsbergensis editi / ed. G. Lengnich. Gedani, 1794; *Zientara W.* Gottfried Lengnich ein Danziger Historiker in der Zeit der Aufklärung. Teil 1. Toruń, 1995. S. 77–78.
- 32 Historiarum Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae scriptorum quotquot ab initio Reipublicae Polonae ad nostra usque tempora extant omnium collectio

magna [--] edidit varias annotationes adiecit ac praefatus est Laur. Mizlerus de Kolof... Т. III: Vincentius Kadlubko et Martinus Gallus scriptores historiae polonae vetustissimi cum duobus anonymis ex ms. Bibliothecae episcopalis heilsbergensis editi. Varsaviae, 1769.

- 33 *Пеитич С.Л.* Указ. соч. С. 263.
- 34 [*Екатерина II.*] Сочинения имп. Екатерины II / Под. ред. А.Н. Пыпина. СПб., 1907. Т. 12.
- 35 *Lord R.H.* The Second Partition of Poland. Cambridge, 1915. Обращаемся к изданию в польском переводе: *Lord R.H.* Drugi rozbiór Polski / tł. A. Jaraczewski. Warszawa, 1973.
- 36 «...План сего приобретения питал душу славою и удовольствием, каковым теперь восхищается...» – П.В. Заводовский – С.Р. Воронцову, 27 июля (7 августа) 1793 г. // Архив князя Воронцова Т. 12. С. 90; *Lord R.H.* Op. cit. S. 180, 204.
- 37 *Kalinka W.* Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. Cz. 2: Dokumenty do historyi drugiego i trzeciego podziału. Kraków, 1891. (2 wyd.). S. 122–129; *Askenazy S.* Przymierze polsko-pruskie. Lwów, 1900. S. 162 etc.; *Lord R.H.* Op. cit. S. 181.
- 38 *Lord R.H.* Op. cit. S. 173–174, 462–463.
- 39 *Ibidem.* S. 462–463.
- 40 *Ibidem.* S. 203–204, 464–466.
- 41 *Ibidem.* S. 420.
- 42 Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. 1. С. 906, 910.
- 43 Бумаги императрицы Екатерины II // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 42. С. 224.
- 44 Мнение графа Безбородько о предложенных союзным дворам удовлетворениях 13(24) августа 1792 г. – В кн.: *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II... С. 275–276.
- 45 *Lord R.H.* Op. cit. S. 257.
- 46 *Стегний П.В.* Указ. соч. С. 278.
- 47 *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 299–300; *Lord R.H.* Op. cit. S. 280–289; *Стегний П.В.* Указ. соч. С. 654–655.
- 48 *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 300. Историк ссылается на записанное Храповицким высказывание Екатерины II от 4 мая 1793 г.: «Владимир на Вольни мы теперь не взяли по причине, но со временем надобно выменять у Императора Галицию. Она ему не кстат, а нужна прибавка к Венгрии из владения турецкого». См.: *Храповицкий А.В.* Дневник ... С. 427.
- 49 *Lord R.H.* Op. cit. S. 287.
- 50 *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 299.
- 51 *Костомаров Н.И.* Указ. соч.
- 52 См. напр.: *Коялович М.О.* История воссоединения западно-русских униатов старых времен. М., 1873.
- 53 *Кареев Н.И.* Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888. Ссылки даны на польское издание: *Kariejew N.I.* Upadek Polski w literaturze historycznej. Kraków, 1891. S. 204–208.

- 54 *Gumilew L.* Od Rusi do Rosji. Szkice z historii etnicznej / tł. Ewa Rojewska-Olejarczyk. Warszawa, 1996. S. 221–226.
- 55 История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войны России против Наполеона) / Под ред. А.В. Игнатьева, В.Н. Пономарева, Г.А. Санина. М., 1998. С. 196–197. См. также рецензию: *Kriegseisen W.* *Kwartalnik Historyczny* 107. 2000. Nr. 1. S. 97–104.
- 56 См. напр.: Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой / Ред. Б.В. Носов, Г.В. Макарова, С.М. Фалькович. М., 1999.

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ, ОТНОсяЩИХся К РАЗДЕЛАМ Речи ПОСПОЛИТОЙ, В СБОРНИКАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКУМЕНТОВ XVIII–XX вв.*

История издания документов, относящихся к разделам Речи Посполитой, насчитывает более двухсот лет. Уже в конце XVIII в. европейской общественности были известны Санкт-Петербургские конвенции 1772–1797 гг. (за исключением секретных статей), которые были опубликованы отдельными изданиями, а также широко цитировались в периодической печати того времени. Исследователи международных отношений и специалисты в области дипломатии в конце XVIII – начале XIX в. пользовались включенными в сборники международных договоров текстами документов, определивших международно-правовые условия разделов Речи Посполитой. Указанной публикаторской деятельности способствовали возросший в эпоху Просвещения интерес к международным отношениям и развивающиеся исследования международного права. Активная работа по изданию в научных целях текстов международных договоров продолжилась и в последующие столетия.

Большинство документов, относящихся к первому разделу Речи Посполитой, было опубликовано уже в 80-х гг. XVIII – первом десятилетии XIX в. Это Санкт-Петербургские конвенции от 5 августа (25 июля) 1772 г., договоры между Речью Посполитой и Австрией, Пруссией и Россией от 18 сентября 1773 г., документы, дополняющие эти договоры, а также соглашения об установлении границ шляхетской республики со странами-захватчиками. Помимо указанных договоров опубликованы и другие документы, имеющие отношение к разделу Речи Посполитой: декларации Австрии, Пруссии и России о причинах, приведших к занятию части территории Речи Посполитой, ответные декларации Речи Посполитой, а также манифесты дворов Австрии, Пруссии и России с обоснованием права этих государств на отторгнутые территории Польско-Литовского государства. На-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Литовского государственного фонда научных исследований (Lietuvos valstybinis mokslo ir studijų fondas / Lithuanian State Science and Studies Foundation).

чиная со второго десятилетия XIX в. в сборниках международных договоров появляются публикации и основных документов второго и третьего разделов Речи Посполитой. Требования, которые предъявлялись к публикации документов как в Речи Посполитой, так и в других европейских государствах, отвечали задачам государственной политики конкретного государства и отражали политическую позицию составителей сборника.

В данной статье мы остановимся на рассмотрении хронологии изданий документов о разделах в специализированных источниках международного права и памятников международных отношений, опубликованных в Речи Посполитой и других странах Европы в XVIII–XX вв. и целей, которые преследовали эти издания. В работе не анализируются генеральные публикации законодательства Речи Посполитой, России, Пруссии и Австрии, в хронологическом порядке включающие все без исключения постановления, законы и договоры поименованных государств. Не обращаемся мы специально и к публикациям документов по истории разделов Польско-Литовского государства, помещенных в приложениях к научным исследованиям монографического и обобщающего характера.

Пожалуй, в Речи Посполитой во второй половине XVIII в. наибольший интерес к публикации текстов международных договоров проявляли монахи-пиары. Познакомившись в научных центрах Западной Европы с начатой и успешно развивавшейся как в количественном, так и в качественном отношении в конце XVII – первых десятилетиях XVIII в. работой по изучению и систематизации международных договоров, а также с научными трудами, опубликованными в этой области ¹, пиары приступили к исследованиям в области международного права. Понимая, что реформа государственного управления в Речи Посполитой невозможна без изменения сознания шляхты, орден пиаров направил свои усилия на политическое просвещение рыцарского сословия ². В концепции школы ордена основное внимание уделялось моральным наукам – воспитанию гражданского и патриотического сознания. Составной частью воспитания гражданственности, наряду с изучением политической экономии, естественного и политического права, было и изучение международного права ³. Стремясь познакомить учащихся с новейшей политической историей Европы, научить их ориентироваться в современной политической ситуации, пиары инициировали публикацию сборников международных договоров. Начало было положено ректором Виленской коллегии пиаров, археографом Мацеєм Догелем (1715–1760), опубликовавшим первое в Польско-Литовском государстве научное издание, предназначенное для исследования междуна-

родного права – сборник «Codex diplomaticus regni Poloniae, Magni Ducatus Lituaniae»⁴. Первый его том вышел в Вильнюсе в 1758 г. Но монахи-пияры не сразу пошли по пути, предложенному М. Догелем. Преследуя дидактические цели, они начали издавать учебники по истории международных договоров. В 1764 г. в Варшаве вышел написанный пияром Целестином Калишевским (1724–1767) учебник «Historia celniejszych i sławniejszych traktatów między europejskimi mocarstwami różnymi czasami poczynionych». В приложении к нему было опубликовано несколько международных договоров.

Лишь в 1773–1774 гг. в Варшаве был издан сборник международных договоров «Traktaty między mocarstwami europejskimi od r. 1648 zasze, podług lat porządku z przyłączoną potrzebną historii wiadomością opisane», подготовленный пиярами – историком права Михалом Обермейером (1733–1783) и юристом и историком Винцентом Кшетуским (1745–1791). Но документов первого раздела Речи Посполитой издатели сознательно не публиковали. Об этом свидетельствуют, в частности, даты публикации изданий: 1773–1774 гг., т. е. «годы самого большого унижения шляхетской республики во время первого раздела»⁵. Свою позицию по вопросу о разделе М. Обермейер и В. Кшетуский выразили, включив в сборник документы 1764 г. и 1768 г., которыми Екатерина II и Фридрих II гарантировали территориальную целостность Речи Посполитой в обмен на признание республикой императорского и королевского титулов монархов России и Пруссии.

Лишь через 15 лет в вышедших в 1789 г. IV–V томах «Traktatów między mocarstwami europejskimi...»⁶ наряду с другими международными договорами были опубликованы и документы первого раздела Речи Посполитой. Издание IV–V томов было подготовлено известным священником ордена пияров, писателем и публицистом, автором многочисленных исследований по истории, географии, праву и религиозным вопросам Францишком Сярчиньским (1758–1829). Во введении к IV тому составитель подчеркивал, что издание предназначено для «каждого свободного гражданина, который, желая служить интересам государства, обязан знать международные договоры» (Ст. 4). Этот сборник был призван не только стать учебным пособием, но и повлиять на сознание тех, кто по своему сословному и общественному положению был облечен правом вершить судьбы Речи Посполитой.

В IV и V томах, содержащих документы 1763–1783 гг., Ф. Сярчиньский опубликовал договоры от 18 сентября 1773 г., подтверждающие передачу Речью Посполитой части своих территорий России, Пруссии и Австрии, а также дополняющие их акты и соглашения об

установлении границ. Ф. Сярчиньский не ограничился договорами 1775–1776 гг. В сборник были включены практически все соглашения об установлении границ между Речью Посполитой, с одной стороны, и Россией и Пруссией – с другой, подписанные с 1776 по 1782 гг.

Документы в сборнике были опубликованы без сокращений и дополнены комментариями. Договор о первом разделе Ф. Сярчиньский прокомментировал весьма лаконично: «Сильный требовал то, на что не имел права. Слабый уступил то, что не имел права уступать. Вот и вся история договора»⁷.

В сборнике нет ссылок на источники публикуемых документов. Можно предположить, что публикатор пользовался собранием конституций сейма Речи Посполитой 1773–1775 гг.⁸ и документами, опубликованными в изданном в 1782 г. 8-м томе «*Volumina Legum*»⁹, а также оригиналами документов, хранившихся в государственном архиве (в Архиве Королевства Польского). Будучи в 1787–1789 гг. при дворе Станислава Августа королевским духовником и проповедником, Ф. Сярчиньский занимался также историческими изысканиями, собирал исторические материалы и мог получить доступ к этим документам.

В 1791 г. в Варшаве анонимно был издан сборник документов «*Traktaty, konwencje handlowe y graniczne, wszelkie publiczne umowy między Rzeczpospolitą Polską y obcemi państwami od roku 1764 dotąd to jest do roku 1791 za panowania Stanisława Augusta zawarte, w swych oryginalnych językach zebrane i dla wygody powszechney podane do druku*». Его составителем, вне всякого сомнения, также был Ф. Сярчиньский, который в IV томе издания пияров 1789 г. отмечал, что «Договоры, конвенции, акты и устанавливающие границы документы, написанные после 1763 г., будут изданы отдельно с благонамеренной помощью по повелению Его Королевской милости с целью удовлетворить нужды граждан, трудящихся на благо народа и представляющих интересы народа»¹⁰. В этом сборнике собраны документы первого раздела Речи Посполитой, аналогичные тем, которые приводятся в собрании пияров, но без комментариев¹¹. Документы публиковались на языках оригинала. Документы, написанные на русском языке (например, договор об установлении границ между Россией и Речью Посполитой от 17(6) февраля 1781 г.), приводятся в издании в латинской транскрипции. В сборнике помещены полные тексты документов без купюр и сокращений. Составитель сборника дает титулатуры суверенов и их поверенных в полной форме без каких-либо сокращений, невзирая на объем. Как в IV–V томах сборника пияров, так и в этом издании нет ссылок на источники публикации. Однако высокий профессиональный уровень подготовки документов к из-

данию и точность их воспроизведения говорит о том, что публикатор пользовался оригиналами документов.

Часть документов о Первом разделе была опубликована активным деятелем Четырехлетнего сейма луковским каштеляном Яцеком Езерским (1722–1805) в сборнике «Traktaty polskie z sąsiednimi mocarstwami zawarte od roku 1618 iak naykródczyj być mogło w samych istotniejszych punktach zebrane z Konstytucyi wyięte». Это издание, в котором публикуются сокращенные тексты договоров, подписанных в 1618–1775 г., было опубликовано в Варшаве в 1789 г. Я. Езерский опубликовал договоры между Речью Посполитой и Австрией от 18 сентября 1773 г., Россией и Пруссией. Дополняющие договоры акты (договоры с Австрией от 16 марта 1775 г., с Россией от 15 марта 1775 г. и договор с Пруссией от 15–18 марта 1775 г.) приводятся в сборнике в сокращении. Его составитель не преследовал цели издать научную публикацию источников – он хотел как можно быстрее распространить среди шляхты брошюру с информацией о правах Речи Посполитой в отношении с европейскими государствами. Такая простая и доступная информация была необходима для дебатов по вопросам зарубежной политики на Четырехлетнем сейме 1788–1792 гг.¹²

В рассмотренных публикациях нет деклараций дворов Австрии (11 сентября 1772 г.), Пруссии (13 сентября 1772 г.) и России (18 сентября 1772 г.) о причинах, заставивших эти государства отторгнуть часть территории Речи Посполитой, и манифестов, в которых Австрия, Пруссия и Россия стремились обосновать свои права на захваченные земли.¹³ Эти документы были опубликованы историком и политиком Феликсом Лойко (1717–1779) в полемичном издании «Zbiór deklaracji, not u czynności główniejszych które poprzedziły u zaszły pod czas seymu pod węzłem konfederacji odprawuiącego się od Dnia 18 Wrzesnia 1772 do 14 Maia 1773». Публикация Лойко была издана на польском языке в 1773 г., а в 1774 г. как отдельная редакция на французском языке была опубликована в Лондоне.¹⁴ Кроме текстов деклараций и манифестов Ф. Лойко сопроводил публикацию подробными историческими очерками с исчерпывающими опровержениями претензий Австрии, Пруссии и России на захваченные ими земли Речи Посполитой.

Публикация в Речи Посполитой международных договоров, как и публикация документов первого раздела, служила не только целям просвещения, но и политическим целям. Во всех упомянутых сборниках были опубликованы документы 1764 г. и 1768 г., которыми Екатерина II и Фридрих II гарантировали Речи Посполитой целостность ее территории. Опубликованные следом за этими документа-

ми договоры от 18 сентября 1773 г. должны были продемонстрировать читателю, что раздел – это неправовой акт, который нарушает более ранние соглашения.

Среди документов о первом разделе Польши, опубликованных в Польско-Литовском государстве, нет наиболее важных соглашений между Австрией, Пруссией и Россией – Санкт-Петербургских конвенций от 5 августа (25 июля) 1772 г. Эти документы, скорее всего, были недоступны (а возможно, и неизвестны) публикаторам.

Собранные нами данные о публикации международных договоров немецкими, французскими, австрийскими и русскими публикаторами позволяют утверждать, что наиболее раннее издание этих документов было осуществлено немецким юристом, профессором международного права Йоганном Якобом Мозером (1701–1785) в 10-томном издании «*Versuch des neuesten europäischen Völkerrechts in Friedens*», издававшемся во Франкфурте в 1777–1780 гг.¹⁵ В пятом томе издания Й.Я. Мозер опубликовал тексты деклараций Австрии и Пруссии от 11–13 сентября 1772 г., договор между Речью Посполитой и Пруссией от 18 сентября 1773 г., договор установления границ между Речью Посполитой и Пруссией от 1776 г.

В 1788–1791 гг. в Берлине был издан подготовленный прусским кабинет-министром графом Эвальдом Фридрихом Герцбергом (1725–1795) сборник документов «*Recueil de déductions, manifestes, traités, déclarations et autres actes et écrits publics, qui ont été rédigés et publiés pour la Cour de Prusse, depuis l'année 1756 jusqu'à l'année 1778*». Издавая этот трехтомник, Э.Ф. Герцберг стремился «представить обществу подписанные берлинским двором договоры с зарубежными государствами системно, чтобы документы эти послужили освещению истории эпохи и истории Фридриха Великого», поскольку, как утверждал автор, «документы такого рода с течением времени рассеиваются, и трудно бывает потом их найти»¹⁶. Э.Ф. Герцберг издавал документы, в подготовке которых принимал личное участие¹⁷. В первом томе сборника опубликованы королевские манифесты, в которых обосновывались права Пруссии на польское Поморье, и подтверждающий раздел договор Речи Посполитой и Пруссии от 18 сентября 1773 г. Договор опубликован без дополнявших его актов. Э.Ф. Герцберг не включил в сборник важнейшего акта – Санкт-Петербургской конвенции России и Пруссии от 5 августа (25 июля) 1772 г.

Часть документов о разделе Речи Посполитой была опубликована немецким дипломатом, профессором международного права, проректором Гёттингенского университета Георгом Фридрихом Мартенсом (1756–1821) в серии «*Recueil des principaux traités d'alliance*,

de paix, de trêve, de neutralité, de commerce, de limites, d'échange conclus par les puissances de l'Europe tant entre elles qu'avec les puissances et États dans d'autres parties du monde depuis 1761 jusqu' à présent». Издание представляет собой научную публикацию, цель которой – путем подачи систематизированного материала способствовать усовершенствованию преподавания и изучения международного права. В предисловии к первому тому Г.Ф. Мартенс писал: «Я верю, что этот сборник договоров будет полезен обществу. Я ощущаю особую потребность передать эту коллекцию в руки тех, кто, изучая современное гражданское право Европы, должен основываться исключительно на текстах договоров, составляющих основу этого права»¹⁸. Кроме того, составитель отмечал, что «сборник будет полезен политикам, работающим в министерствах иностранных дел, поскольку в издании наряду с политическими приведены и тексты торговых договоров»¹⁹. Первые пять томов фундаментального издания Мартенса вышли в Геттингене в 1791–1801 гг. Открывалась эта публикация договорами, заключенными после 1761 г. Таким образом, в научный оборот вводился комплекс документов, охватывавших период от окончания Семилетней войны (1756–1763) и до Великой французской революции, находившийся до этого преимущественно в сфере практической международной политики и дипломатии. Этим Г.Ф. Мартенс стремился заполнить лауну, образовавшуюся в области научной публикации документов по истории международных отношений²⁰.

Документы, относящиеся к первому разделу Речи Посполитой, опубликованы в I-м томе названного издания, в разделе «Акты, относящиеся к Польше». В нем перепечатаны декларации от 11–18 сентября 1772 г., опубликованные Й.Я. Мозером²¹, помещены договоры от 18 сентября 1773 г., а также дополняющие их акты, подписанные в 1775 г., и договоры об установлении границ с указанием на предшествовавшие публикации Я. Язерского, Ф. Сярчиньского и Э.Ф. Герцберга.

В 1817–1818 гг. были повторно изданы 1–4-й тома «Recueil des principaux traités...» Г.Ф. Мартенса. Второе издание было дополнено, также было изменено хронологическое деление материала. Документы, относящиеся к первому разделу Речи Посполитой, были дополнены такими важными договорами, как конвенции между Россией и Австрией и Россией и Пруссией от 5 августа (25 июля) 1772 г.²². Г.Ф. Мартенс указал источник публикации – издание французского историка и политика Кристиана Гийома Коха (1737–1813) «Table des traités entre la France et les puissances étrangères, depuis la paix de Westphalie jusqu' à nos jours, suivie d'un Recueil de Traités et actes diplomatiques, qui n'ont pas encore vu le jour», вышедшее в Базеле в

1802 г. (2 тома). В изданном К.Г. Кохом в 1772 г. сборнике документов Санкт-Петербургские конвенции были опубликованы впервые. Об этом свидетельствует примечание о том, что издатель «представляет публике до сих пор не публиковавшиеся или публиковавшиеся в отрывках договоры, которые послужат к освещению многих моментов истории государственного права Европы»²³. Рассуждая о публикуемых документах, К.Г. Кох отмечал, что часть копий документов он получил из Московского архива Министерства иностранных дел при посредничестве руководителя архива Герарда Фредериха Мюллера (1705–1783)²⁴. Это замечание позволяет предположить, что среди этих документов были и российско-австрийская и российско-прусская конвенции от 5 августа (25 июля) 1772 г.²⁵

В 3-м томе этого издания К.Г. Кох также опубликовал в сокращении договоры о подтверждении раздела Польско-Литовского государства от 18 сентября 1773 г., подписанные между Речью Посполитой и Австрией, Россией и Пруссией (источником публикации послужил сборник конституций Сейма «*Recueil des constitutions publiés dans la diete extraordinaire de Varsovie de 1773 et 1775*». Т. 1), а также договор об установлении границ между Австрией и Речью Посполитой от 9 февраля 1776 г. (источники публикации в сборнике не указаны).

В изданном уже после смерти Г.Ф. Мартенса 5-м томе «*Recueil des principaux traités...*» были опубликованы договоры 1793 г. между Речью Посполитой и Россией, между Речью Посполитой и Пруссией и подтверждавшие второй раздел Речи Посполитой²⁶. Документы издавались на основе их публикаций в периодической печати 1793 г.²⁷

Дело Г.Ф. Мартенса продолжил Ф. Мурхард²⁸, и в 1829 г. в 6-м томе «*Recueil des principaux traités...*» были опубликованы документы, относящиеся к третьему разделу Речи Посполитой: декларация Австрии и России от 3 января 1795 г., конвенция от 24 октября 1795 г. между Россией и Пруссией при участии Австрии, акт отречения от престола короля Станислава Августа Понятовского, подписанная Россией и Пруссией конвенция от 26 января 1797 г., акт присоединения к указанной конвенции императора Священной Римской империи, а также декларация венского двора о разделе Польско-Литовского государства от 25 июля 1797 г.²⁹

Таким образом, большая часть известных документов о разделе Речи Посполитой была опубликована в изданиях международных договоров, соглашений и дипломатических актов еще в конце XVIII – начале XIX в. Однако некоторые важнейшие акты, относящиеся к разделам Речи Посполитой, не были помещены в указанных собраниях. Отсутствовали в публикациях конвенция между Пруссией и Австрией от 5 августа 1772 г., тайная конвенция меж-

ду Россией и Пруссией о разделе Речи Посполитой от 17 февраля 1772 г., акт от 19 февраля 1772 г., согласно которому Австрия обязалась придерживаться принципа равенства при разделе территории Речи Посполитой, договоры о втором разделе и значительная часть документов, связанных с третьим разделом (акт от 3 января 1795 г. о присоединении императора Священной Римской империи к Санкт-Петербургской конвенции от 23 января 1793 г.; подписанные в Гродно в июле-сентябре 1796 г. договоры между Россией и Пруссией об установлении границ; решение о разделе территорий Польско-Литовского государства между Австрией и Пруссией, принятое 21 октября 1796 г. в Санкт-Петербурге; акт установления демаркационной линии между Австрией и Пруссией, принятый 5 декабря 1796 г. в Кракове; акт окончательного раздела Краковского воеводства, подписанный Австрией и Пруссией 31 января 1797 г. в Кракове, и другие документы). Тексты документов в собраниях международных договоров издавались на основе публикаций этих актов в периодической печати того времени, и лишь в редких случаях основой публикации становились оригиналы документов, хранящиеся в государственных архивах. Ни в одном из сборников международных договоров не было дано археографическое описание документов.

Новый этап публикаторской деятельности по изданию документов, относящихся к истории разделов Речи Посполитой в XVIII в., приходится на период второй половины XIX и начала XX в. Он был обусловлен как потребностями развития науки (новыми требованиями к источниковой базе и новыми формами исторических исследований), так и эволюцией «польского вопроса» в международной политике. В этот период составители публикаций международных договоров и других документов в основном опирались на публикации Ф. Сярчиньского, Я. Езерского, Э. Герцберга, Г.Ф. Мартенса, К.Г. Коха.

В 1862 г. в Париже был издан сборник международных документов, включавший различные международные договоры и дипломатические акты, относящиеся к проблеме польской государственности и охватывавший период с 1762 по 1862 гг. В него вошли тексты важнейших договоров о разделе Речи Посполитой, перепечатанные из ранее опубликованных собраний документов³⁰. Составителем и издателем сборника, скрывавшимся под псевдонимом граф Ангеберг (Le Comte d'Angeberg), был историк, картограф, архивист, политик и публицист Леонард Ходжко (1800–1871), происходивший из шляхты Ошмянского повета Виленского воеводства. Л. Ходжко изучал право в Виленском университете, в 1819 г. стал личным секретарем графа Михаила Клеофаса Огинского, с которым Л. Ходжко уехал из Литвы

в 1822 г., после чего активно включился в политическую жизнь эмиграции. Исторические труды и публикации документов, подготовленные Л. Ходжко, раскрывают правовое положение Республики обоих народов во второй половине XVIII в. и рассказывают о борьбе общественности Польши и Литвы за национальное освобождение и восстановление независимой государственности в XIX в.

В издании «Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762–1862». Л. Ходжко разделил публикуемые документы на три группы: 1) относящиеся к истории независимого государства и к борьбе против разделов (1762–1795); 2) связанные с деятельностью эмиграции во Франции периода Консульства и первой Империи (1795–1815), 3) дипломатические акты, относящиеся к периоду управления Польшей тремя державами (1815–1862)³¹. Документы, относящиеся к разделам Польско-Литовского государства XVIII в., опубликованы в первом разделе сборника. Книгу дополняет исчерпывающий список литературы.

В 1918 г. Польское бюро исследований и политических публикаций в Лозанне издало на французском языке сборник документов «Recueil des actes diplomatiques, traités et documents concernant la Pologne. Les partages de la Pologne et la lutte pour l'indépendance», подготовленный польским юристом, профессором Варшавского университета Каролем Лугостанским (1880–1939). В этой книге, отличающейся впечатляющим объемом, опубликованы документы, акты и договоры, относящиеся к разделу Речи Посполитой и отражающие борьбу за независимость в XIX в. Необходимо отметить, что некоторые документы приводятся в сокращении, также в некоторых случаях встречается изложение их содержания. Составитель этого издания, как и Л. Ходжко, пользовался публикациями документов, выполненными в XVIII – начале XIX в. Ф. Сярчиньским, Э. Герцбергом, Г.Ф. Мартенсом³².

В Австрии и в России в середине – второй половине XIX в. были изданы два фундаментальных собрания документов, подготовленные на основании архивных источников. В 1855 г. в Лейпциге был издан первый том сборника документов международного права, подготовленный австрийским ученым (уроженцем Галиции), доктором права, профессором Венского университета Леопольдом Нойманом (1811–1888) «Recueil des traités et conventions conclus par l'Autriche avec les puissances étrangères depuis 1763 jusqu'à nos jours». В первый том вошли документы, относящиеся к международной политике Австрии с 1763 г. до середины XIX в.³³.

Основная цель, которую преследовал Л. Нойман, издавая документы, состояла в стимулировании исследований в области истории

и государственного права Австрии. Готовя издание, ученый принял во внимание и то, что в Австрии до второй половины XIX в. не было подобного рода изданий³⁴. В отличие от Г.Ф. Мартенса, который готовил свое издание с целью изучения международного права и ориентировался на проблемы внешней политики, Л. Нойман видел своей главной задачей изучение истории общества, поэтому уделял большее внимание вопросам торговли, хозяйства, религии, перемещения населения.

Составленный Нойманом сборник документов формально открывается Губертсбургским договором 1763 г., ознаменовавшим окончание Семилетней войны, но перед этим документом приведены два международных соглашения между Священной Римской и Османской империями: договор 1718 г. об условиях торговли и статьи белградского мирного договора 1739 г., касающиеся вопросов переселения жителей и торговли.

В сборник были отобраны документы из фондов Австрийского придворного и государственного архива. Те документы, которые воспроизводились по изданиям Г.Ф. Мартенса и других ученых (Ф.А.Г. Венцкого, Й.Я. Мозера), содержали указания на источник публикации. Публикуя архивные документы (эти документы в издании снабжены ссылкой «Archives de cour et d'état de l'Autriche»), Л. Нойман не приводит описания оригинала и не указывает точного места хранения. Тексты документов, в зависимости от источника публикации, приводятся на немецком, итальянском или французском языке.

В сборнике Л. Ноймана впервые была помещена конвенция Пруссии и Австрии от 5 августа (25 июля) 1772 г. о первом разделе Речи Посполитой³⁵. Текст документа публиковался на основе оригинала, хранящегося в архиве. Аналогичная конвенция России и Австрии напечатана со ссылкой на второй том собрания Г.Ф. Мартенса³⁶. В сборник включен датированный 22 сентября 1772 г. ответ короля польского Станислава Августа Понятовского и министерства Речи Посполитой на декларацию дворов Петербурга, Берлина и Вены³⁷, опубликованы договор, подтверждающий первый раздел Речи Посполитой, от 18 сентября 1773 г., подписанный между Речью Посполитой и Австрией³⁸, торговый договор между Польско-Литовским государством и Австрией от 16 марта 1775 г., акт установления границ между Речью Посполитой и Австрией от 9 февраля 1776 г. и другие документы³⁹. Договоры второго раздела, в котором Австрия не участвовала, Л. Нойман не включил в публикацию. Но в сборник вошли важнейшие документы третьего раздела: декларация России и Австрии о разделе Речи Посполитой от 3 января 1795 г.,

подписанная Россией и Пруссией при участии Австрии конвенция от 24 октября 1795 г., акт присоединения императора Священной Римской империи к подписанной государями России и Пруссии конвенции от 26 января 1797 г., к акту приложен акт отречения от престола Станислава Августа Понятовского, договор об окончательном разделе Краковского воеводства от 31 января 1797 г., а также подписанный прусским королем Фридрихом Вильгельмом документ о ратификации демаркационного соглашения, подписанного Пруссией и Австрией в Варшаве 19 марта 1797 г.⁴⁰ Все эти документы, за исключением двух последних договоров, опубликованы со ссылкой на 6-й том сборника Г.Ф. Мартенса. Документы, опубликованные на основе архивных источников, приводятся в сборнике Л. Ноймана в сокращении: опускается титулатура государей, часто сокращается ратификационная часть документа, публикатором вводятся заглавия статей и частей договоров.

Санкт-Петербургские конвенции между Россией и Пруссией, подписанные в феврале 1772 г., были опубликованы только в 1880–1890-х гг. русским историком и юристом, профессором Санкт-Петербургского университета, автором работ по международному праву Федором Федоровичем Мартенсом (1845–1909) в подготовленном им по указанию Министерства иностранных дел России фундаментальном издании «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами»⁴¹. В нем Ф.Ф. Мартенс опубликовал не включенные в «Полное собрание законов Российской империи»⁴² договоры России с зарубежными странами. Документы публикуются на языке оригинала (французском) с переводом на русский язык, издание дополнено исчерпывающими комментариями. Но точная метрика документов не приводится. Во вводной статье отмечается, что документы публикуются на основании оригиналов международных договоров, хранящихся в архивах Министерства иностранных дел России⁴³. Документы, относящиеся к разделу Польско-Литовского государства в XVIII в., опубликованы во 2-м (договоры с Австрией)⁴⁴ и в 6-м (договоры с Пруссией)⁴⁵ томах издания. Таким образом, в публикации приведены документы, подписанные российской стороной с Австрией и Пруссией. Среди впервые опубликованных документов следует назвать тайную конвенцию России и Пруссии о разделе Речи Посполитой, составленную в Санкт-Петербурге 17 февраля 1772 г., принятый в Вене 19 февраля 1772 г. акт императора Иосифа II и Марии-Терезии, которым Австрия обязалась придерживаться принципа равенства с Россией и Пруссией при отторжении части территории Речи Посполитой, акт Иосифа II и Марии-Терезии от 20 января 1773 г., которым те обя-

зались «свято придерживаться» положений конвенции от 5 августа (25 июля) 1772 г., декларация прусского короля о правах Пруссии на часть территории Речи Посполитой от 30 января 1773 г., подписанный 3 января 1795 г. (23 декабря 1794 г.) акт присоединения Австрии к Санкт-Петербургской конвенции от 23(12) января 1793 г., договор об установлении границ между Россией и Пруссией от 2 июля (21 июня) 1796 г., демаркационный договор России и Пруссии от 13(2) августа 1796 г., а также акт установления демаркационной линии между Австрией и Пруссией от 5 декабря 1796 г.

В 1922 г. по поручению правительства Советской России был издан новый сборник государственных договоров. Этот сборник должен был юридически обосновать правомочность присоединения к России территорий соседних государств в XVII–XIX вв.⁴⁶ В сборник были включены Санкт-Петербургские конвенции 1772–1795 гг., а также перепечатан из издания Ф.Ф. Мартенса перевод этих документов на русский язык.

В середине XX в. в Западной Европе и в США в связи с активным развитием изучения международных отношений возникла необходимость в составлении сборника международных договоров государств мира. Официальные сборники документов, вышедшие в большинстве стран в XIX в., постепенно перешли в разряд редких и стали труднодоступны научному, университетскому и академическому сообществу, а некоторые издания превратились в библиографическую редкость. Кроме того, большая часть малых государств в принципе не имела публикаций документов подобного рода. Все эти причины ограничивали возможности специалистов по международному праву познакомиться с историей мировой дипломатии в полном объеме и затрудняли научные исследования в этой области и изучение мировой политики. Следует отметить, что даже в США до начала 1980-х гг. не было опубликовано полного фундаментального собрания документов по международной политике⁴⁷.

Подготовить такого рода академическое издание, начиная с Вестфальского трактата 1648 г. и кончая Версальским мирным договором 1919 г., подведшим итог Первой мировой войны, взялся сотрудник Кембриджского университета и Даунинг-колледжа (Великобритания) Клив Перри⁴⁸. Группа ученых под его руководством в 1969–1986 гг. издала в Нью-Йорке 243-томное собрание документов «Consolidated Treaty Series»⁴⁹. В его основу были положены не архивные материалы, а более ранние публикации документов в изданиях международных договоров XVIII – начала XX в. Документы в нем приводятся на тех языках, на которых они были ранее опубликованы, также дается резюме на английском языке. Сборник включает

и научный аппарат – указатель, в котором договоры даны в хронологическом порядке, также в указателе приведены дата и место составления договора, источник публикации и другая информация.

Документы, относящиеся к первому разделу Речи Посполитой, были опубликованы в 44-м и 45-м томах сборника. В них вошли: перепечатанная из сборника Ф.Ф. Мартенса Санкт-Петербургская конвенция России и Пруссии от 17 февраля 1772 г.⁵⁰, а также опубликованные на основании издания К.Г. Коха австрийская декларация от 19 февраля 1772 г.⁵¹ и австро-российская конвенция о первом разделе Речи Посполитой⁵². В 47-м томе сборника перепечатан из издания Г.Ф. Мартенса демаркационный договор между Россией и Речью Посполитой от 5(16) января 1781 г.⁵³. Документы периода второго раздела Речи Посполитой включены в 51-й и 52-й тома сборника Клива Перри – это перепечатанная из «Собрания» Ф.Ф. Мартенса на французском и русском языках Санкт-Петербургская конвенция России и Пруссии от 23 января 1793 г.⁵⁴, а также договоры о передаче территорий Речи Посполитой России (от 17 августа 1793 г.) и Пруссии (от 25 сентября 1793 г.), перепечатанные из публикаций Г.Ф. Мартенса и Л. Ходжко⁵⁵. В 52-м томе опубликована взятая из «Собрания» Ф.Ф. Мартенса декларация о третьем разделе Речи Посполитой от 3 января 1795 г. В сборнике К. Перри опубликован только один из договоров, заключенных 24(13) октября 1795 г., – Санкт-Петербургская конвенция между Россией и Пруссией⁵⁶ (конвенция также печатается по «Собранию» Ф.Ф. Мартенса). В 53-м томе сборника на основании публикации Г.Ф. Мартенса приведена Санкт-Петербургская конвенция между Россией, Австрией и Пруссией от 26(15) января 1797 г. Тексты этих документов публикуются на языке оригинала (французском).

Публикациями документов, подготовленными Г.Ф. Мартенсом, Л. Нойманом, Ф.Ф. Мартенсом и К. Перри, и сегодня пользуются ученые, изучая разделы Польско-Литовского государства в XVIII в. Однако в наши дни издания международных договоров XIX в. уже практически стали библиографической редкостью, а многотомное издание К. Перри труднодоступно, поскольку большей частью находится в американских библиотеках и мало представлено в европейских книжных собраниях.

Значительная часть документов, связанных с историей разделов Речи Посполитой, была опубликована в приложениях к монографиям, посвященных изучению вопроса. Последняя публикация документов, относящихся к разделам Речи Посполитой, – изданная в 2002 г. в Москве монография П.В. Стегния «Разделы Польши и дипломатия Екатерины II». 1772. 1793. 1795, в которую включены

тексты 32 документов различного содержания, сгруппированные в два раздела: «Договорные акты, относящиеся к разделам Речи Посполитой» и «Договоры между Россией и Речью Посполитой»⁵⁷. В первом разделе опубликованы конвенция между Россией и Пруссией от 15(4) января 1772 г., конвенция между Россией и Австрией от 5 августа (25 июля) того же года, конвенция между Россией и Пруссией от 23(12) января 1793 г., документ «о приступлении к этой конвенции императора Римского», секретная декларация России и Австрии о третьем разделе Речи Посполитой от 3 января 1795 г. (23 декабря 1794 г.), конвенция, заключенная между Россией и Пруссией при участии Австрии от 24 (13) октября 1795 г., акт отречения от престола Станислава Августа Понятовского и конвенция об окончательном разделе Речи Посполитой от 26(15) января 1797 г.

Во втором разделе наряду с трактатом о российской гарантии «конституции Речи Посполитой» от 24(13) февраля 1768 г. были опубликованы документы от 15 марта 1775 г. и от 22(11) июля 1793 г., подтверждающие передачу Речи Посполитой части своих территорий России. Документы публикуются на русском языке в современной орфографии. Поскольку как основа публикации были выбраны сделанные в XVIII в. современные переводы текстов документов на русский язык, а не написанные на французском языке оригиналы, публикатору не удалось избежать ошибок.

Завершая обзор истории и целей публикации документов, относящихся к разделам Речи Посполитой XVIII в., можно констатировать, что в конце XVIII – начале XIX в. тексты документов публиковались не только с просветительскими и научными, но и с политическими и идеологическими целями.

Документы, относящиеся к истории разделов Речи Посполитой, были опубликованы в сборниках документов, подготовленных в каждой из связанных с разделами стран. В Речи Посполитой были опубликованы документы, которые Польшо-Литовское государство было вынуждено подписать с Россией, Пруссией и Австрией. Публикация этих документов предназначалась, прежде всего, для воспитания гражданского сознания общественности Польши и Литвы. Возросшая интенсивность публикаций в период Четырехлетнего сейма отражала стремление представить обществу информацию о правах Польшо-Литовского государства в отношениях с европейскими странами, а также стремление продемонстрировать незаконность первого раздела.

Публикация Санкт-Петербургских конвенций 1772–1797 гг. в сборниках документов, изданных в странах-организаторах разделов (России, Пруссии, Австрии), символизировали, с одной стороны,

победы собственной внешней политики, а с другой – призваны были продемонстрировать историческую обусловленность и вынужденность собственных действий, чтобы возложить ответственность за разделы Речи Посполитой на своих союзников и партнеров.

В сборники документов, изданных на территории Речи Посполитой, не были включены важнейшие договоры – Санкт-Петербургские конвенции от 5 августа (25 июля) 1772 г. Наиболее вероятно, что эти договоры были недоступны (а может быть и неизвестны) публикаторам.

подавляющая часть документов, опубликованных в сборниках международных договоров в конце XVIII – начале XIX в., издавались не на основе архивных источников, но часто представляли собой сокращенный вариант публикации документа в периодических изданиях того времени. Часть документов в конце XVIII – начале XIX в. была опубликована повторно на основании предыдущих публикаций.

Первые публикации документов, опирающиеся на архивные источники, были выполнены только в Австрии и в России во второй половине XIX в. Европейские исследователи международного права в этот период публиковали документы, относящиеся к разделу Речи Посполитой, преимущественно в научных целях, однако отмеченная ранее политическая тенденция сохранялась и в этих изданиях. Во второй половине XIX и в XX в. документы, относящиеся к разделам Речи Посполитой, вошли в состав фундаментальных сборников международных договоров. Однако до сих пор нет ни одного специального сборника документов, в котором договоры о разделах Польско-Литовского государства в XVIII в. были бы представлены систематизированно и в соответствии с современными научными требованиями к публикации исторических источников.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 В 1693 г. в Ганновере была издана работа Готфрида Вильгельма Лейбница (*Leibniz G.W. Codex Juris Gentium Diplomaticus. Hannover, 1693*), а в 1726–1739 гг. в Амстердаме был выпущен 13-томный сборник Жана Дюмона (*Dumond J. Corps universel diplomatique du droit des gens. Amsterdam, 1726–1739. 13 Vol.*) Именно эти работы исследователи международного права считают началом развития теории международных отношений, см.: *Duchhardt H. Peace treaties from Westphalia to the Revolutionary Era // Peace Treaties and International Law in European History. From the Late Middle Ages to World War One / ed. by R. Lesaffer. Cambridge University Press, 2004. P. 50–51.*
- 2 *Grześkowiak-Krwawicz A. Wkład pijarów w kształtowanie politycznej kultury szlachty w czasach stanisławowskich / Wkład pijarów do nauki i kul-*

- tury w Polsce XVII–XIX w./ pod red. I. Stasiewicz-Jasiukowej. Warszawa; Kraków, 1993. S. 133. См. также: *Šmigelskytė R.* Pirmojo Respublikos padalijimo dokumentų publikavimas XVIII a. pabaigoje – XIX a. Pradžioje. // Lietuvos Metrika. 1991–1996 metų tyrinėjimai. Vilnius, 1998, P. 282–292.
- 3 *Majorek Cz., Słowikowski T.* Wkład pijarów w teorię wychowania patriotycznego i obywatelskiego w Polsce w XVIII wieku. // Wkład pijarów do nauki i kultury w Polsce XVII–XIX w. / pod red. I. Stasiewicz-Jasiukowej, Warszawa; Kraków, 1993. S. 443.
 - 4 *Codex diplomaticus regni Poloniae, Magni Ducatus Lituaniae in quo pacta, foedera, tractatus pacis etc.* Vilna, 1758. T. 1; 1759. T. 5; 1764. T. 4.
 - 5 *Hubert S.* Poglądy na prawo narodów w Polsce czasów Oświecenia. Wrocław, 1960. S. 119.
 - 6 Traktaty między mocarstwami europejskimi od roku 1763 zasze podług lat porządku z przyłączoną potrzebny Historii wiadomością opisane y zebrane przez X. Franciszka Siarczyńskiego S. P. T. 4; Traktaty między mocarstwami europejskimi od roku 1779 zasze podług lat porządku z przyłączoną potrzebny Historii wiadomością opisane y zebrane przez X. Franciszka Siarczyńskiego S. P. T. 5, Warszawa, 1789. Ф. Сярчинський подготовил к изданию и VI том «Трактатов между европейскими державами...», включавший документы до 1789 г. Том был опубликован в 1790 г.
 - 7 Traktaty między... T. 4. S. 153.
 - 8 *Konstytucje publiczne seymu extraordinarynego Warszawskiego roku 1773–1775*, Warszawa, 1775.
 - 9 *Volumina Legum.* Przedruk zbioru praw staraniem XX. Pijarow w Warszawie od roku 1732 doroku 1782 wydanego. Petersburg, 1860. 8 Vol. Это собрание законов Речи Посполитой по предложению Юзефа Анджая Залуского начал издавать в 1732 г. реформатор школы пиаров, педагог, публицист и политический мыслитель Станислав Конарский (1700–1773). В 1732–1739 гг. были изданы первые шесть томов сборника, включающие документы до 1736 г. VII и VIII тома вышли в 1782 г. В VIII томе опубликованы подтвержденные сеймом документы первого раздела Речи Посполитой: договоры Речи Посполитой с Австрией, Россией и Пруссией от 18 сентября 1773 г., а также дополняющие эти договоры акты от 15–18 марта 1775 г.
 - 10 Traktaty między... T. 4. S. 3.
 - 11 *Ibidem.* Договоры Республики с Россией, Пруссией и Австрией от 18 сентября 1773 г. (Cz 1. S. 206–234; 278–310; 146–174), дополняющие договоры и акты, подписанные в 1775 г. (Cz 1. S. 310–330; 234–275; 174–201; 369–384), договоры установления границ (Cz 1. S. 384–385; Cz 2. S. 1–20; 33–106; 107–180.)
 - 12 *Hubert S.* Poglądy na prawo narodów w Polsce czasów Oświecenia. P. 146.
 - 13 *Jurium Hungariae in Russiam minorem et Podoliam, Bohemiae in Osuicensem et Zatoriensem ducatus praevia explicatio.* Vindob. 1773; *Exposé préliminaire des Droits de la Couronne de Hongrie sur la Russie Rouge et sur la Podolie, ainsi que de la Couronne de Bohême sur les Duchès d’Oswietzim*

- et de Zator. Vienne, 1772; Wywód praw korony węgierskiej, Wieden, 1773; Exposé des droits de sa majesté le roi de Prusse sur le duché de Pomérellie et sur plusieurs autres districts du royaume de Pologne. Berlin, 1772; Wykład praw Króla Pruskiego do księstwa Pomerelii. Berlin, 1772; Exposé de la conduite de la cour impériale de Russie vis-à-vis de la sérénissime république de Pologne, avec la deduction des titres, sur lesquels elle fonde sa prise de possession, etc. Pétersbourg, 1773.
- 14 Les droits des trois puissances alliées sur plusieurs provinces de la République de Pologne; les réflexions d'un gentilhomme polonois sur les Lettres-Patentes et prétentions de ces trois puissances, avec une Préface de l'éditeur pour servir d'introduction. Londres, 1774.
 - 15 Первое издание сборника: Versuch des neuesten Europ. Völkerrecht in Friedens- und Kriegszeiten, vornhmlich aus der Staatshandlungen der Europäischen Mächte, auch anderen Begebenheiten, so sich seit dem Tode Kaisers Karl VI., 1740. Versuch des neuesten Europäischen Völkerrechts in Friedens- und Kriegszeiten... seit dem Tode Kaiser Karls VI., 10 Teile. Frankfurt, 1777–1780.
 - 16 *Hertzberg E.* Recueil des déductions, manifestes, déclarations, traités etc., Berlin, 1790. Sec. ed. Vol. 1. P. 3.
 - 17 *Ibidem.* P. 3–4.
 - 18 *Martens G.F.* Recueil des principaux traités d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité etc. Gottingue, 1817. T. 1. Extrait de la préface du T. 1 de la pr. éd. P. 3–4.
 - 19 *Ibidem.* P. 16
 - 20 Тексты международных договоров, подписанных до 1761 г., были опубликованы прусским статским советником Фредериком Августом Вильгельмом Венком (*Wenck F.A.* Codex juris gentium recentissimi e tabulariorum exemplorumque fide dignorum monumentis compositus. 1735–1772, Lipsiae, 1781–1796. Т. 1–3 [1781, 1788, 1796]), но смерть публикатора прервала издание IV тома, в котором должны были быть опубликованы международные договоры 1761–1772 гг. См.: *Murhard F.* Nouveaux suppléments au recueil de traités et d'autres actes remarquables etc. Goettingue, 1839. Т. 1. P. 4.
 - 21 *Martens G.F.* Recueil des principaux traités d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité etc. Gottingue, 1817. Т. 2. P. 97–105. Поскольку 1-й том первого издания (1791 г.) оказался для нас недоступен, поэтому даются ссылки на 2-й том второго издания, в котором перепечатываются те же самые документы.
 - 22 *Ibidem.* P. 89–93; 93–96.
 - 23 *Koch C.G.* Table des traités entre la France et les puissances étrangères etc. Basle, 1802. Т. 1. P. 149.
 - 24 *Ibidem.* P. 153, 198.
 - 25 *Koch C.G.* Op cit. Т. 2. P. 311–316.
 - 26 *Martens G.F.* Recueil des principaux traités d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité, de comerce, de limites, d'échange conclus par les puissances de l'Europe tant entre elles qu'avec les puissances et États dans d'autres parties

- du monde depuis 1761 jusqu'à présent. Gottingue: J.C. Dieterich, 1826. Т. 5. P. 530–535, 544–551.
- 27 Г.Ф. Мартенс ссылается на издание: *Nouvelles extraordinaires*. 1793, Nr. 66, 67, 68. Supplément.
- 28 Издание Г.Ф. Мартенса получило широкое признание и было очень популярно. Первые 8 томов были переизданы в первом десятилетии XIX в. Оно было дополнено приложениями (*Suppléments*), позже издание было дополнено новыми очередными томами той же серии: «*Nouveau Recueil des traités*»; «*Nouveaux Suppléments*»; «*Nouveau Recueil général*».
- 29 *Martens G.F.* Recueil des principaux traités d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité, de comerce, de limites, d'échange conclus par les puissances de l'Europe tant entre elles qu'avec les puissances et États dans d'autres parties du monde depuis 1761 jusqu'à présent, Gottingue: J.C. Dieterich, 1829. Т. 6. P. 168–187.
- 30 *Angeberg, comte d' (Chodźko L.)*. Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762–1862. Paris, 1862.
- 31 [*Avant-Propos, Le Comte d'Angeberg (Chodźko L.)*] // *Idem*. Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762–1862. Paris, 1862. P. I–II.
- 32 *Lutostański K.* Recueil des actes diplomatiques, traités et documents concernant la Pologne. Les partages de la Pologne et la lutte pour l'indépendance. Lausanne; Paris, 1918.
- 33 *Neumann L.* Recueil des traités et conventions conclus par l'Autriche avec les puissances étrangères depuis 1763 jusqu'à nos jours. Leipzig, 1855. Т. 1. Первые 6 томов Собрания были изданы в 1855–1859 гг. в Лейпциге. Позже, в 1877–1912 гг., был издан еще 21 том документов этой серии.
- 34 См.: *Neumann L.* Avant-Propos. // *Idem*. Recueil des traités et conventions conclus par l'Autriche... Т. 1. P. V, VIII.
- 35 *Ibidem*. P. 133–136.
- 36 *Ibidem*. P. 136–138.
- 37 *Ibidem*. P. 140. Документ перепечатан из издания Г.Ф. Мартенса.
- 38 *Ibidem*. P. 149–154.
- 39 *Ibidem*. P. 166–172; 189–197. Договоры перепечатаны из сборника Г.Ф. Мартенса.
- 40 *Ibidem*. P. 536–568.
- 41 *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, СПб., 1875. Т. 1. Параллельное название Собрания на французском языке: «*Recueil des traités et conventions conclus par la Russie, St. Petersbourg, 1874–1905*». До 1905 г. было издано 14 томов серии.
- 42 См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830–1836. Т. 19–20. (1775–1780 гг.) и др.
- 43 *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. II–XII.
- 44 Там же. Т. 2.
- 45 Там же. Т. 6. Трактаты с Германиею (1762–1808), СПб., 1883.

- 46 Сборник грамот и договоров о присоединении царств и областей к государству российскому в XVII–XIX веках. Ч. 1 / Под ред. А.А. Пазухина. Пг., 1922.
- 47 Публикация иностранных политических документов отдельной серией была начата в США в 40-х гг. XX в. В 1931–1948 гг. опубликован восьмитомный сборник под редакцией Гюнтера Миллера. См.: *Treaties and other International Acts of the United States of America* / red. by G. Miller. 1931–1948. В публикацию вошли договоры, заключенные до 1863 г. Позже издание документов из-за недостаточного финансирования было прекращено.
- 48 См.: *Mc Laughlin Ch.H. The Consolidated Treaty Series, 1648–1918 by Clive Parry.* // *The American Political Science Review.* Vol. 65, No. 2 (Jun., 1971). P. 588–590.
- 49 *Consolidated Treaty Series* / ed. C. Parry (Dobbs Ferry). New York, 1969–1986., 243 Vols.
- 50 *Ibidem.* Vol. 44. P. 467–481. Договор датируется 4 января 1772 г. Опубликован текст договора на французском языке и перевод на русский язык.
- 51 *Ibidem.* Vol. 44. P. 493. Текст договора публикуется на французском языке.
- 52 *Ibidem.* Vol. 45. P. 59–79. Текст договора публикуется на французском языке.
- 53 *Ibidem.* Vol. 47. P. 409–413. Текст договора публикуется на немецком языке.
- 54 *Ibidem.* Vol. 51. P. 451–461. Текст договора публикуется на французском языке.
- 55 *Ibidem.* Vol. 52. P. 85–90, 137–146. Текст договора публикуется на французском языке.
- 56 *Ibidem.* Vol. 53. P. 3–8. Текст договора публикуется на французском и русском языках.
- 57 *Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795.* М.: Изд-во Межд. отношения, 2002. С. 421–671.

Б.В. Носов
(Москва)

«УПАДОК Речи ПОСПОЛИТОЙ» И РАЗДЕЛЫ ПОЛЬШИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН XVIII — НАЧАЛА XIX ВВ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Приступая к анализу вынесенной в заглавие статьи проблемы, следует, во-первых, определить границы проблемного поля названной темы в том виде, как они традиционно установились в исторической литературе, и, во-вторых, хотя бы приблизительно, наметить границы таких явлений как общественная мысль, историческая мысль и историография. В первом случае можно опереться на классический труд Мариана Хенрика Серейского «Европа и разделы Польши» и присоединиться к мнению автора, что заявленная тема относится к кругу проблем в целом ограниченному вопросами об «упадке Польши» и о «внутренних и внешних причинах разделов Речи Посполитой»¹.

Во втором случае применительно к рассматриваемой теме необходимо также определить содержание самого понятия «историография», отделив от нее труды, представляющие собой собрание исторических сведений, могущие послужить историческими источниками, но не являющиеся научными сочинениями в области истории. Из сферы историографии мы исключаем также публицистику, политические сочинения, памятники общественной мысли, которые хотя и содержат, наряду с описанием событий и явлений исторического процесса, их оценки, но все же не носят научного характера, поскольку обращение их авторов к историческому прошлому не выходит за пределы произвольного и субъективного подбора аргументов только для обоснования и отстаивания тех или иных политических позиций. С этой точки зрения, весьма важным представляется суждение о критериях оценки научной историографии, высказанное крупнейшим исследователем истории Польши XVIII в. Владиславом Конопчиньским², который писал, что развитие исторической науки прежде всего зависит «от следования научному методу в поисках истины [...] от углубления научной критики, открытия источников и исследования фактического материала»³.

Таким образом, в область историографии мы включаем только исторические сочинения (монографические исследования и обобщающие труды) научного характера, основанные на исторических источниках, ставящие своей задачей описание и анализ исторического процесса посредством критики источника, фактического материала и накопленного предшествующего знания. Разумеется, в отдельных случаях мы будем обращаться к памятникам общественной мысли, оказавшим влияние на развитие научной историографии.

Рассматривая развитие историографии применительно к темам «упадка Польши» и «внутренних и внешних причин разделов Речи Посполитой», в эволюции позиций исследователей и выдвинутых ими научных концепций можно выделить ряд периодов, начиная с XVII–XVIII вв. и до наших дней, определить рубежей и границ которых также представляет известную трудность, связанную с выбором методики периодизации развития исторической науки. Так, Анджей Феликс Грабский ⁴, исходя из внутренних закономерностей самого процесса исторического познания, из развития исторической мысли или, применяя определение Конопчиньского, – из развития научного метода, выделяет следующие периоды: 1) XVII в. как начальный этап «критической» (научной) историографии; 2) историографию эпохи Просвещения (XVIII в.). Правда, хронологические рамки второго периода остаются у него весьма нечеткими. Во всяком случае, верхний рубеж, очевидно, совпадает со временем Великой французской революции и наполеоновскими войнами. Следующий 3) этап А. Грабский, вслед за Фридрихом Майнеке ⁵ и рядом других историков и философов, определил как «период историзма» ⁶, наступление которого автор относил ко времени окончания наполеоновских войн и связывал с именами Й.Ф. Гердера и Г.Ф. Гегеля, а оформление – с творчеством Л. Ранке (1795–1885). 4) этап, согласно периодизации Грабского, охватывал вторую половину XIX в. и ознаменовался развитием в историографии школ, связанных с философским позитивизмом и другими субъективно-идеалистическими течениями философской мысли. Завершает предложенную историком периодизацию 5) этап с рубежа XIX–XX вв. и до наших дней, когда, согласно автору, наблюдаемое ранее относительно единое развитие историографии уступает место процессу эволюции исторического знания в рамках отдельных методологических направлений.

Универсальную концепцию развития историографии, подобную системе А. Грабского, представил Ежи Серчик ⁷. Он также подошел к анализу трудов ученых и к периодизации развития историографии с точки зрения эволюции исторической мысли. Начав изложение со времени Древней Греции и Геродота, автор применительно к исто-

риографии интересующей нас эпохи Нового времени выделил: век Просвещения; историографию первой половины XIX в., указав здесь на «романтическое, либеральное и консервативное направления»; историографию второй половины XIX – начала XX в. (до Первой мировой войны), завершив на этом свой труд.

Обосновывая критерии предлагаемой периодизации, Грабский и Серчик исходили из внутреннего развития самой исторической науки и связанных с ней направлений общественной и философской мысли. Однако представленная ими система, хотя и отвечала задачам систематического изложения предмета в рамках университетского курса, оказалась не свободна от существенных недостатков: главное – субъективный критерий периодизации и противоречия в его применении для отдельных регионов и стран, а также отсутствие в достаточной степени определенных хронологических рубежей периодов. Этим объясняется хотя бы то, что в книге Серчика, в том случае, когда пути и уровни развития исторической мысли в разных странах (на западе и на востоке Европы) не совпадали, был применен условный метод периодизации, в основу которого были положены иные дополнительные критерии, а их содержание осталось не раскрыто автором. Так, например, в развитии исторической науки в странах Восточной Европы без обоснования были выделены в качестве этапов первая и вторая половины XIX в. Весьма противоречиво толкование в концепции Грабского и Серчика получил вопрос о рубеже, отделяющем период накопления исторических знаний от периода собственно научной историографии.

Более строгая концепция, правда, применительно только к польской исторической науке как с точки зрения критериев оценки научной историографии, так и ее периодизации была дана В. Конопчиньским. Выдающийся польский историк в своих оценках также исходил из внутренних закономерностей развития науки, однако, в отличие от описанного выше подхода, он применил единые критерии для определения научной историографии и ее периодизации. По его словам, еще в середине XVIII в. в Польше «возникли в примитивной форме элементы исторической науки»: были поставлены «проблемы методические и стилистические», то есть возникли профессиональные формы работы ученого-историка, труд которого выделился из других областей интеллектуальной деятельности. Была начата работа по формированию корпуса исторических источников, их изданию, заложены основы собраний книг и рукописей. Наконец, были предприняты первые «попытки организации», то есть коллективной работы в рамках научного сообщества⁸. Изложенные позиции послужили основой для определения этапов становления и развития польской исторической науки. Однако, что весьма приме-

чательно, рубежами выделенных Конопчиньским трех этапов стали: разделы Речи Посполитой в XVIII в.; Январское восстание 1863 г.; канун Первой мировой войны, «открывшей десятилетие, когда возродилась Польша 1912–1923 гг.»⁹. Если добавить сюда упоминание историка о «катастрофе народа в 1831 г., которая подтолкнула И. Лелевеля к работе по публикации источников»¹⁰, то, очевидно, периоды развития исторической науки совпадали с основными этапами социально-политической истории Польши. В связи с этим укажем на особое значение рубежа 1830–1831 гг.

Говоря об этапах развития исторической науки в Польше, следует также упомянуть периодизацию, данную еще в 1888 г. Н.И. Кареевым. Зарождение научной историографии в Польше русский историк и профессор Варшавского университета, вслед за Владиславом Смоленским, относил к 1770–1780-м гг., которое связывал с именем Адама Нарушевича, сравнивая последнего с Н.М. Карамзиным. Школа Нарушевича, по словам Кареева, определила направление развития польской исторической науки с конца XVIII в. до 1820-х гг., на смену ей в 1830–1850-е гг. пришла школа Иоахима Лелевеля. Последующее двадцатипятилетие 1860–1880-х гг. Кареев определил как время Краковской школы¹¹.

Формирование научной историографии многими учеными относится ко времени, которое исследователи общественной мысли, в том числе и историки исторической науки, называют эпохой (периодом) романтизма¹². Применительно к польской историографии Анджей Вержбицкий отнес ее становление ко времени между восстаниями 1831 и 1863 гг., с оговоркой, что сюда следовало бы присоединить период накануне ноябрьского восстания, связанный с творчеством И. Лелевеля¹³. В данном случае, несмотря на то что сам автор, так же как и многие его коллеги, придерживался субъективного критерия периодизации историографии, он, как и ранее Конопчиньский, связал развитие исторической науки с двумя важнейшими политическими рубежами в истории Европы и Польши.

Это весьма характерное отступление от заявленных принципов свидетельствует в пользу иного метода определения этапов развития исторической науки и общественной мысли в целом, когда тот или иной период выделяется в зависимости от соответствующей стадии социально-политического развития. Последняя выступает как совокупность и система объективных факторов, обуславливающих историческое познание. Именно такой подход характерен для изучения истории исторической науки в России¹⁴.

В связи с исследуемой темой о «разделах Польши» названный метод периодизации историографии еще в конце 1960-х гг. приме-

нил М.Х. Серейский. В указанной выше книге он писал, что вопрос о причинах упадка Польши, бывший в XIX – начале XX в. центральным в польской историографии, с восстановлением в 1918 г. независимого польского государства утратил свою актуальность. По его словам, в это же время российские и немецкие историки, прежде стремившиеся избавить своих властителей от ответственности за роль главного организатора и проводника политики разделов, также пересмотрели свои позиции. В межвоенный период, отмечал Серейский, в Польше со стороны разных историков (Михал Бобржинский, Станислав Закржевский, Марселий Хандельсман и др.) был выдвинут тезис о «реорганизации историографии» в направлении отказа от «довлеющей проблемы упадка Польши с точки зрения его финала – раздела страны». После Второй мировой войны, подчеркивал ученый, вопрос об упадке шляхетской республики не стал предметом специальных исследований, однако сохранил историографическое значение¹⁵.

Таким образом, Серейский в изучении названной проблемы выделил три больших периода: 1) от гибели шляхетской Речи Посполитой в XVIII в. до восстановления независимости Польши в 1918 г.; 2) межвоенный период 1918–1939 гг.; 3) время после Второй мировой войны. Сосредоточив свое внимание на первом периоде, когда вопрос о причинах гибели Польши имел для польской исторической науки первостепенное значение, историк в своей книге подразделил его изучение и освещение в европейской историографии на следующие этапы: век Просвещения (1770–1780-е гг.); эпоха Великой французской революции, наполеоновских войн и реставрации (1789–1830 гг.); эпоха романтизма и «Весны народов» (1830–1864 гг.); и наконец, период «мирного развития» после окончания Крымской войны, подавления польского Национального восстания 1863–1864 гг. и до Первой мировой войны.

Сопоставление различных подходов к методике и критериям периодизации историографии «упадка Польши» и «разделов Речи Посполитой», выделяемых исследователями этапов и рубежей изучения названных проблем в историографии показывает, что, несмотря на расхождения в методах, полученные результаты в существе своем совпадают, а выделенные этапы развития историографии соответствуют важнейшим периодам социально-политической истории стран и народов Европы, и в первую очередь – Польши. Поэтому мы выбираем в качестве основы периодизации историографии объективный критерий, то есть предполагаем ее рассмотрение в связи с основными этапами социально-политического развития Европы, имея, разумеется, в виду, что существенные характерные черты этих этапов в свою очередь в решающей степени обусловили как разви-

тие общественной мысли, так и внутренние процессы становления и развития исторической науки.

Итак, в изучении «упадка Речи Посполитой» и разделов Польши» в XVIII в. и связанных с ними общественно-политических дискуссий в Европе можно выделить следующие периоды:

1. Эпоха Просвещения до начала Великой французской революции и до времени Четырехлетнего сейма 1788–1792 гг. в Речи Посполитой.

2. Период крушения «старого порядка», наполеоновских войн и реставрации (1789–1830 гг.).

3. «Весна народов» (1830–1863 гг.). Для европейской истории важнейшими событиями, определившими характер периода в целом стали революции 1830 и 1848–1849 гг., польские восстания 1830 и 1863 гг., Крымская война.

4. Вторая половина XIX – начало XX вв., до Первой мировой войны, революций 1917–1918 гг. и восстановления независимости Польши.

5. Межвоенный период 1918–1939 гг.

6. Период 1945 – до конца 1980-х гг.

7. С начала 1990-х гг. – до наших дней.

При этом следует иметь в виду, что историографические контраверсии, общественные дискуссии и политические споры на указанную тему охватили всю Европу и касались отнюдь не только судеб Польши, но и имели непосредственное отношение к международному и внутреннему положению установивших над шляхетской республикой свой протекторат великих держав – России, Пруссии и Австрии, а также и других стран континента, которые все без исключения оказались вовлечены в грандиозные общественные тектонические процессы на рубеже XVIII–XIX вв.

«Упадок Речи Посполитой» в политических сочинениях
второй половины XVIII в. (до 1788 г.)

Вынесенная в заглавие проблема оставалась в XVIII в. в сознании современников темой сегодняшнего дня, не ушедшей в прошлое и отнюдь не утратившей политической актуальности. Она привлекала внимание авторов политических сочинений, в рационалистическом и просветительском духе рассуждавших об оптимальной организации государства, обозревателей-публицистов, освещавших важнейшие политические события на континенте, политических деятелей Речи Посполитой, иностранцев, оказавшихся в Польше и оставивших сочинения с описанием политических порядков в шляхетской

республике. Среди немалого числа подобных произведений мы остановимся преимущественно на тех, авторы которых прибегли для обоснования своих выводов к аргументации исторического характера.

Так, немалый интерес политических наблюдателей вызвало «бескоролье» 1733 г. в Речи Посполитой и соперничество великих держав из-за избрания на польский престол Августа III. 5-томная хроника этих событий была издана в 1734 г. на французском языке в Амстердаме¹⁶. Особое внимание к польским делам во Франции было связано с тем, что начиная с 1730-х гг. Версаль стремился возвести на польский престол «французского кандидата», сначала Станислава Лещиньского, а затем принца Конти. Будучи наместником Лотарингии и зятем Людовика XV, Лещиньский способствовал развитию польско-французских связей, покровительствовал полякам, приезжавшим во Францию. Все это способствовало поддержанию интереса к Польше как правящих кругов в Версале, так и французской общественности, что и обусловило издание во Франции многих сочинений о Польше и на тему польской истории.

Уже в конце правления в Польше саксонской династии, в 1761 г., в Париже была издана трехтомная «История Яна Собеского»¹⁷. Автором ее был близкий к просветителям аббат Габриэль Соьер. Он не только изложил историю польского короля, но и дал в первом томе очерк истории, хозяйства, быта и нравов Польши, опираясь на сочинения польских авторов, начиная от Яна Длугоша. В суждениях Соьера проявилось характерное для политической мысли XVIII в. противопоставление «польской анархии» и рационалистически устроенных государств. «Чего можно ожидать от страны, – спрашивал он, – где знать всевластна?» или в другом месте предрекал, что «беспредельная власть» над крестьянами, «как и чрезмерная свобода» шляхты «приведут Польшу к гибели»¹⁸. Разумеется, обращаясь к истории Польско-Литовского государства, Соьер в первую очередь направлял острие критики против системы *ancien régime* в целом, обличая произвол аристократии у себя на родине. Однако в его сочинении, несмотря на более глубокое знакомство автора с польской историей, проявилось весьма характерное повсеместно для просветительской мысли непонимание исторической обусловленности форм политической жизни шляхетской республики.

Новый подъем интереса к Польше во Франции был связан с восстанием Барской конфедерации 1768–1772 гг., русско-турецкой войной 1768–1774 гг. и первым разделом Речи Посполитой 1772 г. Наиболее значительным историческим сочинением, восходящим именно к этим событиям, стала «История анархии в Польше» Клода Рюльера¹⁹. Профессиональный дипломат, Рюльер еще во время

Барской конфедерации составил посвященный Польше мемориал, который в дальнейшем дополнял в течение всей жизни. В итоге в его четырехтомное сочинение были включены ценнейшие источники: документы французской дипломатии, реляции барских конфедератов и т.д., а сама «история польской анархии» охватила время от середины XVII в. до 1760-х гг. При этом Рюльер в своем труде не только сохранил исходившие из среды барских конфедератов исторические источники, отразившие события 1750–1760-х гг., но и сам воспринял и разделял многие свойственные консервативным шляхетским кругам суждения и оценки, которые через посредство его сочинения позже, в XIX в., получили широкое распространение в историографии²⁰.

Второй после Франции страной в Европе по уровню исторических знаний о Польше была в XVIII в. Англия. В изображении британских авторов Речь Посполитая представляла как страна, где вся власть безраздельно принадлежала шляхте, где угнетались крестьяне и отсутствовало третье сословие²¹. Наиболее значительным сочинением о Польше здесь стало четырехтомное описание путешествия Уильяма Кокса в Польшу, Россию, Швецию и Данию, изданное в Лондоне в 1784 г.²². В своем «Путешествии» автор ссылаясь на сочинения польских хронистов и, что весьма важно, на труд Станислава Конарского и на «Письма» С. Лещиньского. В государственном устройстве Речи Посполитой Кокс указывал на характерные черты отсталости («феодализма»). Он писал, что политические реформы в стране натолкнулись на сопротивление шляхты и интриги соседей, которые и привели к разделу страны. Однако в отличие от многих современников, Кокс, скорее, положительно оценил свободы и республиканские традиции Польши, отметив, что, если бы не политика соседних держав, *liberum veto* в республике было бы отменено. В целом в этой и других своих публикациях Кокс представлял то направление английского общественного мнения, которое осудило политику раздела Польши.

В германских государствах, несмотря на общественный интерес к событиям в Польше²³, значительных сочинений по рассматриваемым проблемам опубликовано не было. Объяснялось это официальной позицией государств-захватчиков и влиянием их пропаганды, тон в которой задавал Фридрих II²⁴. В мемуарах и других сочинениях прусский король обосновывал необходимость первого раздела Речи Посполитой «пагубным поведением» поляков, вызвавших войну России с Турцией, что якобы грозило нарушить европейское равновесие, мир на континенте и перерасти в войну между великими державами. Себе же прусский монарх поставил в заслугу посредничество между Россией и Австрией, якобы благодаря которому уда-

лось сохранить мир и наказать виновника европейского кризиса, то есть Польшу. Собственно, эти же аргументы приведены в изданной в Саксонии в 1775 г. брошюре, озаглавленной «Справедливая судьба Польши»²⁵. В ней политика захватчиков оправдывалась ссылками на анархические порядки польского государства, на «бунт» Барской конфедерации, на «неправое низложение с престола польского короля», на нарушение поляками трактата с Россией, гарантировавшего государственное устройство Речи Посполитой, а также равноправие диссидентов и католиков.

Однако уже с конца 1770-х гг., со времени войны за баварское наследство, в прусской политической публицистике по поводу раздела Польши все настойчивее звучат высказывания об ответственности за него России и Австрии и о моральной недопустимости подобной политики в Европе²⁶. В этих тезисах прусской пропаганды нашли отражение опасения Берлина в связи с планами Габсбургов перекроить владения Баварии, а также с наметившимся сближением Петербурга и Вены.

В России в рассматриваемый период ни в области политической мысли, ни тем более в области историографии тема упадка Речи Посполитой практически не затрагивалась. Отношение же к Польше формировалось под воздействием официальной пропаганды²⁷. Тем не менее, в 1770-е гг. анонимный автор сочинения «Свободные мысли гражданина пожилого и отечество свое любящего» (А.Р. Воронцов ?) писал, что причиной бед Польши было неисполнение законов. Законы Польской республики, по его словам, «были сами по себе и по словесному своему гласу очень хороши, но как не было при них точного и строгого исполнения по причине неустройства в законодательной (верховой. – Б.Н.) власти, то есть в самом источнике государственного здания, то и видели мы доньше сию от естества всеми благами щедро одаренную и отчасти многолюдную землю во всегдашней бедности, во всегдашних внутренних волнениях и во всегдашнем порабощении от окрестных держав, кои напоследок лучшие ее провинции меж собою разделили без всякого от республики сопротивления – не потому, что в духе поляков не было мужества и истинной храбрости, но потому, что множество рук без головы ничего не значат». Автор приведенного рассуждения был явно настроен благожелательно к Польше, называя страну благодатной, а поляков мужественными, но политическое устройство шляхетской республики он осуждал, видя в нем причины «ее всегдашнего порабощения от соседних держав»²⁸.

В польской общественной мысли эпохи Просвещения проблема упадка шляхетской республики получила самое широкое и разно-стороннее толкование²⁹. С точки зрения освещения темы «разде-

лов страны» до времени Четырехлетнего сейма следует указать на двух авторов: короля Станислава Августа и королевского камергера Феликса Лойко. Именно под знаком трагического финала польско-литовского шляхетского государства и собственного правления были написаны мемуары последнего короля Речи Посполитой³⁰. И если в той их части, которая вышла из-под пера монарха в 1770-е гг., король стремился прежде всего объяснить собственные поступки и доказать оправданность политики своего двора, то в редакции 1790-х гг. он недвусмысленно ставит вопрос о причинах гибели Польши. Однако, если мемуары Станислава Августа не были известны современникам, то многочисленные публицистические сочинения его камергера, ставшие непосредственным откликом на первый раздел Польши и изданные в 1770-е гг. на разных языках, получили широкую известность в Европе³¹. Детально проанализировавший полемику Ф. Лойко с апологетами политики держав-захватчиков (прежде всего Пруссии) А.Ф. Грабский высказал убедительную гипотезу, что соавтором польского камергера нередко выступал сам Станислав Август³². В этих сочинениях Ф. Лойко присутствовала весьма обстоятельная историческая аргументация, призванная опровергнуть доводы захватчиков. Тем не менее названные труды едва ли можно с полным правом отнести к области историографии. Обращение к историческому прошлому здесь служило только обоснованием права, только одним из средств в острой политической полемике. В прочем, в той или иной степени подобный метод обращения к истории был весьма характерен для всех политических сочинений XVIII в.

В целом во второй половине XVIII в. (до 1788 г.) можно отметить значительное внимание представителей европейской политической мысли эпохи Просвещения к проблемам «упадка Польши» и «разделов Речи Посполитой», что выразилось во многих разнообразных публикациях. Мы коротко остановились только на тех, которые по форме в наибольшей степени соответствовали трудам исторического характера, имели исторический экскурс, претендовали на историчность в изложении событий, а их авторы обращались к историческим источникам. Однако, несмотря на имеющиеся в лучших своих образцах признаки исторических сочинений, литература XVIII в. не может быть в полной мере причислена к историографии. Рассмотренные труды по содержанию принадлежат к политическим сочинениям, а обращение в них к истории служит не более чем аргументом в актуальной политической полемике или иллюстрацией к выдвигаемым авторами философско-политическим концепциям.

При этом в разных странах за пределами Польши уровень развития и характер литературы по польской истории существенно раз-

личались. В наибольшей степени такие сочинения получили распространение во Франции и затем в Англии, где наиболее интенсивно протекала литературная и общественная жизнь. В Германии литература, затрагивавшая польскую проблематику, была представлена многократно скромнее, и развивалась она под сильным воздействием официальной прусской, австрийской и саксонской пропаганды. Особенностью ее также было значительное внимание в протестантских землях Германии к положению своих польских единоверцев³³. В России вплоть до начала XIX в. польская история XVIII в. в политических сочинениях не получила заметного отражения.

Среди основных положений европейской общественно-политической мысли в области истории Речи Посполитой был тезис о «внутренних» и «внешних» причинах «падения» шляхетской республики. При этом представители политической мысли Польши, Франции и частично Англии, признавая наличие первых, все же рассматривали как главный фактор раздела страны политику великих держав – соседей Польши, чему другие страны были не в силах воспрепятствовать якобы из-за своей отдаленности. Официальная прусская пропаганда и соответствующее направление в публицистике германских земель и других государств Севера Европы, напротив, усматривали главную причину «упадка Польши» во внутренних условиях развития страны, возлагая ответственность за катастрофу на саму «шляхетскую нацию» Речи Посполитой.

В свою очередь, выдвинутый в политических сочинениях XVIII в. тезис о «внутренних причинах упадка Польши» получил, с одной стороны, историческое объяснение (Станислав Август, Ф. Лойко, У. Кокс), когда «польская анархия» рассматривалась как исторически обусловленный и преодолимый этап развития страны, в той или иной форме пройденный и другими государствами. С другой стороны, было широко распространено и антиисторическое толкование в духе имманентного противопоставления «польского беззарядья» рационалистически организованному (регулярному) государству, будь то в абсолютистском духе (Фридрих II) или республиканском (Руссо, Мабли).

Внешний фактор получил описание в политической литературе посредством свойственной для эпохи Просвещения концепции политического равновесия. Последнее было якобы нарушено, а затем восстановлено благодаря разделу страны. Такая механистическая интерпретация была характерна для рационалистических «политических систем» XVIII в., и в то же время она отражала, как отмечал еще К.О. Аретин, кризис международной системы старого порядка³⁴.

ИСТОРИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КОНЦА XVIII —
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В. О РАЗДЕЛАХ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Эпоха Великой французской революции, наполеоновских войн и последовавший за ней период Реставрации озаменовались кардинальными переменами и в истории Польши: от Четырехлетнего сейма и гибели шляхетской Речи Посполитой до Ноябрьского восстания 1830 г. В рассматриваемый период под воздействием событий эпохи, прежде всего вследствие окончательного раздела шляхетской республики, произошли определенные изменения в воззрениях на причины «упадка Польши». Наряду с традиционными высказываниями о собственной вине поляков за гибель своего государства, которое один немецкий автор в изданном в Кельне в 1808 г. сочинении сравнивал с античной Римской империей и вопрошал, «стоит ли искать причину гибели римского колосса в готах, вандалах или герулах»³⁵, появились и новые суждения.

В Польше их возникновение было подготовлено не только общественно-политической ситуацией последней трети XVIII в., но и развитием исторического знания в Речи Посполитой, когда появляются первые тома «Истории польского народа» Адама Нарушевича, задавшегося целью выяснить «причины возвышения и упадка государств», или сочинения Францишека Езерского.

Во время Четырехлетнего сейма, в 1790 г. Станислав Сташиц в «Предостережении Польше»³⁶ высказал мысль об ответственности шляхты за отсталость страны и сформулировал новое понимание народности, принципиально отличное от представлений о шляхетской нации Речи Посполитой. Центральное место в польской политической мысли рассматриваемого периода принадлежало книге «Об установлении и падении Конституции 3 мая». Написана она была по инициативе Хуго Коллонтая в соавторстве с Францишеком Дмоховским и Игнацием и Станиславом Потоцкими, вышла в свет в 1793 г. в Меце по-польски и тогда же – в переводе на немецкий язык³⁷. Труд, составленный под руководством Коллонтая, стал ответом польского реформаторского лагеря на декларацию русского и прусского дворов о втором разделе Польши. Однако высказанные соавторами идеи выходили далеко за рамки политической полемики и оставили на долгое время заметный след в историографии.

В книге были выдвинуты возражения против широко распространенного тезиса, поддержанного в частности и Сташицем, о политической отсталости Речи Посполитой, и утверждалось, что «в решениях конституционного сейма» Польша «идет наравне с образованнейшими нациями Европы в истинном Просвещении, в ра-

зумном законодательстве, в признании и почитании человеческих прав». Опровергали соавторы и утверждение об анархии в Речи Посполитой, заявляя о якобы «безграничной» исполнительной власти в республике, в то время как законодательная власть находилась, по их словам, «в совершенном бессилии». Такая политическая система, утверждал автор первой главы Дмоховский, была следствием российской гарантии польского государственного устройства, «что не давало удовлетворить насущные потребности нации иначе, нежели путем государственного переворота». Погубили же Польшу в то самое время, утверждал Коллонтай, когда она, «не дав ни малейшего повода к мести или вражде, [...] все приготовила для своего счастья», коварство Екатерины II, вероломство Фридриха Вильгельма, то, что внимание Европы было отвлечено событиями во Франции, и «тот, кто отдалил интересы своей короны от дела отчизны». Ответственность за отсутствие сопротивления внешним силам авторы целиком возлагали на короля Станислава Августа, а защитники старопольских порядков и шляхетских вольностей изображались в книге исключительно как адепты русского деспотизма. С аналогичных позиций, с тем только отличием, что вину за гибель Речи Посполитой наряду с королем разделили и «изменники», была написана книга «Опыт истории польской революции 1794 г.», увидевшая свет в 1796 г.³⁸

Таким образом, в сочинениях Коллонтая и его сторонников и последователей нашли выражение не только характерные черты политической мысли эпохи, выразившиеся в тезисах о «праве народов», об «измене монарха», о «вероломстве интервентов», но и положения, ставшие существенными элементами исторического знания и получившие в дальнейшем развитие в историографии. Во-первых, в вопросе о внутренних и внешних причинах упадка и разделов Речи Посполитой защитники Конституции 3 мая не только отрицали наличие первых и абсолютизировали вторые, сводя их к злой воле монархов-захватчиков, но и, что принципиально важно, усматривали связь между революцией во Франции и потрясениями, переживаемыми Европой в целом. Во-вторых, была осознана связь между политикой великих держав, направленной на раздел страны, и стремлением реформаторского лагеря в Польше провести прогрессивные преобразования государственного строя шляхетской республики. В-третьих, был поставлен вопрос о значении российской гарантии политического устройства Речи Посполитой и о роли в нем Постоянного совета, ассоциировавшегося в польском общественном мнении с российским господством.

В европейской историографии наиболее значительные труды, охватившие историю Польши революционной эпохи, принадлежат

французским авторам. Это объясняется, с одной стороны, традициями предшествующего периода, а с другой – значением для французской историографии изучения в общеевропейском контексте истории Великой французской революции и идеологическим противостоянием защитников буржуазной революционности и апологетов реставрации, борьба между которыми после окончания наполеоновских войн развернулась на страницах исторических сочинений. В области рассматриваемых проблем упадка Польши и разделов Речи Посполитой фундаментом французской историографии стал уже упомянутый выше труд умершего в 1791 г. Клода Рюльера, над которым автор работал до конца жизни и который был опубликован в Париже в 1807 г.³⁹ В нем историк рассматривает правление Станислава Августа (1764–1795) как время радикальных преобразований, когда «было очевидно, что польские законы не соответствовали более нравам; нужно было установить совсем новое правление. Желанием самых мудрых было изъять свое отечество из-под анархической власти дворянства, отменив нелепый закон о единогласии, но в то же время спасти республику от всех опасностей деспотизма, установив национальный совет для назначения на все должности»⁴⁰. В тезисах Рюльера об устранении от власти дворянства и о национальном совете нетрудно усмотреть аналогии с событиями в революционной Франции. Причем эти мысли были высказаны автором до принятия Четырехлетней сеймом Конституции 3 мая. Обвиняя Россию во враждебной политике по отношению к Польше, Рюльер считал такую политику «равносильной завоеванию». По его словам, Екатерина II «задумала у нации, еще независимой, переменить и религию, и законы, то есть все то, что ловкие завоеватели, обладавшие искусством укреплять свое владычество, всегда уважали у покоренных народов». Целью же российской императрицы, по мнению историка, стало «под предлогом веротерпимости установить в соседней стране свою собственную религию; дать участие ее священникам и ее дворянству в чужой верховной власти»⁴¹. В этом утверждении звучит не только осуждение произвола абсолютистских великих держав (прежде всего России) и оправдание, а также пропаганда идей Барской конфедерации, но и поставлены проблемы оценки российской политики в диссидентском вопросе и характера российской гарантии польской конституции. Однако в названном труде они рассматриваются изолированно от вопроса о характере реформ политического устройства Речи Посполитой времени правления Станислава Августа.

Сочинение Рюльера в целом принадлежит предшествующему периоду, а идеи и воззрения времени Великой французской революции только наложили на него свой отпечаток. Наиболее же значительный

труд по истории Польши, ее упадка и разделов страны в революционную эпоху принадлежит перу Луи Филиппа Сегюра, французского политика и дипломата, участника войны за американскую независимость. На короткое время он посещал Польшу. В 1783–1789 гг. Сегюр был послом в России, в 1792–1793 гг. – в Пруссии. Вершина его карьеры приходится на членство в Законодательном собрании Франции при Наполеоне.

Главный труд Сегюра, в котором значительное внимание уделено Польше, был издан в 1801 г.⁴² В нем он писал о патриотизме и энергии поляков времени Четырехлетнего сейма, об их намерении подготовить все сословия к принятию свободы, устранить политическую анархию и утвердить подлинную веротерпимость⁴³. В этой части своего сочинения автор вполне идет в русле идей, высказанных еще Х. Коллонтаем. Однако главное внимание Сегюр уделил международному положению Польши в период сейма и далее во время восстания Т. Костюшко. Он указал на связь судьбы Польши с революционной Францией, писал об интригах соседних держав, об интервенции, с помощью которой задушили революцию в Польше и пытались подавить ее во Франции. По его словам, объединившиеся против Франции монархи действовали подобно французским якобинцам: уничтожили право, разделили Польшу, стремились разделить Францию, подобно тому как, со своей стороны, «французские комитеты» предложили разделить Германию⁴⁴. Говоря о польско-российских отношениях, Сегюр отмечал, что еще со времени Петра I Польша стала игрушкой в руках России и других великих держав. Вместе с тем он считал ошибкой «патриотического лагеря» времени Великого сейма разрыв договора с Россией о гарантии польской конституции, усмотрев причину этого шага в интригах Пруссии, подогревавшей ненависть поляков к России и подталкивавшей их к проведению реформ, чтобы потом совместно с Россией наверняка довести дело до окончательного раздела страны⁴⁵.

Историография революционной эпохи получила свое завершение в период Реставрации 1815–1830 гг. В это время страницы политических и исторических сочинений стали последним полем битвы Великой французской революции. «Народ Нового времени, – писал Тьерри, – жизнь которого основана на гражданском равенстве и свободном труде [...] мощь третьего сословия давно уже стали свершившимся фактом, а потому – правом нашей истории»⁴⁶.

Из среды французских роялистов во время Реставрации, в 1820 г., вышла работа Антуана Феррана «История трех разделов Польши как продолжение Анархии Рюльера»⁴⁷. Член Французской академии и один из теоретиков реставрации Ферран в своем труде по истории

Польша опирался на рукописи Рюльера и на документы французского Министерства иностранных дел. Политическая ситуация в Европе после Венского конгресса и заключения Священного союза повлияла на характер его сочинения, в котором почти явно присутствовала не только полемика с Сегюром, но и стремление опровергнуть прореспубликанские воззрения Рюльера, продолжателем труда которого провозгласил себя автор. Как большинство политических писателей того времени, Ферран рассматривал Польшу в качестве пограничного барьера между варварством и цивилизацией, как форпост Европы. Главную причину разделов страны он видел во влиянии на властителей эпохи Просвещения «деструктивной философии» и «революционного духа». Вместе с тем Ферран, повторяя аргументы польских противников Станислава Августа и Чарторыхских, критиковал последних за содействие усилению влияния России в Речи Посполитой⁴⁸. В аналогичном духе о «падении Польши» писал Нарцисс Сальванди в пространных эссе к своей «Истории Яна Собеского», изданной в Париже в 1827 г.⁴⁹ Как и Ферран, он принадлежал к видным деятелям Реставрации, был министром просвещения и академиком. Рассуждения Сальванди прямо направлены против «духа революции», якобы ниспровергающего мораль и право. По его мнению, историю Польши определили «сарматские традиции», ставшие причиной ее упадка. Польское государство, считал Сальванди, возникло среди «темных славян», у которых отсутствовало единство, что и обусловило как характер самого государства, так и причины его гибели. Стремление же польского общества к реформам во время Четырехлетнего сейма только ускорило катастрофу Речи Посполитой⁵⁰.

Как отметил еще М.Х. Серейский, до 1830-х гг. за пределами Польши к проблемам упадка Речи Посполитой обращались историки только в Германии⁵¹. Это обстоятельство не случайно, и оно объясняется не только участием Австрии и Пруссии в разделах страны, не только их ролью на Венском конгрессе и в Священном союзе, но и существовавшей возможностью раздела Германии между великими державами. Эти и другие причины побуждали политических наблюдателей и ученых в Германских землях задуматься над судьбой их восточного соседа.

Как свидетельство прогрессивных тенденций в развитии польского государства восприняли многие заграничные наблюдатели Конституцию 3 мая 1791 г.⁵² Тезис об избавлении Польши от традиционной анархии вызвал и переосмысление оценки разделов страны, выраженное осуждением второго и третьего разделов Речи Посполитой. Так, сатирик Йоханес Гердер критиковал историков, по его словам, только прославляющих великие державы и унижаю-

щих угнетенные народы⁵³. Профессор Геттингенского университета Людвиг Шпитлер в изданном в 1794 г. в Берлине сочинении «Проект истории европейских государств»⁵⁴ возложил на Россию вину за «невиданное насилие», а на Пруссию – «за произвол» при разделах Польши. Он писал, что интересы монархов «заслонили дело и права народов». Названный труд примечателен в двух отношениях. Во-первых, автор выдвинул весьма характерный и получивший широкое распространение в эпоху Великой французской революции просветительский тезис о «праве народов» как отрицании «права монархов». Во-вторых, осуждая разделы Польши с позиций права народов, он вместе с тем продемонстрировал явное опасение перед лицом французского революционного экспансионизма. Последнее обстоятельство подчеркивалось еще и тем, что труд геттингенского профессора был издан в Берлине, где были гораздо более обеспокоены собственной судьбой, чем сожалели о разделе Польши.

Примеры подобных размышлений мы встречаем и в наполеоновское время, в частности, в двух трудах профессоров Геттингенского университета: в выдержавшей несколько изданий «Всемирной истории» (1804) Иоганна Эйхгорна и в «Очерках истории системы европейских государств» (1809) Людвиг Хеерена. Эйхгорн отмечал, что слабость Польши была вызвана политической анархией, так как «аристократизм возобладал над королевской властью, что Конституция 3 мая «могла противостоять всякому (внутреннему) злу, сделавшему Польшу бессильной»⁵⁵. Однако республика пала жертвой внешних обстоятельств. Л. Хеерен в более абстрактной форме писал, что Польшу погубил «дух политики», то есть рационалистический расчет и произвол великих держав, острие критики автора обращено против Пруссии и России, опрокинувших право и нарушивших европейское равновесие. Однако он отдал должное и другому тезису – о польской анархии⁵⁶.

В русской историографии первым связанным с историей разделов Польши историческим сочинением как поводом для написания, так и по содержанию стала написанная еще в 1795 г., по повелению Екатерины II книга Н.Н. Бантыш-Каменского «Историческое известие о возникшей в Польше Унии с показанием начала и важнейших в продолжении оной, через два века, приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униатов на благочестивых тамошних жителей гонении [...] из хранящихся Государственной коллегии иностранных дел в Московском архиве актов и разных исторических книг»⁵⁷. Приведенное здесь название достаточно точно характеризует как официозную и клерикальную направленность исследования, так и его источниковую базу. Опубликованная в 1805 г. к десятилетию третьего раздела Польши, книга эта должна была быть направлена про-

тив полонофильских настроений начала царствования Александра I и послужить обоснованием «законности» русской политики в отношении Польши вплоть до ликвидации польского государства в 1795 г. Примечательно, что второе и третье ее издания были осуществлены в Вильно в 1864 и 1866 гг. по указанию М.Н. Муравьева для безвозмездной раздачи православному духовенству и наставникам народных училищ Северо-Западного края.

Именно в книге Н.Н. Бантыш-Каменского впервые были сформулированы тезисы об исторической роли русского правительства в воссоединении Западной Руси и Великороссии и об особом значении покровительства православному населению Польши и Литвы со стороны России чуть ли не со времен Гедимина и уж по крайней мере с начала царствования Петра I. Тезис об исторических правах России на земли Западной Руси, дополненный утверждением о гибели Польши вследствие внутренней анархии развивал и М.Н. Карамзин, писавший, что Екатерина II «взяла в Польше только древнее наше достоинство и когда уже слабый дух ветхой республики не мог управлять ее пространством»⁵⁸.

Рассматривая в целом историографию упадка и гибели Речи Посполитой XVIII – первой трети XIX в. (до 1830 г.), можно заключить, что, хотя названная проблема и была поставлена в научном плане, ее научная историография, вследствие своей политической актуальности, не выделилась еще в полной мере из области политических сочинений. Однако уже тогда был поставлен целый ряд принципиальных научных проблем, по которым развернулась международная дискуссия. Во-первых, был поднят вопрос о внутренних и внешних причинах гибели польско-литовского государства, при этом большинство исследователей констатировали решающую роль внешнего фактора, возлагая ответственность за разделы Польши на великие державы, в первую очередь на Россию и Пруссию. Во-вторых, было указано на значение для международного положения в целом и для судьбы польско-литовской шляхетской республики революционной эпохи, положившей конец старому порядку в Европе, а также выделена антиномия между «правом монархов» и «правом народов». В-третьих, был поставлен ряд частных проблем: о характере диссидентского вопроса, о политических реформах в Речи Посполитой и о российской гарантии польской конституции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Serejski M.H.* Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne. Warszawa, 1970. S. 5–14.

- 2 *Konopczyński W.* Dzieje nauki historycznej w Polsce // *Przegląd Powszechny*. T. 228. 1949. Nr. 7–8. S. 27–45; Nr. 9. S. 145–160.
- 3 *Ibidem*. Nr. 7–8. S. 27.
- 4 *Grabski A.F.* Dzieje historiografii. Poznań, 2003. См. также другие труды А.Ф. Грабского: *Idem.* Orientacje polskiej myśli historycznej. Warszawa, 1972; *Idem.* Myśl historyczna polskiego oświecenia. Warszawa, 1976; *Idem.* Zarys historii historiografii polskiej. Poznań, 2000.
- 5 *Meineke F.* Die Entstehung des Historismus. München, 1965; (Первое издание 1936 г.).
- 6 *Grabski A.F.* Dzieje historiografii. S. 459–467.
- 7 *Serczyk J.* 25 wieków Historii. Historycy i ich dzieła. Toruń, 1994.
- 8 *Konopczyński W.* Dzieje nauki historycznej w Polsce... S. 29.
- 9 *Ibidem*. S. 145–146.
- 10 *Ibidem*. S. 30–31.
- 11 *Кареев Н.И.* Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888. С. 18, 29.
- 12 Содержание понятия «романтизм» и по сей день остается весьма неопределенным и дискуссионным. См. напр.: *Payre H.* Czym est romantyzm? Warszawa, 1987; *Sepkowski A.* Utopie polskiego romantyzmu. Piotrków Trybunalski. 1997; *Рейзов Б.Г.* Французская романтическая историография (1815–1830). Л., 1956.
- 13 *Wierzbicki A.* Historiografia polska doby romantyzmu. Wrocław, 1999. S. 6.
- 14 См. напр.: *Косминский Е.А.* Историография средних веков. М., 1963; Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / Под ред. И.С. Галкина и др. М., 1977; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1–2. М., 1960.
- 15 *Serejski M.H.* Op. cit. S. 5–6.
- 16 *Massuet P.* Histoire des rois de Pologne et des révolutions arrivés dans ce royaume. Amsterdam, 1734. Vol. 1–5.
- 17 *Coyer G.F.* L'Histoire de Jean Sobéeski, roi de Pologne. Amsterdam (Paris), 1761. Vol. 1–3.
- 18 *Ibidem*. Vol. 1. P. 121, 127.
- 19 *Rulhière C.C.* Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république. Paris, 1807. Vol. 1–4.
- 20 *Serejski M.H.* Europa a rozbiory Polski... S. 74. Подробнее о сочинении К. Рюльера см.: *Wołoszczyński R.* Polska w opiniach Francuzów XVIII w. Warszawa, 1964.
- 21 См.: *Horn B.D.* British Public Opinion and the First Partition of Poland. Edinbourg, 1945.
- 22 *Cocx W.* Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark. London, 1784. Vol. 1–4.
- 23 См. напр.: *Кригзайзен В.* Положение протестантов в Речи Посполитой в освещении немецких периодических изданий XVIII в. // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XVIII вв. М., 2002. С. 99–124.

- 24 [Friedrich II.] Ouvres posthumes de Frédéric II roi de Prusse. Berlin, 1788. Vol. 5. Memoires depuis la paix de Hubersbourg jusqu'à la fin du partage de la Pologne.
- 25 Das gerechte Schicksal Polens. Leipzig, 1775.
- 26 Arnold R. Geschichte der deutschen Polenliteratur von den Anfängen bis 1800. Halle (an der Saale), 1900.
- 27 См.: Носов Б.В. Представление о Польше в правящих кругах России в 60–е гг. XVIII в., накануне первого раздела Речи Посполитой // Поляки и русские в глазах друг друга / Отв. ред. В.А. Хорев. М., 2000. С. 72–82.
- 28 Архив князя Воронцова. М., 1882. Т. 25. С. 503–504.
- 29 Grabski A.F. Myśl historyczna polskiego oświecenia. Warszawa, 1976.
- 30 [Stanisław Awgust]. Memoires du roi Stanislas Auguste Poniatowski. SPb.–Leningrad, 1914–1924. Vol. 1–2.
- 31 Serejski M.H. Europa a rozbiory Polski... S. 101.
- 32 Grabski A.F. Myśl historyczna polskiego oświecenia... S. 116–139.
- 33 См.: Крузайзен В. Положение протестантов в Речи Посполитой...
- 34 Aretin K.O. Tausch, Tailung und Länderschacher als Folgen des Gleichgewichtssystem der europäischen Grossmächte. Die polnischen Teilungen als europäisches Schicksal // Polen und die polnische Frage in der Geschichte der Hohenzollemmonarchie 1701–1871. Berlin, 1981. S. 53–68.
- 35 Kaulfuss J.S. Polens Untergang. Ein charakteristisches Gemälde diesen Adels-Nation. Köln, 1808. Bd. 1. S. 3.
- 36 Staszic St. Przestrogi dla Polski // Staszic St. Pisma filozoficzne i społeczne. Warszawa, 1954. T. 1. S. 303–309.
- 37 O ustanowieniu i o upadku konstitucyi 3-go maja. [Metz], 1793; Vom Entstehen und Untergange der Polnischen Komstitution vom 3-ten Mai 1791. 1793.
- 38 Versuch einer Geschichte der letzten polnischen Revolution vom Jahr 1794. 1796.
- 39 Rulhière C.C. Histoire de l'anarchie de Pologne ...
- 40 Ibidem. Vol. 2. P. 122.
- 41 Цит. по: Кареев Н.И. Падение Польши в исторической литературе... С. 91–92
- 42 Ségur L.Ph. Histoire des principaux événements des règne de Frédéric Guillaume II, roi de Prusse, et tableau historique et politique de l'Europe depuis 1786 jusqu'en 1795. Paris, 1801. Vol. 1–3 .
- 43 Ibidem. Vol. 3. P. 136–141.
- 44 Ibidem.. P. 157.
- 45 Ibidem. Vol. 1. P. 79–97; Vol. 2. P. 31–40, 230–231.
- 46 Thierry A. Considerations sur l'histoire de France. Paris, 1840.
- 47 Ferrand A.F. Histoire de trois démembrements de la Pologne pour faire suite à l'Histoire de l'anarchie pour Rulhière. Paris, 1820. Vol. 1–3.
- 48 Ibidem. Vol. 1. P. III.
- 49 Salvandy N. Histoire de la Pologne avant et sous le roi Jean Sobiesky. Paris, 1827–1829. Vol. 1–3.
- 50 Ibidem. Vol. 1. P. XII–XII, Vol. 3. P. 297–298, 301.
- 51 Serejski M.H. Europa a rozbiory Polski... S. 155.

-
- 52 См. напр.: Einige Briefe über Polen im Sommer 1791. В кн.: *Zawadzki W. Polska Stanisławowska w oczach cudzoziemców*. Warszawa, 1963. Т. 2. S. 190–191.
- 53 *Serejski M.H.* Europa a rozbiory Polski... S. 107.
- 54 *Spittler L.* Entwurf der Geschichte der europäischen Staaten. Berlin, 1794. Bd. 2. S. 362–423.
- 55 *Eichhorn I.G.* Weltgeschichte. Göttingen, 1804. Bd. 2. S. 268.
- 56 *Heeren L.* Handbuch der Gescichte des europäischen Staatensystem und seiner Kolonien. Göttingen, 1809. S. 529–533.
- 57 *Бантыш-Каменский Н.Н.* Историческое известие о возникшей в Польше унии... М., 1805.
- 58 *Карамзин Н.М.* Историческое похвальное слово Екатерине Второй. М., 1802. С. 27.

*Хайнц Шиллинг
(Берлин)*

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

(НА ПРИМЕРЕ ШВЕЦИИ)

Устремляя взор в прошлое, обращаешь внимание на кажущееся почти агрессивным страстное желание шведской короны и шведского дворянства захватить на полях сражений на континенте и отправить в Швецию первоклассные произведения искусства и изделия прикладного искусства, а также целые научные библиотеки. Отмеченное явление, как и вообще историю военной добычи в раннее Новое время, следует рассматривать в тесной связи с возникновением в указанную эпоху международной системы сильных независимых государств ¹, которая послужила фоном и условными рамками подобным действиям этих государств на европейской международной арене. Для этой системы в целом была свойственна безудержная политическая, экономическая, культурная и военная конкуренция государств, которая распространялась и на сферу вербального или визуального представительства власти посредством культурного или духовного «капитала», при этом формируемый образ такой державы имел немаловажное значение как для монархов и политической элиты, так и для подданных. Как подчеркивал английский философ и политический мыслитель Томас Гоббс (1588–1679) в своем трезвом и реалистическом анализе бушующей начиная с XVII в., открытой борьбы за государственное устройство Европы Нового времени, эти образы символически исполняли репрезентативные функции. Формирование и оформление этих функций было предметом неустанной заботы всех государей и государств, и были они чем угодно, но отнюдь не эпизодическими арабесками в восприятии образа государства и в самосознании эпохи барокко. Репрезентация власти принадлежала к фундаментальным функциям государства. Пользуясь ею, государства вели борьбу за осуществление собственных интересов и во имя завоевания своей оптимальной позиции внутри складывающейся системы самостоятельных современных государств. Так как, согласно Томасу Гоббсу, репутация власти – это сила, потому что она привлекает приверженцев, нуждающихся в защите ². В соответствии с этими сформулиро-

ванными английским философом основными принципами, возникшая на исходе Средних веков борьба за приведение христианского общества в соответствие потребностям отдельных усиливающихся властителей с самого начала сопровождалась стремлением последних обосновать свои притязания на верховную власть, в частности, и посредством церемониально-ритуальных художественных образов и соответствующих произведений искусства, в которых был бы запечатлен носитель власти. К этому стремились именно те политики и государственные деятели, которые наиболее рьяно желали превознести политическую значимость своих государств, своих династий и не в последнюю очередь и собственной персоны. Они заказывали первые большие парадные портреты государей и посредством всех имевшихся в их распоряжении средств коммуникации своего времени, в том числе и технических, содействовали распространению этих образов. Прежде всего, к подобного рода властителям относились император Максимилиан I (1459–1519) и папа Юлий II (1443–1513), чье изображение на монетах делает понятной причину сетования Эразма Роттердамского на этого воинственного и могущественного папу³. Затем в последующем поколении это французский король Франциск I и император Карл V, политическое и военное соперничество которых за господствующее положение в Европе нашло свое точное соответствие в искусстве и притом не только в портрете, а и в архитектуре, литературе и музыке. Начиная с 1540-х гг. в этой борьбе за самоутверждение образов, изображений и презентаций Карлу V удалось добиться доминирования в памятниках культурного и художественного наследия посредством целой программы заказов, к исполнению которых были привлечены международно признанные мастера: художники, графики, скульпторы, резчики по камню, ковровщики, архитекторы, литераторы, историографы и т. д.⁴

В конце XVI в. почти каждый член европейского сообщества государств создал собственную программу репрезентации своих властных политических притязаний и соответственно своего позиционирования внутри статусного ранга в иерархии государств того времени. Это касалось как княжеств (курфюршеств) и королевств, так и республик – следует привести лишь два примера – республики Северных Нидерландов, которая самым тщательным образом оберегала «величие государства» («de eer en hoogheid van de staat»)⁵, или Венеции, которая упорно защищала свои претензии на королевский ранг, основанные на королевской короне Кипра, и на занятие соответствующего места в европейской системе государств, главным образом в противоположность притязаниям Савойи на ту же корону. Этому служили пропагандировавшие величие государства

монументальные картины, такие как «Катарина Корнаро передает корону Кипра дожу Агостино Барбариго» Пальмы иль Джоване, находящаяся в настоящее время в Берлинской картинной галерее. В некоторых случаях корона Кипра как символ и атрибут статуса государства служила даже поводом для решительного политического демарша, как это случилось в 1675 г., когда на похоронах герцога Карла Эммануэля II императорский двор в Вене по политическим союзническим причинам во время траурной церемонии дополнил савойский герб короной Кипра. Этот акт вызвал немедленный протест венецианского посланника ⁶. Как оба названных государства в Северной Италии – Савойя и Венеция, так и скандинавские государства-соседи Дания и Швеция на протяжении столетий упорно вели спор за корону на гербе.

Разумеется, в случае соперничества по поводу герба между Швецией и Данией речь не шла о королевском статусе обеих монархий как таковом. В отличие от случая с республикой Венецией и герцогством Савойей, для Швеции и Дании статус королевства был неоспоримым. Сомнению подвергалось только право Дании оставить после расторжения Кольмарской унии между Данией, Норвегией и Швецией в своем гербе три короны, поскольку на это право исключительно претендовала отныне независимая Швеция, которая первой из скандинавских держав уже в период расцвета Средневековья имела герб с тремя коронами, восходящими, пожалуй, к трем Святым королям. Когда после окончательной отмены Кольмарской унии в 1523 г. Дания сохранила герб с тремя коронами, прежде принадлежавшими союзу трех государств, Швеция усмотрела в этом неправомерное, с ее точки зрения, притязание на ревизию шведской независимости.

Швеция, которая как страна, достигшая более высокого ранга в европейской иерархии государств и монархий, и «пороговая держава» как в культурном, так и в политическом отношении по сравнению со старшей ведущей скандинавской страной Данией, должна была действовать наступательно. Она не могла долго терпеть такое неопределенное положение в употреблении и в содержании герба, что не могло исключить и принятие военного решения.

Ведшаяся между обоими соперниками в 1563–1570 гг. Первая Северная война или «война трех корон» несомненно была частью борьбы за политические и экономические интересы в районе Балтийского моря, которую мы традиционно считали борьбой за доминирование на Балтике и разжиганию которой именно в эти десятилетия активно способствовал вакуум власти в Прибалтике, в частности, и вследствие упадка Ливонского ордена ⁷. И все-таки название того времени как «войны трех корон» отражает существенный фактор, характери-

зующий сложившуюся тогда политическую ситуацию, а именно презентацию силы, от которой все зависит в еще не окрепшей системе государств. Убедительным образом это доказывает эпизод, который повлек за собой – мог повлечь за собой начало открытых военных действий. Этот эпизод имеет немаловажное значение, поскольку в нем, как это вытекает из основного правила Гоббса, необходимость как для вновь возникших, так и для перешедших в высший ранг государств защищать или укреплять репутацию своей власти. И первым и самым главным для этой репутации являлась неприкосновенность «чести и величия» государства, в случае с королевствами это означало отождествлять себя с державой собственной правящей династии. В 1563 г. для Дании и Швеции эти «честь и величие» и вместе с тем статус внутри складывающейся европейской системы государств символически представлялись не чем иным как оспариваемым ими гербом с тремя коронами. Если говорить о конкретном проявлении названного конфликта по поводу государственных символов, то он имел место в мае 1563 г., когда датский и шведский флоты встретились у Борнхольма. Унаследованные и церемониально закрепленные условия власти требовали при встрече кораблей обеих стран в открытом море взаимного приветствия артиллерийским салютом, однако, хотя дипломаты Дании и Швеции еще вели переговоры о мирном разрешении спора о гербах и датский Ригсрод уже был готов утвердить мирное соглашение ⁸, но исход встречи двух флотов у Борнхольма был предопределен. Ибо уступка непременно должна была повредить «репутации власти», так как пропаганда противника немедленно обнародовала бы ее, а официальные юристы затем оценили бы ее как прецедент государственного права. Как в случае невыясненного протокольного прецедента у послов, так и здесь был один лишь путь избежать открытого столкновения. Он состоял в том, чтобы оба флота и в конечном счете каждый отдельный шведский и датский корабль осознанно соблюдали бы дистанцию по отношению друг к другу. Однако шведский адмирал Якоб Багге полагал, что «уйти с дороги» вряд ли было бы возможно без потери лица для Швеции. Флотоводец считал такой шаг недопустимым, так как у него было в высшей степени деликатное поручение – встретить в Ростоке Христину, дочь ландграфа Филиппа Гессенского, готовившийся брак с которой короля Эрика XIV должен был укрепить международную аристократическую репутацию молодой династии Ваза ⁹. В итоге соображения престижа взяли верх над осторожностью, и разразившийся инцидент стал решающим поводом к войне.

Со времени провозглашения независимого королевства Швеция стремилась упрочить свой европейский имидж как в символиче-

ской репрезентации политической власти, так и в области культуры и науки. Шведские монархи сознавали, что, как указал еще Гоббс в своем основном правиле о роли власти, «богатство, знания и честь» есть атрибуты государственного величия, «хотя и разных видов»¹⁰. В этих областях потребность Швеции наверстать упущенное была особенно велика. Однако соответствующий энтузиазм и готовность к действиям, и притом на стороне короны, имелись лишь у придворной аристократии, а также у церковных верхов и светского чиновничества. Свидетельства этого присутствуют в шведской реформации и в глубоко укоренившейся вскоре лютеранской культуре вероисповедания, точно так же как и в высокой гуманитарной образованности и риторическом искусстве канцлера Акселя Оксенштерны или короля Густава Адольфа либо в архитектурных пристрастиях, следуя которым многие из шведских дворянских родов взяли за усовершенствование своих замков и городских домов.

В известной мере высшей точки это стремление шведских властей и политических элит к общеевропейскому престижу достигло в середине XVII в. и воплотилось в дочери Густава Адольфа Христине – королевской «сивилле севера», остроумие и художественный вкус которой вызывали восхищение. И не в последнюю очередь поэтому ее относительно мало ругали за переход в католичество. В последние недели большой религиозной войны (Тридцатилетней войны 1618–1648 гг.) именно королева Христина побудила своих генералов, действовавших в Центральной Европе, прежде всего в Богемии, захватывать у врага возможно больше книжных собраний и произведений искусства, чтобы таким образом перенести в Швецию блестящие образцы европейских художественных сокровищ.

Культурный трансферт как результат военной добычи, который тогда не воспринимался как затрагивающий честь, был присущ всем воюющим сторонам и стал для скандинавской окраинной и пороговой державы самым эффективным и быстрым способом приумножить культурный капитал и совершить гигантский рывок в упомянутой гонке с европейскими, особенно датскими, конкурентами. Этот шанс шведские войска уже использовали в 1620-х гг. в Прибалтике, а потом еще раз с большим размахом после захвата Мюнхена в мае 1632 г. Тогда Густав Адольф во время своего десятидневного пребывания в баварской столице позволил разграбить кунсткамеру и библиотеку курфюрста Максимилиана I и при этом захватил не один экземпляр коллекции, похищенной десятью годами ранее в Гейдельбергском замке¹¹. Самая большая возможность захватить в качестве военных трофеев культурные ценности, которая, однако, была последней, поскольку уже успешно проходили мирные переговоры в Мюнстере и

Оснабрюкке, представилась затем в конце 1640-х гг. в Богемии. В богемских областях империи Габсбургов имелись громадные книжные фонды многочисленных библиотек городов, монашеских орденов и епископств, замки и дворцы аристократии украшали произведения искусства, картины и скульптуры выдающихся мастеров. Особенно знаменито было собрание императора Рудольфа в Праге¹². В то время как мы имеем довольно полное представление о потерях королевских художественных собраний и библиотек в Богемии, вряд ли можно измерить потери аристократии и городских верхов. Большие, чаще всего церковные библиотеки в большей или меньшей степени целиком отправлялись морем в Швецию. Среди них были такие, как библиотека основанного в XII в. на горе Страхов монастыря премонстратов, так называемая Розенбергская библиотека, библиотека Пражского епископального капитула, а также огромные фонды университетской библиотеки в Ольмюнце и Дитрихштайнской епископальной библиотеки¹³. Как свидетельствует перемещение по разным направлениям культурных ценностей наивысшего уровня в качестве военной добычи, реконструированное сегодня путем лишь отдельных изысканий, к этим библиотечным фондам причисляются ценные книги гуманитарной библиотеки голштинской аристократии и датского советника Хайнриха Рантцау, которую захватил в 1627 г. Альбрехт Валленштейн в замке Брайтенбург, принадлежавшем роду Рантцау, и подарил пражской иезуитской школе¹⁴.

Невозможно переоценить исключительное научное, культурное и историческое значение приобретенных во время Тридцатилетней войны посредством военной добычи шведскими библиотеками и собраниями произведений искусства¹⁵. Однако если рассматривать эти приобретения в связи с государственной политикой периода раннего Нового времени и с врожденной необходимостью верховной власти демонстрировать свою мощь обладанием соответствующим культурным капиталом, то станет очевидно, что ярко выраженный интерес Швеции к высоким образцам искусства и науки как к военной добыче был совсем не случайным. Так же это не было выражением естественного инстинкта норманнов захватывать все, что только ни попадет в руки, как это, по-видимому, любили приписывать викингам раннего Средневековья.

Даже в то время, когда каждая из воюющих держав стремилась к добыче, удивительный даже в тех условиях размах шведской заинтересованности в приобретении достояния побежденных и стремление шведских властей к экспроприации культурных ценностей Центральной Европы выделялись из общего ряда. Они были обусловлены особым положением, которое занимала в XVI и в начале

XVII в. Швеция как окраинное государство, переходящее в более высокий класс внутри формирующейся международной системы независимых сильных государств, в рамках которой разворачивалась безудержная политическая, экономическая, культурная и военная конкуренция между составлявшими ее членами. Одновременно это было выражением большого значения и ценности, которые в процессе этой конкуренции придавались вербальному и визуальному представительству власти посредством культурного и духовного капитала и притом всеми соперничавшими силами и на разных уровнях, как государями, так и политической элитой и подданными.

Ввиду периферийного положения и культурной отсталости Швеции королевская власть и дворянство при визуализации и всеобщей репрезентации власти не могли опираться ни на давнюю собственную традицию интенсивного поощрения культуры, ни на помощь выдающихся деятелей искусства и первоклассных мастеров художественных промыслов своего времени. Тогда военная добыча предоставила возможность добиться силой трансферта культуры и как бы одним махом устранить культурную отсталость. Швеция, вставшая на путь превращения в великую державу, посредством военной добычи овладела культурным капиталом, необходимым для того, чтобы соответствовать роли ведущей европейской державы и существовать в этом смысле наравне с другими государствами. Только этим путем Швеции удалось вместе с реальной силой обеспечить себе в век барокко, в век дворов и альянсов, не менее важные средства и пути для символического представительства власти.

Это значение военных трофеев для символической репрезентации власти, однако, ни в коем случае не исключало прагматических соображений, что говорит о его комплексном характере. Таким образом, не только университетская библиотека в Упсале была укомплектована ценными книгами и рукописями из разграбленных богемских книжных фондов – среди них знаменитый «Codex argenteus» с готическим переводом библии Ульфила. Согласно правительственной инструкции, данной Г. Оксенштерной военачальнику Торстенсону, тот должен был осматривать хорошо укомплектованные библиотеки в Богемии, чтобы отсылать «книги в Швецию для пополнения библиотек в королевских академиях и гимназиях»¹⁶. По достоверным сведениям, частично трофейные книги направлялись во вновь основанные гимназии и в высшие школы в Вэстерас и Странгес, а также в церковь Св. Николая в Стокгольме, в консисторию и ее президенту¹⁷. Подобно действиям властей поступало шведское дворянство, которое использовало военную добычу для мебелировки своих вновь построенных дворцов, как, например, Врангели для своего дворца Скоклостер¹⁸.

Стратегически важная роль отводилась захваченным культурным ценностям в презентации власти с конфессионально-политической точки зрения. В первую очередь это касалось разграбления книжных собраний в Богемии. Передача католических монастырских и епархиальных библиотек протестантам должна была ослабить ударную мощь контрреформации, и она считалась триумфальным реваншем за грабеж реформатской гейдельбергской библиотеки Палатины и за ее перевозку в Рим, что в начале Тридцатилетней войны служило демонстрацией силы католицизма и унижения протестантов¹⁹.

Едва ли уместно в данном случае прибегать к детальному сопоставлению положения дел с военными трофеями, поводов и функций их отчуждения во время Тридцатилетней и Второй мировой войн. Все же можно отметить некоторые общие черты. С одной стороны, обнаружилась систематическая связь обоих феноменов, поскольку каждый раз дело касалось репрезентации и визуализации политической силы и символического самопозиционирования представлявших их держав внутри системы государств, которым как окраинным державам и «странам-нюккамерам» (новым музеям), таким как Швеция в XVI в. и Советский Союз в XX в., упомянутые презентации и визуализация власти рассматривались как особенно важные. С другой стороны, в тесной связи с этим определялись эпохальные границы описанной политики по отношению к трофеям, которая проявляется как манера поведения, свойственная эпохе. В ней отношения государств определялись структурами и способами функционирования – особенно культурным представительством («Репутацией власти является сила») – той международной системы отдельных суверенных государств, которая сложилась в период раннего Нового времени и позже, в XX в., находилась в состоянии разложения или же подверглась коренному изменению. Следовательно, трофеи Швеции и Советского Союза обозначали начало и конец описанного явления. Перед лицом современного положения эпохи и мира указанный феномен является достоянием истории и в этом смысле получил свое завершение.

Об этом свидетельствует и принципиальное изменение, намекающееся, кажется, в настоящее время в деликатном вопросе об окончательном местопребывании произведений культуры и искусства, решение которого никогда не может быть удовлетворительным. До недавнего времени первостепенное значение имело стремление к реституции. Так, уже в XVII в., когда потерпевшие поражение государя и государства всеми средствами пытались отвоевать у грабителей утраченное или же вернуть себе выдающиеся произведения ради связанной с этими шедеврами культурной идентичности, од-

нако, прежде всего, они руководствовались в этом стремлением не потерять лица в глазах европейской общественности. Ведь даже в «Европейском театре» Мериана недвусмысленно сообщалось в конце мая 1649 г., что «завоеванные в Праге императорская кунсткамера и библиотека [...] прибывают в Стокгольм [и...] следует усердно взяться за расположение их на особых местах»²⁰. Например, баварский курфюрст Максимилиан уже в 1634 г. старался вернуть свою захваченную шведским королем кунсткамеру в обмен на шведского военачальника графа Густафа Горна, попавшего в его руки. Во время переговоров в Вестфалии императорская сторона потребовала реституции архивов и «другого движимого имущества» и смогла внести в мирные договоры соответствующее, хотя и неточное предписание²¹ – правда, без больших реальных последствий. Еще в XVIII и XIX вв. Стокгольм и Упсала были местами паломничества чехов, стремившихся найти там подтверждение своей национальной и культурной идентичности²².

Сегодня все по-другому. Современные дискуссии о местопребывании и об использовании произведений искусства как военной добычи давно уже не направлены преимущественно на репрезентацию власти или, как в XIX в. и в большей части XX в., на национальную и культурную идентичность. Речи не идет ни о трофеях Швеции раннего Нового времени, ни о трофеях Советского Союза во Второй мировой войне, хотя с Россией еще ведутся переговоры об их возврате, а также и Швеция в конце XX в. еще раз была вынуждена возражать в ответ на просьбы о возвращении части трофеев Тридцатилетней войны. Однако в обоих случаях такие политические требования, касающиеся престижа, давно уже больше не находятся в центре внимания. Лучше сказать, преимущество имеют отбор и реставрация трофейных фондов, как и представление на всеобщее обозрение их выдающихся произведений на выставках и в каталогах. В соответствии с тенденциями и в контексте современного выставочного дела вопрос о «перемещенных ценностях» иногда возникает вновь, как, например, проявилось в актуальной дискуссии о передаче во временное пользование в Каир для экспонирования хранящейся в Берлине скульптуры Нефертити²³, о смысле или бессмысленности его обсуждения не стоит здесь судить. И при хищении произведений искусства речь больше не идет ни об идентичности, ни о власти. Соответствующие претензии можно было бы удовлетворить лишь радикальным решением о возврате. Сегодня в первую очередь разрешается вопрос о выдаче во временное пользование и гарантии сохранности культурного фонда, первоначальную национальную принадлежность которого нельзя уже установить, но который относится к мировому культурному наследию. Может быть, в недалеком будущем в Праге могут

быть выставлены для публичного обозрения основные произведения из богемских трофеев раннего Нового времени в исторической экспозиции, совместно организованной чехами и шведами. Во всяком случае, подготовить ее было целью международной конференции ученых, созванной летом 2006 г. в Стокгольме чешским посольством в Швеции и шведской национальной библиотекой, где сегодня находятся некогда богемские книжные фонды²⁴.

Эта перемена отношения к культурному наследию отражается и в интересе общественности. Сегодня в ее представлении памятники культуры, как, например, получившие шумную известность сокровища Шлимана из советских трофеев или пользующийся дурной славой знаменитый «Codex Gigas» из военной добычи Швеции не выступают более как объекты национальной идентичности. В последнем случае речь идет об оваянной мифами гигантской древней рукописи, которая возникла в XIII в. в богемском бенедиктинском монастыре в Подлажице и из-за необычных иллюстраций, изображающих дьявола, приобрела известность как библия дьявола²⁵. Стало быть, говорится о произведении культуры, которое кажется непригодным для того, чтобы символически представлять историческую идентичность светского общества современной Чехии ни своим происхождением из средневекового монастыря, ни даже мифом о своем магическом, иррациональном возникновении – будто бы кодекс написан с помощью дьявола.

Перевод с немецкого Натальи Богаевой

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ По поводу государств, лишь затронутых конфигураций европейской системы держав конца XVI и первой половины XVII в., мы отсылаем к детальному изложению в кн: *Schilling H. Konfessionalisierung und Staatsinteressen. Internationale Beziehungen 1559–1660. Paderborn, 2007. (Handbuch der Geschichte der Internationalen Beziehungen Bd. 2).*
- ² *Hobbes T. Leviathan or the matter, form and power of a commonwealth / Ausgabe Michael Oakeshott. Teil I, Kap. 10. Oxford, 1960. P. 56. Немецкий перевод: Leviathan oder Stoff, Form und Gewalt eines kirchlichen und bürgerlichen Staates / Hg. von Iring Fetscher, übers. von Walter Euchner. 4. Aufl. Frankfurt, 1991. S. 66.*
- ³ *Warncke M. Visualisierung der Macht im 16. Jahrhundert // Staatsrepräsentation / Hg. von Gauger J.-D., Stangl J. Berlin, 1992. S. 63–74; Panofsky E. Das Leben und die Kunst Albrecht Dürers. München, 1977; Kempers B. «Julius inter laudem et vituperationem». Ein Papst unter gegensätzlichen Gesichtspunkten beurteilt // Hochrenaissance im Vatikan. Kunst und Kultur im Rom der Päpste / Hg. von Kruse P. Bonn, 1999. S. 15–29, здесь S. 16.*

- 4 Из большого количества литературы следует упомянуть лишь *Burke P.* Präsentation und Re-Präsentation. Die Inszenierung Karls V. // *Karl V. und seine Zeit (1500–1558)* / Hg. von Soly H. Köln, 2000. S. 393–476.
- 5 Таково название соответствующей монографии: *Heringa J.* De eer en hoogheid van de staat. Over de plaats der Verenigde Nederlanden in het diplomatieke leven van de zeventiende eeuw. Groningen, 1961.
- 6 *Oresko R.* The House of Savoy in Search for a Royal Crown in the Seventeenth Century // *Royal and Republican Sovereignty in Early Modern History. Essays in Memory of Ragnhild Hatton* / Hg. Oresko R., Gibbs G.C., Scott H.H. Cambridge, 1997.
- 7 Подробно и с указанием литературы по этому вопросу см. в кн.: *Schilling H.* Konfessionalisierung.
- 8 Это выводы новейших датских исследований, ср.: *Lavery J.E.* Germany's Northern Challenge. The Holy Roman Empire and the Scandinavian Struggle for the Baltic, 1563–1576. Boston, 2002. S. 14 со сноской 57.
- 9 О событиях и результате «войны трех корон» ср.: *Schilling: Konfessionalisierung. Bd. IV, § 3.* – О гессенском плане брака Gräfin, Holger Th.: Konfession und internationales System. Die Außenpolitik Hessen-Kassels im konfessionellen Zeitalter. Darmstadt; Marburg, 1993, S. 103–104.
- 10 *Hobbes: Leviathan* / ed. Oakshot. P. 46.
- 11 В свою очередь Максимилиан I взял реванш за потерю книг, захваченных протестантской Швецией, воспользовавшись в 1635 г. представившейся ему возможностью военным путем завладеть библиотекой в замке Тюбингена. Трофеи Швеции документально отражены в кн: *Katalog der Ausstellung Wittelsbach und Bayern, 12. Juni bis 5. Oktober 1980.* Bd. II, 2: Um Glaube und Reich. Kurfürst Maximilian I. / Hg. von Glaser H. München, 1980. S. 419–429.
- 12 Подробно о событиях и основных объектах добычи см. *Hoja Z.* Der Kampf um Prag und das Ende des Dreißigjährigen Krieges // 1648. Textband I / Hg von Bußmann, Schilling S. 403–412. Специально о собрании Рудольфа см.: *Fučíková E.* Das Schicksal der Sammlungen Rudolfs II. vor dem Hintergrund des Dreißigjährigen Krieges // 1648. Textband II / Hg. von Bußman, Schilling. S. 173–180.
- 13 Лучший обзор, посвященный судьбе богемских и моравских библиотечных фондов, представляют два сообщения об исследовательских путешествиях по библиотекам и архивам в XVIII и XIX вв.: *Dobrowsky J.* Litterarische Nachrichten von einer auf Veranlassung der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften im Jahre 1792 unternommenen Reise nach Schweden und Rußland. Prag, 1796 и *Dudík B.* Forschungen in Schweden für Mährens Geschichte. Im Auftrage des hohen mährischen Landesausschusses im Jahre 1851 unternommen und veröffentlicht Brünn 1852. Ср. также: *Walde O.* Storhetstidens litterära krigsbyten. Bd. I. Stockholm; Uppsala, 1916; Ders. Bücher- und bibliotheksgeschichtliche Forschungen in ausländischen Bibliotheken // *Nordisk Tidskrift för Bok- och Biblioteksväsen.* XVII. 1930. S. 75–148, где особенно показаны те фонды или отдельные книги богемских библиотек, которые по пути в Швецию «застряли» в некоторых библиотеках, прежде всего в северной Германии. В публичные библиотеки была передана лишь малая часть трофейных книг.

- 14 Walde O. Forschungen. S. 76–77.
- 15 Обзор с указанием специальной литературы см.: *Tauss S.* «...dass die Räuberei das alleradligste Exercitium ist...». Kunstschätze als Beute in Dreißigjährigen Krieg // 1648 / Hg. von Bußmann, Schilling. S. 281–288; ср. также том каталога: XI Kunstraub und Kunstbeute. S. 405–411.
- 16 Письмо Габриэля Оксенштерна Торстенсону от 24 февраля 1644 г., в немецком переводе цит. по: *Dudik B.* Forschungen. S. 24.
- 17 Детально показано в кн.: *Dobrowsky J.* Litterarische Nachrichten... и *Dudik B.* Forschungen... Однако, пожалуй, лишь небольшая часть добычи была передана для общественного пользования. Как свидетельствуют сегодня соответствующие фонды Национальной библиотеки в Стокгольме, именно книги, представляющие научную ценность, почти не используются, а покоятся в библиотеке королей как свидетельства шведского величия.
- 18 Большая часть обстановки, конечно, могла быть куплена. Об этом подробные работы многолетнего директора и хранителя замка Скоккостер Арне Лосмана, обобщенные в его труде: *Losman A.* Carl Gustaf Wrangel, Skokloster und Europa – Manifestation von Macht und Ehre in schwedischer Großmachtzeit // 1648. Textband II / Hg. von Bußmann, Schilling. S. 639–648.
- 19 Подробный отчет предоставляет каталог выставки: *Bibliotheca Palatina.* 2 Bde. / Hg. von Mittler E. Heidelberg, 1986; кроме того реконструкция библиотеки в издании микрофишей: «*Bibliotheca Palatina*»: Mikrofiche-Edition / Hg. von Boyle L., Mittler E. München, 1989–1995; «*Bibliotheca Palatina*»: Druckschriften – Stampati Palatina – Printed Books: Katalog und Register zur Mikrofiche-Ausgabe / Hg. von Mittler E. München, 1999. 4 Bde.
- 20 *Merian M.* Theatrum Europaeum. Bd. 6. 1647–1651. Frankfurt a./M., 1652. S. 907 (Mai 1649).
- 21 IPM § 108; IPO XVI, § 15.
- 22 Ср., например, путешествие чешского прелата и языковеда Йозефа Добровского в 1792–1793 гг. в Швецию, описанное в кн.: *Dobrowsky J.* Litterarische Nachrichten... и *Dudik B.* Forschungen...
- 23 Ср. соответствующие сообщения в газете «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» (FAZ) от 13.4.2007 с относящимися к ним письмами читателей от 17.4.2007 и другие.
- 24 Конференция «Rethinking the World of 17th Century War Booty», организована д-ром Янисом Креслином 26–28 апреля 2006 г. в Национальной библиотеке Швеции (Королевской библиотеке) в Стокгольме.
- 25 *Kungl. Biblioteket Stockholm Signatur A 148.* Высота кодекса 92 см, ширина 50 см и толщина 22 см, вес 75 кг, и таким образом он, по-видимому, является самым большим из сохранившихся средневековых манускриптов. Написан на латинском языке и снабжен большим числом иллюстраций, содержит библию, «*Etymologiae*» Исидора Севильского, «*Antiquitates Judaicae*» Иосифа Флавия, «*Chronica Voeuorum*» Козьмы Пражского, различные трактаты, календарь, список братьев монастыря, сведения о чудесах и другие локальные заметки.

*Дайва Нарбутене
(Вильнюс)*

ОБМЕН КУЛЬТУРНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ В ЕВРОПЕ В XV–XVIII ВВ.: КНИГОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Многие исторические события увековечены в памятниках культуры, в частности, таких как произведения искусства, архитектуры, манускрипты или иные плоды творческой деятельности. В этих самых разнообразных памятниках своеобразно нашли свое отражение (и идеологическое осмысление) важные события истории европейских стран и народов. Рассмотрение с этой точки зрения факторов и тенденций культурного развития Европы на протяжении длительного периода XV–XVIII вв., для которого были характерны фундаментальные перемены во всех областях общественной жизни, от экономики и политики до общественного сознания и культуры, имеет немаловажное значение в исторических исследованиях.

Поскольку само содержание понятия «культурные ценности» является в современной науке предметом напряженной дискуссии, которая неоднократно находила отражение в публикациях исследователей разных стран ¹, отметим, что в данной статье под культурными ценностями подразумеваются как материальные памятники человеческой деятельности, так и сама творческая деятельность, включая сюда оценку результатов предшествующей деятельности и полученную на ее основе нормативную информацию, поставленные цели, достигнутые результаты и их осмысление, а также инфраструктуру творческой деятельности, в частности, такие ее аспекты как идеология и культурная политика. Такой широкий методологический подход несомненно требует ограничения предметных рамок исследования, тем более что хронологически оно охватывает весьма длительный период. Книговедческий аспект позволяет сузить их до пределов, приемлемых для небольшой статьи.

Исходя из охарактеризованного метода исследования, книговедческий аспект обмена культурными ценностями предполагает изучение особого рода деятельности, особого рода сферы – книжной культуры, или книжного дела, включая сюда как субъект, так и объект европейской книжности. Хронологически отправной точкой исследования является середина XV в. (изобретение книгопечатания в

Европе), а завершением – конец XVIII в., финал эпохи раннего Нового времени, эпохи старого порядка в Европе и века Просвещения, совпавший с концом существования Речи Посполитой – Республики Обоих Народов, или Польско-Литовского государства.

Если верить словам бывшего директора Библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле проф. Паулюса Рабе, книга является европейским культурным феноменом, преодолевающим всякие границы². Принимая во внимание транснациональный характер книжной культуры, с нашей точки зрения уместно было бы дополнить вынесенную в заглавие настоящего коллективного труда тему, наряду с поименованными Россией, Польшей и Германией, по крайней мере, еще одним государством, в свое время создавшим свою цивилизацию, – старой Литвой или Великим княжеством Литовским. И это отнюдь не только из-за материала, на котором основана настоящая статья, но из-за того вклада, который Литва внесла в интересующий нас обмен культурными ценностями между Востоком и Западом, Югом и Севером Европы прежде всего благодаря своему географическому положению. Думается, что этот вклад и самобытная культура литовского общества и государства были обусловлены своеобразным политико-общественным строем. Исследование места Литвы в процессах регионального и общеевропейского культурного обмена с учетом отмеченных факторов позволит описать и объективно охарактеризовать тот механизм, который был свойствен процессу обмена культурными ценностями в Европе в XV–XVIII вв. А именно выявление механизма такой взаимосвязанности и оценка его значения и является целью этой статьи.

Исходным материалом для исследования послужили, прежде всего, хранящиеся в книжных собраниях Литвы старопечатные издания на латинском языке, дающие много ценных сведений о времени, способах, формах и содержании рецепции латинского языка, латинской литературы, служивших фундаментом западноевропейской культуры, в частности, и в рассматриваемый период.

В своей профессиональной деятельности больше времени автор этих строк приходится уделять европейским старопечатным изданиям. Последним результатом нашей работы в этой области стал каталог книг на разных языках, изданных в старой Литве и некоторых других государствах, авторством или содержанием связанных с Литвой и хранящихся в Библиотеке Литовской академии наук (так называемой литуаники)³. Проведенное исследование и библиографическое описание включенных в каталог изданий позволяет сделать вывод, что книжное дело одного государства не замыкалось только его рамками – оно являлось результатом культурного взаимодей-

ствия авторов и издателей нескольких европейских стран. Такой вывод, конечно, не является открытием, но он служит важным подтверждением суждения, прежде уже высказанного некоторыми видными деятелями науки и культуры ⁴.

Основой для формирования в дальнейшем книжной культуры служит появление и развитие письменности, начало распространения которой в Литве относится к XIII в. В 1251 г. великий князь литовский Миндаугас принял крещение. С этим событием известный литовский языковед академик Зигмас Зинкявичюс связывает возникновение молитвы на старолитовском языке (старейший ее список датируется началом XVI в.) ⁵. В 1253 г. новокрещеный князь получил от папы римского королевскую корону и стал первым королем Литвы. Этим годом помечена привилегия на латинском языке, выданная королем ливонским купцам; она сохранилась и свидетельствует о начале письменности в Литве ⁶. 1262 годом датируется возникновение литовской письменности на старославянском языке. В православном монастыре в Новогрудке (по другим данным – в Вильнюсе) был сделан вольный перевод хроники Иоанна Малалы, в котором, между прочим, языческое прошлое Литвы было объяснено связями с язычеством древних греков и римлян и таким образом вписано в историю культурных народов ⁷. Начало письменности на древнегреческом языке в Литве относится к княжению Альгирдаса (1345–1377). Известна его переписка с константинопольским патриархом. Начало письменности на старонемецком языке происходит в княжение Витаутаса Великого (1392–1430), а на старопольском – в правление великого князя Александра (1492–1506). Эти факты свидетельствуют, что с самого начала для всякого рода коммуникаций в Литве употреблялись не один, а несколько языков разного ранга – и международные языки (латынь, древнегреческий), и региональные (немецкий, старо- и церковнославянский), и местные (литовский, польский) ⁸. История освоения и употребления одного из международных языков, а именно латыни, лучше всего демонстрирует механизм культурных взаимосвязей в целом, что наиболее полно позволяет осветить книговедческий аспект.

Возникновение в Литве печатной книги на латинском языке связано с новыми европейскими культурными тенденциями: распространением светских начал в культуре и литературе, миссионерской деятельности и духовном пастырском попечении некоторых новоучрежденных орденов в восточноевропейских государствах и, конечно, с распространением книгопечатания в Восточной Европе. Первый этап книгопечатания литовских латиноязычных изданий в общих чертах ничем не отличался от аналогичных процессов в дру-

гих государствах Северной и Восточной Европы⁹. В Литве, как и в других странах, проводились составление, редактирование и редакционная подготовка текстов, а печатались книги за границей – там, где уже работали печатные станки. Так, в Вильнюсе в 1498–1499 гг. каноником Мартинасом подготавливается латинская Агенда, которая выходит в свет в 1499 г. в Гданьске. В 1500 г. великий князь Литовский Александрас направил в Рим литовскую делегацию под руководством каноника Эразма Вителлия (Erazm Ciołek; 1474–1522). В этом же году в Риме была издана речь Вителлия, произнесенная в присутствии папы Александра VI и всей кардинальской курии. В напечатанной речи жителям апостольской столицы и всей католической Европе было представлено Великое княжество Литовское и описаны его возможности на международной арене¹⁰. Другой папа Лев X заказывает тому же Эразму Вителлию поэму об охоте в литовских лесах. Так появляется известная многим поэма Микалоюса Гусовиануса (Nicolaus Hussovianus, Hussowski; ок. 1475–85 – после 1533) «Песнь о зубре»¹¹.

Начало книгопечатания в самой Литве связано с уроженцем Полоцка доктором Францыском Скарыной (ок. 1490 – ок. 1541). В 1522–1525 гг. в Вильнюсе он издал на «рутенском языке» (на древнерусском языке), на основе которого вскоре возникли нынешние белорусский и украинский языки, несколько книг церковного содержания. Разные неблагоприятные обстоятельства помешали ему развить издательскую деятельность. Прежде всего, на развитие книгопечатания в регионе в XVI в. повлияли развернувшиеся реформационные движения и обострение борьбы держав за господство в Прибалтике. Влияние это было, однако, весьма противоречивым. С одной стороны, потребности противоборствовавших сил в пропаганде своих воззрений стимулировали распространение печатного слова и развитие книжного дела, а с другой – войны и конфликты, политическая враждебность и религиозные противоречия негативно сказывались как на личных судьбах книгоиздателей, так и на издательском деле в целом. В связи с этим надо отметить борьбу Католической церкви с распространением Реформации на территорию Литвы. Кстати, из-за начавшейся Реформации первая книга на литовском языке – Катехизис Мартинаса Мажвидаса (Martynas Mažvydas; ок. 1520–1563) – вышла не в Вильнюсе, а в Кёнигсберге (1547).

С укреплением позиций сторонников Реформации в Литве связано появление книг на латинском и польском, а с начавшейся вскоре Контрреформацией – и на литовском, латышском, немецком, итальянском и еще нескольких языках. Это ознаменовало следующий этап истории литовской книги – освоение современных по тем временам форм культурной коммуникации, что происходило параллельно

с ее содержательным обновлением. В 1563 г. в Бресте Литовском (в нынешнем Бресте), в типографии Микалоюса Радзивилла Черного (Mikalojus Radvila Juodasis; Radziwiłł Czarny; 1515–1565), на польском языке была отпечатана протестантская Библия. В 1564 г. в Несвиже на латинском языке было напечатано полемическое издание польского арианского идеолога Гжегожа Павла из Бжезин (Grzegorz Paweł z Brzezin; †1591) «Противоядие от нового вероисповедания»¹² (известное только по библиографическим источникам, как, между прочим, и несколько других полемических протестантских изданий, вышедших на территории Великого княжества Литовского). Учреждение Вильнюсской иезуитской коллегии (1570) и университета (1579) расширило вскоре в огромных масштабах в качественном и количественном отношении латинское книгопечатание в Литве.

Культурные взаимосвязи Великого княжества Литовского с другими европейскими странами можно рассматривать по двум направлениям. Во-первых, это изучение обмена книгоиздательской продукцией с ближайшими западными соседями Литвы (Польшей, Пруссией, Чехией), а также с государствами западного христианства, с Западной Европой. Во-вторых, это исследование книгообмена с восточной частью Европы, прежде всего с Московским государством. Оба эти направления включают в себя последовательные главные фазы книжного дела и общественной функции книги: автор – создатель книги, производство (т. е. печатание) и распространение (библиотечные книжные собрания).

На упомянутом выше первом этапе развития книжного дела в Литве, главным содержанием которого было освоение передовых культурных новшеств, огромную роль сыграли католические монастыри и другие церковные учреждения, а также центры научной и педагогической деятельности, прежде всего университеты. С помощью латыни они распахнули дверь в западное культурное пространство. Особая роль в этом процессе принадлежала обновленному королем Ягайло (Jogaila) в 1400 г. Краковскому университету. В королевской грамоте университету была поставлена новая цель – христианизация Литвы, и выдвинута новая задача – приготовление юношества, прибывшего из Литвы и Руси, для пастырской работы в Княжестве¹³. По прошествии некоторого времени на этом пути были достигнуты ощутимые результаты. Наряду с миссионерской деятельностью питомцы Ягеллонского университета начали заниматься и книжным делом. Так, выпускник университета Альбертас Таборас (Albertas Taboras; ок. 1450–1507), ставший епископом Вильнюсским, заказал краковскому канонику Яну Сакрану (Joannes Sacranus; 1443–1527) сделать описание различий между католическим и православным

вероисповеданиями. В результате в 1501 г. в Кракове вышел трактат на латыни: «Освещение ошибок в обрядах у рутенов»¹⁴.

Получение высшего образования в зарубежных университетах открывало возможности обмена интеллектуальным опытом, что находило отражение в книжной культуре. В университетах Франкера, Кёнигсберга, Лейдена и других издавались тезисы диссертаций, написанных студентами из Великого княжества Литовского. Но это – только небольшая часть всей интеллектуальной продукции, созданной гражданами Литвы и изданной за рубежом. Как уже отмечалось выше, на втором этапе культурных взаимоотношений, а именно на этапе создания культурных ценностей на месте, непосредственно в Литве, и распространения их за пределы Великого княжества, особо важную роль сыграл Вильнюсский университет. Начиная с XVII в. профессора и выпускники университета опубликовали десятки и сотни своих трудов в главных издательских центрах тогдашней Европы: в Варшаве и Кракове, в Праге и Лейпциге, во Франкфурте и Страсбурге, в Антверпене и Амстердаме, в Риме, Париже и Лондоне. Только перечисление наиболее значительных авторов и их сочинений потребовало бы немало места. И все же одного из них следует упомянуть. Это сочинение военного инженера Казимира Семеновичюса (Semenavičius; Siemienowicz; около 1600 – после 1651) «Великое искусство артиллерии», изданное в 1650 г. в Амстердаме¹⁵. Книга, иллюстрированная рисунками самого автора, познакомила читателей не только с передовыми для своего времени образцами вооружения и тактикой его применения, но и, между прочим, с созданием многоступенчатых ракет. Была напечатана только первая часть этого произведения – в предисловии автор изложил и план будущей второй книги. Только ранняя смерть талантливого ученого помешала осуществить этот замысел. Это произведение вызвало интерес специалистов в разных странах. Год спустя в той же самой типографии у Янссония вышел его французский перевод. А в 1676 г. в Франкфурте-на-Майне появилось издание на немецком языке: перевод с латыни сделал житель Лейпцига Томас Леонард Бире (Thomas Leonhard Beere. Немецкое издание сочинения Семеновичюса вышло, дополненное второй частью, написанной капитаном Даниелем Эльрихом, Daniel Elrich). В 1729 г. в Лондоне появилось издание и на английском языке¹⁶. (Кстати, в 1963 г. труд Семеновичюса дождался перевода и на польский язык.)

Освоение латинского языка и латинской культуры уже в XVI в. создали благоприятные условия для деятельности в Литве интеллектуалов, выходцев из других стран Европы. Они приезжали сюда учиться, преподавать, работать в государственных и церков-

ных учреждениях. Соответствующие миграционные потоки шли в Княжество по нескольким направлениям. Например, из юго-западной части Европы прибыли испанцы: известный юрист и латиноязычный поэт Петр Роизий (Pedro Ruiz de Moros; ок. 1505–1571), теолог и философ Эммануэль де Вера (Emanuel de Vega; 1553–1640), философ и теолог Яаков Ортиз (Jacobus Ortisius; 1564–1625), итальянцы – иска-тель приключений и латиноязычный писатель Алессандро Гваньини (Alessandro Guagnini; 1538–1614) и известный теолог, папский нун-ций Антонио Поссевино (Antonio Possevino; 1533–1611); с севера – швед – теолог и поэт Лаврентий Бойер (Boyer; ок. 1561–1619), созда-тель латышской письменности, проповедник Георг Эльгер (Georgs Elgers; ок. 1586–1672), из Центральной Европы – чех – теолог и педагог Балтазар Гостоунски (Baltazar Hostounský; ок. 1534–1600) и австриец Квири-н Кноглер (Quirin Cnogler; †1640), выходец из Пруссии Освальд Крюгер (Oswald Krüger; ок. 1598–1655) – математик, астроном и физик, прибывший в Вильнюс после учебы в Риме. Все они внесли значитель-ный вклад в латиноязычную культуру Великого княжества Литовского XVI–XVII вв. И это движение отнюдь не было только односторонним. Граждане Литвы работали в католических миссиях за пределами сво-ей страны, даже в Индии и Китае (самым известным миссионером был Анд-рюс Рудамина (Andrius Rudamina; 1596–1631), погибший при тра-гических обстоятельствах в Китае). Ученые из Литвы преподавали в университетах разных стран (Кёнигсберге, Кракове, Праге, Оломоуце, Оксфорде и др.). Тут можно упомянуть Войцеха Тыльковского (Adalbertus Tytkowski; 1624–1695), Самуелиса Богуслава Хилински-са (Samuelis Boguslavas Chilinskis; ок. 1631– ок. 1668) и др.

С научно-педагогической и просветительной деятельностью связан обмен культурными ценностями разного рода, например, пе-дагогической литературой – учебными пособиями и т.п. Например, большой популярностью по всей Европе в свое время пользовал-ся учебник латыни, написанный испанцем Мануэлем Алваресом (Manuel Alvarez; 1526–1583) «De institutione grammatica libri tres» (первое изд. 1572). Он выдержал огромное количество изданий поч-ти во всех странах Европы (в Вильнюсе впервые в 1592 г.) и все еще переиздавался до конца XVIII столетия. И хотя в середине XVII в. во Франции грамматика Алвареса была подвергнута критике¹⁷, она не утратила популярности в Европе, о чем свидетельствуют многочис-ленные переиздания даже в самой Франции. А в Польско-Литовском государстве этим пособием пользовались несколько поколений шляхты, несмотря даже на то, что в середине XVIII в. (1759–1799) монахи-пийры на польском языке издали «Латинскую грамматику» («Gramatyka łacińska ad usum Scholarum Piarum»; в Вильнюсе – в 1759,

1799; в Варшаве – 1772, 1776). Даже после основания Эдукационной комиссии в 1773 г., когда уже был упразднен Орден иезуитов, грамматика Алвареса здесь переиздавалась около двадцати раз.

Естественно, в Литве издавались и другие учебные пособия, предназначенные для изучения иностранных языков: французского, немецкого, польского, латышского. Любопытно отметить, что именно в Литве появились и первые печатные грамматикой древнерусского (или церковнославянского) языка. «Грамматика словенска» написана Лаврентием Зизанием (50–60-е гг. XVI в. – после 1634 г.), преподавателем словесных наук во Львовском, Брестском и Вильнюсском братских училищах, несколько лет (1626–1627) проживавшим в Москве. Грамматика Зизания была напечатана в Вильнюсе, в Братской типографии, в 1596 г. Другая славянская грамматика вышла в свет в 1619 г. в небольшом городке Вевис (Евье), в тридцати километрах к западу от Вильнюса¹⁸. Ее автор – Мелетий Смотрицкий (ок. 1578–1633) – видный деятель Православной, а потом Униатской церкви, автор многочисленных полемических произведений и педагог. В обеих грамматиках сказывается влияние грамматических моделей греческого и латинского языков, изучавшихся в то время в Литве. А для подготовки изданий славянской грамматикой были использованы грамматикой латыни и греческого языка, напечатанные в Германии, Польше и Италии¹⁹. И если еще в четвертом десятилетии XVI в. в Москве появившиеся издания Ф. Скарыны из-за отрицательного отношения местного духовенства (они были названы «еретичными», «неверными»²⁰) не могли найти благодатную почву для распространения, то в XVII столетии жители Московского государства совсем иначе откликнулись на пришедшие из Литвы новации книжного дела. В 1648 г. в Москве была переиздана грамматика Смотрицкого – правда, без имени автора, с некоторыми исправлениями, внесенными Михаилом Роговым и Иваном Наседкой²¹. Грамматика Смотрицкого перешагнула пределы Литвы и в других направлениях: она была издана в Бессарабии (1697), в Сербии (1755), была известна среди болгар. В Москве в 1721 г. Федором Поликарповым было осуществлено третье издание этой грамматикой²².

Говоря об обмене культурными ценностями, без сомнения надо иметь в виду и передвижение самих книг или даже целых книжных собраний, т. е. распространение книг через книготорговую сеть или другими способами. Торговля книгами получила широчайшее распространение с появлением промышленного книгопечатания. Формы организации продажи книг веками несколько менялись – от продавцов-переpletчиков (*bibliopolae*), книгоиздательско-торговых фирм (таких как Плантены в Нидерландах, Эльзевиры в Голландии)

или книгоиздательско-торговых «оффисин» (без изготовления самой продукции) до международных книжных ярмарок (в Венеции, Франкфурте-на-Майне, Лейпциге). Так что возможность приобрести нужные книги, изданные в типографиях разных стран (и не только Европы), существовала всегда. История книжной торговли может быть отдельной темой. Историка же книжной культуры чаще всего интересует распространение определенных книг и их восприятие в той или иной общественной среде. Об этом свидетельствуют книжные знаки: владельческие надписи, экслибрисы, печати; информацию об использовании книг дают маргиналии – от руки сделанные отметки читателей на полях или форзацах издания.

Наверное, самые исчерпывающие данные, позволяющие нам делать более подробные, более правильные выводы о функционировании книг в тот или иной исторический период, дают книжные собрания – частные или публичные библиотеки, библиотеки тех или иных учреждений. Определение их принадлежности и местонахождения, а также анализ собраний по содержанию, по составу авторов и книгоиздателей становятся одним из путей познания культурного взаимодействия. С другой стороны, учрежденческие библиотеки, открытые для читателей не только определенной местности, но и приезжающих из-за границы, тоже давали импульс для осуществления разного рода культурной деятельности. Свидетельством этого может послужить издание «Дипломатического кодекса» (*Codex diplomaticus*) в середине XVIII в., во время расцвета эпохи Просвещения. Составитель этого полиграфического шедевра Великого княжества Литовского пияр М.Д. Догелис (*Maciej Dominik Dogiel*; 1715–1760), пользуясь покровительством польского короля Августа III, работал в библиотеках Германии, Франции, Нидерландов, где в архивах собирал исторические документы, относящиеся к Литве и Польше. Появление сборника документов «*Foedera*», составленного по примеру кодекса английского королевского историографа Томаса Римера (*Thomas Rymer*; ок. 1643–1713), мы тоже можем считать своеобразным символом культурного взаимодействия нескольких европейских стран.

Открытие старых книжных собраний частных (библиофильских) библиотек, которые сегодня разбросаны по разным учрежденческим библиотекам, – один из возможных способов исследования процессов обмена культурными ценностями. Ведь именно в этих собраниях были накоплены самые драгоценные издания Европы при жизни собирателя и владельца книжного собрания, предмета заслуженной гордости его обладателя. И по сей день сохраняет свое уникальное историческое и культурное значение библиотека любителя книги и бережного собирателя герцога Августа. Заложенная своим

основателем во второй половине XVI в., библиотека хранит многие ценные памятники культуры (рукописи и печатные издания) разных европейских стран. Сегодня это уникальное собрание размещается там же, где и было основано, – в Вольфенбюттеле, а его сокровищами могут пользоваться читатели, большую часть которых сегодня составляют ученые со всего мира.

Иная судьба постигла другую не менее ценную библиотеку, столь же значительную по размерам своих собраний. Она была основана в Несвиже в середине XVI в. канцлером Великого княжества Литовского Микалоюсом Радзивиллом Черным. Во второй половине XVIII в. Несвижская Радзивилловская библиотека была одной из самых больших магнатских библиотек во всем Польско-Литовском государстве. В ней насчитывалось около 20 тыс. книг; там также хранились карты, гравюры, нумизматика – ценнейшие культурные памятники Литвы, Польши, Нидерландов, Франции, Италии и других стран Европы. В 1772 г. библиотека была вывезена в Петербург. Книги из бывшей Несвижской библиотеки сегодня можно найти в библиотеках многих учреждений разных европейских стран: в России (особенно в Библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге, отсюда часть книг попала и в Финляндию, в Хельсинки), в Польше, а также в Литве и Белоруссии (несколько десятков изданий). Есть сведения, что книги из библиотеки Радзивилловской Несвижской ординации сохранились в Германии. Сегодня объединяются усилия библиотекарей, историков книги и других научных сотрудников из разных стран Центральной и Восточной Европы (Белоруссии, Литвы, Польши, России и Украины) для сбора информации о всем культурном наследии (не только книжном, но и художественном) Несвижских Радзивиллов.

Сохранившиеся памятники книжного наследия Великого княжества Литовского дают много интересного материала для дальнейших исследований культурных взаимосвязей стран и народов Европы. Думается, что этот материал имеет сейчас ценность и как фундамент культурного самоопределения народов, и как выражение непреходящих ценностей, творческого потенциала и культурных традиций наших предков, прежде всего способности наших культур к творческому взаимодействию, взаимопониманию и взаимному обогащению.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. напр.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.: проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения / Под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1976.; Wspólnota

- pamięci: studia z dziejów kultury ziem wschodnich dawnej Rzeczypospolitej / pod red. J. Gwioździk, J. Malickiego. Katowice: Biblioteka Śląska, 2006.
- 2 *Raabe P.* Knygos kultūros reikšmė Europai // Knygotyra, 2002. T. 39. P. 95.
 - 3 XVI–XVII a. lituanika Lietuvos mokslų akademijos bibliotekoje = Lithuanica saeculi sexti decimi et septimi decimi ex Bibliotheca Academiae Scientiarum Lithuaniae: katalogas / Lietuvos mokslų akademijos biblioteka / D. Narbutienė, V. Radvilienė, D. Rauckytė-Bikauskienė. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2007.
 - 4 Еще в 1950-х гг. Томас Стэрнс Элиот (Thomas Stearns Eliot; 1888–1965) – поэт, философ культуры, лауреат Нобелевской премии по литературе – говоря про единство европейской культуры, заметил: «различные культуры должны признавать свою взаимосвязанность, дабы каждая подвергалась воздействию других». См.: *Элиот Т.* Избранное: религия, культура, литература. М.: Росспэн, 2004. Т 1–2. С. 171.
 - 5 Подробнее об этом см.: *Lebedys J., Palionis J.* Seniausias lietuviškas rankraštinius tekstas // *Lebedys J.* Lituanistikos baruose. T. 1: Studijos ir straipsniai. Vilnius: Vaga, 1972. P. 21–54; *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorija. T. 3: Senųjų raštų kalba. Vilnius: Mokslas, 1988. P. 234–239; *Idem.* Lietuvių poteriai: kalbos mokslo studija. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2000.
 - 6 Документ хранится в Государственном историческом архиве Латвии (Latvijas Valsts Vestuves Archīvs, F. 8, aps. 3a, gl. 41). Публикация: *Gedimino laiškai = Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans* / S. C. Rowell. Vilnius: Vaga, 2003. P. 4–5.
 - 7 См. новейшее исследование данного памятника литературы старой Литвы: *Лемешкин И.* Иоанн Малала и фольклорное сказание о Совии в составе Хронографа 1262 г.: переводная византийская хроника и старая литовская литература // *Senoji Lietuvos literatūra*, 2006. Кн. 21. P. 229–275. Об этом памятнике см. в готовящейся к печати в Вильнюсе монографии И. Лемешкина (сотрудника Карлова университета в Праге).
 - 8 О взаимоотношениях разных языков, употреблявшихся для письма в Великом княжестве Литовском см.: *Нарбутас С.* Латинская литература Великого княжества Литовского и актуальные проблемы исследования письменного наследия ВкЛ // *Беларуская кніга ў кантэксте сусветнай кніжнай культуры: 36. навук. арт.: ў 2 ч.* / Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў / Склад. Т.А. Дзем’яновіч, Л.І. Доўнар, Т.А. Самайлюк. Мінск, 2006. Ч. 2. С. 76–89.
 - 9 Подробнее см.: *Narbutienė D.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos lotyniškoji knyga XV–XVII a. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2004.
 - 10 [*Ciołek E.*] *Erasmii Vitellii c. praepositi Vilmensis... Ad Alexandrum Sextum pontificem maximum in prestita obedientia Rome habita oratio.* = [Romae, post. 31 III 1501]. – [12] p.; 4°. Подробнее об этом авторе и его произведении см.: *Narbutas S.* Vilniaus prepozito Erazmo Vitelijaus kalba popiežiui Aleksandrui VI: tekstas ir jo kontekstai // *Lietuvos didysis kunigaikštis Aleksandras ir jo epocha = Grand Duke of Lithuania Alexander*

- Jagiellonian and His Time: mokslinių straipsnių rinkinys. Vilnius: Vilniaus pilių valstybinio kultūrinio rezervato direkcija, 2007. P. 210–219.
- 11 [Husovianas M.] *Carmen Nicolai Husoviani De statura feritate ac venatione bisontis*. – Impressum Cracoviae: per Hieronymum Vietorem, 1523 Mense Octob. – [56] p.: illustr., insign.; 8°. Факсимиле данного произведения см. также: [Husovianas M.] Mikalojus Husovianas. *Raštai = Opera* / B. Kazlauskas, S. Narbutas, E. Ulčinaitytė, T. Veteikis. – Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2007.
 - 12 [Grzegorz Paweł z Brzezin] *Antidotum contra articulos fidei novae a Sarnicio Varsaviae exhibitos tanquam a novo papa, seu Antidotum contra canones decretorum Sarnicki*. – Niesvisii: apud Danielelem Lancicium, [1564].
 - 13 *Fijalek J. Kościół rzymskokatolicki na Litwie. Chrystianizacja Litwy*. Kraków: Znak, 1987. P. 129–318.
 - 14 [Sakran J.] *Elucidarius errorum ritus Ruthenici*. – [Cracoviae: typis Joannis Haller, post V 1501]. – XXXIII], [I] lap.: ilustr.; 4°.
 - 15 [Semenavičius K.] *Artis magnae artilleriae pars prima / auctore Casimiro Siemienowicz equite Lituano olim artil[leriae] Reg[ni] Polon[iae] propraefecto*. – Amsterodami: apud Ioannem Ianssonium, 1650. – [16], 284, [4] p.: ilustr.; 2°.
 - 16 *Ивашкявичюс А. Казимир Семенович и его книга «Великое искусство артиллерии, часть первая»*. – Вильнюс, 1971. С. 14.
 - 17 *Raila E. Apšvieta // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos kultūra: tyrinėjimai ir vaizdai*. – Vilnius: Aidai, 2001. P. 50.
 - 18 [Смотрницкий М.] *Грамматики славенския правильное Синтагма, потщанием многогрешнаго мниха Мелетия Смотриского, в коиновии Братства церковнаго Виленскаго при храме Сошествия прес[вя]таго и животворящаго д[у]ха, назданном странствующаго снисканное и прижитое, лета от воплощения Б[о]га слова 1619, правящу ап[о]с[то]лский престол великия божия константинопольския церкве вселенскому патриарсе г. отцу Леонтию Карповичу архимандриту*. – В Евю: Тип. Виленского Братства, 1619. [392+?] p.: insign.; 8°.
 - 19 Подробнее см.: *Кузьминова Е.А. Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрницкого*. М.: Издательство Московского университета, 2000. С. 6.
 - 20 Ср.: *Vladimirovas L. Knygos istorija*. Vilnius: Mokslas, 1979. P. 327.
 - 21 *Кузьминова Е.А. Грамматики ...* С. 17.
 - 22 Там же. С. 17–18.

*К.Б. Жучков
(Псков)*

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ПРУССИИ В ДЕКАБРЕ 1812 — ЯНВАРЕ 1813 ГГ.

Подписание Пруссией 24 февраля 1812 г. союзного договора с Францией и участие прусского контингента в походе Наполеона против России осложнили отношения прусского кабинета с русским правительством. Однако полностью эти отношения не были прерваны, так как обе стороны осознавали вынужденность такого шага прусского правительства под нажимом Наполеона. В конце 1812 г., когда поражение Великой армии Наполеона в России стало для европейских дворов очевидным, русское правительство предприняло демарши, дабы побудить Берлин к разрыву с Наполеоном. Объектами активной агитации с русской стороны стали командование прусского корпуса в составе Великой армии, дипломатические агенты Берлина в Петербурге и ряде европейских столиц, члены прусского кабинета и сам прусский король Фридрих Вильгельм III.

Оценивая участие Пруссии в войне против России как противоречившее интересам Берлина, русское правительство было убеждено в необходимости разрыва Пруссии с Наполеоном и скорейшем ее переходе в лагерь новой антифранцузской коалиции. Однако русские демарши не нашли немедленного отклика со стороны Берлина. И хотя русским войскам 28 декабря 1812 г. удалось вынудить командующего прусским корпусом генерала Ханса Д. Йорка покинуть боевые порядки французской армии и начать действовать самостоятельно, однако это произошло вследствие сложившейся в ходе боевых действий ситуации и вовсе не было результатом политического решения. Тем более, что и после отделения прусского корпуса от французских войск действия Берлина отнюдь не отвечали пожеланиям Петербурга.

Такая позиция прусского двора вызывала подозрение в политической игре, дабы обеспечить себе максимально возможную долю при разделе в будущем между победителями поверженной империи Наполеона. Эта тактика Пруссии, ее попытки лавировать в расчете воспользоваться благоприятной политической конъюнктурой сказались и на оценках в российской историографии. В трудах по исто-

рии Отечественной войны 1812 г. этот эпизод затрагивался только мимоходом. В работах же, посвященных дипломатической истории России, период конца 1812 – начала 1813 гг. оценивался односторонне, исходя из политической стратегии Петербурга и общей негативной характеристики «реакционных абсолютистских режимов», что было свойственно советской историографии. Так, в капитальном труде по внешней политике России утверждается, что Фридрих Вильгельм III «длительное время под различными надуманными предложениями отказывался открыто перейти на сторону России», в том числе и «оправдывая свое нежелание выступить на стороне России против Наполеона неудачей миссии полковника Кнезебека в Австрии с целью склонить последнюю к разрыву с Наполеоном»¹. Кроме того, прусское правительство «боялось народного движения и, подобно царизму, преследовало свои реакционные, захватнические цели. Король хотел вернуть себе польские земли, потерянные в 1807 г., и не допустить присоединения их к России. Он пытался договориться с Австрией о совместном посредничестве между Наполеоном и Россией; советовал Наполеону пойти на перемирие и пугал его возможностью народного восстания в Германии»².

Эта односторонняя оценка политики прусского кабинета стала в известной мере и следствием того, что в отечественной литературе не освещена внешнеполитическая позиция Пруссии в указанный период. На русском языке нет специальных работ на эту тему, за исключением статьи И.С. Звавича, опубликованной в 1947 г.³ Время появления этой статьи наложило на нее свой отпечаток. Однако ряд выдвинутых автором положений до сих пор приводятся в обобщающих трудах по истории внешней политики России. Это выразилось и в упреках в адрес Фридриха Вильгельма в трусости и лицемерии. В целом же сформировавшееся ныне мнение российской историографии о внешней политике Пруссии рассматриваемого периода выработано без анализа военно-политического положения государства Гогенцоллернов и без изучения позиции берлинского кабинета по вопросам о соотношении сил в Европе и о перспективах войны.

Сигналом к ревизии прусской политики и к политической эмансипации Пруссии от французской гегемонии стало известие об отступлении Наполеона из Москвы. Эта новость, вмиг облетевшая всю Европу, поставила перед аналогичным выбором и Вену, и Дрезден, и Варшаву, и другие столицы. Она свидетельствовала о том, что Наполеону не удалось навязать России заключение мира и что, соответственно, кампания его в России терпит неудачу. И для Пруссии, и для Австрии эта новость была неожиданной и малоприятной. Австрия в случае неудачи Наполеона теряла шанс стать единственным

в Европе, как надеялись в Вене, полноправным союзником Франции, со всеми вытекающими отсюда выгодами. Пруссия же в случае поражения Великой армии могла ожидать новой войны на своей территории, в которой окончательно разорилось бы не только ее хозяйство, но и были бы уничтожены ее последние военные ресурсы.

Действительно, европейским дворам казалось, что, хотя поход Наполеона в Россию и потерпел неудачу, новая военная кампания развернется весной 1813 г. между Неманом и Вислой, а театром военных действий станут Польша и Пруссия. Последняя, как союзник Наполеона, вынуждена будет не только подвергнуть свою территорию военному разорению, но и содержать французскую армию, французскую администрацию, французские гарнизоны в прусских крепостях и предоставить для ведения войны не только все наличные вооруженные силы, но и все возможные резервы – материальные и людские. Все это грозило Пруссии неизбежной экономической, военной и политической катастрофой. Речь, таким образом, шла не о выгодах или потерях, а о существовании самого Прусского государства.

К этому времени, уже осенью 1812 г., между союзниками Наполеона уже возникли трения относительно взаимных обязательств. Еще 8 октября 1812 г. в Вильно к герцогу Бассано прибыл прусский статский советник Бегуэлин с рекламациями прусского правительства. Их общая сумма в тот момент составляла 88,7 млн. франков, включая стоимость реквизированных французской армией в Пруссии 67,7 тыс. лошадей⁴. 4 ноября Наполеон потребовал от Пруссии заменить понесших в походе на Москву большие потери 2-й Гусарский и Уланский маршевые полки, а также увеличить на 1 тыс. кавалерии и на 4 тыс. пехоты прусский контингент в составе X корпуса Великой армии⁵. Это требование Берлин отклонил, ссылаясь на финансовые затруднения. Одновременно в прусской столице увязывали выполнение своих обязательств по союзному договору с возмещением Францией указанных претензий по рекламациям.

Масла в огонь подлил прусский уполномоченный в Вильно Круземарк, описавший прусскому канцлеру Карлу А. Гарденбергу в письме из Вильно от 21 ноября 1812 г. развал французской армии. И хотя Круземарк насчитывал тогда в рядах отступавших французов не менее 65 тыс. чел., однако эта численность французских была расценена европейскими дворами как неправдоподобная⁶.

События, между тем, развивались с невероятной быстротой. Наполеон, 5 декабря 1812 г. бросивший армию, 14 декабря прибыл в Дрезден, откуда написал письма австрийскому императору и прусскому королю. В них он просил своих союзников увеличить их

контингенты. Больше того, Наполеон просил Пруссию, сверх обязательств по союзному договору от 24 февраля 1812 г., сформировать отдельный корпус численностью 30 тыс. чел. ⁷.

Почти в то же самое время, 15 декабря, в Берлин прибыл адъютант Йорка майор А.Ф. Зейдлиц, который доложил королю о сделанных командующему прусским корпусом русских предложениях. Ввиду очевидного поражения французов, Йорк испрашивал инструкций относительно дальнейшего поведения прусских войск ⁸. Выдвинутые одновременно требования России и Франции побудили Пруссию быть особенно осторожной, дабы не сделать опрометчивых шагов, имея в виду еще не завершившиеся переговоры с Австрией. С точки зрения Берлина, особое значение имел не только тон письма Наполеона, но и в особенности содержащаяся в нем просьба сформировать из прусских войск отдельный корпус, наподобие австрийского. Это означало ревизию Тильзитской системы, поскольку ставило бы Пруссию, наравне с Австрией, в равноправные союзнические отношения с Францией, вопреки франко-прусскому договору 24 февраля 1812 г.

Это был большой соблазн для Берлина. Гарденберг в тот же день, 15 декабря, в беседе с французским послом в Берлине Сен-Марсаном, сформулировал условия, при которых Пруссия готова выполнить просьбу Наполеона. Чтобы занять достойное место союзника французского императора и образовать «барьер на Севере», Пруссии необходимо получить Польшу, хотя бы сделав прусского короля королем польским, и предоставить ей гегемонию в северной Германии ⁹.

20 декабря 1812 г. в Берлин прибыл адъютант Наполеона и его личный посланник граф Нарбонн. 21 декабря он встречался с маршалом Ожеро, командующим французским XI корпусом, войска которого занимали Пруссию. Ожеро, более реально, нежели Сен-Марсан, оценивавший сложившуюся ситуацию, предупредил наполеоновского эмиссара, что отступающие французские войска грабят страну и провоцируют беспорядки, могущие вызвать антифранцузское выступление, несмотря на всю лояльность прусского кабинета французскому императору. Для контроля над ситуацией и для наведения порядка в отступавших частях в прошлом Великой армии Нарбонн и Сен-Марсан потребовали от Гарденберга установить кордоны прусских войск на Одере и Эльбе. Прусское правительство встретило это требование благосклонно, так как видело в этой мере, так же как и в просьбе увеличить свой воинский контингент, средство негласного усиления самостоятельной прусской армии ¹⁰.

24 декабря, после приема у прусского короля герцога Бассано, в свите которого был и Нарбонн, наполеоновский адъютант встре-

тился с Гарденбергом. Последний в ответ на предыдущие демарши французской дипломатии попросил разъяснений по поводу формирования нового прусского корпуса и устройства военных кордонов: должно ли это увеличение быть сделано из тех 42 тыс. чел., разрешенных для Пруссии договором 1808 г., или же возможно превышение этой оговоренной численности? Кроме того, Гарденберг заявил вновь об отсутствии денег для выполнения французских пожеланий¹¹.

Ввиду прусских колебаний Нарбонн сделал Гарденбергу предложение, которое, видимо, было специально подготовлено Наполеоном как для зондажа Пруссии, так и для ее удержания в своей системе. Нарбонн предложил Гогенцоллернам фамильный альянс Пруссии с Францией посредством женитьбы прусского принца-наследника на одной из принцесс императорской семьи¹². Но, поскольку старшей по возрасту из всех французских принцесс – Юлии, дочери Жозефа – тогда было лишь 12 лет, перспективы такого брака выглядели для прусского канцлера сомнительными. Главным же для него было то, что фамильные узы не могли воспрепятствовать Наполеону уклониться от исполнения выдвинутых Пруссией условий.

Предвидя скорый кризис в наполеоновском блоке, Гарденберг 26 декабря провел совещание с Анкилоном и Кнезебеком с целью выработки сбалансированной позиции, на котором Анкилон вполне резонно заявил, что возможность избавиться от французского гнета еще не повод попасть под русское ярмо. Для того чтобы играть независимую роль, Пруссия должна объединиться с Австрией, чтобы только тогда выступить совместно с ней против Франции, уже разгромленной в России. Кнезебек, напротив, отрицал необходимость присоединения к Австрии, дожидаясь, пока последняя решится выступить против Наполеона. Он предлагал использовать французские просьбы о формировании нового корпуса и об установлении кордонов для немедленной мобилизации, по окончании которой Пруссия будет в силах выступить самостоятельно¹³.

Гарденберг высказал промежуточную точку зрения. Он согласился с немедленным вооружением Пруссии под видом выполнения просьб Наполеона, чтобы затем объединить прусские войска с русскими и не дать Наполеону удержаться на Одере. Это даст возможность перенести театр военных действий за Эльбу, а может быть, и на Рейн. Это привлечет к Пруссии как Россию, так и Швецию. Однако, продвигаясь к намеченной цели, Гарденберг предлагал ничего не предпринимать открыто, не порывать с Францией без согласия и содействия Австрии. В этот переломный период, по мнению канцлера, следовало бы предложить королевской семье переехать в Силезию. С французами же, считал Гарденберг, надо продолжать переговоры,

отправив с этой целью Круземарка в Париж¹⁴. В тот же вечер канцлер доложил Фридриху Вильгельму об итогах совещания.

Иными словами, Пруссии был нужен мир, и с этой целью она готова была броситься в первые открытые объятия: Франции или Австрии. Гарденберг хотел быть готовым к любым возможностям. Поэтому, оставаясь в старой системе союза с Францией, он пытался создать новую – в союзе с Австрией, не разрушая старой. В Париже Пруссия может только ожидать ответа Наполеона. В Вене же она может добиваться содействия К. Меттерниха¹⁵.

Король отклонил план Гарденберга, выдвинув весьма основательные возражения. По мнению прусского монарха, этот план не давал Наполеону времени сформулировать свой ответ. Фридрих-Вильгельм считал, что, поскольку главной целью Пруссии было установление всеобщего мира, тогда, если Наполеон искренне желает мира, то он будет установлен весной. Если же, напротив, Наполеон будет препятствовать его заключению, то Австрия, как мирный посредник, сможет затянуть переговоры до тех пор, пока Австрия и Пруссия полностью не вооружатся и не объединят свои силы. Вот тогда, весной 1813 г., и наступит время открытого выступления Берлина.

Относительно России прусский король был уверен, что русские не смогут перейти Вислу и должны будут собрать свои силы в Литве. В зависимости от того, поведет ли Наполеон предстоящую военную кампанию 1813 г. наступательно или оборонительно, сигналом к выступлению Пруссии послужит переход французской армией Вислы или Немана. В любом случае, рассуждал Фридрих Вильгельм, сейчас необходимо добиться обещания от Австрии действовать согласованно с Пруссией. А пока ожидать ответа из Парижа. Король высказал свою точку зрения в записке, посланной Гарденбергу, и в специальной статье, разосланной всем участникам заочной конференции¹⁶.

28 декабря 1812 г., Гарденберг, ознакомившийся со статьей короля, направил ему ноту, в которой выдвинул контраргументы. Согласно соображениям канцлера, ни русские не смогут начать наступление, форсировав Неман, ни Наполеон не сможет начать новую кампанию в России и, таким образом, французская армия будет расположена между Неманом и Вислой. Поэтому и выход Пруссии из французской системы будет затруднен. Кроме того, пребывание французской армии на прусских границах осложнит для Пруссии задачу возрождения собственной армии и военной мощи или, по крайней мере, вызовет подозрения Наполеона¹⁷. Король не согласился с канцлером и, исходя из собственного плана, распорядился отправить уполномоченных в Вену и Париж.

Во Францию должен был ехать полковник Круземарк с ответом на письмо императора от 14 декабря. В нем Фридрих Вильгельм заверял Наполеона в своей приверженности французскому союзу и соглашался выполнить все пожелания императора относительно формирования нового вспомогательного корпуса и установления прусских кордонов на Висле и Одере. Однако свое согласие Фридрих Вильгельм обусловил предоставлением Пруссии финансовой помощи со стороны Наполеона и приведением в порядок взаимных расчетов по расходам на прошедшую военную кампанию. Кроме того, Круземарк должен был противиться любому новому увеличению обязательств Пруссии и негласно собрать сведения о настроениях французского правительства и парижского общества¹⁸. Для сверки взаимных финансовых расчетов в Париж с Круземарком был послан советник Бегуэлин.

Отправленный тогда же в Вену полковник Кнезебек получил инструкции на основе упомянутой статьи прусского короля. Кнезебек слыл при прусском дворе одним из самых видных противников Франции, и, посылая его, король надеялся, что тот усердно исполнит поставленные задачи. Цели миссии Кнезебека основывались не только на статье Фридриха Вильгельма. Они вытекали также из содержания записок К. Меттерниха, адресованных австрийским уполномоченным в Берлине – Флоре от 9 декабря и в Париже – Бубне от 20 декабря 1812 г.¹⁹. План прусского короля базировался в целом на доводах и постулатах, изложенных именно в этих документах. Они и были переданы Кнезебеку в качестве инструкций для переговоров.

Суть наставлений направленному в Париж послу прусского короля была в следующем. Поскольку русская кампания Наполеона провалилась, то для избежания бесполезного противоборства в Европе необходимо заключить всеобщий мир. Посредником в примирении должна выступить Австрия. Только таким образом можно помешать Франции «окончательно поглотить Европу», а России вмешиваться в европейские дела. Поэтому Пруссия присоединится как к мирному посредничеству Австрии, так и к ее вооруженным приготовлениям, если Австрия даст положительный ответ на соответствующую просьбу, а тем временем русские войска не должны быть допущены на прусскую территорию. Относительно Франции Пруссия останется верным союзником²⁰.

Примечательно, что инструкции Кнезебеку отразили опасения Берлина увидеть русские войска на немецкой территории. Поводом для этого послужили не только полученные от Йорка известия о планах Петербурга и русского командования, но и достигшее в то время берегов Шпрее письмо Бойена, согласно которому русский

император якобы обещал Пруссии любые компенсации в Германии в случае, если Берлин немедленно порвет с Францией. Получалось, что русские уже заранее распоряжались там, где Пруссия видела себя в качестве гегемона, и к тому же русские предложения не касались польских земель, которые в Пруссии рассматривались как сфера своих естественных притязаний²¹.

Исходя из этого инструкции Кнезебеку были дополнены. В случае если Россия попытается начать новую кампанию против Наполеона на Одере и, соответственно, отдаляясь от своих баз, будет снова оттеснена Наполеоном за Неман, Кнезебек должен был добиться согласия Австрии принять военную помощь Пруссии и со своей стороны дать обещание, что Берлин не подпишет сепаратного договора с Россией без согласия Вены²².

Помимо всего этого, Кнезебек должен был добиться в австрийской столице согласия на присоединение к Пруссии Княжества Варшавского. «Россия не сможет сохранить его [Княжество Варшавское], не поссорившись с Австрией и не увеличив препятствий на пути к миру с Францией; Австрия должна желать, чтобы Пруссия его получила, дабы оно не досталось России, и чтобы Франция не могла больше столь легко потрясать Север; Франция должна желать восстановления неограниченного могущества Пруссии [против России]; что же касается самих поляков, не могущих больше надеяться на самостоятельную политику, то они должны почитать себя слишком счастливыми приобрести таким способом гражданскую свободу, умиротворение и торговые выгоды»²³.

Итак, политическое самоопределение Берлина было оформлено 28 декабря 1812 г. и выразилось в двух политических планах: во-первых, в отношении Франции и во-вторых – Австрии. Оба плана предусматривали ревизию всех последних договоров Пруссии и выдвигали в качестве условий прусского содействия одинаковые требования: преобладание на севере Германии и установление там гегемонии Берлина, а также присоединение Княжества Варшавского к владениям Гогенцоллернов. В обоих планах Россия в будущем политическом пространстве рассматривалась как конкурирующая с Пруссией держава и только гипотетически допускалось, что Пруссия под давлением обстоятельств будет принуждена к союзу с Петербургом. Оба прусских плана были приведены в действие, когда уполномоченные представители Берлина направились в Париж и Вену, невзирая на определенные разногласия в прусской правящей верхушке.

В последние дни уходящего 1812 г. в Берлине с тревогой ожидали сообщений с театра военных действий. После получения 29-го бюл-

летеня, после известий о бегстве Наполеона из армии, после письма французского императора из Дрездена, когда прусский кабинет только начинал убеждаться в провале русской кампании, Пруссию начали наводнять людские волны разгромленной Великой армии: беглецы, дезертиры, раненые, больные, разношерстные команды с оружием и без оружия, сотни генералов без свиты, тысячи офицеров, похожих на привидения. Они учиняли беспорядки и грабежи, распространяли эпидемии, повергая в страх местные прусские власти и вызывая резкое недовольство обывателей, и сеяли повсюду самые невероятные слухи. Неустойчивое положение Пруссии, ввиду новой войны на ее территории, еще более усугублялось.

В этот самый момент в ночь со 2 на 3 января 1813 г. в Берлин прибыл адъютант короля граф Генкель фон Доннерсмарк, посланный Йорком 27 декабря из Шелеля²⁴. Граф Генкель привез известие о положении прусских войск в Курляндии и об опасности, нависшей над ними. Йорк сообщал, что находится отрезанным от Макдональда в окружении превосходящих русских войск²⁵. Судьба прусского корпуса рисовалась в самых неопределенных и мрачных тонах.

Это известие окончательно запутывало ситуацию. Вместе с тем, как это и должно быть у государственных мужей, каковым и был Фридрих Вильгельм III, оно заставило его твердо держаться уже выработанного политического курса. Именно поэтому рано утром 4 января Круземарк и Кнезебек выехали в Париж и Вену, снабженные утвержденными ранее инструкциями²⁶. А к вечеру того же дня в Берлин пришло письмо Бертье с первым известием о том, что генерал-лейтенант Ханс Йорк вывел свой корпус из подчинения французскому командованию и начал действовать самостоятельно ради спасения вверенных ему прусских войск²⁷, а это в свою очередь означало, что прусский командующий будет вынужден просить о перемирии русское командование.

Вопреки распространенному в отечественной литературе мнению, Фридрих Вильгельм воспринял известие о решении Йорка крайне неодобрительно. Поступок Йорка не только смешивал все политические карты, что было еще полбеда, но резко ухудшил положение короля как суверена²⁸. Йорк выводил из-под власти короля едва не половину всех бывших под ружьем прусских войск, так необходимых королю для придания веса своим политическим маневрам.

Но Фридрих Вильгельм оставался верен принятому им плану. 5 января 1813 г. он отправляет майора Нацмера в главную квартиру Великой армии с повелением дезавуировать конвенции Йорка и с приказом о его смещении и замене на генерала Клейста²⁹. Одновременно в главную квартиру русской армии был послан майор Шак, миссия

которого обуславливалась новым важным фактором: вступлением русских в реальную политическую игру.

Тогда же Фридрих Вильгельм срочно направил в Париж князя Хасфельда, выехавшего из Берлина 11 января. Его инструкции повторяли инструкции, данные Круземарку, кроме того, Хасфельд должен был лично доложить Наполеону о мерах, принятых прусским правительством вследствие поступка Йорка³⁰. Помимо прочего, Хасфельд вез личное письмо Фридриха Вильгельма Наполеону. Хасфельд должен был повторить просьбу о финансовой поддержке Пруссии и отказ Фридриха Вильгельма от предложения Наполеона по поводу семейного союза³¹.

Надо отдать должное действиям в эти решающие для судеб Пруссии дни Фридриха Вильгельма III. Прусский король выработал план, полностью отвечающий тогдашнему положению Пруссии. Едва ли обоснованны и обвинения в двуличии по его адресу. Осуществляя свою политику по отношению к великим державам, в сравнении с которыми Пруссия обладала наименьшим потенциалом, Фридрих Вильгельм вполне придерживался общепринятых в то время правил политической тактики, выработанных за время наполеоновских войн.

Выдвинутые в ответ на пожелания Наполеона Пруссией условия были не притворными, а реальными. Очевидно, что, если бы Наполеон согласился с предложениями Берлина и подписал новый договор с Пруссией, та выполнила бы свои союзнические обязательства. Однако дело состояло в том, что, не надеясь на соглашение с Наполеоном, Пруссия сделала главную ставку на австрийский план. И только беспрецедентно быстрое русское наступление не дало времени реализоваться этим расчетам. Собственно говоря, все политические замыслы Парижа, Вены и Берлина были разрушены исключительно в результате побед русской армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия первая. 1801–1815 гг. Том VI. 1811–1812 гг. М., 1962. С. 787. Цитируемые здесь комментарии к документам этого тома признаны самостоятельным и важным исследованием по дипломатической истории данного периода. См.: *Нарочницкий А.Л.* Австрия между Францией и Россией в 1811–1813 гг. и русская дипломатия // Бессмертная эпопея. К 175-летию Отечественной войны 1812 года и Освободительной войны 1813 года в Германии. М., 1988. С. 82, 93.
- ² *Нарочницкий А.Л.* Народы и правительства в войне 1813 года за освобождение Германии // Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. М., 1965. С. 164.

- 3 *Звавич И.С.* Как была заключена Таурогенская конвенция 1812 года // Учен. зап. Московского гос. ун-та. Вып. 114. М., 1947. С. 21–43.
- 4 *Oncken W.* Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege. Urkundliche Aufschlüsse über die politische Geschichte des Jahres 1813. Bd. 1. Berlin, 1876. S. 12.
- 5 *Reboul F.* Campagne de 1813. Les préliminaires. T. 1. Paris, P. 46.
- 6 *Oncken W.* Op. cit.. S. 33,386.
- 7 К договору 24 февраля 1812 г. были подписаны два дополнительных соглашения 4 марта и дополнительное соглашение 10 марта 1812 г. Согласно им прусский корпус определялся как контингент численностью 20 тыс. человек в составе Великой армии и подчинялся приказам исключительно французского командования (*Reboul F.* Campagne de 1813. P. 47–48). Австрийский корпус представлял собой отдельное от французских войск соединение, имел независимое командование и оперировал на заранее оговоренной территории с ограниченными целями.
- 8 *Seydlitz A.F. von.* Tagebuch des königlich preussischen Armeekorps unter Befehl des General-Lieutenants von Yorck im Feldzuge von 1812. Bd. 2. Berlin; Posen, 1823. S. 168–182.
- 9 *Ussel J. d'.* Etudes sur l'année 1813. La défection de la Prusse (décembre 1812 – mars 1813). Paris. 1907. P. 36.
- 10 *Ibid.* P. 39.
- 11 *Ibid.* P. 40.
- 12 *Ibid.* P. 41–42.
- 13 *Hardenberg K.A.* Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg / Hrsg. von L. von Ranke. Bd. IV. Leipzig, 1877. S. 339.
- 14 *Oncken W.* Op. cit.. S. 45.
- 15 *Ussel J. d'.* Op. cit. P. 46.
- 16 Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813 und seine Vorgeschichte. Bearb. von A. Holleben. Bd. 1. Berlin, 1904. S. 414. В ходе этой конференции Фридриху Вильгельму подали докладные записки с изложением внешнеполитических позиций Тауэнцин, Брокгаузен, Кнезебек, Анкилон, Альбрехт и Шелер.
- 17 *Ibid.* S. 84.
- 18 *Oncken W.* Op. cit.. S. 85.
- 19 *Ussel J. d'.* Op. cit. P. 25.
- 20 *Oncken W.* Op. cit.. S. 118.
- 21 *Hardenberg K. A.* Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers. S. 331.
- 22 *Ussel J. d'.* Op. cit. P. 55
- 23 *Oncken W.* Op. cit.. S. 126.
- 24 *Henckel von Donnersmarck W.* Erinnerungen aus meinem Leben. Zerbst, 1846. S. 166.
- 25 *Droysen J. G.* Das Leben des Feldmarschalls Grafen Yorck von Wartenburg. Bd. 2. Berlin, 1851. S. 347.
- 26 *Ussel J. d'.* Op. cit. P. 172–173; Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813. S. 85.
- 27 *Ussel J. d'.* Op. cit. P. 152.
- 28 *Boyen H. von.* Erinnerungen aus dem Leben des General-Feldmarschalls Hermann von Boyen / Auf seinem Nachlass hrsg. von F. Nippold. Th. 1. Leipzig,

1889. S. 309; *Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813*. S. 86.; *Oncken W.* Op. cit. S. 130.

- ²⁹ *Natzmer E. von.* *Aus dem leben des Generals Oldwig von Natzmer.* Berlin, 1876. S. 92–99.
- ³⁰ *Fain A.* *Manuscrit de mil huit cent treize, contenant le précis des événement de cette année, pour servir à l'histoire de l'empereur Napoléon.* T. 1. Paris, 1824. P. 203.
- ³¹ *Ibid.* P. 210. Свой отказ Фридрих Вильгельм мотивировал конфессиональными причинами.

*Л.П. Марней
(Москва)*

ПРОЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЕВРОПЫ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

Процесс создания во второй половине XX в. различных международных систем регулирования экономических, политических, социальных, культурных отношений, таких как система международного права, ООН, Большая восьмерка, ЮНЕСКО, Интерпол, международные программы в области науки и искусства, программы в области освоения космоса и многие другие. Среди них Европейский Союз является значительным региональным интеграционным объединением, от которого не только в Европе, но и во всем мире зависит решение важных международных проблем ¹. Неотъемлемой частью процесса объединения Европы являлась экономическая составляющая, которая включала различные аспекты внешнеэкономических связей: участие в международном разделении труда, в развитии научно-технического сотрудничества и производственных связей, в мировом обмене товарами и услугами, в движении капиталов. При этом каждый из исторически сформировавшихся уровней экономической интегрированности Европы достигался в диалектическом единстве конкуренции и сотрудничества как первичных субъектов хозяйственной деятельности, так и национальных рынков.

В общественном сознании объективная потребность экономической интеграции европейских рынков и связанных с ней многообразных замыслов в той или иной мере рассматривалась в проектах экономического объединения Европы, созданных в первой трети XIX в. Обращение к этим идеям в наши дни – это не только возвращение к истокам появления крупнейшего европейского объединения, но и возможность для исследователей создать максимально аргументированную историографию, без которой затруднено комплексное изучение современных интеграционных процессов не только в Европе, но и во всем мире.

Наиболее негативным проявлением процесса глобализации являются мировые войны и приобретшие в наши дни всемирный характер взаимосвязанные локальные конфликты. Однако в начале XIX в. именно война и послевоенное устройство являлись одними

из главных факторов, подтолкнувших общественную мысль к поиску путей экономического объединения европейских государств. Международные, экономические и политические принципы послевоенного устройства Европы обсуждались на Венском и последующих конгрессах Священного союза. На них, наряду с другими, предлагался план экономической интеграции стран-участниц Священного союза, введения конституций (в том случае, если их не было установлено ранее), а также объединения трех ветвей христианской религии ².

Борьба с революционной Францией, создание антинаполеоновских коалиций потребовали значительных денежных средств, что поставило экономику большинства стран на грань катастрофы. Сложная финансовая ситуация и нехватка денег почти во всех воюющих государствах в условиях продолжающихся военных действий заставили правительства европейских стран, в том числе и России, искать выход из создавшегося положения. Этой цели должен был послужить один из подобных проектов, содержащихся в докладе министра финансов Д.А. Гурьева «Об учреждении заграничных кредитных бумаг», которые «могли бы заменить наличную звонкую монету». Он был направлен Александру I 3 января 1813 г. При его подготовке Д.А. Гурьев учитывал тяжелое состояние финансов Российской империи и опирался на сведения, которые ему предоставил барон Г. Штейн.

Необходимость выпуска такого рода денег объяснялась весьма серьезными причинами. Постоянные реквизиции у жителей тех областей, которые были заняты войсками, приводили к их разорению и как следствие к невозможности удовлетворить нужды армии. Реквизиции как способ содержания войск не мог быть использован для долговременного обеспечения воюющих армий продовольствием и фуражом, так как приводили к тому, что разоренные жители неприязненно относились к новой администрации. Кроме того, квитанции и всевозможные расписки, которые выдавались поставщикам провианта и фуража, также не пользовались, по словам Гурьева, доверием у населения «по причине бесконечных расчетов», которым они были «подвержены, и злоупотреблений, которых предупредить невозможно» ³.

Таким образом, авторы проекта полагали, что все эти причины являются вескими аргументами для того, чтобы, используя австрийский опыт и применявшуюся в Австрии терминологию, создать бумажные деньги «под названием Кригс-Трезор шейне (Kriegs-Tresor cheine)», которые должны были иметь если не «полный кредит, то по крайней мере достаточный к облегчению продовольствия и содер-

жания армий во все продолжение войны». Новые бумажные деньги учреждались «на монетной системе Пруссии» и должны были обращаться «во всех землях, которые будут заняты русскими армиями». Кроме того, кредит их предполагалось укрепить следующими мерами: «ручательством» российского императора, а после того как Пруссия присоединится к союзу – гарантиями прусского правительства, а также «других союзных держав»; «ограничением их выпуска на одно содержание и продовольствие армий»; «обещанием выкупа всех бумажных денег в течение трех лет по заключении мира, способом ли добровольного займа, который открыт будет Россией, или вообще союзными державами; или же выменом их на государственные облигации, или на наличную звонкую монету»; «дозволением всякому, кто пожелает, ныне же вносить их в государственный бессрочный заем, который открыт будет для приема сих денег, с платежом за внесенный оными капитал, переведенный на российскую серебряную монету, по пяти процентов на сто; и сверх того для погашения капитала обращать ежегодно по два процента»; «дозволением принимать их ныне же внутри империи в платеж за продаваемые государственные недвижимые имущества»⁴.

Кроме того, барон Штейн считал необходимым в том случае, если Австрия присоединится к союзу, договориться с ней «о назначении черты для отделения тех областей Южной Германии, в которых австрийские бумажные деньги должны иметь исключительный ход»⁵.

11 января 1813 г. Н.Н. Новосильцев направил Александру I «Проект федеративной системы финансов и торговли с учреждением соответствующего банка». В соответствии с этим документом торговые сделки между союзниками должны были вестись на бумажные деньги. В Санкт-Петербурге предлагалось создать центральный торговый банк с отделениями в Москве и Риге. Он должен был выпускать «билеты для уплаты таможенных пошлин на общую сумму, соответствующую размерам русского вывоза, и принимать в обмен русскую и иностранную звонкую монету и бумажные деньги». Билеты банка должны были быть «обязательны к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской империи». Следующим этапом после создания банка была бы отмена всех запретов «на ввоз в Россию товаров стран, участвующих в «федеративной системе»⁶.

Проект Новосильцева не мог быть реализован, так как обеспечением билетов торгового банка в 50, 100, 200, 300, 500 и 1000 рублей должен был стать, по мнению автора, российский серебряный рубль достоинством в 4 золотника и 21 долю чистого серебра⁷. Маловероятно, что эта идея получила бы поддержку со стороны ми-

нистра финансов Российской империи Д.А. Гурьева, который всеми правдами и неправдами стремился не выпускать российские деньги за пределы империи.

В мае 1813 г. Д.А. Гурьев подготовил новый доклад, в котором предлагалось для покрытия расходов на содержание за границей русских войск выпустить в обращение так называемые «федеративные деньги», впоследствии их можно бы было обменивать на серебряные. Выпуск таких специальных бумажных денег можно было «производить по согласованию с правительством той страны, на территории которой ведутся военные действия». Эмиссию и все операции с «федеративными деньгами», а также их изъятие из обращения по окончании военных действий и пребывания за границей союзных армий Д.А. Гурьев предлагал проводить под руководством союзнической комиссии ⁸. Таким образом, по замыслу российского министра, союзная комиссия не только координировала военные усилия держав антинаполеоновской коалиции, но и проводила бы в существенной части общую финансовую политику на территории от Немана до Рейна и от Балтики до Средиземноморья. Для ее разработки и согласования необходимо было «договориться с союзными державами об их участии в выпуске и о способах коллективного изъятия этих денег, которое можно было бы осуществлять или при помощи займа в пропорциях, обусловленных договором, или по заключении мира путем обмена на деньги каждой из держав». Одновременно с этим в докладе Гурьева отмечалось, «что Россия без промедления должна ввести в обращение в Пруссии «федеративные деньги» и договориться с Англией, какую часть всей суммы «федеративных денег», пущенных в обращение, она пожелает изъять после заключения мира за счет своей казны». В том случае, «если Пруссия примкнет к России и Англии, то она сможет присоединиться и к этому соглашению. В докладе было предусмотрено, что в случае присоединения Австрии к антинаполеоновской коалиции с ней необходимо было договориться о «демаркационной линии распространения ее денег, которые будут иметь хождение на юге Германии и в Италии» ⁹. Однако в своей записке на имя К.В. Нессельроде от 21 августа 1813 г. Д.А. Гурьев отмечал, что необходимо было всячески ограничивать обращение «федеративных денег» в России, чтобы они не оказали влияние на вексельный курс (обменный курс российского рубля серебром и ассигнациями на валюты других стран). Российский министр финансов полагал, что «федеративные деньги» можно бы было принимать в уплату пошлин на таможне, и если правительство будет соблюдать эти условия, то такие деньги «не могут быть в тягость казначейству, так как оно всегда может перевести их за границу на расходы армии».

Подобные предложения Д.А. Гурьев изложил в депеше от 20 августа 1813 г. послу в Лондоне Х.А. Ливену¹⁰.

О выпуске особых кредитных билетов говорилось и в конвенции о субсидиях и союзной помощи между Россией и Великобританией, подписанной в Рейхенбахе 15 июня 1813 г., и в англо-русской конвенции о выпуске английским правительством особых кредитных билетов для покрытия военных расходов России и Пруссии, заключенной 18 сентября 1813 г. в Лондоне. В соответствии с этими документами король Великобритании «для облегчения недостатка в звонкой монете, который [...] дает себя чувствовать в денежных оборотах на континенте», должен был предложить парламенту выпустить особые кредитные билеты, сумма которых в первой конвенции определялась не более как в 5 млн. ф. ст., а во второй – в 2,5 млн. ф. ст., или 15 млн. прусских талеров. Федеративные бумаги, выпускаемые от имени трех держав (Англии, России и Пруссии), предназначались «исключительно на расходы военные и на содержание действующих войск» в следующей пропорции: $\frac{2}{3}$ передавались России, а $\frac{1}{3}$ – Пруссии. Предусматривалось, что Великобритания будет проводить ежемесячное погашение кредитных билетов после ратификации общего мирного договора¹¹. Исследователи по-разному оценивают этот проект. Л.А. Зак полагал, что Англия организовала эту финансовую схему, чтобы найти способ «уклониться от передачи настоящих золотых фунтов и изобрести какую-нибудь замену», а также обезопасить себя от заключения сепаратного мира между континентальными союзниками и Францией¹².

Идеи, высказанные в этих документах, получили свое дальнейшее развитие в рамках двусторонних (в частности, российско-германских) договоренностей. На основании рескрипта от 13 января 1813 г.¹³ российские бумажные деньги были выпущены в обращение в Пруссии и Княжестве Варшавском¹⁴. Вначале, для укрепления доверия к ним «и для облегчения их хода в местах, занимаемых войсками», разрешалось свободно провозить их обратно в империю. Вскоре ситуация изменилась и «пропуск в Россию государственных ассигнаций», выпущенных для обращения за границей, был запрещен. В новых условиях обеспечить их свободное обращение и оградить от притока фальшивых предлагалось следующим образом. Те, кто хотели перевести ассигнации в Россию, должны были представлять их в созданные при армиях променные конторы, где необходимо было сообщить, в каком из пограничных городов – в Гродно, Вильно, Риге или Санкт-Петербурге – хотели они получить вносимую сумму. Контора должна была немедленно выдать предъявителю квитанцию, а казенная палата по представлении этой квитанции означенную в ней сумму¹⁵.

13 февраля 1814 г. Д.А. Гурьев вновь вернулся к проблеме обмена «в Пруссии и Германии российских ассигнаций», так как, отмечал он, их введение за границей «затруднительно и неприятно» для простых жителей потому, что «надписи о достоинстве ассигнаций» написаны на неизвестном для них языке, их неудобно считать, так как «каждая ассигнация представляет не круглую сумму, но в дробях», а также и потому, что были установлены «таксы или *maximum* на съестные припасы», которые местные жители могли считать «следствием введения ассигнаций»¹⁶. Поэтому российский министр финансов предлагал обменять всю сумму ассигнаций, находящихся в Пруссии и Германии, «на новые кредитные бумаги, которые, – как отмечалось в документе, – были бы писаны на монету прусскую, и определить выкупить их по равным частям в 6 лет с платежом пяти процентов в год». Таким способом правительство надеялось изъять из обращения и уничтожить 50 млн. ассигнационных рублей. За эту сумму в течение 6 лет предполагалось заплатить 13 000 000, а «с процентами до 15 000 000 прусских талеров»¹⁷. Обмен кредитных бумаг предлагалось производить в специально созданном для этих целей Центральном бюро в Лейпциге и в филиалах на местах. К.В. Нессельроде в письме к Д.А. Гурьеву от 2 мая 1814 г. писал по поводу этого плана, что «не видит в нем смысла и что преимущества проекта не компенсируют его недостатков»¹⁸.

Примером объединения Европы в сфере транспортной политики может служить судьба Княжества Варшавского после окончания наполеоновских войн и Венского конгресса 1815 г. Согласно международным соглашениям, подписанным в Вене, к России был присоединен Центральный Польский район, называемый Королевством Польским, к Пруссии – Великопольские области (Великое княжество Познанское), Восточная Галиция вошла в состав Австрийской империи, а Краков с округом получили статус «вольного города»¹⁹. Потерянная политическая самостоятельность должна была компенсироваться экономическим единством. В соответствии с достигнутыми договоренностями, «во всех частях прежней Польши» должно было беспрепятственно осуществляться «судоходство по всем рекам и каналам», «обращение всех произведений земли и изделий промышленности», транзитная торговля и т. д.²⁰.

Адам Ежи Чарторыйский в своей записке от 30 декабря 1814 г. отмечал, что «Парижский договор»²¹, установивший основы свободы судоходства по рекам Германии, положил счастливое начало применению либеральных принципов по всем видам торговых связей. Речь, следовательно, идет лишь о том, – отмечал он, – чтобы распространить этот принцип на все реки, устья рек, каналы и порты, кото-

рые находятся на территории Пруссии и представляют интерес для торговли польских областей. Этот же принцип надо распространить и на сухопутные торговые связи. В нем уполномоченный на переговорах должен усмотреть цель и смысл постановлений, предложенных с тем, чтобы обеспечить польским областям, независимо от их государственной принадлежности, неисчислимы блага, которые принесет им свобода внутренних и внешних торговых связей»²².

Вследствие постановлений Парижского трактата 1814 г., в рамках венских переговоров было подписано постановление о свободе судоходства по рекам²³, которое, с одной стороны, призвано было способствовать всестороннему развитию торговых отношений между народами, а с другой, стало впоследствии прототипом для многих подобных международных соглашений, в частности, в отношении Вислы²⁴.

Для урегулирования правил судоходства и торговли, а также устройства таможен Королевства Польского с польскими провинциями Австрии и Пруссии в конце 1815 г. европейские монархи учредили в Варшаве трехстороннюю комиссию²⁵. 26 февраля 1816 г. комиссия приступила к работе. В течение марта – ноября 1816 г. Варшавская комиссия выработала девять конвенций²⁶, условно утвержденных русским правительством, так как не было выполнено основополагающее требование: ограничение доступа прусских и австрийских товаров на внутренний рынок Российской империи. В феврале 1817 г. заседания этой комиссии были перенесены в Петербург, где был создан специальный комитет²⁷, работа которого затянулась почти на два года²⁸ и лишь в августе и декабре 1818 г. были подписаны договоры о торговле и судоходстве с Австрией и Пруссией²⁹.

В соответствии с этими документами «судоходство по рекам большим и малым, [...] которые, имея вершину свою в землях, составлявших в 1772 г. Королевство Польское, [...] как вверх, так и вниз до впадения их в море, и вход в пристани» объявлялось свободным. Это постановление должно было относиться «к каналам уже существующим и тем, кои впредь будут прокопаны; ко всем рекам, ныне уже судоходным, или могущим впоследствии сделаться судоходными», которые «протекают между восточными границами прежней Польши, Двиною, Днепром, Днестром и Прутом». С судов, проходящих по Висле, не должны были взиматься никакие пошлины³⁰.

Свободу судоходства подтвердила и российско-прусская конвенция от 27 февраля 1825 г.³¹, несмотря на то, что были аннулированы конвенции 1818 г. и ряд статей Венского договора 1815 г.³².

Таким образом, события европейской жизни начала XIX в. дают множество примеров поиска способов и моделей экономического

объединения государств, несмотря на порой прямо противоположные направления в проводимой ими внешней политике. При этом обращение к тем или иным элементам экономического объединения европейских стран диктовалось в первую очередь потребностью преодоления экономических трудностей военного времени и послевоенного восстановления народного хозяйства.

Регулирование экономических отношений между европейскими монархиями после Венского конгресса приняло форму торговых договоров, которые определяли принципы эксплуатации путей сообщения, условия свободы поселения, размеры таможенных пошлин, включали таможенный тариф. Благодаря торговым договорам должен был осуществляться принцип взаимности в экономических отношениях отдельных государств. Однако он проводился не всегда последовательно. Особенности экономического развития европейских стран приводили к доминированию национальных интересов над общеевропейскими проблемами и затягиванию переговорного процесса на несколько десятилетий. Кроме того, если проблему судоходства европейским странам удалось согласовать достаточно быстро, то проекты возможных совместных финансовых мероприятий в большинстве своем оставались на бумаге или частично реализовывались в рамках двусторонних соглашений.

Однако наиболее полно объединительные тенденции в Европе в начале XIX в. прослеживаются на примере истории создания Германского таможенного союза. 1 января 1834 г. прекратили свою деятельность Баварско-Вюртембергский, Центральногерманский и таможенный союз во главе с Пруссией. Между членами нового таможенного союза, руководство в котором принадлежало Пруссии, были упразднены пошлины и сделаны первые шаги к объединению системы мер и весов³³. В 1838 г. на его территории была введена единая валюта – «единый талер» (Vereinsthaler). В 1836 г. к таможенному союзу присоединились Баден и Нассау, а в 1842 г. – Брауншвейг и Люксембург³⁴.

По мнению исследователей, принципы существования Германского таможенного союза являются «едва ли не более совершенными, чем принципы деятельности Генерального соглашения по тарифам и торговле (1947 г.) и Всемирной торговой организации», а в его развитии «присутствуют практически все элементы, характерные для сегодняшнего Европейского Союза (наличие единой валюты, расширений, упразднение таможенных пошлин). Сама история создания Германского таможенного союза напоминает историю создания Европейского сообщества, которое сформировалось не в последнюю очередь вокруг «ядра» Бенилюкса, а заключенный позд-

нее Австро-Германский валютный союз напоминает по характеру Европейское экономическое пространство»³⁵. Объединяет их еще и постепенность интеграционных процессов, которые в XX в. начались в 1951 г., после создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС)³⁶. В течение первых шести лет европейцы на примере угольной и сталелитейной промышленности налаживали механизмы интеграции, выясняли возможности и пределы согласования общеевропейских интересов с национальными. С 1 июля 1968 г. шесть государств-основателей ЕЭС – Германия, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург – ввели единый таможенный тариф для третьих стран, а с 1 января 1993 г. в Европейском Союзе был прекращен таможенный контроль над потоком товаров между странами-участницами. Таким образом, спустя 35 лет после подписания римских договоров 1957 г., результатом которых было создание Европейского экономического сообщества, завершилось формирование единого экономического пространства, в котором свобода передвижения товаров (таможенный союз) дополняется свободой передвижения услуг, капиталов и трудовых ресурсов.

С 1 января 1999 г. 11 стран-членов ЕС решили постепенно ввести единую валюту (евро). Следовательно, более 40 лет ушло на то, чтобы перейти к высшей стадии интеграции – валютному союзу с единой денежной единицей, общей экономической, денежно-кредитной и валютной политикой³⁷.

Объединение Европы способствовало развитию цивилизованных отношений между государствами, несмотря на существующие национальные, социальные, политические и экономические противоречия. Однако в отличие от предшествующего столетия в современном мире в принятии важных решений происходит медленное, но неуклонное снижение роли национальных государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Быков О.Н.* Международные отношения: Трансформация глобальной структуры. М., 2003. С. 391.
- 2 *Сироткин В.Г.* Борьба в лагере консервативного русского дворянства по вопросам внешней политики после войны 1812 года и отставка И. Каподистрии в 1822 г. // Проблемы международных отношений и освободительных движений. Сборник трудов. М., 1975; *Он же.* Послереволюционная Франция и создание «венской системы» международных отношений в Европе // Великобритания, Франция и США в международных отношениях нового и новейшего времени. М., 1985; *Он же.* «Властитель слабый и лукавый», или почему не пошла перестройка у Александра I // Наука и жизнь. 1990. № 6.

- 3 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 484. Собрание материалов по истории финансов в России. Д. 50. Л. 2–2 об.
- 4 Там же. Л. 2 об.–4 об.
- 5 Там же. Л. 5. См. также: Исторический вестник. 1905. Т. 101. № 9. С. 903.
- 6 Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел (далее – ВПР). Серия 1. Т. 7. С. 23.
- 7 *Pertz G.H.* Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein. Berlin, 1851. Bd. 3. S. 634–640.
- 8 ВПР. Серия 1. Т. 7. Прим. 29. С. 709.
- 9 Там же.
- 10 Там же. Прим. 224. С. 758. См. также: док. 55. С. 132–137; док. 171. С. 429–431.
- 11 *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1895. Т. 11. С. 165–169, 176–180; 189–195. См. также: ВПР. Серия 1. Т. 7. Док. 105. С. 250–254. Аннотация. С. 386.
- 12 *Зак Л.А.* Англия и германская проблема (Из дипломатической истории наполеоновских войн). М., 1963. С. 120–124.
- 13 ПСЗ-1. Т. 32. № 25315. С. 505–506. См. также: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 8.
- 14 ПСЗ-1. Т. 32. № 25315. С. 505.
- 15 ВПР. Т. 7. Серия 1. Док. 20. С. 55. Об этом см. также: *Гурьев А.Н.* Денежное обращение в России в XIX столетии. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 64; *Сивков К.В.* Финансы России после войны с Наполеоном // Отечественная война и русское общество 1812–1912. М., 1912. Т. 7. С. 132.
- 16 РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Ч. 1. Л. 18 об.–22 об.; ВПР. Т. 7. Серия. 1. Док. 229. С. 578.
- 17 Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Первого отделения Собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1889. Вып. 2. С. 421–423; ВПР. Серия 1. Т. 7. Док. 229. С. 579–581. См. также: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 724. Л. 22 об.–24 об.
- 18 ВПР. Серия 1. Т. 7. Прим. 309. С. 784.
- 19 *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций... СПб., 1876. Т. 3. С. 336.
- 20 Там же С. 343–347.
- 21 Там же. Т. 14. С. 238–260; ВПР. Серия 1. Т. 7. С. 698.
- 22 ВПР. Серия. 1. Т. 8. Док. 68. С. 164.
- 23 Кроме постановления «о судоходстве по рекам, кои протекают по разным государствам или служат оным границей», были подписаны: «постановления о судоходстве по Рейну» и «статьи о судоходстве по Некару, Майну, Мозелю, Маасу и Шельде» (*Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций... СПб., 1876. Т. 3. С. 504–529).
- 24 *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций... СПб., 1876. Т. 3. С. 501–502; *Сироткин В.Г.* Послереволюционная Франция... С. 11; См. также: *Пресняков А.* Экономика и политика в польском вопросе начала XIX века // Борьба классов. Л., 1924. № 1–2. С. 40.

-
- 25 Струве П.Б. Торговая политика России. СПб., 1913. С. 157. См. также: ВПР. Серия 2. Т. 1(9). Док. 3. С. 13–22, Док. 92. С. 268–271, Док. 139. С. 462–464, Док. 183. С. 582–591, Прим. 183. С. 732–733.
- 26 ВПР. Серия 2. Т. 1(9). Док. 139. С. 464; Т. 2(10). Прим. 22. С. 735–741.
- 27 Там же. Док. 183. С. 732–733.
- 28 Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций... СПб., 1885. Т. 7. С. 329–330.
- 29 Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 68–105; Т. 7. С. 328–369; ПСЗ-1. Т. 35. № 27453, № 27586.
- 30 ПСЗ-1. Т. 35. № 27453. С. 414–417; Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций... СПб., 1878. Т. 4. Ч. 1. С. 69–74, 78–79.
- 31 ПСЗ-1. Т. 40. № 30264. С. 113–118; Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций... СПб., 1888. Т. 8. С. 24–35; ВПР. Серия 2. Т. 6(14). Док. 25. С. 75–81.
- 32 ПСЗ-1. Т. 40. № 30264. С. 114–118.
- 33 Зомбарт В. История экономического развития Германии в XIX веке. СПб., 1911. Вып. 1. С. 112.
- 34 Минкова К.В. Германский таможенный союз: история создания, деятельность, распад // Великая Французская революция, империя Наполеона и Европа / Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.Г. Ревуненкова. СПб., 2006. С. 217.
- 35 Там же. С. 218.
- 36 Рубинский Ю.И. Европейская цивилизация на пороге третьего тысячелетия // Современная Европа. 2000. № 1. С. 66.
- 37 Быков О.Н. Указ. соч. С. 391; Шарипова Е. Расширение ЕС, финансовые критерии и рост: важность институциональной среды // Общее европейское экономическое пространство: Перспективы взаимоотношений России и ЕС. М., 2004. С. 222–223; Европейский союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития. М., 2001. С. 64, 66, 438–439.

С.М. Фалькович
(Москва)

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ, АВСТРИИ И ПРУССИИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ 1830—1831 ГГ. В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ

После Венского конгресса 1815 г. Россия, Австрия и Пруссия, три континентальные державы, крепко спаянные общим «грехом» – разделами Речи Посполитой, были вынуждены вести общую скоординированную политику в польском вопросе, так как каждая из них понимала, что любое потрясение в одной из частей Польши неминуемо приведет к взрыву в двух других. Это вынужденное единство осложнялось, однако, одним весьма существенным обстоятельством: по инициативе Александра I Королевство Польское получило в 1815 г. автономию и конституцию, и оно стало «бельмом в глазу» для австрийского и прусского монархов, опасавшихся «дурного примера». В 1831 г. русский посол в Вене Д.П. Татищев писал российскому вице-канцлеру К.В. Нессельроде об этих опасениях Австрии, для которой «Королевство Польское на протяжении 15 лет было источником постоянных тревог и беспокойства, тогда как могло бы служить связующим звеном между двумя империями, если они обе, в соответствии с замыслом императрицы Екатерины II, осуществленным в результате раздела 1794 г., выказали бы равную заинтересованность в том, чтобы их польские подданные отрешились от всякой мысли о политической независимости»¹. В результате Австрия и Пруссия напряженно следили за развитием ситуации на польских землях, за действиями России и, как бы соперничая с ней, сами старались одновременно заигрывать с поляками.

Прежде всего, это относилось к политике Габсбургов, чьи действия в отношении Польши, в свою очередь, были объектом постоянного наблюдения как российской дипломатии, так и шпионов великого князя Константина Павловича, который вместе с сенатором Н.Н. Новосильцевым организовал в Королевстве Польском широкую агентурную сеть. В 1820-е гг. агенты постоянно доносили о настроениях поляков Королевства и Галиции, об их реакции на отношения России и Австрии. Когда в ноябре 1827 г. появились сообщения о передвижении австрийских войск на российской границе, в Варшаве заговорили о возможной войне между державами; агент

писал, что почти каждый поляк, как военные, так и гражданские лица, желают этой войны. В другом агентурном сообщении в декабре того же года говорилось о подобных настроениях галицийских поляков: «Австрийское правительство старается в Галиции разными обнадеживаниями приклонить поляков к себе. Однако они, зная недоброжелательство одного правительства к польскому народу, все то принимают не с охотою, а напротив того, если бы произошла война, как наивозможно усугубить свое старание, дабы Галиция присоединена была к Царству Польскому. О сем последнем и генерал Хлопицкий якобы рассказывал в доме отставного полковника Стшешевского с добавлением, что как только польское войско покажется в Галиции, то не ручается за то, чтобы весь тамошний народ не присоединился бы в помощь оному»². Напряженность в отношениях сохранялась и в последующие годы: в марте 1829 г. агент подтверждал, что «в Галиции бóльшая часть молодых людей желает прибытия туда польского войска и с большой охотой готова тотчас определиться в оное; а немцев не любят и в их полках служить не хотят». О том, что галицийские поляки «очень желают» австро-русской войны, сообщалось и в октябре 1829 г.³. Что же касается поляков Королевства Польского, то они были заинтересованы в возможности территориальных приобретений в результате войны. Уже в донесении от ноября 1827 г. говорилось о «корысти, которую она могла бы принести Польше: многие рассчитывали, «что, может быть, и Величка присоединилась бы опять к Польше», имея в виду соляные копи. А в мае 1829 г. в Варшаве распространился слух, будто царь послал Красиньского к австрийскому императору «с предложением, чтобы соляную копальню в Величке отдал Царству Польскому, а ежели на то не согласится, тогда будут употреблены меры к присоединению оной копальни по-прежнему к Польше. Каковым известием здешние жители чрезвычайно довольны и отзываются, что если бы по сему случаю произошла война с Австрией, то все поляки, даже и обремененные старостью, с большой охотой пойдут на войну для приобретения своей земли и соляной копальни»⁴.

Отзвуком пропаганды, которую австрийское правительство вело в Галиции, явились толки о причине военных приготовлений, о том, что «австрийский император желает восстановить Польшу паки особенным государством и утвердить на троне независимого короля». В Кракове австрийцы распустили «слух, что монархи согласились, дабы в Польше восстановить независимого короля», и «на таковую достоинность» Россия предлагала великого князя Константина, Пруссия – принца Фридриха, второго сына короля, а Австрия – эрцгерцога Карла или герцога Рейхштадтского, сына

Наполеона. Выдвижение последней кандидатуры в качестве главы «малого Царства Польского» было особенно удачным ходом Вены, так как отмечалось, что галицийские поляки «имеют привязанность» к «Орлёнку»⁵. По агентурным данным, полякам внушалось, «что австрийский император желает видеть Польшу независимую ни от кого, и в то же время даже готов будет присоединить к оной Галицию». В Варшаве говорили даже, будто австрийский монарх «намерен Королевства Венгерское и Галицийско-Лодомерийское сообщить вместе и писал к государю императору Николаю Павловичу о присоединении к тому и Царства Польского для образования одного государства». Агент отмечал, что при «разглашении» подобных сведений «немцы стараются выведывать поляков, как они думают»⁶.

То, что Вена старалась исследовать общественное мнение в Галиции и в Краковской республике, а также воздействовать на него, было несомненным, и слухи, о которых сообщалось в агентурных донесениях, подкреплялись также свидетельством российских дипломатов. Позже, уже в 1831 г., Татищев писал в Петербург о результатах австрийской политики заигрывания с поляками в Галиции: «Хотя венский двор и старался завоевать симпатии крупных землевладельцев Галиции, он преуспел в этом лишь отчасти, и до сих пор жители этой провинции в большей степени являются поляками, нежели австрийцами»⁷. Тем не менее часть галицийского общества была лояльна Габсбургам и даже связывала с ними надежды на воссоединение польских земель. Так, летом 1829 г. на балу в Ланьцуте, в имении графа Альфреда Потоцкого, гости из числа «австрийских патриотов» провозгласили тост: «Пусть благоденствует Королевство Польское под державой императора австрийского!». В июне 1830 г. сообщалось о приезде в Королевство Польское из Кракова графа Париса, который «в своих разговорах, касающихся здешнего правительства, очень воздержан, все хулит, что только относится к Царству Польскому и России, а чрезмерно хвалит Австрию» и «также говорит, что австрийские жители гораздо благополучнее противу здешних»⁸.

Поскольку в глазах галицийских поляков Россия была таким же захватчиком польских земель, многие из них, особенно военные, в начале 1829 г. откликнулись на призыв формировать легион для участия в русско-турецкой войне на стороне турок. В то же время другая часть галицийского общества надеялась, что Россия, возродившая имя Польши и создавшая автономное польское государственное образование, сделает дальнейшие шаги по пути собирания польских земель. Поэтому, например, Пониньский и другие молодые галицийские поляки радовались военным успехам России, пили шампанское за здоровье «победителя турков короля польского», ког-

да же прошел слух о поражении русских в Турции, жители Галиции об этом «весьма сожалели»⁹. Молодой князь Пониньский, упоминавшийся в агентурных донесениях, был сыном богатого помещика. Сообщалось, что он «австрийцам даже в глаза говорит, что они в Галиции только гостями, и просит Бога, дабы как наискорее польское войско вступило туда, то все молодые люди тотчас по его вызову присоединятся к оному». Агент писал также, что Пониньский, «имея большую склонность к государю императору Николаю Павловичу и Е.И.В. Цесаревичу, не дает ни немцам, ни полякам произнести ни одного оскорбительного слова против высочайших особ и очень доброжелателен здешнему правительству, к чему и прочих молодых людей старается он склонять». Согласно донесению в марте 1829 г., польская молодежь в Галиции пела песни, «обидные» для австрийского правительства, а в октябре сообщали о появлении приклеенного к дверям портрета царя с подписью под ним: «тот есть и будет действительным королем польских народов»¹⁰.

Агенты особенно красочно расписывали популярность российского императора среди поляков Галиции в связи с событиями весны—лета 1829 г. – подготовкой и проведением в Варшаве коронации Николая I. Еще в апреле сообщалось, что известие о предстоящей церемонии «во всех поляках учинило большую радость», а на раздражение немцев по этому поводу они отвечали «трогательными словами». Тогда же поляки Краковской республики выразили желание, «чтобы та часть Польши воспользовалась участием в коронации царя польского, склонили свой Сенат к высылке депутации к государю императору с испрашением такового удостоения для краковских жителей и с нетерпением ожидают на то Высочайшего его разрешения». О стремлении многих поляков из Кракова и Галиции принять участие в торжествах сообщалось в мае 1829 г., а когда галицийские поляки узнали о прибытии в Варшаву Николая I «в вожделенном здравии и имеемой быть коронации [...] будучи все вообще чрезвычайно сим обрадованы, с усугублением своей благодарности монарху как наискорее стали выезжать в Варшаву». «Коронация Е.И.В. на царя польского учинила в поляках австрийской Галиции чрезвычайно хорошее впечатление», – писал агент в июне, а два месяца спустя агентура констатировала, что «галицийские помещики из поляков от времени бывшей здесь коронации сделались противу прежнего более доброжелательными к здешнему правительству, прославляют государя-императора Николая Павловича»¹¹.

То, что поляки Галиции «по случаю коронования государя императора на царя польского» желали ему «долгоденствия», служило своего рода демонстрацией против австрийцев, которым факт коро-

нации был неприятен. Как сообщал агент, поляки, заметив это, специально говорят в общественных местах между собой о коронации «с восхищением, а с немцами с высокомерием, называя государя императора Николая Павловича своим царем, и в шутках спрашивают немцев: Долго ли еще думают гостить в польском крае?» На этой почве доходило до серьезных конфликтов: во Львове, говорилось в донесении в июле 1829 г., «наипаче в таких компаниях, где бывают немцы, поляки пьют за здоровье царя польского; а на данном помещиком Дверницким бале [...] когда во-первых начали пить за здоровье, то молодые люди громко закричали: многие лета тому монарху, который паки образовал польскую корону; за что немцы, очень рассердившись, жаловались галицийскому губернатору князю Лобковичу, а помещики из поляков тому смеялись»¹².

Таким образом, польский фактор осложнял взаимоотношения России и Австрии, становился основой определенного соперничества между ними. Что касается роли этого фактора в русско-прусских отношениях, то здесь было меньше ярких проявлений, прежде всего потому, что прусские власти осуществляли более жесткую политику, не пытаясь заигрывать с польскими подданными короля. Правда, и тут не обходилось без слухов. Так, по сообщению агента в мае 1830 г., «в лучших домах» Варшавы говорили, что «на основании каких-то условий между высочайшими дворами российским и прусским имеет быть Великое княжество Познаньское присоединено к Царству Польскому». А имя эрцгерцога Фридриха упоминалось среди имен претендентов на престол будущего независимого польского государства¹³.

Несмотря на наличие противоречий, Россия, Австрия и Пруссия имели гораздо больше объединяющих их факторов, и на первом месте стояла необходимость пресечения всякой «крамолы». В этой сфере наблюдалось тесное сотрудничество. Больше всего беспокоила активность молодежи, тем более, что она была очень подвижна: молодые поляки постоянно ездили через границы для обучения в том или ином университете одной из трех держав, они участвовали в действовавших там польских и немецких молодежных организациях. Братство польских буршей существовало во всех университетах и руководствовалось едиными правилами: в 1821 г. в Кракове варшавский статут Братства был подписан представителями молодежи обеих польских столиц. Созданное поляками в Пруссии молодежное общество «Полония» поддерживало тесную связь с Королевством Польским: в частности, для редактирования статута Общества в Берлин и Вроцлав ездил депутат варшавского сейма и один из лидеров либеральной оппозиции В. Немоёвский. Канцелярия сенатора Новосильцева с 1822 г. вела постоянную переписку с берлинской по-

лицией о «происках» студентов прусских университетов, в которых участвовала и молодежь из Королевства Польского. А в 1826 г. прусские власти сообщали в Варшаву о состоявшемся во Вроцлаве суде над членами Общества польской молодежи: студенты, аудиторы, доктора, профессора получили сроки от 15 лет тюремного заключения за «государственную измену»¹⁴. Между Варшавой и Берлином обсуждались и вопросы борьбы с «иллюминатством», в частности, речь шла о тайном обществе под литерами «Р. К.», вызывавшем подобные подозрения¹⁵.

Угроза революции стала в это время в Европе весьма актуальной, и континентальные державы сплотили силы в противодействии ей. Польша могла стать горячей точкой, и нужно было постоянно об этом помнить. Особенное напряжение возникло, когда в июле 1830 г. произошла революция во Франции. 8(20) августа 1830 г. Татищев сообщал из Вены в Петербург, что император Франц I дал аудиенцию, на которой посоветовал российскому правительству лучше следить за Польшей, так как «поляки по своему характеру беспокойны и любят подражать тому, что происходит во Франции»¹⁶. Предвидение австрийского монарха нашло подтверждение уже через три месяца: 29 ноября 1830 г. в Варшаве вспыхнуло восстание. Оно положило конец планам Николая I отправить войска на подавление французской революции и парализовало «перед лицом опасности в Польше» военные возможности Пруссии и Австрии, стремившихся не позволить Франции объединиться с революционной Бельгией. Этот факт засвидетельствовали российские дипломаты в Лондоне¹⁷, посол же в Париже К.О. Поццо-ди-Борго увидел в создавшейся ситуации подтверждение исторической миссии России в Европе. Он писал Нессельроде 25 октября (6 ноября) 1830 г.: «Признав очевидным, что Королевство Польское явилось очагом организованного вооруженного восстания, что никакими благодеяниями, строгостями или благоразумными мерами невозможно было умиротворить людей, считавших делом чести нас предать, следует счесть за счастье, что это зловерное семя произросло, когда у императора еще было время искоренить его наперекор своим врагам. Мы никогда еще не были так свободны от внутренних трудностей, как сейчас; монархическая Европа справедливо видит в нас свою опору, а революционная Европа – главное препятствие к осуществлению своих гнусных замыслов»¹⁸.

Власти Австрии и Пруссии так же воспринимали Россию и оказали ей поддержку. Польские повстанцы в расчете на посредничество Габсбургов и Гогенцоллернов направили в Вену и Берлин своих представителей, но Пруссия не приняла генерала К. Княжевича, и царь был «удовлетворен» «намерением Его Величества короля прусско-

го не принимать этого офицера в качестве посредника и отвергнуть любое ходатайство». В мае 1831 г. прусский король отказался встретиться с другим посредником – Т. Мостовским, бывшим министром Королевства Польского; он повелел также не переводить в Польский банк в Варшаве деньги для помощи восстанию. Прусское правительство приказало визировать в российской миссии в Берлине паспорта желающих поехать в Королевство. Прусский генеральный консул в Варшаве Ю. Шмидт был отозван по предложению царя. России стали передавать перлюстрированные прусской полицией письма, касающиеся польских дел. В этой связи 27 декабря 1830 (8 января 1831) г. Нессельроде просил российского посла в Берлине Д.М. Алопеуса заявить о том, «сколь император признателен прусскому правительству за его неизменную готовность передавать все имеющиеся у него сведения по польским делам». Еще раньше вице-канцлер, благодаря за информацию, излагал план пресечения контактов восставшей Польши с внешним миром, направленный на то, чтобы «нейтрализовать» ее влияние на другие страны. Суммируя все действия Пруссии в этом направлении, Алопеус с удовлетворением констатировал, что «со всякой снисходительностью в отношении Польши будет покончено»¹⁹.

В августе 1831 г. Министерство полиции Пруссии представило временному поверенному России в Берлине Ф.П. Мальтицу для передачи командующему русской армией И.Ф. Паскевичу данные о подготовке польскими повстанцами диверсии в тылу русских войск, сосредоточенных у Варшавы. Планировалась атака со стороны Августова, за этим должны были последовать созыв всеобщего ополчения и возбуждение «волнений в Самогитии и Литве». По сведениям прусского министерства, в подготовке «заговора» участвовали видные поляки из Августовского округа и местные власти. Подозрения падали также на офицеров польских корпусов под командованием генерала Ю. Хлопицкого, которые перешли прусскую границу и были интернированы. Прусское правительство разрешило генералу и ряду старших офицеров поехать к морю на лечение, остальные же прошли карантин, но остались вблизи границы, хотя местная администрация настаивала на их перемещении вглубь прусской территории, так как опасалась, что они вновь примут участие в вооруженной борьбе в соседних с Пруссией провинциях. Мальтиц считал, что в этом вопросе прусское правительство поступило «неосторожно»²⁰, тем более что еще в феврале-марте 1831 г. посол в Берлине получил из Петербурга указание строго следить за теми, кто перебрался в Пруссию из Королевства Польского. Особое внимание следовало обратить на «главарей» и активных деятелей восстания. «Если прусское правительство, – говорилось в инструкции

послу, – примет энергичные меры для задержания этих лиц в момент их перехода на территорию Пруссии и установит за ними строгое наблюдение вплоть до решения их участи нашим августейшим государем, оно окажет нам одну из тех услуг, которые все правительства, являющиеся поборниками общественного порядка и заинтересованные в сохранении социальных устоев, должны оказывать друг другу». Указывалось, что расходы на проведение этих «временных мер» возместит российское правительство; послу предписывалось прислать в Петербург список задержанных прусскими властями, в соответствии с ним царь должен будет указать тех, выдачи которых следует требовать у Пруссии. Подчеркивалось, что берлинское правительство само «заинтересовано в том, чтобы преступление не осталось безнаказанным и главные вдохновители польской революции оказались не в состоянии возобновить свои преступные происки ни в Польше, ни в других странах»²¹.

Пруссия, действительно, очень хотела, чтобы угроза распространения революционной борьбы польского народа была ликвидирована как можно скорее. Поэтому она помогала России, однако эту помощь старалась не афишировать. Так, например, когда в апреле 1831 г. возникла необходимость воспользоваться находившимся на прусской территории Торуньским мостом для переправы русских войск через Вислу, командовавший ими генерал И.И. Дибич через посла Алопеуса просил разрешения короля. Эту просьбу поддержал и сам царь, поставивший вопрос о закупке в Пруссии провианта для армии. Фридрих Вильгельм III в просьбе отказал, но позволил соорудить понтонную переправу. 8 мая 1831 г. Дибич писал Нессельроде: «король не будет препятствовать постройке в его владениях моста, который надлежит затем отправить вверх по Висле до того места, где нам будет угодно его навести, но желает, чтобы все это производилось частным образом и без участия правительства. Что касается продовольствия, то его величество не только позволяет нам производить любые закупки, какие мы сочтем нужными, но и приказал государственным чиновникам оказывать нам содействие и даже отпускать нашим комиссарам с королевских складов наличествующее там зерно. Эти ответы не оставляют желать лучшего и полностью соответствуют союзным и дружеским отношениям, столь счастливым существующим между двумя государствами. Сверх того, берлинский кабинет официально подал нашему посланнику надежду, что откажется от взимания транзитных пошлин с зерновых хлебов, предназначенных для армии и вывозимых из наших портов на Балтийском море»²². В результате в сооружении понтонного моста, представленном в качестве постройки сруба для складских поме-

щений, помогли прусские военные инженеры, а чиновники содействовали созданию в Пруссии основной продовольственной базы для русской армии. Правда, местные власти не всегда относились к русским доброжелательно: это проявилось, в частности, в позиции обер-президента ландтагов Западной и Восточной Пруссии Г. Шёна, который заявил протест по поводу нарушения русскими войсками государственной границы Пруссии и потребовал удалить с прусской территории продовольственные склады. Установленные в связи с эпидемией холеры санитарные кордоны на границе препятствовали доставке закупленного для русских войск продовольствия, и Дибич, отмечая в письме к Алопеусу это «большое стеснение», просил для его облегчения, учитывая обстановку на местах, добиваться вмешательства прусского министерства. Чтобы достичь результата в этом вопросе, Нессельроде предписывал Мальтицу использовать все тот же аргумент заинтересованности Берлина в скорейшем подавлении польского восстания, которое «грозило безопасности Пруссии не в меньшей степени, чем России». И аргумент этот был услышан: Алопеус сообщал, что хотя карантины введены по просьбе жителей и не могут быть отменены, но прусские власти будут «держаться открытыми, насколько это возможно, пути сообщения с российскими войсками в Польше»²³.

Столь же заинтересованной в скорейшей ликвидации «польского мятежа» была и Австрия. Она также шла в этом навстречу России, но в еще большей степени, чем Пруссия, старалась при этом не компрометировать себя сотрудничеством с царизмом в глазах европейской общественности. Благодаря искусно проводившейся венским двором политике заигрывания с поляками, известная часть польского общества в Галиции связывала с Габсбургами свои надежды. Во время восстания подобные иллюзии возникли и в определенных кругах Королевства Польского: это касалось верхушки общества – ряда крупных государственных деятелей, чиновников и политиков, магнатов, имевших земельные владения в Австрийской империи. Разочаровавшиеся в своих расчетах на царя, они видели в Габсбургской монархии опору, фактор влияния как на царизм, так и на западный мир. По свидетельству Татищева, эти польские политики с самого начала восстания старались «заручиться сочувствием и расположением Австрии, прекрасно понимая, что любая материальная помощь может поступить в Польшу лишь от венского двора и что симпатии либералов всех других стран останутся бесплодными, если Австрия не поддержит дело поляков. Были использованы, – писал посол, – все средства для достижения такого результата: усилия польских агентов в Лондоне и Париже, неблагоприятная деятельность

г-на Талейрана, волнения, возбужденные в среде венгерского дворянства, следовавшие одна за другой миссии Прушиньского, Ельского, Вонсовича и переписка, осуществлявшаяся через посредство князя Константыя Чарторьского». Подчеркивая, что «все эти интриги не приводили ни к чему, кроме постоянных отказов со стороны Австрии», Татищев отмечал неизменную готовность австрийских союзников «делиться» с русскими информацией о предпринятых поляками шагах. Более того, обычно контакты польских эмиссаров с австрийскими властями осуществлялись под контролем русских дипломатов при венском дворе²⁴.

Так, когда в начале 1831 г. из Королевства Польского в Австрию направились президент Польского банка граф Л. Ельский и полковник А. Боянович, Татищев озаботился тем, чтобы не допустить их в Вену, но содействовал их контакту с помощником австрийского канцлера князя К. Меттерниха и из первых рук узнал о том, что умеренная часть польского революционного правительства хотела передать канцлеру и императору Францу I. Предлагая Габсбургам занять престол будущего польского государства, поляки в то же время были готовы подчиниться Николаю I, но на определенных условиях, заключенных при посредстве Австрии и гарантированных ею. Узнал Татищев и о совете, который был дан польским эмиссарам от имени австрийского монарха, – безоговорочно подчиниться законному государю; об этом Меттерних сообщил также непосредственно в Петербург. Таков же был результат встреч Меттерниха с племянником А. Чарторьского А. Замойским, привезшим в Вену письмо от дяди. О содержании письма канцлер сообщил Татищеву: поляки соглашались подчиниться власти царя, если Вена гарантирует сохранение конституции Королевства Польского и «всех постановлений Венского конгресса, касающихся Польши и провинций, некогда в нее входивших»; предлагалось созвать «специальный конгресс по польским делам» с участием России, Пруссии и Австрии. Меттерних ответил на это, повторив совет императора Франца I полякам – сложить оружие и «положиться на милость» Николая I. Он «любезно вручил» Татищеву запись своих бесед с А. Замойским, из которых явствовало, что вначале Замойский «надеялся добиться от Австрии обещания в ходе дальнейших событий поддерживать идею полной независимости Польши, [...] позже он уже ограничился просьбой о ее добрых услугах в вопросе о предоставлении безусловной амнистии, а также о применении в интересах Польши постановлений Венского трактата и сохранении в действии конституционной хартии и воинского устава с подтверждением воинских званий и наград, пожалованных после ноября месяца» (то есть уже во время восстания). «Когда и эта

вторая просьба, – сообщил Татищев Нессельроде, – была решительно отклонена по причине тех дружеских чувств, которые император Франц питает к нашему августейшему государю, граф Замойский принужден был в конечном счете удовольствоваться [...] письмом, адресованным ему князем Меттернихом, где говорится, что коль скоро лица, руководящие делами в Варшаве, взывают к человеколюбию е. и. и к. апостолического в-ва, то единственный совет, который он может им дать, – это немедленно изъявить покорность и полностью положиться на великодушие государя».

Меттерних не только держал Татищева в курсе всего, что слышал от Замойского, но и привлек посла к организации передачи ответа на письмо Чарторьского. Замойский настаивал на письменном ответе, доказывая, что «слово примирения» должно исходить от Австрии, «ибо совет покориться может возыметь действие лишь в том случае, если будет дан ею». «Канцлер счел нужным прислушаться к этим соображениям, – писал Татищев. – Но дабы показать полякам, что любое сообщение, сделанное ими венскому кабинету, рассматривается здесь лишь после того, как о нем поставлено в известность наше правительство, и что, даже предпринимая усилия для прекращения бессмысленного кровопролития, император Франц не согласится ни на какой шаг, способный ущемить суверенные права нашего августейшего государя или поколебать его дружеские чувства к нему, князь Меттерних предложил, чтобы граф Замойский посетил по пути нашу штаб-квартиру и чтобы его сопровождал туда один из сотрудников посольства». Татищев согласился с этим, так как счел выгодным продемонстрировать повстанческому правительству тесный союз российской и австрийской монархий. К тому же, подчеркивал посол, император Франц «так горячо желал, чтобы его ответ был быстро и надежным способом доставлен в Варшаву и послужил свидетельством его деятельного человеколюбия, что отказаться облегчить графу Замойскому возвращение в Варшаву означало бы с моей стороны не проявить должного внимания к желаниям е. и. и к. апостолического в-ва, которому мы стольким обязаны»²⁵.

Позицию австрийского двора высоко оценил Николай I. Татищеву было велено благодарить императора Франца I за «новые свидетельства предупредительных и дружеских намерений австрийского правительства» и «в полной мере выразить чувство признательности», которое вызвало у царя «столь благородное и деликатное поведение». Особенно отмечались действия императора, связанные с письмом Чарторьского, и принятое им решение, «которое должно было показать мятежникам, сколь тщетны и беспочвенны питавшие их надежды на поддержку и сочувствие Австрии»: тем самым австрийский

монарх «явил миру доказательство лояльности своей политики», а царю дал «свидетельство дружбы», чем тот был «бесконечно тронут». О «предупредительных и дружественных действиях Австрии» российская сторона говорила также в связи с решением Вены в ответ на просьбу Дибича о закупке в Галиции провианта для русской армии предоставить в его распоряжение австрийские военные магазины. Подчеркивалось, что это «услуга, важность которой в полной мере оценивается» российским монархом²⁶. Царское правительство придавало большое значение и «услугам» Австрии на международной арене. Так, австрийский кабинет передал русскому послу копии писем «польских агентов», действовавших в Лондоне. Находившийся там А. Валевский сообщал в Вену через А. Чарторыского о том, что Ш.М. Талейран якобы обсуждал с австрийскими дипломатами в Лондоне П.А. Эстергази и И. Вессенбергом план урегулирования русско-польских отношений. Меттерних опроверг это сообщение, а когда Франция затеяла организацию совместного демарша послов западных стран в Петербурге с требованием «сохранить политическое существование Королевства Польского», он заявил французскому представителю в Вене, что для демарша нет законной основы, так как акты Венского конгресса не гарантировали внутреннего устройства Королевства. «Этот ответ, – писал Нессельроде Татищеву 27 марта (8 апреля) 1831 г., – не оставляет желать ничего лучшего» и представляет собой «свидетельство дружбы и доверия к России»; в «прискорбных обстоятельствах» польского восстания, подчеркивал он, «ничто не могло бы лучше утешить императора, чем постоянно получаемые им от своих союзников свидетельства чистосердечной и искренней дружбы, а также полезное содействие, которое он находит с их стороны, – содействие, тем более ценное, что оно носит совершенно добровольный характер». Рассчитывая, что демонстрация дружбы и сотрудничества трех держав в борьбе с польским восстанием произведет соответствующее впечатление на правящие круги и общественность стран Западной Европы, Нессельроде разослал российским дипломатическим представителям в Париже, Лондоне и Вене послания одинакового содержания; находившиеся там сведения послы должны были использовать «для внесения ясности в ошибочные суждения», являющиеся результатом «недоброжелательства общественного мнения» западных стран. Нарисованную в послании картину успехов русской армии в Королевстве Польском дополняла характеристика взаимоотношений России, Австрии и Пруссии на фоне польского восстания: «...предупредительные меры, принятые в Австрии и Пруссии, чтобы нейтрализовать последствия мятежа, продолжают неукоснительно соблюдаться. В этих сложных обстоя-

тельствах берлинский и венский кабинеты постоянно выказывают императору свидетельства своей просвещенной политики и искренней дружбы. Оба кабинета единодушно отклонили попытки добиться их заступничества перед нашим двором, предпринятые эmissарами варшавского правительства. Оба ответили, что единственный путь спасения, открытый для мятежников, состоит в безусловном подчинении воле их законного государя»²⁷.

Известие о взятии Варшавы царскими войсками в начале сентября 1831 г. союзники России встретили с удовлетворением, о чем свидетельствовало письмо Франца I с поздравлением по случаю победы над «бунтовщиками»²⁸. Но изменение военной ситуации способствовало рождению новых проблем, сказывавшихся на отношениях России с Австрией и Пруссией. Татищев, которого Меттерних по-прежнему снабжал информацией, на основании показанных ему сообщений австрийских дипломатов из Берлина пришел к выводу, что Пруссия опасается впечатления, произведенного взятием Варшавы на российские власти, «которое отнюдь не будет служить сохранению мира в Европе». По мнению прусских политиков, «Россия, избавившись от затруднений, вызванных восстанием в Польше, пожелает дать понять Франции, что источником всего зла в Европе является Июльская революция, и постарается вовлечь в такую политику Пруссию и Австрию в гораздо большей степени, чем того требуют интересы и позволяющие возможности этих двух стран». Через австрийского посла в Берлине прусское правительство извещало Вену о своей обеспокоенности в связи с такой тенденцией российской политики и предупреждало о том, «как опасно было бы продемонстрировать Европе слишком большую уступчивость в отношении требований России в польском вопросе»²⁹.

В то время как Пруссия стремилась избежать обострения отношений с Францией, французский кабинет вместе с английским собирались выступить посредниками в защиту участников польского восстания, а французская оппозиция во главе с М. Лафайетом настаивала, чтобы премьер-министр Франции Ф. Себастиани потребовал от Пруссии пропуска в Польшу конвоев с оружием и боеприпасами для повстанцев. И хотя Себастиани на это не пошел, тем не менее нелегальный провоз оружия через прусскую и австрийскую территорию имел место³⁰. Наряду с этим вставала проблема массового проникновения туда польских повстанцев. Еще в феврале 1831 г. после разгрома под Варшавой польских вооруженных сил прошел слух, что остатки армии будут пробиваться через Пруссию, в связи с чем последняя сосредоточила на границе войска под командой генерала А.В. Гнейзенау³¹. В апреле 1831 г. возникла перспектива вступления

в Галицию польского корпуса генерала Ю. Дверницкого, и австрийский император дал приказ «войска польские, кои решатся перейти границу, обезоружить и выдать со всем оружием и лошадьми» русскому военному командованию. Но так как австрийские войска были растянуты по всей границе, то существовало опасение, что поляки, оказав сопротивление, смогут прорваться обратно на территорию Российской империи, и потому было решено завлечь их подальше от границы, за Тернополь, чтобы успеть собрать силы и затем, приведя «в точное исполнение» приказ императора Франца I, «удовлетворить обязанностям, налагаемым на него союзом и дружественными отношениями с Россией». «Дружественное отношение» Австрия проявила также, не предъявив России претензий за то, что русская армия, преследуя повстанцев, нарушила границу: Меттерних даже сожалел, что войска под командованием генерала Ф.В. Ридигера не потеснили поляков еще сильнее. Он передал российским союзникам сведения о численности интернированного корпуса Дверницкого на момент его разоружения и обещал представить поименный список польских офицеров. Для последних был создан лагерь в Линце, неподалеку, в горном городке Штайер, поместили Дверницкого, который оправдывал свое вторжение на австрийскую территорию угрозой окружения его корпуса войсками Ридигера³².

Интернированные в Галиции повстанцы не переставали беспокоить царское правительство, вызвали подозрения и опасения. Николай I еще в начале 1831 г. высказывал недовольство в связи с намерением венского правительства выдать А. Чарторьскому австрийский паспорт, если бы он вышел из состава повстанческого правительства в Варшаве и эмигрировал в Австрию; при этом российскому двору было обещано, что за князем будет установлено наблюдение полиции и, в соответствии с австрийскими правилами по отношению к «польским изгнанникам», он будет находиться «в распоряжении» российского императора. Однако царь иначе смотрел на «изгнанников» и через Татищева передал требование венскому кабинету: «чтобы совсем не выдавали паспортов – и никому; чтобы, напротив, выдали нам всех, кто стал бы искать убежища в Австрии». Подчеркивалось, что среди таких эмигрантов могут быть «польские инсургенты», и, выдав им паспорта, австрийское правительство столкнется с проблемой выдачи России людей, въехавших в империю Габсбургов на законном основании. «Это, несомненно, – писал Нессельроде Татищеву, – было бы противно чувству справедливости и деликатности императора Франца, в то время как наш августейший государь [...] не смог бы, со своей стороны, отказаться от требований выдачи означенных лиц»³³.

В корпусе Дверницкого находились польские офицеры, дезертировавшие из австрийской армии, а также примкнувшие к повстанцам галицийские помещики, по отношению к которым Татищев хотел добиться от австрийского правительства применения «антиэмиграционных мер» и установления постоянного надзора. Он сообщал о недовольстве населения Галиции разоружением корпуса и переслал в Петербург полученные через Ридигера «Заметки и сведения о настроениях жителей Галиции», составленные подполковником австрийской армии графом Карачаем. В «Заметках» говорилось об активном участии галицийской шляхты в «польской революции» и «бесчисленной помощи, оказываемой «армии мятежников». Автор видел в польском национальном движении большую угрозу для Австрийской империи, опасаясь, в частности, его революционизирующего влияния на Венгрию, «где стремление к независимости вследствие соседства с беспокорной нацией легко может найти опасных поборников». В самой Галиции, объяснял он, поляки не выступают, так как, в соответствии с концепцией А. Чарторьского, питают надежды на восстановление Польши при поддержке Австрии; эту концепцию разделяет гражданский губернатор Галиции князь А.Л. Лобковиц, который, ложно понимая «истинные интересы Австрии», считает «естественным» и полезным для нее создание между «северным колоссом и Германией» буферного польского государства. По словам Карачая, Лобковиц не предпринимает никаких мер против тех, кто в Галиции помогает «мятежникам», так как боится спровоцировать взрыв в провинции; к его мнению прислушиваются в Вене, и потому необходимо раскрыть глаза правительству на то, что происходит под началом губернатора, разоблачить «пороки и беспечность его тамошних чиновников, большая часть которых – галицийцы, считающие себя поляками, – разделяет их преступные устремления». Автор «Заметок» рассчитывал на влияние российского двора и одновременно давал ему рекомендации: он предлагал, чтобы царь объявил широкую амнистию повстанцам, так как это «произвело бы очень хорошее впечатление на всю Европу», а на будущее советовал изолировать польскую молодежь от французского влияния и обеспечить ее образование в России.

Пересылая Нессельроде «Заметки» Карачая, Татищев сообщал и свои наблюдения «о возбуждении умов в Галиции», о создании во Львове «распорядительного комитета», а в Тернополе «подкомитета», которые готовили восстание на Волыни и в Подолии. Он подчеркивал, что нет контроля за приезжими, что чины местной администрации и полиции попустительствуют этой деятельности, не скрывая «своей преданности делу мятежников», и информировал российско-

го вице-канцлера, что, добиваясь от Меттерниха отставки Лобковица, получил заверения о передаче функций гражданского и военного губернатора эрцгерцогу Фердинанду. «Хорошо известные взгляды этого принца и его твердый характер, – писал Татищев, – являются гарантией усердного и полноценного исполнения им предписаний своего государя, касающихся изоляции польских революционеров и надзора за административными и полицейскими мерами, которые для этого потребуются. Поскольку австрийское правительство решилось последовать примеру Пруссии и установить на границе с Королевством санитарный кордон, ему будет проще предупреждать происки и частые сношения бунтовщиков с галичанами»³⁴.

Аналогичные неприятные для России проблемы возникли и в Пруссии. По сведениям Нессельроде, в Мемеле население симпатизировало повстанцам, им продали и даже дали даром порох, тогда как русские войска получили отказ на просьбу продать боеприпасы. Российский вице-канцлер поручил послу Алопеусу обратиться к прусскому правительству: «Оно само, – писал он, – должно будет признать, насколько настроение и поведение жителей Мемеля [...] противоречит интересам сохранения общественного порядка в Пруссии и отношениям добрососедства между двумя странами, вследствие чего оно, без сомнения, поспешит принять необходимые меры, дабы пресечь столь преступные происки»³⁵. Российское правительство беспокоил наплыв в Пруссию поляков из разбитых в Королевстве Польском повстанческих отрядов А. Гелгуда, Д. Хлаповского, Ф. Роланда, М. Рыбиньского. Их задержание и разоружение прусскими властями сопровождалось обязательством последних не выдавать повстанцев России. Между тем российский дипломат Ф.П. Мальтиц, заменивший в Берлине умершего Алопеуса, отметил в переданном ему списке поляков имена лиц, «своими преступлениями снискавших себе печальную известность», и опасался, что они могут избежать наказания, выехав на Запад. По его мнению, «прибытие целой толпы озлобленных неудачами мятежников, являющихся в глазах революционеров всех стран мучениками за дело, которое они осмеливаются называть делом свободы, не может не причинить больших неудобств Европе. Даже из своей далекой ссылки они будут подстрекать к новым беспорядкам в Польше». Еще летом 1831 г. Мальтиц требовал выдачи России военного снаряжения польских отрядов, вывезенных ими средств и самих участников восстания, но людей прусские власти выдать отказывались, ссылаясь на данные им обязательства. Они объясняли, что в противном случае не сумели бы арестовать и разоружить повстанцев, которые могли бы вновь двинуться в Литву. Поэтому, подчеркивал государственный

секретарь правительства Пруссии И.П. Ансильон, решение прусских властей отвечает и интересам России. Он заверял Мальтица, что Пруссия сама заинтересована в том, чтобы передать России задержанных поляков, так как это «положит конец затруднениям правительства, оказавшегося перед выбором: или позволить этим лицам скрыться, или подвергнуть себя всем опасностям, которыми может угрожать польским провинциям монархии затянувшееся пребывание в стране этих возмутителей общественного спокойствия». А пока решено было переместить поляков в район Грауденца. Ансильон обещал, что прусские власти проверят их бумаги и вывезенные ими из Королевства денежные средства, а Мальтиц настоятельно просил обеспечить строгий надзор за ними и не выпускать из Пруссии без паспортов, выданных российским правительством или российским посольством в Берлине³⁶.

Несколько позже Мальтиц предпринял еще одну попытку добиться выдачи прусскими властями повстанцев. Речь шла о нескольких десятках поляков из числа подписавших 17 сентября 1831 г. в Закрочиме декларацию следующего содержания: «Нижеподписавшиеся, желая сохранить славу польского имени и разделить в настоящее время судьбу армии, не только не отрекаются от своих прошлых действий, но и подтверждают их своими подписями». Прусское правительство, отказывая в просьбе России, в данном случае ссылалась на русско-польскую конвенцию от 17(29) марта 1830 г. о взаимной выдаче дезертиров и уголовных преступников и прилагавшуюся к ней декларацию о лицах, обвиняемых в совершении политических преступлений, предусматривавшую, что «выдача каждого, обвиненного в политическом преступлении, должна производиться только по предварительной договоренности между двумя правительствами». Однако Мальтиц видел основную причину в другом: «Это нежелание прусского двора удовлетворить требования о выдаче, направляемые ему иностранными правительствами, объясняется его крайним опасением навлечь на себя упреки со стороны так называемой либеральной партии как в Пруссии, так и в других странах»³⁷.

С такой же позицией венского двора и с теми же причинами, ее обусловившими, российская дипломатия столкнулась, когда попыталась добиться выдачи личного состава корпуса Дверницкого. Нота Нессельроде, врученная австрийскому послу в Петербурге и содержавшая безапелляционное требование выдачи, осталась без прямого ответа. Австрийские власти вернули военное имущество – артиллерию, оружие, снаряжение, лошадей, но солдат, офицеров и самого генерала разместили в лагерях под охраной «до окончания

борьбы между Россией и мятежным Королевством». «Затем, – писал Меттерних австрийскому послу при русском дворе, – его всероссийское императорское величество даст нам знать о своих распоряжениях относительно этих людей». Он подчеркивал, что польско-русский конфликт – это конфликт между «абсолютно разнородными сторонами», и потому Австрия не может занять позицию дипломатического нейтралитета; возможны лишь «пассивное поведение» и проведение мер «сдержанного характера», обязательные для «регулярного правительства» с формальной точки зрения, но если бы австрийский монарх руководствовался лишь «моральным побуждением, он немедленно выдал бы корпус Дверницкого России». Татищев пытался представить австрийскому кабинету опасность негативной интерпретации его отказа как акта предоставления убежища «злоумышленникам» и указывал на необходимость мер, которые могли бы «парализовать последствия симпатий большого числа жителей Галиции делу мятежников и лишили бы этих последних возможности еще питать надежды на поддержку в Галиции и на терпимое отношение австрийских властей к их преступным замыслам».

Поскольку усилил посла не удовлетворили Николая I, Нессельроде представил более подробное изложение российской позиции, которое послу надлежало довести до Меттерниха: «Соображения высшего порядка, – писал он, – побуждают е. и. в-во желать, чтобы эти бунтовщики были переданы российским властям. Решит ли император судить и наказать их в соответствии с тяжестью содеянного ими преступления или они испытают на себе воздействие его безграничного милосердия, – в любом случае их выдача произвела бы благотворное впечатление на их соотечественников и продемонстрировала бы им, что Россия и Австрия тесно связаны между собой и одинаково заинтересованы в подавлении преступных смут. Она бы опровергла все инсинуации, распространяемые поляками и с готовностью подхваченные революционерами всех стран о якобы имеющем место сочувствии Австрии их делу». Нессельроде напоминал о заверениях австрийского правительства с момента начала восстания, позволявших рассчитывать на выдачу тех «бунтовщиков», которые окажутся на австрийской территории: «Именно для осуществления этого намерения австрийский двор предложил нам предварительно урегулировать с ним вопрос об издержках на содержание, препровождение etc. польских генералов, старших и младших офицеров, а также солдат. Казалось, что Австрия должна быть так же заинтересована в этих соглашениях, как и Россия. Она заранее, так сказать, готовилась исполнить пожелания, которые мы могли бы ей выразить». Но, констатировал вице-канцлер, когда «настал момент претворить

в жизнь согласованные меры, венский кабинет пересмотрел и свою собственную позицию, и обязанности, возложенные на него обстоятельствами». Нессельроде отмечал, «сколь неожиданными для императора были подобные действия», но подчеркивал, что, тем не менее, царь «не желает ни выражать по этому поводу свои сожаления, ни протестовать против решения, принять которое Австрия сочла крайне необходимым. Е. в-ву достаточно знать, что принадлежащие ему в данном случае права, от которых он не мог бы отказаться, никак не ущемляются. Действительно, австрийское министерство заявляет, что только соображения чрезвычайной важности, как то: общественные настроения в Галиции и данные в связи с ними обещания Дверницкому, могли вынудить это правительство отказаться от немедленной его выдачи, но что оно оставляет Дверницкого и его людей в распоряжении нашего августейшего государя, ожидая окончания польского восстания. Император принимает это заявление и оставляет за собой право воспользоваться им в свое время и в надлежащем случае. К тому же е. и. в-ву угодно было принять во внимание положение самой Австрии. Поскольку эта держава дала нам понять, что не сможет без серьезных для себя затруднений выдать нам корпус Дверницкого вместе с его главарем, е. и. в-во вовсе не желает настаивать на этом в настоящий момент...»³⁸.

В обращении российской дипломатии подчеркивалось, что эпизод с корпусом Дверницкого не должен стать прецедентом в будущем. Татищев получил предписание немедленно предъявить новое требование: на этот раз речь шла о выдаче «бунтовщиков» из Подолии, перешедших в Австрию после разгрома. «Венский двор, – писал Нессельроде, – поймет, сколь важно для него развеять впечатление от первого пагубного примера, коль скоро он не намерен далее мириться с вторжением на свою территорию бунтовщиков, вдохновляемых, к прискорбию, приемом, оказанным Дверницкому». Принимая во внимание «серьезные соображения» Австрии в этом случае, Нессельроде считал их «неуместными» в отношении «подоляков»: «они не поляки из Королевства, а жители российских областей», «являются не регулярным воинским формированием, [...] а неорганизованной бандой, состоящей из людей, отрекшихся от законов чести и человечности [...] Их бунт ознаменовался грабежами, убийствами и всевозможными актами вандализма», что наказуется во всех странах. Вице-канцлер напоминал, что «после подавления мятежа в Италии Австрия не колебалась выдала в руки соответствующих правительств иностранных революционеров, захваченных австрийскими войсками. Ныне император обращается к ней с аналогичной дружеской просьбой», и если Австрия считала себя не в

праве «скрывать от законного суда» бунтовщиков из тех областей, она «не захочет присвоить себе такое право в отношении российских подданных». Так как на это обращение венский кабинет ответил отговорками, указывая на опасность провоза через Галицию интернированных в Трансильвании «подоляков», Татищеву пришлось вторично обращаться к австрийскому императору, и тот дал обещание осуществить передачу задержанных поляков через Буковину незамедлительно³⁹. Чтобы несколько успокоить российского союзника, австрийская дипломатия направила Нессельроде записку, где еще раз заверила, что интернированные польские солдаты и унтер-офицеры будут содержаться в «подходящих» местах «под наблюдением военных властей», пока от России не поступят «пропускные свидетельства для возвращения их на родину». Указывалось на двойную задачу: «как можно быстрее выдворить» из Австрийской империи всех иностранных участников восстания – генералов и офицеров, полякам же, военным и гражданским, дать выбор – просить ли царя о позволении вернуться домой или выехать на Запад по маршруту, который в будущем определит австрийское правительство⁴⁰.

Стремление Австрии «сохранить лицо» в глазах общественного мнения в Галиции и в странах Запада диктовало ей такие шаги, как попытка добиться помилования для Дверницкого. Император Франц I сказал Татищеву, что собирается обратиться с такой просьбой к царю, и посол заверил его, что Николай I не может ему отказать⁴¹. Показательной была позиция венского двора и в отношении А. Чарторыского, выдачи которого требовала Россия: Меттерних заявил, что в Австрии его нет, что он выехал в Саксонию, хотя в Петербурге имелись другие сведения. В это время уже был обнародован царский манифест от 20 октября (1 ноября) 1831 г., объявивший «совершенное прощение» участникам восстания, кроме особых лиц, в том числе и офицеров интернированных в Австрии и Пруссии корпусов. Чарторыский персонально был назван «человеком, чье поведение было слишком преступным, чтобы он мог подпасть под общую амнистию», и чья «безнаказанность была бы равносильна пагубному поощрению революционеров всех стран»⁴². На тех же основаниях российское правительство считало преступником, не подлежащим амнистии, генерала Я. Скшинецкого, выдачи которого по указанию Нессельроде требовал Татищев. Но австрийский кабинет таких оснований для исключения из права на амнистию не признал. В ответ на российскую ноту Меттерних заверил, что «австрийское правительство в данном случае, как и во всех прочих, будет тщательно избегать того, что могло бы нарушить мир и спокойствие во владениях е.в.ва императора российского и короля польского и что вследствие этого

генерал Скшинецкий, как и любой другой польский изгнанник, который останется в Австрии, будет [...] лишен возможности оказывать всякое влияние на дела Королевства Польского, противоречащее его замирению. Однако, поскольку в силу соображений высшего порядка и в интересах самого российского двора было решено не принуждать никого из изгнанников, вопреки их воле, возвратиться в Польшу, чрезвычайно затруднительно было бы действовать иначе в отношении генерала Скшинецкого и именно его выдать российским властям, тем более, что генерал Скшинецкий [...] является уроженцем Галиции, а, значит, и подданным Австрии по рождению и что две империи не связаны никакими соглашениями о выдаче преступников»⁴³.

Предусмотренные в царском манифесте изъятия из-под действия амнистии получили специальное оформление в виде указов российского императора. Они касались повстанческих соединений Д. Раморино, С. Ружицкого, Ю. Каминьского, М. Рыбиньского, не признавших акта капитуляции восстания и потому «недостойных блага амнистии». Офицеры из состава этих корпусов могли быть амнистированы лишь в индивидуальном порядке⁴⁴. Между тем Запад ожидал всеобщей амнистии, с таким требованием выступила Франция. В связи с этим Нессельроде писал российским послам в Вене и Берлине, что царь «не может признать ни за какой державой права делать ему представления по вопросам, которые только он один должен решать, обладая всей полнотой суверенной власти». Эту точку зрения следовало передать правительствам Австрии и Пруссии, чтобы их дипломатические представители в Париже согласовали свою позицию с позицией русского посла Поццо-ди-Борго. Осуществление этого плана встретило «глубокую признательность» царского двора, значение его разъяснял Нессельроде: «Имелось в виду таким образом еще раз продемонстрировать Франции единство взглядов и принципов России, Австрии и Пруссии», так как положить конец французским претензиям может лишь «уверенность в полном единодушии трех великих континентальных держав в жизненно важных вопросах, касающихся их самых насущных интересов». Единство взглядов было продемонстрировано и при обсуждении еще одной важной проблемы, поставленной Англией и Францией перед Веной и Берлином: эти западные державы утверждали, что конституция Королевства Польского была гарантирована Венским конгрессом. Россия это отвергала, и ее позиция получила поддержку Австрии. В августе 1831 г. в Петербург была направлена составленная Ф. Генцем, доверенным лицом Меттерниха, «Записка», где утверждалось, что внутреннее устройство Королевства Польского

явилось «свободным и произвольным творением Александра I». Это была, по оценке Нессельроде, «блестящая работа», позволившая «категорически опровергнуть софистические заключения, которые пытались сделать как во Франции, так и в Англии». Содержавшаяся в «Записке» концепция была согласованно представлена в Париже послами России и Австрии, к которым присоединились и прусские дипломаты. Ансильон заявил, что Николай I имеет право изменять внутреннее устройство Королевства Польского, лишь бы только он не включил его непосредственно в состав России. 19 ноября 1831 г. он передал российскому послу, что Берлин согласен с планом царя относительно Королевства: сохранив прежнее название, отдельно от российской администрации и «национальные институты», император тем самым соблюдет статьи Венского трактата, касающиеся Польши, «и сможет пользоваться полной свободой во всем остальном, что относится к внутреннему устройству его польских владений»⁴⁵. Ранее прусское правительство высоко оценило манифест об амнистии, не разделяв стремлений тех, кто хотел «придать больший размах воздействию милосердия» царя. Как сообщал в Петербург Мальтиц, «берлинский кабинет находит, что наш августейший государь сумел совместить в этом акте все требования справедливости и гуманности». Он цитировал слова Ансильона: «Если Европа справедлива [...] она должна быть довольна Россией»⁴⁶.

С разгромом восстания и объявлением амнистии повстанцам для союзников наступил новый этап организационной работы. Прусскому кабинету было сообщено о снятии секвестра с капиталов Королевства Польского; агенты Паскевича должны были прибыть за ними для передачи Польскому банку. Пруссия объявила о назначении комиссара по ликвидации всех дел, связанных с нахождением на ее территории отрядов Гелгуда, Хлаповского, Роланда и Рыбиньского: следовало согласовать с представителем России сумму расходов по их содержанию и договориться с российским военным руководством о возвращении в Королевство солдат и унтер-офицеров. Насчет возвращения офицеров царь должен был принять решение по каждому особо, причем это не касалось офицеров корпуса Рыбиньского: им следовало срочно покинуть Пруссию, но тем из них, кто хотел дожидаться ответа на просьбу об амнистии, предоставлялась отсрочка. Составлялся список солдат и унтер-офицеров этого корпуса, которые желали просить о милосердии российского монарха, они также должны были ждать решения, остальным же надлежало выехать как можно скорее. Уже в первые недели после объявления амнистии российский посол в Пруссии сообщал об обращении полковника Б. Зелёнки, выразившего от имени всех офицеров гвардейского

егерского полка готовность подписать акт об изъявлении покорности. Аналогичная информация содержалась в донесении Татищева: 58 офицеров из корпуса Дверницкого подали австрийским властям прошение о возвращении в Польшу, и посол переслал их именной список для принятия индивидуальных решений. Позже Нессельроде писал о том, что прошения офицеров из отряда Рыбиньского оказались удовлетворены, так как были написаны «по форме»; офицеры обязались «изъявить покорность и воззвать к милосердию е. в-ва императора и царя», умоляя его «даровать им амнистию и позволение вернуться на родину». Паскевичу поручили их принять, и они должны были сразу присягнуть на верность – поклясться «перед Богом Всемогущим [...] верно служить е. в-ву Николаю I [...] и наследнику его е. и. выс-ву вел. кн. Александру Николаевичу и в мирное, и в военное время вести себя, как подобает солдату, верному законам чести», беспрекословно подчиняться «приказам верховной власти», избегать и «отдалять от себя всякого, кто попытается предать е. и. и ц. в-во или навредить ему» и, конечно, считать «своим священным долгом пролить кровь свою и пожертвовать жизнью во имя его благополучия и славы»⁴⁷.

Эта формула была обязательна для интернированных как в Пруссии, так и в Австрии, и не случайно из 146 офицеров отряда Раморино, желавших вернуться из империи Габсбургов в Королевство Польское, Татищев отобрал лишь 24 человека, так как остальные не соглашались на предложенные российским правительством условия, выдвигая свои, «неприемлемые», с точки зрения посла⁴⁸. Многие поляки не хотели подчиняться российской власти, стремились продолжить борьбу и новые военные силы для нее рассчитывали сформировать на Западе, тем более, что там они находили поддержку. Так, значительное число повстанцев из частей Гелгуда, Рыбиньского и др. выехали в Саксонию, часть из них (около 60 человек), по предположению российского посла в Дрездене А. А. Шрёдера, хотела дожидаться благоприятного решения царя. Они встретили радушие и сочувствие саксонцев, в Лейпциге был создан комитет для оказания им помощи, распространялись брошюры в защиту поляков. Настроение общества в их пользу было таково, что, как писал Шрёдер, принятие строгих мер «поставило бы под вопрос сохранение спокойствия в столице». Через Саксонию проезжали те поляки, кто направлялся во Францию и Англию; туда, подчеркивалось в донесении, отправились «важные лица»⁴⁹. Во Франции действовал Польский комитет во главе с Лафайетом, который добивался от правительства разрешения на формирование польского легиона. По сведениям Нессельроде, среди поляков, бежавших в Галицию, шла

вербовка в легион от имени французского правительства, для желающих вступить на военную службу во Франции были открыты кредиты в Берлине и Вене, им выдавали французские паспорта. Правда, Поццо-ди-Борго сообщал из Парижа, что французский кабинет противостоял атакам Лафайета: поляки как иностранцы не имели права создавать какие-либо военные организации и могли получить лишь статус беженцев. Премьер-министр Франции К. Перье заверил российского посла, что французским дипломатическим представителям за границей дано указание не выдавать «польским беженцам» паспортов «без специального разрешения» и направлять всех, кто просит разрешения на въезд во Францию, не в Париж, а в Авиньон, где они получат «очень скромные пособия»⁵⁰.

Эта информация не удовлетворила Нессельроде, так как он продолжал получать тревожные сообщения об организации польского легиона. В конце 1831 г. он писал Мальтицу, что интернированные офицеры подбивают солдат игнорировать манифест об амнистии, эмигрировать во Францию, чтобы там создать войско; распространяя ложные слухи о преследовании тех, кто возвращается в Королевство Польское, и в результате «подстрекательств генерала Бема» к нему присоединилось уже до 8000 солдат. Нессельроде предписывал Мальтицу побудить прусский кабинет к срочным действиям, чтобы не допустить отъезда солдат во Францию. Отмечалось, что прусское правительство, объявив солдатам из отрядов Геллуда и Рыбиньского о разрешении по амнистии выехать в Польшу, тем самым «заранее указало им на необходимость вернуться к себе на родину и благоразумно предвосхитило таким образом всякие планы касательно эмиграции. Сейчас, – писал вице-канцлер, – [...] речь идет лишь о том, чтобы осуществить намерения, провозглашенные прусским правительством, и сопроводить польских солдат и унтер-офицеров до границ Королевства, где их встретят русские офицеры, которые выдадут им путевые листы и снабдят их необходимыми средствами для возвращения к домашним очагам [...] нам хотелось бы, – подчеркивал Нессельроде, – чтобы прусское правительство в этих обстоятельствах сошло с места и дало нам новое доказательство своей дружбы, использовав все подходящие средства, способные успокоить польских солдат, убедить их в том, что им не станут чинить никаких помех к возвращению на родину при условии, что они отправляются туда с твердой решимостью впредь проявлять покорность, и, наконец, с помощью убеждения побудить их добровольно отказаться от намерения бежать во Францию, не заставляя прусские власти прибегать к силе для противодействия этому проекту». По мнению Нессельроде, «правильно поняты интересы самой Пруссии

требуют от нее принятия быстрых и действенных мер с целью предотвратить эту массовую эмиграцию, ибо очевидно, что именно эти солдаты могут составить ядро польского легиона. Нет сомнения, что для Пруссии, как и для нас, важно помешать формированию войска, существование которого не может не представлять опасности»⁵¹.

Наряду с опасностью, которую представляли собой «польские беженцы» в Галиции, Пруссии и за пределами территории «континентальных держав», существовала также угроза «пожара» в Краковской республике, в непосредственной близости от Галиции. Такая угроза возникла уже весной 1831 г., когда Нессельроде писал российским послам в Вене и Берлине о последствиях «пагубного примера» Королевства Польского – свержении правительства в Кракове и пришедших там на смену законного порядка «смуте и анархии»: «Настал момент, – считал он, – когда кабинеты России, Пруссии и Австрии должны сообща вновь обратить внимание на дела Кракова». По его словам, повстанцы, отступая из Королевства, могут войти в город, ища там убежища либо для продолжения военных действий, и тогда русским войскам придется, преследуя их, «оккупировать город и одновременно подавить там восстание». Но царь, подчеркивал вице-канцлер, «не желал бы действовать изолированно и не хотел бы ввода на территорию республики только своих войск». Он напомнил, как еще в октябре 1830 г., то есть до начала восстания поляков, «венский и берлинский кабинеты признали, что присутствие в Кракове частей их вооруженных сил может стать необходимым для подавления беспорядков, которых уже тогда понуждало опасаться состояние умов». Теперь, констатировал Нессельроде, «настало время, когда в вольном городе в интересах мира и общественного порядка может быть проведена совместная акция». Австрийским и прусским союзникам предлагалось «подтянуть к окрестностям Кракова несколько военных частей», готовых вступить в город, как только повстанцы вторгнутся на территорию Краковской республики, что вызовет вступление туда русских войск. По мнению российского вице-канцлера, «эта совместная оккупация, представленная как результат предварительной договоренности между тремя дворами, лишила бы недоброжелателей малейшего повода протестовать против несоблюдения договоров. Она дала бы державам-покровительницам возможность договориться относительно восстановления законного порядка в Кракове и способствовала бы таким образом достижению общего согласия [...] в вопросе о реорганизации управления этим вольным городом». В случае каких-либо затруднений с выдвижением военных частей Австрии и Пруссии Николай I хотел, чтобы присутствие в Кракове офицеров или комиссаров этих двух держав

позволило придать вступлению русских войск «характер меры, обговоренной с двумя другими дворами или с их согласия»⁵².

К этому времени в результате восстания в Королевстве Польском и перспективы изменения в будущем его статуса царское правительство утвердилось во мнении о необходимости ликвидации и таких форм польской государственности, как Краковская республика и вольный город Краков. 21 марта (2 апреля) 1831 г. Татищев писал в Петербург: «их независимое положение и форма правления являют собой опасную аномалию, источник нежелательных осложнений и объект для постоянного надзора со стороны трех держав. Во времена существования Королевства все поляки и в Галиции, и в Герцогстве Позенском, и в наших польских губерниях связывали свои чаяния и мысли о национальной независимости с Варшавой. Если в результате установления в Королевстве нового порядка вещей эти устремления окажутся связанными с Краковом, существование этой республики будет представлять для держав еще большую опасность. Разногласия, волновавшие это маленькое государство задолго до польской революции, неблагодарность, которой оно отплатило России за ее благодеяния, его соучастие в восстании и симпатии его жителей к польским мятежникам, нашедшим там убежище, в то время как резидент императора был вынужден покинуть Краков, дабы обеспечить себе безопасность, – все это в достаточной мере доказывает, что существование упомянутого государства не отвечает более интересам России, равно как и Австрии, с 1815 г. не переставшей испытывать все прирастающие для нее из того неудобства»⁵³.

Развитие восстания, события, связанные с поражением повстанцев, обострили проблему Кракова. 20 августа (1 сентября) 1831 г. Мальтиц писал Нессельроде из Берлина: «В результате последних событий город Краков стал главным пунктом для связи с мятежниками и их агентами за границей; он является, так сказать, оком, которым революционная Польша взирает на Европу. Именно в этот город направлялись и сейчас еще направляются транспорты с оружием и боеприпасами, предназначенными для мятежников. Через доверенных лиц революционного правительства в этом городе французские, английские и немецкие сторонники бунтовщиков передают им денежную помощь и заверения в своих преступных симпатиях делу беззакония». К этому времени войска трех союзных держав еще не были введены в Краков. Выражая уверенность, что для этого, несомненно, существуют «самые серьезные причины», Мальтиц, однако, высказывал опасение, что «будучи предоставлен своей участи, быть может, уготованной ему планами польских мятежников и безрассудством части его жителей, Краков станет ареной самых прискорб-

ных событий, прибежищем мятежников и пунктом, откуда остатки разгромленной армии начнут свое бегство через Германию». Посол сообщал о плане повстанцев, прорвавшись на австрийскую территорию или в Верхнюю Силезию, проложить дальнейший путь во Францию и Бельгию через Германию, тем более что сосредоточенные в санитарных кордонах австрийские и прусские войска будут не в силах их задержать, а в Саксонии, Гессене и Нассау они не встретят сопротивления; в случае же необходимости повстанцы найдут убежище в Краковском воеводстве⁵⁴.

В такой ситуации проведение совместной акции стало в порядок дня. Но теперь петербургский кабинет готов был изменить тот план действий, на который ранее Австрия и Пруссия дали предварительное согласие. В случае вступления повстанческих отрядов на территорию Краковской республики предусматривалась возможность занятия Кракова не русскими, а австрийскими войсками; Паскевичу было приказано ограничиться присылкой комиссара, чтобы засвидетельствовать поддержку Россией этой акции Вены. Однако Австрия имела в виду участие всех трех держав в оккупации Кракова: Меттерних заверил Татищева, что австрийские войска выступят «по первому представлению» офицера русской армии, «которому Паскевич поручит военные операции в прилегающем районе». Вместе они составили заявление в адрес краковского сената с обоснованием военной акции: власти города обвинялись в нарушении «условий трактатов» – несоблюдении нейтралитета, предоставлении убежища «преступникам». Текст был направлен на согласование в Берлин, но неожиданно прусский кабинет отказался от участия в совместных действиях, ссылаясь на то, что его якобы предварительно не запрашивали. Когда берлинский двор перечислил все «трудности и неудобства», связанные с военной акцией, «задний ход» дало и венское правительство. В результате был подписан протокол, согласно которому предусматривалась оккупация Кракова русскими войсками, участие же Австрии и Пруссии сводилось к направлению туда комиссаров. Предполагалось, что позже они займутся «пересмотром конституции Кракова и реорганизацией его правительства», а в случае необходимости решат вопрос о вводе войск Австрии и Пруссии. Пришлось переделать текст заявления краковскому сенату, но оно сохранило все ранее сформулированные аргументы и, как свидетельствовал Нессельроде, «по своему смыслу не оставляет желать нам ничего лучшего»⁵⁵.

Но, видимо, декларацию эту вручать не пришлось, так как Берлин отказался и от присылки комиссара. Предпринимались попытки уговорить берлинское правительство, однако Ансильон заявил, что не-

согласие исходит от короля. Премьер-министр неоднократно излагал свои доводы, объясняя причины, обусловившие позицию Пруссии. Он подчеркивал, что «прусское правительство без колебаний соглашается» на оккупацию Кракова русскими войсками, так как эта «чисто военная операция» стала необходимой для России «из-за проникновения на “нейтральную” территорию Краковской республики повстанцев из Королевства Польского и неспособности местных властей их разоружить и контролировать». По мнению Ансильона, дело касалось только России, поэтому Пруссия ограничивала свое участие признанием правомерности этой «операции» и к тому же призывала Австрию. Направление в Краков прусских и австрийских комиссаров, а тем более войск, считал премьер-министр, было бы мерой, «мало соответствующей требованиям времени», «неуместной и бесполезной, а может быть, даже опасной», так как она «могла бы [...] оказать неблагоприятное воздействие на общественное мнение»: «казалось бы, что эти две державы бесосновательно вмешиваются в чужое дело». Ансильон уверял, что присутствие в Кракове резидентов этих держав «послужит достаточно убедительным свидетельством их согласия с мерой, принятой Россией, и единения, царящего между тремя дворами-покровителями». На замечание Паскевича, что присутствие резидента «не свидетельствует о согласии короля на оккупацию столь же явно, как направление военного комиссара», с которым мог бы согласовывать действия российский командующий, глава берлинского кабинета, озабоченный реакцией «общественного мнения», пояснил, что присутствие военных комиссаров «было бы равноценно присутствию военного отряда – мера, на которую прусское правительство не могло решиться из опасения оказаться участником военных действий». Прусская дипломатия требовала отделить вопрос оккупации от будущих демаршей трех держав по вопросу их участия в реорганизации Краковской республики. Ансильон подчеркивал, что «законный порядок» в Кракове был нарушен еще до восстания, и теперь не надо торопиться с реорганизацией. Сначала, считал он, нужно изучить положение вещей, продумать «способы устранения бед этого государства», сделать предложения своим дворам, которые затем направят требования краковскому правительству и, если не встретят там понимания, условятся о совместных «репрессивных или принудительных мерах», отвечающих общим интересам. По его мнению, изменения нужны были прежде всего в личном составе органов власти Кракова, а возможно, и в конституции государства. В целом обсуждение вопроса о будущем внутреннем устройстве Краковской республики берлинский кабинет был склонен отложить до полного восстановления «внешнего спокойствия» и завершения «военных операций»⁵⁶.

Такое обсуждение Меттерних предлагал провести на особой дипломатической конференции трех дворов – Петербург это одобрил, Берлин же согласился с оговорками. С одной стороны, в Париж и Лондон были разосланы заявления прусского кабинета о полном одобрении оккупации Кракова, с другой, – берлинский двор высказывал пожелания, чтобы «оккупация не стала более продолжительной, чем необходимо»: срок следовало определить «с учетом мер, которые будут приняты Россией и Австрией в отношении укравшихся в Галиции польских войск, чье дальнейшее присутствие там сделает неизбежным продолжение военной оккупации Кракова». После урегулирования этого вопроса, считал Ансильон, «три державы смогут договориться о дальнейших шагах относительно внутреннего переустройства республики». Однако, как сообщал Татищев, проект конференции, предложенный Меттернихом, был рассчитан на более широкий спектр обсуждаемых проблем и позволял «достичь согласия между тремя дворами по всем вопросам, которые могут возникнуть в связи с будущей судьбой Польши». «Полное единодушие трех кабинетов по всем европейским вопросам» имело целью «укрепить монархическое начало путем единства высказываний и действий их представителей и заранее согласовывать их шаги в возможных в будущем ситуациях». Считая момент благоприятным для такого согласия, прусское правительство, тем не менее, настаивало на конфиденциальном характере секретного совещания и просило уточнить его цели и форму проведения. Татищев полагал, что России было бы полезно принять некоторые идеи Меттерниха, чтобы «иметь средство добиться от наших союзников оказания нам определенных услуг и предоставления более широких возможностей для воссоздания общественного порядка в Польше». Меттерних предлагал, чтобы по конкретному вопросу, волнующему тот или иной двор, его уполномоченный представлял конференции меморандум, на который два других двора дадут ответ. «Такой образ действий, – писал Татищев Нессельроде, – даст нам преимущество в польском вопросе, поскольку мнение берлинского двора будет зависеть от мнения венского, более к нам расположенного, ибо он вовсе не питает к нам недоверия, хотя сейчас и не может следовать собственным побуждениям, идя нам навстречу в большей мере, нежели прусский кабинет, так как в таком случае его политика в сравнении с прусской утратит в глазах Франции и Англии ту уравновешенность, справедливость и независимость, которые он хочет сохранить, чтобы обеспечить себе некоторое влияние на политический курс этих двух кабинетов»⁵⁷.

Отрицательно оценивая позицию Пруссии в плане ее союзнической верности и отмечая негативное влияние ее на Австрию, Та-

тищев, как можно заметить, не закрывал глаза и на зависимость курса Вены от политики западных держав и европейского общественного мнения. Он указывал и на такие факторы, влиявшие на позицию габсбургского двора в отношении польского вопроса, как симпатии к полякам ряда австрийских сановников и «боязнь дать повод для волнений в Галиции»⁵⁸. В целом же сравнение двух союзников России было не в пользу Пруссии, и очередным подтверждением явились ее колебания в отношении к конфликту, возникшему между российскими военными и сенатом Кракова. Россия объявила о выводе войск из вольного города, и генерал П.Я. Ренненкампф обратился к краковским властям с просьбой возместить некоторые издержки пребывания в городе российских воинских частей. Сенат отказал ему и обратился к резидентам Австрии и Пруссии с просьбой о посредничестве, но те не захотели вмешиваться. Прусское правительство посоветовало сенату облечь свой отказ в более подходящую форму, но по существу Ансильон не поддержал претензий российских военных, хотя и был удивлен «мелочностью» сената⁵⁹.

Вывод российских войск из Кракова стал сигналом для проведения совещания дипломатов России, Австрии и Пруссии. Инициативу созыва взял на себя венский кабинет, получивший от своего резидента в Кракове тревожные донесения: в них выражалось опасение, что после вывода российских войск город станет убежищем для польских революционных элементов и «очагом омерзительных интриг», могущих нарушить «спокойствие соседних государств». Резидент указывал на необходимость присутствия в Кракове небольшого гарнизона, пока не восстановят окончательно «порядок», а из соседних стран не удалят «военных, принадлежащих к различным отрядам мятежников». Эти опасения и рекомендации были озвучены на совещании, состоявшемся в Вене 25 ноября 1831 г. Протокол зафиксировал цель трех держав, чтобы «счастливо существующее» между ними «согласие во взглядах и намерениях нашло свое полное применение в отношении Вольного краковского государства». Вместе с тем указывалось «на опасности и затруднения, могущие произойти [...] вследствие полного отсутствия вооруженных сил в этом государстве». Сообщалось об инициативе Меттерниха, пригласившего союзных послов Татищева и Мальцана «обсудить средства предупреждения последствий», какие подобное положение может иметь для спокойствия как самой Краковской республики, так и «соседних провинций союзных дворов». Меттерних предложил направить чрезвычайных комиссаров, чтобы при их посредстве «по возможности ускорить реорганизацию краковского правительства и внесение в конституцию этого государства необходимых изменений», предварительно

обеспечив согласование комиссарами своих позиций. В документе подчеркивалось, как важно не допустить превращения Кракова и его владений «в арену для новых беспорядков и в очаг опасных интриг и возмущений еще до реорганизации». С этим было связано второе предложение Меттерниха: «незамедлительно уполномочить резидентов трех дворов-покровителей в Кракове собраться на конференцию с тем, чтобы они [...] следили за поддержанием порядка и спокойствия в этом государстве и совместными демаршами перед сенатом добивались принятия всех мер», соответствующих «интересам трех дворов и безопасности их пограничных владений». «На случай, если эти совместные демарши окажутся недейственными и станет необходимым применение вооруженной силы», Меттерних предложил превентивную меру: каждая из держав должна срочно разместить на границах Краковской республики пехотный батальон, эти части будут переданы в распоряжение резидентам, а затем конференции чрезвычайных комиссаров и по ее приказу должны «выступить в поход и действовать по ее указаниям». Меттерних обязался в ближайшее время передать представителем России и Пруссии проект инструкций для командиров трех батальонов. Он был уверен, что «с помощью этих мер опасности, порожденные нынешними обстоятельствами [...] можно будет устранить и привести вскоре Краковскую республику в то состояние спокойствия, порядка и процветания, каковое имели в виду три державы во время заключения договоров, касающихся этого государства». Татищев сразу заверил австрийского канцлера, что Петербург примет все его предложения, Мальцан же обещал незамедлительно передать их в Берлин⁶⁰.

В урегулировании вопроса о Краковской республике наибольшую активность проявила Австрия: причиной была тесная связь Вольного города с Галицией. Характерно при этом, что, несмотря на первоочередную заинтересованность в установлении «порядка» в Кракове, Вена сумела так повернуть дело, чтобы город заняли не австрийские, а русские войска. Это было продолжением целенаправленной политики венского двора, желавшего произвести благоприятное впечатление на своих польских подданных и выглядеть достаточно либерально в глазах европейской общественности. Разработанная линия поведения в польском вопросе и мастерское ей следование были, в первую очередь, заслугой выдающегося политического деятеля, блестящего дипломата и умнейшего человека К. Меттерниха, который к тому же, по-видимому, обладал и большим обаянием. Такое впечатление можно вынести из писем Татищева, относившегося к Меттерниху с явным доверием и в значительной степени находившегося под влиянием его анализа событий и логики его выводов.

Российский посол уделял много времени беседам с Меттернихом и подробно описывал их в своих донесениях Нессельроде, считая важным прислушаться к мнению и советам австрийского канцлера.

Так, очень интересная беседа была им изложена в письме 21 марта (2 апреля) 1831 г. «С самого начала польской смуты, – отмечал Татищев, – венский кабинет старался предугадать формы правления и администрации, которые нашему августейшему государю следовало бы установить в Королевстве после подавления там восстания. Канцлер, никогда прямо не высказывавший своих пожеланий, в связи с событиями, происходившими в Варшаве с конца ноября, счел возможным напомнить мне, что он предвидел и отмечал на Венском конгрессе трудности, которые неизбежно должны были возникнуть в результате создания Королевства Польского; что поскольку покойный император решительно отвергал всякую мысль о новом разделе Польши, он умолял его превратить Великое герцогство Варшавское в российскую провинцию; что никак с этим не соглашаясь, император, несмотря на все возражения, настоял на том, чтобы в акте конгресса для него было оговорено право предоставить новому государству более широкую внутреннюю свободу, и что это условие породило в горячих польских головах химерические надежды на восстановление их родины как полностью независимого государства». По мнению канцлера, «это была не единственная опасная политическая ошибка, совершенная Россией в отношении Польши»: пробудив мысли о независимости и покровительствуя «всему, что могло поддерживать национальные чувства, и без того столь живучие в этом несчастном народе, император Александр привил ему к тому же склонность к конституционным идеям, упрочив тем самым взаимные симпатии между Францией и Польшей, утверждению которых и без того прекрасно способствовали воспоминания о прошлом и сходство национальных характеров». Царь, продолжал перечислять его ошибки Меттерних, сохранил польскую армию, «которая должна была существовать и даже действовать независимо от российских войск, проявив тем самым великодушие, примеров которого еще не знала история завоеванных или даже добровольно присоединившихся стран»; в результате «конституционный дух и склонность к совершенно обособленному [...] национальному существованию» сделали армию «послушным орудием» повстанцев, и все национальные устремления поляков, копившиеся 15 лет, вырвались наружу в момент европейской «революционной лихорадки».

Из этих рассуждений, часто слышанных из уст канцлера, посол делал вывод, «что упразднение польской конституции, нарушенной самими поляками, и, прежде всего, роспуск армии, подняв-

шей оружие против государя, которому она присягала на верность, полностью отвечало бы желаниям Австрии. Она явно хочет, чтобы в будущем устройство Польши было приведено в соответствие с устройством России примерно таким же образом, каким она сама захотела сообразовать устройство Галиции с порядком, существующим в ее старых наследственных провинциях, не забыв при этом в силу чрезмерной осторожности, свойственной ее правительству, ограничить еще более узкими рамками власть, предоставленную местной администрации». Как отмечал Татищев, хотя Вена не сумела сделать австрийцами поляков Галиции, но «якобинству не удалось обрести там, как в Королевстве Польском под сенью конституционных учреждений, многочисленных приверженцев во всех классах общества. [...] действительность опровергла опасения относительно нарушения спокойствия в Галиции», где порядок охраняют войска, состоящие из поляков, но находящиеся под командой немецких офицеров: лишь немногие из галицийских офицеров, помещиков, чиновников приняли участие в восстании, большинство присоединившихся к борьбе составляли мелкие штатские чины, выказавшие «самые скверные наклонности».

Меттерних, «проводя [...] параллель между действиями двух правительств и противоположными результатами, ими достигнутыми», вновь повторил, что «для установления в Польше прочного порядка вещей следовало бы управлять ею в соответствии с принципами, отличными от тех, которые внедрялись там с 1815 г.», но для получения результата нужно «много усилий и [...] упорства». «Вследствие восстания, – утверждал австрийский канцлер, – поляки утратили все права на свободы, которые были им дарованы императором Александром; национальное представительство, осмелившееся объявить о низложении своего государя, не может быть сохранено; Королевство будет вновь завоевано ценой крови и жертв верноподданных. Посему, – резюмировал Меттерних, – император имеет полное право упразднить конституцию, независимое существование и даже само имя Польши». Однако, как отмечал Татищев, канцлер сомневался, «будет ли подобный акт соответствовать высокой мудрости и умеренности нашей политики в тот момент, когда по всей Европе еще кипят страсти и когда ради подготовки к дальнейшей успешной борьбе с революционным потоком, грозящим затопить Францию, не следует прежде всего настраивать против себя мнение народов, которые, ошибочно или справедливо, относятся с уважением к написанным хартиям и после примера, поданного столь могущественным государем, устрашились бы, узрев, как эти хартии упраздняются, стоит только его армии выйти за пределы его импе-

рии». Меттерних также не верил, что царизму удастся в короткий срок «подготовить основы» новой, «правильной», системы управления Польшей: «вообще представляется невозможным, – заявил он, – чтобы революционный режим, столь глубоко затронувший принципы и нарушивший узы общественного порядка, без всякого переходного периода был сменен совершенно определенным, устойчивым и прочным положением вещей; необходимо, таким образом, ввести временный режим; после завоевания наиболее естественным выглядело бы военное управление, вверенное наделенному широкими полномочиями командующему; время и опыт подскажут в дальнейшем, на каких основаниях будет устроено будущее Польши; возможно, название *Королевство* следует оставить; относительно сохранения представительных форм можно было бы вовсе не высказываться и окончательное решение всех вопросов внутреннего управления отложить на более подходящее время». Меттерних подчеркивал выгоды, которые сулила такая политика: «Отсутствие каких-либо обязательств в отношении будущего позволит расстроить все расчеты и пользоваться полной свободой действий. Если позже возникнет желание сохранить название конституции и часть ее статей, то можно будет распорядиться их содержанием таким образом, что пользование этими привилегиями станет безопасным для России. Если, напротив, понадобится полностью упразднить конституционную свободу и установить более простую форму управления, можно будет постепенно подготовить к этому умы и тщательно подобрать людей, наиболее способных это осуществить».

Изложив эти идеи австрийского канцлера, Татищев, явно их поддерживавший, вполне логично сделал вывод, каким неудобным для Австрии было существование в течение всех пятнадцати лет Королевства Польского с его конституцией, сеймом, армией и прочими атрибутами, возбуждавшими национальные чувства поляков. Он разделял предпочтение, которое Меттерних отдавал давним соглашениям о разделе Речи Посполитой между тремя державами и его стремление вернуться к состоянию дел на 1794 год. Поэтому в развитие программы австрийского канцлера, наметившего для России стратегию и тактику в разрешении польского вопроса, Татищев уже от себя предлагал, «дабы обеспечить воздействие трех правительств [...] на своих польских подданных, [...] вновь ввести в действие принцип, о котором они договорились в 1794 г. и согласно которому землевладельцам в установленные сроки надлежало продать свое недвижимое имущество, находящееся за границей, и избрать для себя политическое отечество». В качестве причины он указывал «на неудобства, проистекающие от постоянных разъездов землевладельцев

с двойным подданством [...], позволяющим им затевать и плести политические интриги»⁶¹.

Попытки Меттерниха научить российское правительство политике искусного маневра в отношениях со своими подданными, которую сами Габсбурги проводили с блеском, не увенчались должным результатом: царизм действовал гораздо более грубо, в полной мере развернув кампанию репрессий против участников польского восстания. Да и в отношении статуса Королевства Польского и форм управления Польшей перемены осуществлялись вовсе не с той постепенностью, которую советовал применять мудрый австрийский канцлер. Жестокость царизма по отношению к Польше отразилась на формировании образа России в представлении европейских народов, западной общественности. В глазах последней политика Пруссии и особенно Австрии могла лишь выиграть на российском фоне, что было немаловажно для этих стран. Но главным итогом для Австрии стало устранение находившегося под боком и беспокоившего ее 15 лет опасного автономного и конституционного соседа – примера и надежды для всех поляков, в том числе ее польских подданных. Можно констатировать, что взрыв вооруженной борьбы в Королевстве Польском в ноябре 1830 г. явился для Вены счастливым обстоятельством, так как подавление восстания принесло важные для государства Габсбургов перемены. Австрия, таким образом, оказалась единственной из трех держав, владевших польскими землями, которая выиграла от этого.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. Т. 17. М., 2005. С. 299.
- 2 Archiwum Główne Akt Dawnych (далее AGAD). Policja Tajna WKs. Konstantego (далее РТК). 33. К. 216–217, 248, 233.
- 3 Ibid. 35. К. 79; 36. К. 94.
- 4 Ibid. 33. К. 216–217; 35. К. 217.
- 5 Ibid. 35. К. 79, 100, 184.
- 6 Ibid. 37. К. 50, 81; 35. К. 100.
- 7 Внешняя политика... С. 298.
- 8 AGAD. РТК. 36. К. 99; 37. К. 212.
- 9 Ibid. 35. К. 31; 36. К. 164, 200.
- 10 Ibid. 36. К. 117–118, 163; 35. К. 84.
- 11 Ibid. 35. К. 167, 169, 178, 194, 228; 36. К. 83.
- 12 Ibid. 35. К. 228–229; 36. К. 16.
- 13 Ibid. 37. К. 194; 35. К. 100.
- 14 AGAD. Kancelaria senatora Nowosilcewa. 564. К. 34–36, 695, 580, 760–767.

- 15 Ibid. К. 691–694.
- 16 Внешняя политика... С. 51.
- 17 Там же. С. 213.
- 18 Там же. С. 546.
- 19 Там же. С. 230–232, 247–248.
- 20 Там же. С. 452–453.
- 21 Там же. С. 289.
- 22 Там же. С. 334–335.
- 23 Там же. С. 336, 447.
- 24 Там же. С. 457, 277.
- 25 Там же. С. 277, 455–457.
- 26 Там же. С. 263–264, 301.
- 27 Там же. С. 410–411, 301, 284.
- 28 Там же. С. 517.
- 29 Там же. С. 493–494.
- 30 Там же. С. 476, 332.
- 31 Там же. С. 283.
- 32 Там же. С. 315–316, 330–331.
- 33 Там же. С. 263–264; *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб, 1903. С. 506–507.
- 34 Внешняя политика...С. 330–332.
- 35 Там же. С. 318.
- 36 Там же. С. 445, 491–492.
- 37 Там же. С. 556–557.
- 38 Там же. С. 332, 354–356.
- 39 Там же. С. 354–355, 449.
- 40 Там же. С. 537.
- 41 Там же. С. 449.
- 42 Международные трактаты и законодательные акты, касающиеся вопроса о государственно-правовом отношении Царства Польского и Российской империи. СПб, 1906. С. 55–56; Внешняя политика... С. 534–535, 596.
- 43 Внешняя политика... С. 596–597.
- 44 [L.Chodźko]. Comte d'Angeberg. Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne, 1762–1862. Paris, 1862. P. 872, 876–877 ; Внешняя политика... С. 494–495, 505.
- 45 Внешняя политика... С. 610–611, 557.
- 46 Там же. С. 586.
- 47 Там же. С. 586, 596, 648.
- 48 Там же. С. 647–648.
- 49 Там же. С. 594–595.
- 50 Там же. С. 541–542, 642.
- 51 Там же. С. 630.
- 52 Там же. С. 285–286.
- 53 Там же. С. 299–300.
- 54 Там же. С. 452.

-
- 55 Там же. С. 487–488, 516, 518.
56 Там же. С. 521, 537–538.
57 Там же. С. 556–557, 494.
58 Там же. С. 494.
59 Там же. С. 586–587.
60 Там же. С. 592–593.
61 Там же. С. 298–299.

*А.М. Орехов
(Москва)*

Из истории экономических отношений СССР и ПНР

(«УГОЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА» 1946–1957 гг.)

В польской историографии вынесенная в заглавие проблема, несмотря на давнюю традицию изучения, разработана поверхностно. Марксистское направление исторической мысли, не так давно доминировавшее в странах социалистического лагеря, отмечено в области изучения экономических отношений между ними, как сейчас очевидно, малосодержательными разработками, что объяснимо политическими и идеологическими причинами. Важные события второй половины 1940-х и 1950-х гг. в Центрально-Европейском регионе долго оставались, да и сейчас частично остаются, под завесой секретности, вследствие чего сообщество историков-исследователей не имело возможности изучать необходимые исторические источники, чтобы объективно истолковывать имевшие место в реальной истории факты, события и процессы.

Ситуация кардинально изменилась в 1990-е гг., когда многие прежде сокрытые в архивах важные для изучения темы документы стали достоянием исторической науки и используются теперь для углубленного познания недавнего прошлого наших народов, неразрывно связанных между собой общей исторической судьбой. В частности, в Польше появились интересные воспоминания участников событий, документальные публикации и исследовательские разработки проблемы советско-польских экономических отношений послевоенного периода (Г. Ружаньский, Э. Шир, А. Корзон, Р. Лось, А. Скшипек и немногие другие).

Что касается советской и российской историографии, то необходимо упомянуть появившееся в 1990 г. содержательное исследование В.С. Парсадановой. В 1999 г. были опубликованы мемуары Н.С. Хрущева. В них можно найти материал по рассматриваемой теме, нуждающийся, правда, в основательном источниковедческом анализе. В 2006 г. увидела свет подборка неизвестных ранее архивных документов, проливающая свет на позицию политической элиты СССР и ПНР в вопросах экономических отношений после окончания Второй мировой войны. Последующие периоды, с точки

зрения новых исследовательских подходов, по-прежнему остаются неизученными.

Едва ли не самым первым межгосударственным актом экономических отношений Советского Союза и Польши было подписанное 4 августа 1944 г. соглашение по финансово-хозяйственному обеспечению Советской армии на освобожденных польских территориях, а также формирующихся на территории СССР польских вооруженных сил¹. В том же году 10 октября начались «первые в истории Народной Польши межгосударственные торговые переговоры» СССР и Польши», – свидетельствует непосредственный участник события Г. Ружаньский². 20 октября 1944 г. стороны подписали соглашение о поставках товаров и условиях взаимных расчетов³. Можно, таким образом, полагать, что именно 1944 год открыл историю советско-польских экономических отношений последующих лет.

В современной польской историографии все большее распространение получает оценка этих отношений как далеких от партнерства, как бы вассальных. Такой подход, однако, не вполне отвечает исторической правде, что подтверждается обнаруженными недавно документальными материалами, относящимися к 1956–1957 гг. Тогда и польские, и советские государственные руководители самого высокого уровня обсуждали спорные вопросы налаживания хозяйственных связей. При этом польская сторона вовсе не выглядела как уступчивый, на все соглашающийся и плывущий по течению контрагент.

Предыстория этого латентного по форме конфликта такова. Когда бои с гитлеровцами на территории Польши подходили к концу и в стране развернулась бескомпромиссная политическая борьба за власть, к которой стремились прокоммунистические силы, было очевидно, что без военной и материальной поддержки со стороны СССР новому режиму было не устоять. Хорошо известно, что Советский Союз оказывал реальную помощь общественным силам на левом фланге политической борьбы. Несомненно, всесторонняя экономическая помощь (военно-экономическая, финансовая, материальная, научно-техническая и кадровая) сыграла свою положительную роль в укреплении добрососедских отношений СССР и Польши.

7 июля 1945 г. в Москве А.И. Микоян и Г. Минц подписали Торговый договор между СССР и Польшей. 10 июля в газете «Известия» было опубликовано подробное сообщение ТАСС о заключении договора и его конкретном содержании⁴. 11 июля железнодорожные ведомства обеих стран подписали межправительственное соглашение о передаче польскому Министерству путей сообщения управления железными дорогами на польской территории⁵. Постепенно, по мере

стабилизации хозяйственной жизни в стране, двусторонние, а затем и многосторонние торговые соглашения стали как бы повседневностью, рутинной. То же можно сказать и о кредитных соглашениях. Иначе обстояло дело с репарационными поставками из Германии.

Проблема немецких репараций оказалась наиболее слабым звеном в системе экономических отношений между Советским Союзом и Польшей. На Ялтинской (Крымской) конференции руководителей союзных держав (4–11 февраля 1945 г.) была определена общая сумма репараций – 20 миллиардов долларов, на Потсдамской (Берлинской) конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.) договорились распределить ее по территориальному принципу: каждому союзному государству предполагалось выделить репарации из имущества, находящегося в соответствующих оккупационных зонах поверженной Германии. Что касается Польши, то в соответствии с Потсдамскими соглашениями Советский Союз «обязывался удовлетворить польские репарационные требования из полагающейся ему части репарационной массы» в советской зоне оккупации⁶. Выполняя свои обязательства по Потсдамскому договору, правительство СССР незамедлительно подписало 16 августа 1945 г. с польским Временным правительством национального единства соглашение о возмещении ущерба, причиненного германской оккупацией.

Его центральные положения имели принципиальное значение. Статья 1 гласила: «В соответствии со своим заявлением на Берлинской конференции Советское правительство отказывается в пользу Польши от всех претензий на германское имущество и другие активы, а также акции германских промышленных и транспортных предприятий на всей территории Польши, включая и ту часть территории Германии, которая переходит к Польше»⁷. Речь шла о так называемых Воссоединенных землях, долгое время принадлежавших Германии и переданных Польше по решению Ялтинской конференции.

Статья 2 устанавливала порядок удовлетворения репарационных претензий польской стороны. Советское правительство соглашалось уступить Польше из доли репараций Советскому Союзу: а) 15% репарационных поставок из советской зоны оккупации Германии, которые будут иметь место в период после Берлинской конференции; б) 15% пригодного к использованию промышленного капитального оборудования, которое должно поступить из западных зон оккупации Германии, причем поставка оборудования Польше должна производиться в порядке обмена на другие товары из Польши; в) 15% из пригодного к использованию комплектного промышленного капитального оборудования, которое подлежит поставкам западных зон без оплаты. Завершала Статью 2 специальная

оговорка (клаузула) о том, что «Польское правительство обязуется, начиная с 1946 г., поставлять Советскому Союзу ежегодно в течение всего периода оккупации Германии уголь по специальной договорной цене: в первый год поставок – 8 миллионов тонн, в следующие четыре года – 13 миллионов тонн и в последующие годы периода оккупации Германии – по 12 миллионов тонн»⁸.

Положение о «специальной договорной цене» за польский уголь долго служило причиной споров, раздражавших советское политическое руководство, однако, в конце концов, разница между «специальной ценой» и экономически обоснованными ценами была компенсирована советской стороной. Почему «специальная договорная цена» появилась в Соглашении, отражавшем столь важный для обеих сторон процесс формирования советско-польских экономических отношений? Достоверных источников об этом в распоряжении исследователей пока нет. Отсутствует упоминание о «специальной цене» и в протокольной записи встречи Б. Берута, З. Модзелевского и Г. Минца с И.В. Сталиным 14 августа, состоявшейся в Кремле за неполных два дня до подписания Соглашения⁹. Возможно, правы те историки, кто считает, что идея «специальной договорной цены» за польский уголь была навязана польским представителям именно стареющим советским диктатором. Возражать ему тогда не решился бы никто. Характерно, что по возвращении польских политиков на родину Б. Берут на пресс-конференции 27 августа в Бельведере, детально прокомментировав подписанные в Москве документы, фактически оставил вопрос об «угольной проблеме» открытым¹⁰.

На первых порах механизм поставок польского угля в СССР заработал вполне слаженно, и уже 7 сентября 1945 г. в Москве было подписано чрезвычайно важное для польской экономики советско-польское соглашение о передаче Польской Республике 1987 пассажирских и товарных (грузовых) паровозов западноевропейской колеи (в разном техническом состоянии) из Советского Союза, оказавшихся на польской территории после окончания военных действий и установления советско-польской границы¹¹.

С течением времени польская сторона, осознав убыточность «специальной цены» на уголь, не раз ставила вопрос о ее пересмотре. И.В. Сталин, пока мог, противился этому, но, в конце концов, в 1947 г., пошел на некоторые уступки, когда в Москве с 25 февраля по 5 марта состоялись очередные советско-польские переговоры, в ходе которых было подписано рекордное количество (12) соглашений по экономическим и некоторым другим, не менее важным вопросам. Это был, используя спортивную терминологию, восьмидневный «переговорный марафон»¹². О политическом значении переговоров

свидетельствовало то, что И.В. Сталин трижды принимал в своем кремлевском кабинете членов польской делегации (Ю. Циранкевича, В. Гомулку, Г. Минца, С. Швальбе, Г. Вольпе и Г. Ружаньского), чтобы еще и еще раз обговорить обсуждавшиеся проблемы.

Г. Ружаньский, участвовавший в переговорах тогда лишь как начинающий, но очень способный государственный чиновник, по прошествии многих лет в воспоминаниях пришел к выводу, что главная цель переговоров состояла в представлении И.В. Сталину и его ближайшему окружению только что назначенного на пост главы польского правительства Ю. Циранкевича. Новый польский премьер неожиданно для всех произвел тогда на советского вождя исключительно благоприятное впечатление. Особенно благосклонно Сталин встретил высказывания Циранкевича по внутривнутриполитической и экономической ситуации в Польше, о международной политике страны. Импонировало Сталину и непринужденное поведение главы правительства Польши в кругу известных советских политиков¹³. Ныне польские исследователи полагают, что для польской делегации более важной была задача добиться в ходе переговоров перелома в «угольной проблеме»¹⁴. Сталин принял решение уменьшить поставки угля по «специальной цене» на 50%, что и было зафиксировано в советско-польском протоколе от 5 марта 1947 г., но при этом потребовал, чтобы польская сторона в том же объеме согласилась на сокращение причитающихся Польше немецких репараций¹⁵. Однако сама «специальная цена» сохранилась в неприкосновенности, а стало быть, сохранилось и негативное отношение польской стороны к самой проблеме.

Впрочем, три года спустя ситуация с репарациями для Польши претерпела коренные изменения. 18 мая 1950 г. И.В. Сталин удовлетворил просьбу главы правительства ГДР О. Гротевольа уменьшить военные компенсации, которые обязано было выплачивать восточногерманское правительство¹⁶, а 22 августа 1953 г. СССР и ГДР подписали договор «о полном отказе от взыскания немецких репараций, начиная с 1 января 1954 г.»¹⁷. На следующий день польское правительство выступило с заявлением, в котором приветствовало решение СССР и ГДР и со своей стороны отказывалось, начиная с 1 января 1954 г., от репараций со стороны ГДР¹⁸. Тем не менее вопрос об оплате Советским Союзом польского угля по заниженным ценам формально не был снят с повестки дня советско-польских отношений и перерос в проблему, которая в новых условиях требовала своего разрешения. О сложившейся системе расчетов за поставки польского угля по «специальной цене» в 1946–1953 гг. были проинформированы лишь немногие представители советских и польских

партийно-государственных верхов и обслуживавших их особо доверенных аппаратчиков. Даже Н.С. Хрущев (такой вот парадокс!) признался в своих мемуарах, что, будучи первым секретарем ЦК КПСС, не был знаком с угольной проблемой во всех ее хитросплетениях вплоть до сентября 1956 г.¹⁹

В 1949 г. в Москве был создан Совет Экономической Взаимопомощи, и уже тогда состоялись две его сессии (в Москве и Софии). Задачей Совета была координация хозяйственной деятельности стран народной демократии (до 1953 г. – под пристальным наблюдением ведомства Л.П. Берии). Для изучения системы экономических взаимоотношений социалистических стран Восточной Европы, советско-польских взаимоотношений в частности, фундаментальное значение имеет комплекс документальных материалов, связанный с деятельностью СССР и ПНР и сотрудничеством между ними в Совете Экономической Взаимопомощи. Данная тема, на мой взгляд, носит вполне самостоятельный характер, но пока не обеспечена необходимыми документальными материалами, а фактографический материал опубликованных исследований в необходимой мере не выявлен и не систематизирован. Все это – дело будущего.

По мере стабилизации послевоенной обстановки в Центрально-Европейском регионе в странах, вступивших на путь строительства социализма, возрастала необходимость в совершенствовании государственного аппарата, связанного с внешнеполитическими задачами. Учитывая это, в Советском Союзе Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 августа 1953 г. было создано общесоюзное Министерство внешней торговли, как говорилось в указе, для «дальнейшего развития экономических связей и улучшения торговли Советского Союза со странами народной демократии и другими зарубежными странами...»²⁰.

Одним из важных событий в развитии советско-польских экономических отношений послевоенного периода было краткое, всего трехчасовое, пребывание в Москве 11 сентября 1956 г. первого секретаря ЦК ПОРП Э. Охаба, направлявшегося в Пекин на очередной съезд компартии Китая. В столице СССР состоялась его встреча с А.И. Микояном, во время которой обсуждались актуальные вопросы польско-советских отношений, в том числе экономических²¹. Понятно, что беседа состоялась неспроста: 7 сентября 1956 г. Политбюро ЦК ПОРП приняло решение обратиться к советскому правительству с просьбой обсудить вопрос о военных репарациях, читай – об угольной проблеме²². Э. Охаб вручил А.И. Микояну записку «Поставка польского угля в СССР в 1946–1953 гг. по специальным ценам», подготовленную в польском правительственном

аппарате (Ст. Ендрыховским), с просьбой сверить содержавшиеся в ней данные взаиморасчетов²³. В проверку содержавшихся в записке данных немедленно включились учреждения, отвечавшие за внешнеэкономические связи. Ее итоги нашли отражение в опубликованных недавно документах²⁴. В них обращает на себя внимание следующий момент: в качестве противовеса польской аргументации по угольной проблеме был выдвинут контраргумент в виде весьма весомой, без преувеличения, помощи Польше кредитами, предоставленными для восстановления разрушенной войной польской экономики²⁵. Это свидетельствовало о желании советского руководства по тактическим соображениям связать помощь Польше кредитами с вопросом о «специальной цене» на поставляемый в СССР польский уголь. Можно сказать, что в данном случае налицо была подмена одной проблемы другой.

Подготовка этих документов была связана не только с угольной проблемой. По пути из Китая на родину Э. Охаб вновь задержался в Москве. Здесь по инициативе польской стороны состоялись соответствующие переговоры, и 18 сентября 1956 г. был подписан протокол об экономической помощи СССР своему военно-политическому союзнику, прикрывавшему западные рубежи советского государства. Согласно протоколу, Польше предоставлялся кредит 100 млн. рублей золотом и товарами из расчета 2% годовых польскими товарами в 1957–1960 гг. Также отсрочена была оплата ранее предоставленных Польше кредитов²⁶. Состоялась новая встреча Э. Охаба с А.И. Микояном, во время которой шел разговор не только о новом кредите, но и об «угольной проблеме». Польскому лидеру вручили подготовленный советской стороной документ, озаглавленный «Справка по вопросу, затронутому в записке, составленной польскими организациями для тов. Охаба, касательно поставки угля из Польши в СССР по льготным ценам»²⁷. Тем самым «угольная проблема» получила новый импульс. Было понятно, что обе стороны принялись за подготовку к дальнейшей дискуссии на самом высоком уровне.

И действительно споры продолжились 15–18 ноября 1956 г. в ходе советско-польских переговоров в советской столице. В делегацию ЦК КПСС и правительства СССР вошли Н.С. Хрущев, председатель Президиума Верховного совета СССР К.Е. Ворошилов, председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин, первые заместители председателя Совета министров А.И. Микоян и М.З. Сабуров; польскую делегацию возглавил В. Гомулка, вернувшийся 20 октября в высшее политическое руководство, а также председатель Государственного Совета ПНР А Завадский, председатель Совета министров Ю. Циранкевич и член Политбюро ЦК ПОРП, председатель Государственной комис-

сии экономического планирования Ст. Ендрыховский. Переговоры привлекли внимание как советской и польской общественности, так и средств массовой информации ряда европейских стран. Нетрудно понять, что в Москве фактически состоялся второй тур советско-польской дискуссии, завязавшейся между делегациями ЦК КПСС и ЦК ПОРП в Бельведере 19 октября 1956 г.²⁸

Переговоры велись по широкому кругу вопросов, в том числе и по актуальным вопросам экономических отношений СССР и Польши послевоенного периода; рассматривалась также «угольная проблема»²⁹. Для польской стороны стержневым был и оставался вопрос о суверенитете ПНР, равенстве и партнерстве в области политических, экономических и иных отношений с Советским Союзом. Государственный суверенитет и независимость Польши понимались В. Гомулкой и его ближайшим окружением как противостояние сталинизму и тоталитаризму. Таким образом, вопрос об экономических отношениях неизбежно перемещался в плоскость отношений политических, ибо именно от этого зависела эффективность принимавшихся решений на высшем государственном уровне.

Из протокола по вопросам, обсуждавшимся в переговорах и подписанного сторонами 18 ноября 1956 г., можно сделать вывод, что экономическим взаимоотношениям обе стороны придавали большое значение. Это вытекало из декларации Правительства СССР об основах развития и дальнейшего укрепления сотрудничества между СССР и социалистическими странами от 30 октября 1956 г., в которой говорилось: «Советское правительство готово обсудить совместно с правительствами других социалистических государств меры, обеспечивающие дальнейшее развитие и укрепление экономических связей между социалистическими странами с тем, чтобы устранить какие бы то ни было возможности нарушения принципа национального суверенитета, взаимной выгоды и равноправия в экономических отношениях»³⁰. Вопрос о том, как провозглашенные принципы осуществлялись на практике, не является целью данной статьи. Важно подчеркнуть, что для Польши соблюдение паритета в польско-советской торговле и в иных экономических отношениях в целом было особенно важно, в частности, с точки зрения стабилизации настроений польского общества. Ведь среди многих антисоветских стереотипов, получивших распространение в тот период, был и такой: на уровне массового сознания имело хождение представление о том, что Советский Союз чуть ли не бесплатно пользуется польским углем³¹.

В ноябрьских переговорах большое внимание было уделено вопросам расчетов по транзитным коммерческим перевозкам из Гер-

мании и обратно за период с 1 января 1946 г. по 1 июля 1954 г., вопросам репараций и взаиморасчетов сторон в связи с этим, в том числе о подготовке подписания протокола о произведенных поставках Польшей «в счет ее доли репараций с Германии» согласно советско-польскому соглашению от 16 августа 1945 г. и протоколу от 5 марта 1947 г. к нему³². В текст совместного заявления по результатам переговоров было внесено следующее положение: «Обе Стороны, исходя из взаимных интересов, согласились считать погашенной задолженность Польши по состоянию на 1 ноября 1956 г. по использованным суммам кредитов, предоставленных Советским Союзом Польше, в оплату полной стоимости угля, поставленного из Польши в СССР в 1946–1953 гг. на основании Соглашения от 16 августа 1945 г.»³³. Выступая в Сейме 20 ноября с отчетом о переговорах, премьер-министр ПНР Ю. Циранкевич подчеркнул: советская сторона аннулировала долги Польши по кредитам по состоянию на 1 ноября 1956 г., и это «составляет полное покрытие затрат, какие мы понесли в 1946–1953 гг. в связи с поставками угля» по заниженным ценам³⁴. Конкретным результатом переговоров было также согласие Советского Союза предоставить в 1957 г. Польше 1 400 тыс. тонн зерна и кредит в сумме 700 млн. рублей.

Казалось, для решения пресловутой проблемы польского угля по заниженным ценам этого было достаточно. Однако оказалось, что на самом деле все было не так просто. Следующим шагом были закрытые (без информирования общественности) советско-польские переговоры 24–25 мая 1957 г. в Москве по вопросам экономических отношений. Польская сторона готовилась к ним интенсивно и тщательно, в частности Э. Шир неоднократно приезжал в Москву для изучения документации, отражающей позицию советской стороны по данной проблеме, встречался с советскими экспертами и т. п., о чем в российских и польских архивах отложилась соответствующая документация. Шла подготовка переговоров и в Москве³⁵.

В советскую делегацию на переговорах вошли Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, Г.К. Жуков, А.И. Микоян, М.З. Сабуров, министр внешней торговли СССР И.Г. Кабанов, его заместитель Н.А. Гундобин и начальник экономического отдела министерства Ивлеев, первый заместитель Госэкономкомиссии СССР П.В. Никитин, посол СССР в Польше П.К. Пономаренко; в польскую – В. Гомулка, Ю. Циранкевич, министр национальной обороны ПНР М. Спыхальский, заместитель начальника Генерального штаба Войска Польского М. Граневский, Е. Шир, Ст. Ендрыховский, заместитель председателя Государственной комиссии экономического планирования М. Валуховский, посол ПНР в СССР Т. Гедэ. Участие руководителей вооруженных сил

обеих стран в переговорах по экономическим вопросам объяснялось в частности тем, что в круг экономических проблем входили вопросы поставок вооружений и военной техники для Войска Польского. Это следует из протокола заседания Политбюро ЦК ПОРП от 21 мая 1957 г., за три дня до начала московской встречи. Об этом, наряду с проблемой репараций, оплаты железнодорожных перевозок и ряда других хозяйственных вопросов, докладывал Э. Шир³⁶.

Сохранилась протокольная запись майских переговоров в Москве по экономическим вопросам (военно-экономические вопросы рассматривались отдельно)³⁷. Как следует из этого документа, в ходе переговоров обсуждались в общей форме политические аспекты дальнейшего развития двусторонних экономических связей, причем обнаружилось расхождение в позициях сторон. Польская делегация исходила из того, что двусторонние отношения должны основываться на нормах международного права. Советская сторона полагала, что все экономические, политические и моральные издержки войны (в том числе и авторитарно навязанные в 1945 г. И.В. Сталиным новой власти в Польше условия военных репараций и заниженных цен на польский уголь) покрываются реальным вкладом Советского Союза в одержанную над нацистской Германией победу³⁸. Много лет спустя, когда Н.С. Хрущев уже был отстранен от руководства страной и работал над своими мемуарами, он признал, что такой подход не имел под собой юридических оснований³⁹.

31 мая 1957 г. на заседании Президиума ЦК КПСС среди прочих обсуждался и вопрос о только что закончившихся переговорах. В принятом постановлении сказано: «Подготовить предложения о взаимной ликвидации претензий между СССР и Польшей», а также направить А.И. Микояна в Варшаву «для информирования ЦК ПОРП о принятых ЦК КПСС решениях в связи с переговорами»⁴⁰. Неофициальный визит первого заместителя председателя Совета министров СССР в Варшаву в июне 1957 г. и стал своеобразным эпилогом периода разногласий по вопросам советско-польских экономических отношений, он как бы подвел черту под непростой по содержанию и напряженной по форме дискуссией, сопровождавшей контакты высших советских и польских руководителей по «угольной проблеме» и германским репарациям в целях достижения консенсуса, ради устранения или ослабления конфликтных ситуаций в развитии сотрудничества между СССР и ПНР на государственном уровне. 4 июля 1957 г. в Варшаве был подписан Окончательный протокол о поставках, касающихся репараций с Германии в пользу СССР и Польши, а также ряд других государственных документов, регламентировавших экономические взаимоотношения двух

стран⁴¹. Никаких протокольных записей или иных документальных свидетельств (если они вообще были) о визите А.И. Микояна пока не найдено ни в российских, ни в польских архивах.

Дальнейшее более глубокое изучение темы связано в первую очередь с расширением источниковой базы исследования, с введением в научный оборот новых, неизвестных пока документальных материалов из архивохранилищ России и Польши. В Москве это Архив Президента России, Российский государственный архив новейшей истории, Архив внешней политики РФ, Российский государственный архив экономики, в Варшаве – Архив новых актов, Архив МИД Польши, Архив исторической документации ПНР и другие.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Парсаданова В.С. Советско-польские отношения 1945–1949. М.: Наука, 1990. С. 76.
- 2 Róžański H. Śladem wspomnień i dokumentów (1943–1948). Warszawa: PWN, 1987. S. 159.
- 3 Подробности см. в тексте соглашения: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 8: январь 1944 г. – декабрь 1945 г. М.: Наука, 1974. С. 278–280.
- 4 Текст договора см.: Polska Ludowa – Związek Radziecki 1944-1974. Zbiór dokumentów i materiałów. Warszawa: KiW, 1974. S. 72-74.
- 5 Документы и материалы... Т. 8. С. 489–491.
- 6 См.: Problem reparacji, odszkodowań i świadczeń w stosunkach polsko-niemieckich 1944–2004. Т. 1: Studia / Pod red. nauk. Witolda Góralskiego. Warszawa: PISM, 2004. S. 157–158. Тот же текст в русском переводе см.: Долэнга Я., Кулеса Л., Тарногурски Р. Осуществление Советским Союзом репарационных положений Потсдамского договора в отношении Польши // Европа. Журнал Польского института международных дел (Варшава). 2005. Т. 5. № 2(15). С. 113–114.
- 7 Документы и материалы... Т. 8. С. 534.
- 8 Там же. С. 543–544.
- 9 Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых генсеком. 1924–1953 гг. / Публикацию подготовили А.В. Коротков, А.Д. Чернев, А.А. Чернобаев // Исторический архив. 1996. № 4. С. 109.
- 10 Документы и материалы... Т. 8. С. 554–555.
- 11 Там же. С. 569–570.
- 12 Róžański H. Śladem... S. 455.
- 13 О пребывании польской делегации в Москве см.: Skrzypek A. Mechanizmy uzależnienia: stosunki polsko-radzieckie 1944–1957. Pułtusk, 2002. S. 161–165.
- 14 Долэнга Я., Кулеса Л., Тарногурски Р. Указ. соч. С. 116–117.
- 15 Там же. С. 117.

- 16 Problem reparacji... Т. 2. S. 242–243.
- 17 Łoś R. Łupy wojenne. Polskie reparacje z Niemiec w latach 1945–1956 // Dziś. 1997. № 9. S. 46.
- 18 Kowalski W.T. Polska w świecie 1945–1956. Warszawa, 1980. S. 440.
- 19 Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х кн.). Т. 3. М.: Московские новости, 1999. С. 240–241.
- 20 Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР 1938–1967. Т. 1. М.: Изд-во Известия советов депутатов трудящихся СССР, 1968. С. 268.
- 21 Подробнее о содержании беседы см.: Орехов А.М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М.: Индрик, 2005. С. 151–152.
- 22 Centrum władzy: Protokoły posiedzeń kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949–1970 / Opracowali Antoni Dudek, Aleksander Kocharński, Krzysztof Persak // PAN. Instytut Studiów Politycznych. Warszawa, 2000. S. 183.
- 23 Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3. Оп. 12. Д. 113. Л. 26–27. На документе помета: «Вручено т. Охабом т. Микояну 11 сентября 1956 г.».
- 24 См.: Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 2. Постановления 1954–1958 / Под ред. А.А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2006. С. 423–433.
- 25 «Польше предоставлено почти столько же кредитов, сколько всем остальным европейским странам народной демократии, вместе взятым...», – читаем в проекте «Памятной записки о поставках угля из Польши в СССР в 1946–1953 гг. и об экономической помощи СССР Польше в этот период» (Там же. С. 427).
- 26 Известия. 1956. 23 сентября.
- 27 Документ датирован 13 октября 1956 г. Ротапринтный экземпляр справки, распечатанный для членов польского высшего политического руководства, см.: Archiwum Akt Nowych (далее – AAN). PZPR. KS. Sygn. XIA/71. Т. 2. Kk. 293–303.
- 28 См. подробнее: Орехов А.М. Указ. соч. С. 183–197.
- 29 См. запись хода переговоров: Dziś. 2006, № 11. S. 161–175. Ср.: Skrzypek A. Mechanizmy autonomii: stosunki polsko-radzieckie 1956–1965. Pułtusk; Warszawa, 2005. S. 103–108.
- 30 Правда. 1956. 31 октября; Документы и материалы... Т. 11: январь 1956 г. – декабрь 1960 г. М.: Наука, 1983. С. 73.
- 31 См., например: Machciewicz P. Polski rok 1956. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Mówią wieki, 1993. S. 172.
- 32 Problem reparacji... Т. 2. S. 324–325.
- 33 Документы и материалы... Т. 9. С. 78.
- 34 Stosunki polsko-radzieckie w latach 1945–1972. Dokumenty i materiały / Oprac. E. Basiński i T. Walichnowski // PAN. Instytut Krajów Socjalistycznych. Warszawa: KiW, 1974. S. 329.
- 35 См.: Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 655–658, 662–666.
- 36 Подробнее см.: Centrum władzy... S. 263–264.

-
- 37 См.: AAN. PZPR. KC. Sygn. XIA/71, Т. 2. Кк. 243–291. Запись первого дня (24 мая) впервые опубликована (с некоторыми изъятиями) в кн.: *Rewolucja węgierska 1956 w polskich dokumentach* / Oprac. János Tischler // PAN. Instytut Studiów Politycznych. Warszawa, 1995. S. 145–148. Запись заседания 25 мая впервые опубликована в 1993 г.: *Rozmowy polsko-radzieckie w maju 1957 roku* / Opracował Andrzej Nowak // *Dzieje najnowsze*. 1993. Nr. 1. S. 117–130. Полностью документ опубликован А. Пачковским: *Tajne dokumenty Biura Politycznego: PRL – ZSRR 1956–1970*. Londyn: Aneks, 1998. S. 31–72.
- 38 Описание дискуссии см.: *Skrzypek A. Mechanizmy autonomii...* S. 126–129.
- 39 См.: *Хрущев Н.С.* Указ. соч. С. 241.
- 40 Президиум ЦК КПСС... Т. 2 С. 55.
- 41 *Долэнга Я., Кулеса Л., Тарногурски Р.* Указ. соч. С. 118.

*Н.А. Лобанов
(Москва)*

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ

(1949—1968 гг.)

Вторая мировая война кардинально изменила соотношение политических сил в мире. До войны центр мировой политики находился в Европе, определяемый такими крупными ведущими державами как Великобритания, Германия, Италия, Франция и СССР. Активное влияние на расстановку сил оказывали Япония и США, но все же тон «политической игры» традиционно задавала Европа. После войны центр мировой политики переместился в Америку и Россию (Советский Союз). Противостояние двух сверхдержав на долгие годы определило расстановку сил как в мире в целом, так и на европейском континенте, оставшегося еще на протяжении четверти века после окончания Второй мировой войны решающим театром военно-политического противостояния двух социальных систем, двух могущественных военных блоков, возглавляемых США и СССР.

В ходе Второй мировой войны Америка и Великобритания долгое время уклонялись от активного участия в военных действиях в Европе, возложив тем самым на Советский Союз основную тяжесть борьбы с фашистской Германией и ее сателлитами, ожидая, пока Гитлер и Сталин максимально ослабят друг друга. Даже после открытия Второго фронта в 1944 г. вклад Советского союза в победу антигитлеровской коалиции над германским нацизмом и японским милитаризмом оставался решающим, что на высшем уровне было признано союзниками в Ялте и Потсдаме.

Однако как только Германия и Япония были повержены, политическая доктрина Запада по отношению к СССР резко изменилась. Не прошло и нескольких лет, как «с легкой руки» У. Черчилля Москва из союзника превратилась в «империю зла». Начавшаяся «холодная война» моментально высветила принципиальные различия в идеологии и политических системах Запада и социалистического Востока, на которые до этого по тактическим соображениям закрывали глаза. Это противостояние Запада и Востока привело к тому, что как в западных столицах, так и в Москве стали по-разному трактовать согласованные ранее принципы послевоенного переустройства Германии.

Фактически это открывало путь к срыву германского урегулирования путем возрождения германского единого и демократического государства, способствовало расколу германской нации на две части и возникновению так называемого «германского вопроса», когда в 1949 г. было провозглашено образование ФРГ и ГДР.

После 1945 г. Германия уже не выступала на мировой арене как самостоятельный лидер. Мировая политика теперь определялась в Вашингтоне и Москве. Евроцентристское мироустройство уступило место двухполюсному миру, где главные места занимали Россия (СССР) и Америка. Теперь только две мировые супердержавы диктовали всему миру свои правила игры, построив блоковую систему взаимного противостояния. Новая расстановка сил потребовала создания нового миропорядка. Центральное место в этой модели мира занимало германское урегулирование. От того, как решится эта проблема, во многом зависела будущая расстановка сил.

После окончания Второй мировой войны даже европейские державы-победительницы, такие как Франция и Англия, не могли проводить вполне самостоятельную международную политику. Экономическая зависимость Западной Европы от США возрастала с каждым днем. Западноевропейские страны, и прежде всего Западная Германия, получали от США огромную финансовую поддержку. Словно гигантский насос Америка перекачивала в Европу огромные деньги. Совокупная финансовая помощь Федеративной Республике Германии по «плану Маршалла» только к сентябрю 1951 г. составила 3,9 млрд. долларов¹. Потеряв свою политическую самостоятельность, Германия в первое послевоенное десятилетие попала под влияние других стран, которые использовали ее в своих интересах. По словам К. Хакке, «превращение Германии из могущественной страны в беспомощный и презираемый объект международной политики не оставляло ей возможности какого-либо внешнеполитического выбора»².

Шло время. Положение менялось. Нарастание напряженности между Востоком и Западом сделало Западную Германию в 1950--1960-е гг. ключевым элементом в балансе сил между двумя великими державами. Руководство ФРГ прекрасно понимало, что выбраться из политического кризиса возможно только поднимая экономику страны. «Немецкое экономическое чудо», совершенное при активной экономической поддержке США, создало благоприятную обстановку для укрепления внешнеполитического курса. С начала 1950-х гг. годовые темпы экономического роста составляли в среднем 7,6%. Уже в 1952 г. экспорт превысил импорт³. Экономический подъем быстро повысил уровень жизни населения.

Успешная внутренняя политика благоприятно сказалась на внешнеполитической обстановке. Стоявшие у власти христианские демократы, благодаря подъему экономики, сумели завоевать поддержку большинства населения страны. Лидер ХДС Конрад Аденауэр больше внимание уделял внешнеполитическим аспектам своей политики. «Эру Аденауэра», которая продлилась 14 лет, можно характеризовать, скорее, как период активного освоения внешнеполитического пространства с опорой на возраставшую экономическую мощь. Однако при этом следует принять во внимание, что основные победы и поражения ХДС на федеральных выборах зависели преимущественно от внешних факторов и позиции правительства по важным международным проблемам ⁴.

Личность самого канцлера Аденауэра оказала огромное влияние на формирование внешнеполитической ориентации Германии. Его основной задачей на этот период было проведение гибкой политики, способствующей максимально быстрой интеграции ФРГ в западную систему государств. Огромное значение он придавал американскому фактору во внутренней и внешней политике ФРГ и особым отношениям с США. Больше того, он опасался, что Америка может снизить уровень своей экономической и политической помощи. Поэтому он делал все, чтобы показать американцам свою «дружбу». По мнению Аденауэра, Германия должна была иметь «сильного друга», который мог бы защитить ее от политического давления СССР, на Востоке и от антигерманской политики французских националистов на Западе. По замыслу Аденауэра, Америка должна была осознать, что Германия выражает ей полную лояльность. Отсюда также вытекала жесткая антисоветская позиция ФРГ по отношению к СССР и Восточной Германии. Американский историк Уильям Гриффит писал: «Аденауэр боялся, что Америка может вернуться к политике изоляционизма, настороженно относился к антигерманскому французскому национализму и не желал “возврата к временам Потсдама”, иными словами, возрождения советско-американскому гегемонии над Германией»⁵. «Американская поддержка» позволила Аденауэру сделать блестящую политическую карьеру, хотя такая политика значительно ограничивала свободу его действий как независимого политического деятеля. «Федеративную республику, – отмечал К. Хакке, – можно было сравнить с протекторатом, не обладавшим внешнеполитическим суверенитетом. Это находило свое выражение и в федеральном бюджете, 36% расходов которого были предусмотрены на нужды союзнических оккупационных держав»⁶.

Аденауэр понимал, что любая деятельность федерального правительства контролируется державами-победительницами. После при-

нятия Оккупационного статута в сентябре 1949 г., Аденауэр делает заявление, в котором определил позицию федерального правительства. «Любая деятельность федерального правительства или бундестага (федерального парламента. – Н.Л.) во внутренних делах Германии подвергается влиянию зарубежных стран. В результате оккупации страны, принятия Рурского статута, плана Маршалла и других политических актов Германия теснее переплетена с зарубежьем, чем когда бы то ни было. Я полагаю, что верховные комиссары, исходя из возложенной на них высокой ответственности за судьбу Германии, не будут принимать важные решения в германских внешнеполитических делах, не посоветовавшись заранее с федеральным правительством»⁷. Аденауэр не делал секрета, что основное направление его внутренней и внешней политики ориентировано на Запад: «Мы не сомневаемся, что по нашему происхождению и по нашему образу мыслей мы принадлежим западноевропейскому миру. Мы заинтересованы поддерживать тесные отношения, в том числе и личного порядка, со всеми странами, но особенно с нашими соседями – странами Бенилюкса, Францией, Италией, Англией и северными государствами»⁸. Ближайшие соседи ФРГ на востоке – Польша и Чехословакия, ориентированные на СССР, в этот перечень не попали. Особую роль Аденауэр отводил США. «Еще ни разу в истории страна-победительница не пыталась в такой степени помочь побежденной стране и содействовать ее восстановлению, как это сделали и делают Соединенные Штаты Америки по отношению к Германии»⁹. Хотя канцлер ФРГ и не относил себя к прагматикам, он понимал, что «рано или поздно одна или другая сторона в любом случае предприняла бы попытку привлечь немецкий потенциал на свою сторону»¹⁰. Аденауэр знал, что прозападная ориентация практически закрывает все возможности объединения Германии, которые во многом зависели от СССР. Он понимал, что все подходы к объединению связаны с ростом политического влияния на страну со стороны СССР, и не хотел этого.

Западная политика Аденауэра уже с первых шагов приносила стране весомые дивиденды. Через два месяца после принятия Оккупационного статута ФРГ смогла добиться пересмотра ряда его положений. 22 ноября 1949 г. федеральный канцлер подписывает с западными верховными комиссарами Петерсбергский договор, по которому Германии было разрешено устанавливать консульские отношения с другими государствами и вступать в международные организации. Были сняты ограничения на строительство морских судов, остановлен демонтаж предприятий, особенно в промышленно развитой Рурской области¹¹. Договор давал возможность Германии принять участие в «плане Маршалла» и вступить в Совет Европы.

В марте 1951 г. союзники отказались от надзора за западногерманским законодательством. В области внешней политики права федерального правительства были значительно расширены. В ФРГ было создано Министерство иностранных дел, которое возглавил сам Аденауэр, учреждены консульские и дипломатические представительства за рубежом. 2 мая 1951 г. ФРГ стала полноправным членом Совета Европы и подписала договор об образовании Европейского объединения угля и стали, несмотря на противодействие Франции. Это было крупным политическим и экономическим успехом. Немалая роль в достижении этого принадлежала лично канцлеру.

Вопрос об интеграции ФРГ в европейскую экономическую систему был связан с проблемой возмещения ущерба в период Второй мировой войны. В феврале 1953 г. в Лондоне прошла международная конференция, которая обсудила вопросы репараций странам, пострадавшим в войне. Уже 27 февраля 1953 г. ФРГ заключила с 18 странами соответствующие соглашения о возмещении материального ущерба¹².

Следующим пунктом превращения ФРГ в ведущую европейскую державу стал вопрос о создании германских вооруженных сил. Это была очень болезненная тема. Европа еще хорошо помнила ужасы войны. Страх перед возрождением германского милитаризма был еще очень велик. Слишком мало времени прошло. Но такая экономически сильная страна не могла остаться в стороне от европейской и мировой политики. В первую очередь это было связано с той ролью, которую ФРГ отводили США и их ближайшие союзники по блоку НАТО в противостоянии с СССР и в противоборстве двух мировых систем. США вкладывали огромные средства, чтобы интегрировать ФРГ в систему экономического и политического противодействия социалистическому лагерю, и были не против возрождения немецких вооруженных сил под соответствующим контролем с их стороны. Однако Европа опасалась восстановления германской военной мощи. Блокада Западного Берлина 1948–1949 гг. и война в Корее позволили американцам добиться согласия своих европейских союзников. В июне 1950 г. в Бонне и Париже начались переговоры о возможном военном вкладе со стороны ФРГ в союз западных держав. Канцлер Аденауэр был горячим сторонником создания «новой» немецкой армии. В своих воспоминаниях он приводил веские, с его точки зрения, аргументы, которые обосновывали необходимость создания собственных вооруженных сил. В их основе был заложен тезис об угрозе наращивания военного потенциала СССР в «советской зоне оккупации». Пугая американцев советскими танками, он и в действительности не исключал возможность силового решения «германского вопроса» со стороны СССР. Однако прежде всего канц-

лер исходил из того, что наличие собственных вооруженных сил позволило бы Германии обрести полный государственный суверенитет и интегрироваться в западноевропейскую федерацию¹³. Союзники выдвинули свои требования, которые в то время и в сложившихся условиях канцлер расценил как приемлемые для ФРГ. Германские вооруженные силы должны были быть интегрированы в структуры НАТО либо влиться в западноевропейские вооруженные силы и подчиняться союзному командованию. В итоге 26 мая 1952 г. в Бонне был заключен «Германский договор», который впоследствии в несколько измененном виде вошел в Парижские соглашения 1954 г. Этот договор подготовил юридическую базу для последующей послевоенной милитаризации ФРГ и вступления ее в НАТО. «Общий договор», или Договор об отношениях между ФРГ и тремя державами, был подписан ФРГ, США, Великобританией и Францией. «Оккупационный статут» был отменен. ФРГ получила практически полный суверенитет во внутренней и внешней политике с оговорками о праве размещения союзных войск на территории Германии. ФРГ получила право представительства немецкой нации за рубежом. Другими словами, Германская Демократическая Республика и граница по Одеру–Нейсе между двумя германскими государствами игнорировались. 27 мая 1952 г. в Париже Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург, Италия и ФРГ подписали совместный договор о создании военного союза – Европейского оборонительного сообщества. Это делалось не без участия США в целях сколачивания военного антикоммунистического блока. Опасения европейской общественности перед угрозой возрождения германского милитаризма и реваншизма были настолько велики, что летом 1954 г. Национальное собрание Франции отказалось ратифицировать этот договор, стремясь сохранить независимую военную политику. На идее совместных вооруженных сил западноевропейских государств на долгое время был поставлен крест. Это говорило о том, что время интегрированной во всех областях Европы еще не наступило¹⁴. Правительства стран Западной Европы отнюдь не были готовы еще к союзническим отношениям с ФРГ без непосредственного участия и прямого руководства подобным объединением со стороны США. Единственным исключением из этого правила можно, пожалуй, считать только подписанный в 1948 г. Брюссельский договор, по которому ФРГ смогла интегрироваться в новую военно-политическую систему – Западноевропейский союз. Положение договора о военной взаимопомощи делало его договором коллективной военной безопасности в Европе и открывало ФРГ дорогу к вступлению в НАТО, что, собственно, и составляло в то время главную цель Вашингтона в отношении Западной Германии.

К 1950-м гг. ФРГ уже определилась с основными составляющими своей внутренней и внешней политики. Федеративная республика сумела добиться определенной самостоятельности и освобождения от мелочной опеки четырех держав-победительниц. Как во внешней, так и во внутренней политике курс правительства Аденауэра основывался на построении особых отношений с США. Европейская политика, поиски интеграции с европейскими державами и особенно сближение с Францией также занимали в политике ФРГ важное место. Отношения с развивающимися странами тоже играли существенную роль во внешней политике ФРГ. При этом определяющим все направления вектором было противостояние между социалистическим Востоком и капиталистическим Западом.

Вопрос о воссоединении Германии путем поглощения ГДР, оставаясь долгосрочной стратегической целью правящих кругов Западной Германии, всегда витал в воздухе, но для ее реализации правительство в Бонне пока не усматривало объективных предпосылок. Слишком много противоречий накопилось в биполярном мире. Европейские союзники ФРГ усиленно проводили мысль, что лишь через западную интеграцию германская нация снова может воссоединиться. Эту точку зрения разделяли Аденауэр и его преемники, так же как и представленные в бундестаге ведущие политические партии ФРГ. Для начала необходимо было разработать нормативно-правовую базу для определения международно признанного взаимного статуса Западной и Восточной Германии. «Германская политика» и курс «германо-германских отношений» Бонна крепили вместе с возрастанием экономической мощи и политического влияния ФРГ, а также военного вклада Федеративной республики в НАТО. В отдельных положениях Основного закона ФРГ была указана цель: «Осуществить единство немецкого народа». В 1949 г. было создано Федеральное министерство по общегерманским вопросам. В 1969 г. Федеральное министерство по внутригерманским отношениям. В окружении Аденауэра сформировалась теория «магнита». Повышение уровня жизни, развитие демократических свобод должны привлекать население и способствовать будущему объединению двух Германий. Аденауэр писал: «Моя оценка ситуации заключалась в том, что советская зона была и остается заложницей Советской России и что она только тогда выпустит этот залог из своих рук, когда наступит всеобщая разрядка»¹⁵. Многие годы Аденауэр был убежденным сторонником того, что только «политика с позиции силы» может сделать возможным германское воссоединение. Он прекрасно понимал, что ФРГ в одиночку не сможет оказать давление на Советский Союз, что это может сделать только интегрированная

Европа, поддержанная США. В идеологическом обосновании курса на противостояние СССР для католика Аденауэра имели значение как противоборство с атеистическим коммунизмом, так и антиномия между западным христианством и православием Востока.

В начале 1950-х гг., сознавая, что образование двух германских государств стало свершившимся фактом и долговременным фактором европейской и мировой политики, руководство СССР предприняло ряд шагов для ослабления конфронтации в холодной войне между Востоком и Западом. Этот курс в значительной мере предполагал коррекцию политики Москвы и в отношении Западной Германии. 10 марта 1952 г. Советское правительство направило ноты правительствам США, Великобритании и Франции, предложив обсудить вопрос о послевоенном мирном договоре, который предполагалось рассмотреть на соответствующей международной конференции с участием всех заинтересованных сторон. Гвоздем программы, изложенной в «ноте Сталина», было участие в конференции общегерманского правительства, которое было бы сформировано путем демократических свободных выборов под контролем четырех держав-победительниц. В духе Потсдамских постановлений 1945 г. проект договора предусматривал восстановление объединенного германского государства на основе определенных в Потсдаме и де юре признанных всеми сторонами границ Германии, «устранение возможного возрождения германского милитаризма и германской агрессии». Принципиально новыми элементами советского подхода к разрешению германского вопроса были условия вывода иностранных войск с территории Германии и ликвидации там иностранных военных баз. По-новому в предложениях СССР трактовались обеспечение демократических прав граждан Германии, создание условий для легального функционирования политических партий и союзов, освобождение Германии от обязательств военного и политического характера, при условии соответствующих обязательств будущего германского руководства не вступать в военные союзы, направленные против любого государства, участвовавшего в войне против фашизма. Проект предусматривал последующее вступление Германии в ООН. Предложения советского руководства доходили даже до того, что Германии разрешалось бы иметь необходимые для обороны вооруженные силы.

Представленный западным державам проект СССР по содержанию полностью отвечал интересам немецкого народа, но был, очевидно, неприемлем для США и их союзников по НАТО. Нейтральный статус объединенной Германии изменил бы в пользу СССР военно-политический баланс сил в Европе. Проведение в Германии демо-

кратических выборов, отмена запрета компартии Германии на западе страны и участие в политической жизни восточногерманских партий, с точки зрения Вашингтона и Лондона, как минимум таили бы опасность сдвига политического курса страны влево, а то и «коммунистического переворота».

Еще более подобного рода опасения разделялись и правящими кругами ФРГ. Канцлер Аденауэр не исключал, что выборы в парламент объединенной Германии не сулят успеха ни ему лично, ни возглавляемому им ХДС, а следовательно, могли бы лишить его власти. Перед ним стояла дилемма – историческое объединение и единство германской нации, о котором так мечтал в свое время Бисмарк, или же раскол страны в обмен на западную поддержку и интеграцию с демократиями Запада. Даже не обсудив советских предложений со своей партийной фракцией и не поставив в известность бундестаг, Аденауэр убеждал правительства США, Великобритании и Франции решительно их отвергнуть.

Запад углядел в «ноте Сталина» хитроумный маневр, в результате которого Москва пыталась поставить ФРГ под свой контроль и помешать ее более тесному сотрудничеству с европейскими странами. Приняв предложение Москвы, ФРГ практически лишила себя возможности вступить в НАТО и ЕЭС. По мнению Аденауэра, нейтральный статус объединенной под эгидой четырех стран единой Германии был шагом навстречу Москве. «Не забывайте, что я единственный немецкий канцлер, который предпочитает единство Европы единству собственной страны», – бравировал он, противопоставляя себя Бисмарку¹⁶. Советский Союз преследовал свои политические цели. Нейтральная и «разбавленная» вследствие присоединения ГДР Германия была для него более желательна, чем прозападная и антикоммунистически настроенная ФРГ, составляющая часть антикоммунистического блока в Западной Европе. Аденауэр сделал свой выбор и отодвинул на второй план собственные националистические устремления ради более тесного сотрудничества с Западом.

Европа разделилась на два противоборствующих блока. Вопрос об объединении Германии был закрыт на многие годы. Обстановка, сложившаяся в Европе, требовала поддержания международной стабильности даже в условиях «холодной войны». После вступления ФРГ в НАТО немецкое правительство получило официальную ноту советского руководства от 7 июня 1955 г., в которой предлагалось урегулировать межгосударственные отношения на основе взаимовыгодного сотрудничества. После консультаций с США, Великобританией и Францией Аденауэр принял предложение СССР и дал согласие на поездку в Москву.

Во время установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ в 1955 г. Н.С. Хрущев с присущей ему прямоотой дал понять, что присоединение ФРГ к Североатлантическому пакту сделает невозможным обсуждение вопроса о будущем немецкого народа. Для Аденауэра это не было новостью. Эти обстоятельства не могли его остановить. Вступление ФРГ в НАТО еще более обострило обстановку. Политика конфронтации Москвы и Бонна стала для Германии генеральной линией. Понимая, что без Советского Союза невозможно поднять вопрос об объединении двух германских государств, Аденауэр пошел на установление государственных отношений с Москвой. Россия (СССР) привлекала Германию не только как мировая держава, от которой во многом зависел вопрос об объединении двух Германий, но и как страна с развивающейся экономикой. Уже в 1957 г. экспорт товаров из ФРГ превысил экспорт в СССР из других западных стран.

С 9 по 13 сентября 1955 г. в Москве прошли переговоры руководителей двух держав. Советское руководство придавало этим переговорам большое значение, надеясь смягчить существующее противостояние. Главной задачей было сохранение статус кво в Европе и сложившегося баланса сил между Востоком и Западом. В своем выступлении Аденауэр не раз давал понять, что право немцев на самоопределение и воссоединение является генеральной линией его политики, и требовал от Москвы принять все свои условия. 13 сентября было принято решение об установлении дипломатических отношений между двумя странами. Вопрос о воссоединении не нашел понимания со стороны Москвы. В совместном коммюнике помимо общепринятых дипломатических фраз сообщалось, что стороны заинтересованы в развитии торговых отношений.

Однако Аденауэр все же добился определенных уступок, чем обеспечил себе поддержку со стороны внутренних политических сил. Согласно его договоренности с советским руководством, последние военнопленные немцы должны были вернуться на родину. Это была цена Москвы за установление дипломатических отношений. Нормализация отношений с Кремлем со всеми вытекающими последствиями была трудным шагом для ФРГ, и многие из окружения Аденауэра сомневались, стоило ли это делать. Но иначе было бы невозможно вернуть на родину соотечественников, и Аденауэр пошел на это¹⁷. Обмен послами между СССР и ФРГ косвенно означал и признание Бонном де факто Германской Демократической Республики как европейской страны, которая имела право представлять немецкую нацию за рубежом. В дальнейшем вся международная политика ФРГ была направлена на подрыв международного и правового

признания ГДР с целью добиться единоличного представительства всех немцев на международной арене. Для этого была разработана «доктрина Хальштейна», которая долгое время была на вооружении западногерманских политиков¹⁸.

В 1956 г. Советский Союз вводит войска в Венгрию. Международная ситуация обостряется. Европа окончательно разделилась на два противоборствующих блока. Возможность объединения германского народа была отодвинута еще дальше. 13 августа 1961 г. строится Берлинская стена, которая, казалось бы, ознаменовала крах надежд на немецкое единство. «Берлинский кризис стабилизировал ГДР, потряс ФРГ и значительно ухудшил отношения между Бонном и Вашингтоном», – констатировал В. Гриффит¹⁹. Западногерманские политики были разочарованы своими американскими покровителями, которые не смогли исправить положение. Последовавший затем Карибский кризис еще более усугубил ситуацию и создал напряженность вокруг Западного Берлина.

Положение несколько изменилось осенью 1963 г., когда правительство Аденауэра сменил коалиционный кабинет Эрхарда–Шрёдера. Решение повседневных, сиюминутных задач, приносивших реальные результаты, новому правительству казалось важнее, чем отдаленная перспектива объединения немецкого народа. Его основной линией стало усиление позиций ФРГ в Восточной Европе. Опираясь на возросшую экономическую мощь, ФРГ стала интенсивно развивать экономические связи со странами социалистического лагеря. При этом правящие круги Западной Германии, следуя доктрине Хальштейна, не оставляли попыток изоляции и дискредитации ГДР. «Федеративная Республика Германии, – говорилось в одном из официальных заявлений, – должна оставаться единственным законным представителем всех немцев за рубежом. Она и только она должна быть признана со стороны международного сообщества»²⁰. Такие выпады вызывали недоверие со стороны Москвы и усиливали напряженность.

25 марта 1966 г. мировая политика получила новый толчок. Федеральное правительство предприняло попытку смягчить сложившуюся обстановку. В свет вышла так называемая «Нота федерального правительства по вопросам разоружения и обеспечения мира», которая получила название «мирной ноты Эрхарда». Она была направлена всем государствам, с которыми ФРГ поддерживала дипломатические отношения (кроме ГДР). Инициатива Л. Эрхарда стала возможной благодаря ослаблению напряженности в отношениях СССР и США в так называемых «болевых точках»²¹. «Нота Эрхарда–Шрёдера» открывала новые возможности в политике ФРГ

в отношении стран Восточного блока²². Важным моментом было то, что СССР и другим странам Восточного блока предлагалось сделать официальные заявления о неприменении силы при решении спорных вопросов, то есть фактически подписать договоры о ненападении. Вопрос же об официальном признании ГДР со стороны ФРГ опускался. Один из лидеров СДПГ (впоследствии канцлер) Гельмут Шмидт считал эту ноту первым реальным шагом к разрядке: «Нота правительства Эрхарда, написанная весной 1966 г. министром иностранных дел Герхардом Шрёдером была первым шагом в нужном направлении. Советскому Союзу и странам Восточного блока предлагалось подписать договоры о ненападении. Эта Нота имела крупный недостаток. В ней игнорировалась Германская Демократическая Республика. Это вызвало ответные негативные ноты со стороны стран Восточного блока. Это было вызвано тем, что правящие партии ХДС и ХСС не могли спокойно воспринимать факт существования ГДР»²³.

Новые попытки смягчить напряженность в Европе были предприняты уже правительством В. Бранта, сформированным социал-демократами и свободными демократами (СДПГ и СДП). В своих «Воспоминаниях» В. Брант писал: «Попытки урегулировать отношения с государствами, расположенными между Германией и Россией, раздельно, как это пытались сделать до моего прихода в МИД*, не могли увенчаться успехом»²⁴. Экономика диктовала свои правила. 6 декабря 1968 г., между ФРГ и ГДР было заключено соглашение о торговле между двумя немецкими государствами. ГДР были предоставлены беспроцентные кредиты. Однако это не означало официального признания ГДР. Развитие «внутригерманской» торговли между двумя немецкими государствами стало одним из основных инструментов давления на ГДР²⁵. Посредством развития экономических отношений Федеративная республика достигала политических целей: в первую очередь, усилить свое влияние в Восточной Европе и попытаться оказать давление на Советский Союз для смягчения его позиции в «германском вопросе».

Изменение на рубеже 1960–1970-х гг. стратегического соотношения сил на международной арене и достижение военного паритета между СССР и США, между странами Варшавского договора и НАТО привело к распространению конфронтации между Востоком и Западом на мировое пространство в целом. Европа перестала с этого времени быть решающим театром военно-политического проти-

* В. Брант занимал пост министра иностранных дел в правительстве К.Г. Кизингера, федерального канцлера (1966–1969 гг.).

востояния, а германский вопрос стал рассматриваться не как фактор достижения стратегического превосходства, а главным образом в контексте политики разрядки и как элемент системы европейской безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ужов В.Д. Конрад Аденауэр – немец четырех эпох. М., 2003. С. 93.
- 2 Хакке К. Великая держава поневоле. Внешняя политика Федеративной республики Германии. М., 1995. С. 23.
- 3 Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. М., 2005. С. 18.
- 4 Там же. С. 18.
- 5 Griffith W.E. Die Ostpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart, 1981. S. 76.
- 6 Хакке К. Указ. соч. С. 50.
- 7 20. September 1949. Erste Regierungserklärung von Bundeskanzler Adenauer // Adenauer K. Reden 1917–1967. S. 155.
- 8 Ibid. S. 167–168.
- 9 Ibid. S. 169.
- 10 Pfetsch F.R. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik, 1949–1992: von der Spaltung zur Vereinigung, 1993. S. 146.
- 11 Gortemaker M. Kleine Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 2002. S. 120.
- 12 Павлов Н.В. Указ. соч. С. 22.
- 13 Adenauer K. Erinnerungen. 1953–1955. Stuttgart, 1966. S. 216.
- 14 Schollgen G. Der Auftritt. Deutschland Rückkehr auf die Weltbühne. München, 2003. S. 39.
- 15 Хакке К. Указ. соч. С. 54.
- 16 Цит. по: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 27.
- 17 Baring A., Schollgen G. Kanzler, Krisen, Koalitionen. Berlin, 2002. S. 55.
- 18 Павлов Н.В. Указ. соч. С. 31.
- 19 Griffith W.E. Op. cit. S. 146.
- 20 Хакке К. Указ. соч. С. 81.
- 21 Halfendorn H. Deutsche Aussenpolitik zwischen Selbstbeschränkung und Selbstbehauptung, 1945–2000. Stuttgart; München, 2001. S. 174.
- 22 Friedensnote der Bundesregierung // 40 Jahre Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: eine Dokumentation / hrg. vom Auswärtigen Amt. Stuttgart; Bonn, 1989. S. 171–175.
- 23 Шмидт Г. Стратегия равновесия. М., 1971. С. 194–195.
- 24 Брант В. Воспоминания. М., 1991. С. 179.
- 25 Griffith W.E. Op. cit. S. 282.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аракчеев Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и музееведения Псковского государственного педагогического университета. Специализируется в области социальной истории России XV–XVII вв. Им опубликованы труды: «„Заповедные годы“ на Северо-Западе России: историография, источники, методы исследования» (Отечественная история. 2004. № 3); «Земская реформа XVI века: общероссийские тенденции и региональные особенности» (Отечественная история. 2006. № 4); «Кормления и земские миры: к вопросу о географии и хронологии реформы 1551–1556 гг.» (Отечественная история. 2007. № 6).

Аугустыняк Уршула – профессор Варшавского университета. Специализируется в области социальной и политической истории Польско-Литовского государства и польской культуры XVI–XVII вв. Автор ряда монографий и обобщающих трудов, среди которых: «Концепции нации и общества в литературе для простонародья от конца XVI до конца XVII века» (Варшава, 1989 г.); «На службе гетману и Речи Посполитой. Военная клиентела Кшиштофа Радзивилла (1585–1640)» (Варшава, 2004); «История Польши 1572–1795» (Варшава, 2008).

Буес Альмут – доктор философии, доктор хабилитованный, научный сотрудник Германского исторического института в Варшаве. Специализируется в области социальной и политической истории Польско-Литовского государства, Германии и Прибалтики XVI–XVII вв. Автор ряда монографий, публикаций исторических источников и обобщающих трудов, среди которых: «Тяжелое наследие. Переговоры после кончины герцога Якоба Курляндского в 1682/83 гг.» (Висбаден, 1995); «Тестаменты герцога Альбрехта Прусского 60-х годов XVI века» (вступительная статья и комментарии в соавторстве) (Висбаден, 1999); «Герцогство Курляндское и Север польско-литовской шляхетской республики в XVI и XVII веках» (Гисен, 2001).

Духхардт Хайнц – профессор, директор Института европейской истории университета Майнца. Специализируется в области социальной и политической истории Германии, государств Западной Европы и международных отношений Нового времени, а также в области истории общественной мысли и историографии. Автор ряда монографий и обобщающих трудов, среди которых: «Равновесие сил и Пентархия. Международные отношения 1700–1785» (Падерборн, 1997); «Европа накануне Современности 1650–1800» (Штутгарт, 2003); «Штейн – биография» (Мюнстер, 2007).

Жучков Константин Борисович – аспирант кафедры музееведения и археологии Псковского государственного педагогического университета. Специализируется в области военно-политической истории России и Восточной Европы в первой четверти XIX в.

Зелиньска Зофья – профессор Варшавского университета. Специализируется в области политической истории Речи Посполитой и истории внешней политики Польско-Литовского государства XVIII в. Автор ряда монографий и обобщающих трудов, среди которых: «Борьба „Фамилий“ за реформирование Речи Посполитой 1743–1752» (Варшава, 1983); «Республиканизм под знаком Булавы. Публицистика Северина Ржевуского 1788–1790 гг.» (Варшава, 1988); «Из истории польско-российских отношений в XVIII веке» (Варшава, 2001).

Ивонин Юрий Евгеньевич – заслуженный деятель науки РФ, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Смоленского государственного университета. Специализируется в области политической истории Англии, Германии, истории международных отношений в раннее Новое время. Автор ряда монографий и обобщающих трудов, среди которых: «У истоков европейской дипломатии Нового времени» (Минск, 1984); «Становление европейской системы государств. Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох» (Минск, 1989); «Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время 1495–1806» (в 2-х томах. Москва, 2004–2007).

Иволина Людмила Ивановна – профессор Смоленского государственного университета. Специализируется в области политической истории Англии, Франции, истории международных отношений XVII–XVIII вв. Автор монографий: «Дипломатия и революция. Две английские революции и европейская политика XVII в.» (Смоленск, 1998); «Властители судеб Европы» (В соавторстве. Смоленск, 2007); «Мазарини» (Москва, 2007).

Каштанова Ольга Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области истории России, Польши и российско-польских культурных связей конца XVIII – первой трети XIX в. Среди опубликованных ею трудов: «Великий князь Константин Павлович в Варшаве. 1815–1830 годы (по воспоминаниям современников)» (Столица и провинция в истории России и Польши. М., 2008); «Донесения великого князя Константина Павловича и его переписка с императором Николаем I как источник по истории автономного Королевства Польского (1825–1828 гг.)» (Источниковедческие исследования. 2009. № 2); «Польское общество и цензурная политика царской администрации в Королевстве Польском» (Международная интернет-конференция «Власть и общество в Новое время: формы и механизмы взаимодействия (из истории стран и народов Центральной и Восточной Европы)». М.: Институт славяноведения РАН, 2008–2009).

Кочегаров Кирилл Александрович – кандидат исторических наук, заведующий редакцией исторической литературы издательства «Русское слово», научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области политической истории Речи Посполитой, Украины и России в XVII в. Автор монографии «Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о вечном мире» (Москва, 2008).

Кригзайзен Войцех – профессор, заведующий отделом Института истории Польской академии наук, главный редактор журнала «Квартальник хисторычны». Специализируется в области социальной и политической истории Речи Посполитой, истории межконфессиональных отношений в Европе и в Польско-Литовском государстве XVII–XVIII вв. Автор ряда монографий и обобщающих трудов, среди которых: «Сеймики шляхетской Речи Посполитой XVII и XVIII века» (Варшава, 1991); «Сейм шляхетской Речи Посполитой до 1763 г. (Варшава, 1995); «Протестанты поляки и литовцы в эпоху саксонской династии (1696–1763)» (Варшава, 1996).

Лобанов Николай Александрович – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного педагогического университета (кафедра всеобщей истории). Специализируется в области Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки. Среди опубликованных им трудов: «Немецкая периодика XVI–XVII веков: взгляд на Россию» (Славяне и их соседи. М., 1999. Вып. 9); «Образ России в германском обществе XVI–XVII веков» (Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сборник статей. М., 2001); «Россия и Европа. Взаимодействие культур» (Славянский

мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации. М., 2008).

Марней Людмила Петровна – кандидат исторических наук, ученый секретарь Комиссии историков России и Польши, научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области экономической истории и истории экономической политики России и Польши в XIX в. Автор монографии «Д.А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в.» (Москва, 2009).

Нарбутене Дайва – доктор философии, заведующая Отделом редких изданий Библиотеки Литовской академии наук. Специализируется в области истории книги, книжной культуры, в области книговедения. Среди опубликованных ею трудов: монография «Латинская книга Великого княжества Литовского в XV–XVII вв.» (Вильнюс, 2004); специализированный каталог со вступительной статьей «Старая литуаника в Библиотеке Литовской академии наук» (Вильнюс, 2007); «Ян Даниэль Гоффманн о книжной культуре Великого княжества Литовского» (Информационное обеспечение науки: проблемы, поиски, решения... Минск, 2000).

Носов Борис Владимирович – доктор исторических наук, зам. председателя российской части Комиссии историков России и Польши, заведующий отделом Института славяноведения РАН. Специализируется в области политической истории Речи Посполитой, России и истории международных отношений в Европе в XVIII в. Автор монографии «Установление российского господства в Речи Посполитой 1756–1768 гг.» (Москва, 2004).

Орехов Александр Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области социально-политической истории Польши и польско-российских отношений XIX–XX вв. Автор ряда монографий, публикаций исторических источников и обобщающих трудов, среди которых: монография «Советский Союз и Польша в годы „оттепели“: из истории советско-польских отношений» (Москва, 2005); раздел коллективного труда «Польша в 1956 году. Взгляд из Кремля и со Старой площади» («Польский Октябрь. 1956 г.». Варшава, 2006); документальная публикация «Беседы под сводами Бельведера. Встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956 года» (Славянский альманах. М., 2007) (публикация стенограммы, автор вступительной статьи и комментария).

Селин Адриан Александрович – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Страладожского музея-заповедника. Специализируется в области

социальной истории России XVI–XVIII вв. Автор ряда монографий и обобщающих трудов, среди которых: «Ладога при московских царях» (Старая Ладога; Санкт-Петербург, 2003); «Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв.» (Санкт-Петербург, 2003).

Фалькович Светлана Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области истории Польши и российско-польских отношений, общественных и культурных связей XVIII–XX вв., истории польской общественной мысли и связей польского освободительного и европейского революционного движений. Автор обобщающих трудов и монографий, среди которых: «Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х годов XIX века» (Москва, 1966); «Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907–1912)» (Москва, 1975). Последняя монография была издана и в Польше.

Флоря Борис Николаевич – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Института славяноведения РАН, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Специалист по широкому кругу проблем социально-политической, этнической и культурной истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы IX–XVII вв. Автор ряда монографий и обобщающих трудов, среди которых: «Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в.» (Москва, 1973); «Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в.» (Москва, 1978); «Польско-литовская интервенция в России и русское общество» (Москва, 2005).

Харлашов Борис Николаевич – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Псковского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Специализируется в области археологии, истории и исторической географии Северо-Запада России и прилегающих регионов Восточной Европы, преимущественно Пскова и Псковской земли I тысячелетия н.э. – XVII в. Среди опубликованных им трудов: «Псковская земля в XIV–XVI вв. Территория и границы» (Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М. 1997. Т. 1); «Погосты в Псковской земле (хронология, топография, размеры поселений 2 пол. 1 тыс. н.э. – XVI в.)» (Вестник Псковского Вольного университета. Псков, 2000. Т. 3); «Этапы формирования административно-территориального деления Псковской земли» (Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). М., 2003. Т. 1).

Шиллинг Хайнц – профессор университета им. Гумбольдта (Берлин). Специализируется в области сравнительной истории европейских стран раннего Нового времени, истории Реформации и конфессионализации, истории городов и бюргерства от Средних веков до начала XIX в., а также в области истории общественной мысли и международных отношений XVI–XVII вв. Автор ряда монографий и обобщающих трудов, среди которых: «Конфессионализация и интересы государств. Международные отношения 1559–1660» (Падерборн, 2007); «Конфессиональный фундаментализм. Религия как политический фактор в системе европейских держав» (Мюнхен, 2007); «Европейская цивилизация раннего Нового времени и ее политическая и культурная динамика» (Ганновер; Лондон, 2008).

Шмигельските-Стукене Рамуне – доктор философии, заведующая отделом истории Великого княжества Литовского Института истории Литвы. Специализируется в области социально-политической истории Великого княжества Литовского и разделов Польско-Литовского государства. Автор ряда научных трудов, публикаций исторических источников, монографий, среди которых: «Создание и деятельность конфедерации Великого княжества Литовского в 1792–1793 гг.» (Вильнюс, 2003); «Документы, относящиеся к разделам Польско-Литовского государства. Часть 1: Санкт-Петербургские конвенции» (составитель, автор вступительной статьи и комментария) (Вильнюс, 2008); «Отношение шляхты Великого княжества Литовского ко второму разделу Речи Посполитой» (Разделение властей и парламентаризм. Прошлое и настоящее. Законодательство, доктрина, практика. Варшава, 2007).

Научное издание

**Россия, Польша, Германия:
история и современность европейского единства
в идеологии, политике и культуре**

Издательство «Индрик»

Корректор *Т. И. Томашевская*
Оригинал-макет *Г.А. Шпэт*

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside
Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
(ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
23,0 п. л. Тираж 300 экз.

